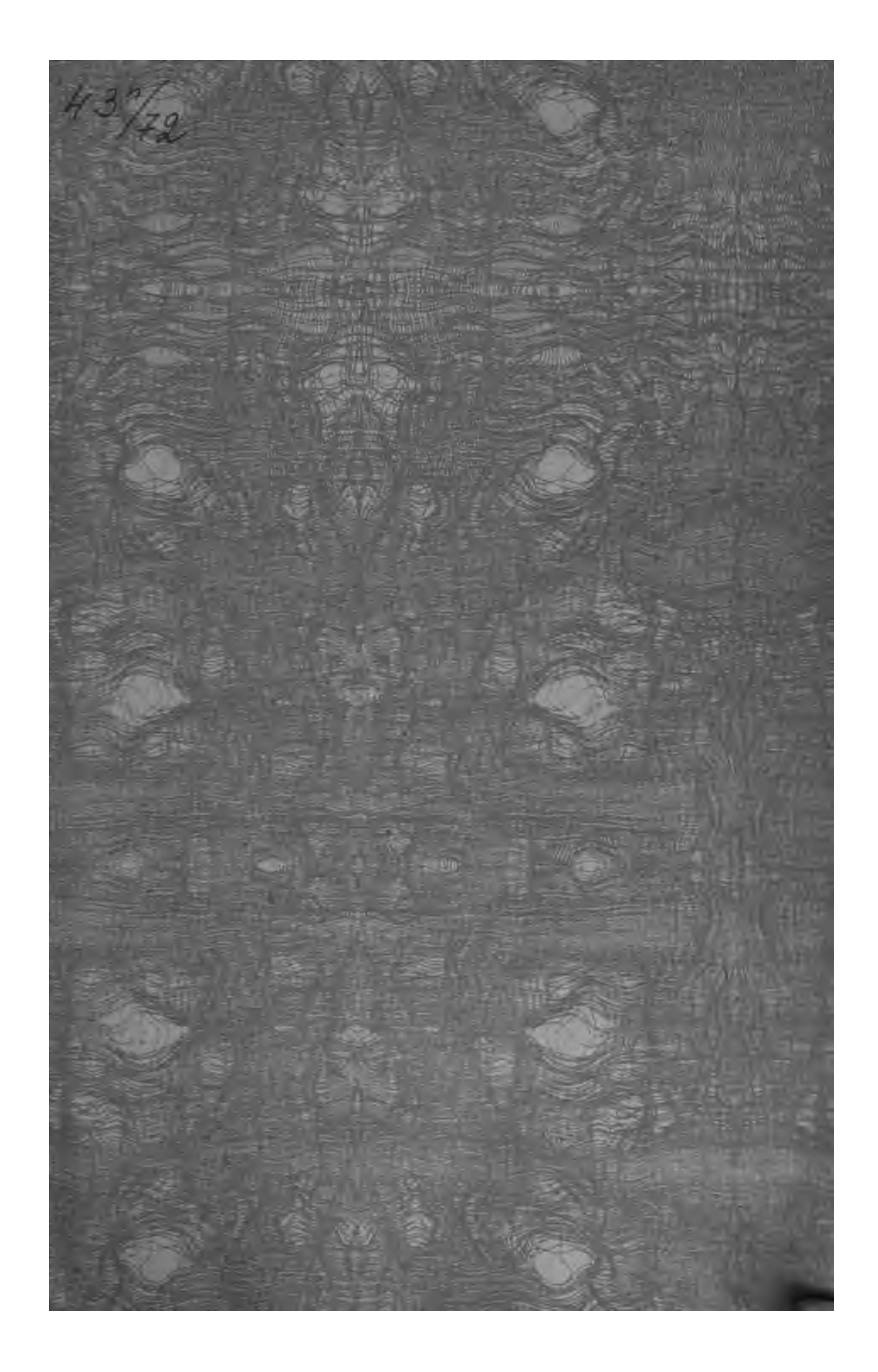



STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES



Sobolevskii, A.I.

ВЕЛИКОРУССКІЯ

Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ, принимая къ сердцу нужды русской этнографіи, изволилъ обратить Свое просвѣщенное вниманіе на отсутствіе у насъ большаго и общедоступнаго сборника великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, могущаго удовлетворять требованіямъ науки, и изъявилъ желаніе даровать средства на изданіе подобнаго труда, когда таковой будетъ составленъ мною.

Въ виду этого, выпуская первый томъ „Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ", я считаю своимъ священнымъ долгомъ, принести Его Императорскому Высочеству глубочайшую благодарность за оказанную мнѣ честь и за довѣріе къ моимъ скромнымъ силамъ.

Профессоръ А. Соболевскій.

Благодаря щедрости Его Императорскаго Высочества, въ виду существованія у насъ большихъ сборниковъ былинъ, историческихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, я рѣшился составить сборникъ тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, которымъ не можетъ быть дано ни одно изъ только что приведенныхъ названій, и которыя также не принадлежатъ къ числу обрядовыхъ (какъ напримѣръ, свадебныя); иначе говоря, я ограничился пѣснями—по обычной терминологіи—низшими эпическими, семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими.

Печатный пѣсенный матеріалъ, находящійся въ старыхъ «пѣсенникахъ», въ разнаго рода сборникахъ, или уже давно вышедшихъ изъ продажи, или никогда не поступавшихъ въ продажу, въ разнаго рода ученыхъ филологическихъ и музыкальныхъ трудахъ, назначенныхъ лишь для малочисленныхъ спеціалистовъ, въ разнаго наименованія провинціальныхъ изданіяхъ, мало кому извѣстныхъ и еще менѣе доступныхъ, оказался такъ обиленъ и разнообразенъ, а вмѣстѣ такъ мало знакомъ даже людямъ посвятившимъ себя изученію русской народной поэзіи, что мнѣ пришлось отказаться отъ мысли воспользоваться рукописными матеріалами (кромѣ впрочемъ нѣсколькихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII столѣтія). Такимъ образомъ настоящій сборникъ представляетъ сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала,

сводъ—должно оговориться—неполный, такъ какъ я не призналъ ни полезнымъ, ни удобнымъ перепечатывать матеріалъ изъ изданій новѣйшихъ, пока еще общедоступныхъ (за ничтожными исключеніями) и такъ какъ мнѣ, безъ сомнѣнія, не удалось, при недостаточности существующихъ библіографическихъ пособій, воспользоваться въ надлежащей полнотѣ «губернскими» и вообще провинціальными вѣдомостями. Сверхъ того, я счелъ излишнимъ перепечатывать матеріалъ изъ сборниковъ П. В. Шейна (кромѣ впрочемъ настоящаго перваго тома), въ виду сообщеннаго мнѣ почтеннымъ собирателемъ намѣренія заняться новымъ изданіемъ своего труда.

При перепечаткѣ пѣсеннаго матеріала я заботился сохранить всѣ варіанты, даже сильно искаженные, даже обрывки, если они представляютъ свои хотя бы мелочныя подробности или по крайней мѣрѣ даютъ указанія на территоріальное распространеніе пѣсни. Затѣмъ я старался удерживать раздѣленіе пѣсенъ на стихи, находящееся въ моихъ источникахъ, такъ какъ оно часто болѣе ясно при пѣніи пѣсенъ, чѣмъ при чтеніи, впрочемъ съ исключеніями, въ виду небрежности или неопытности нѣкоторыхъ собирателей. Но въ томъ, что касается обычныхъ діалектическихъ особенностей, я позволилъ себѣ отступить отъ источниковъ. Пѣсенъ, записанныхъ вполнѣ фонетически, въ источникахъ оказалось крайне мало; пѣсенъ, записанныхъ съ кое-какими діалектическими особенностями, проведенными однако безъ послѣдовательности,—больше, но вообще сравнительно немного; огромное большинство пѣсенъ было издано съ обыкновенной нашей ороографіей. Въ виду этого я нашелся вынужденнымъ, сохранивъ вполнѣ словарныя и синтаксическія особенности языка пѣсенъ, а также тѣ діалектическія особенности, которыя важны для правильнаго чтенія пѣсенъ (*у* вмѣсто *в* и на оборотъ, формы творительнаго падежа множественнаго числа на

мъ и т. п.), ввести въ настоящемъ сборникѣ однообразную орѳографію.

Подъ каждою пѣснею читатель найдетъ, кромѣ обозначенія источника, изъ котораго взята мною пѣсня, также указанія на изданія, гдѣ эта пѣсня была перепечатана, но я не заботился объ особенной полнотѣ этихъ послѣднихъ.

Первый томъ настоящаго сборника содержитъ въ себѣ низшія эпическія пѣсни; слѣдующіе будутъ заключать въ себѣ пѣсни семейныя; за ними послѣдуютъ томы съ пѣснями любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими; наконецъ, послѣдній томъ составятъ пѣсни юмористическія и сатирическія.

Трудъ по корректированію предлагаемаго тома раздѣлилъ со мною магистрантъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. Н. Шефферъ.

3 Іюля 1895 года.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

ВЕЛИКОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Жилъ-былъ молодецъ единешенекъ;
Охвочъ-то былъ молодецъ
Гулять-загуливать,
Долгіе вечеры прохаживать,
Темныя ноченьки проѣзживать
И по зеленымъ по затрестьямъ погуливать;
Стрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Стрѣлялъ онъ сѣроплавныихъ утушекъ.
Женилъ добра молодца батюшка неволею,
Неволею женилъ, неохотою:
Приданаго много, человѣкъ худой!
Приданое большое на грядкѣ виситъ;
Худая жена на кроваткѣ лежитъ;
Куды пошлешь, все жену не дождешься;
И отвѣтъ-то подастъ—
Въ стѣну головой отдастъ,
И по мосту покатишься,
За порогъ-то руками захватишься.
Дунай, Дунай, Дунай!—на столъ сбирай,
И любимая пѣсня: «ѣсть хочется».
И вечоръ я, добренькій молодецъ, не ужиналъ,
И утромъ всталъ, не позавтракалъ,
Схватился обѣдать,—хлѣба нѣтъ.

И пошелъ молодецъ изъ земли въ землю,
И попалъ молодецъ къ королю въ Литву;
Нанялся молодецъ къ королю на двѣнадцать лѣтъ.
И первый годъ жилъ во конюхахъ;
И вина-то горькаго молодецъ не пivалъ.
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
И другой годъ жилъ во поварахъ;
И вина-то горькаго молодецъ не пivалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
И третій годъ жилъ во ключникахъ;
И вина-то горькаго молодецъ не пivалъ,
Сладкимъ медомъ не закусывалъ;
Господь Богъ меня миловалъ
И король литовскій много жаловалъ.
Девять лѣтъ жилъ со дочерью,
Со дочерью жилъ королевскою,
Спалъ-то у ней на правóй рукѣ,
На правой рукѣ, у бѣлóй груди.
И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Стосковалося Василью Буслаевичу
По той ему по худой женѣ;
И пошелъ онъ, молодецъ, отъ дочери королевскія,
Отъ этого короля литовскаго,
И зашелъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ на царевъ кабакъ,
И выпилъ-то добрый молодецъ
Василій Буслаевичъ чару зелена вина
И другую выпилъ чару похмѣльную,
И похвасталъ ей, красною дѣвушкой.
Услыхали то слуги вѣрные,
Связали-то ему ручки бѣлыя,

Сковали-то ему ножки рѣзвыя,
Завѣсили ему очи ясныя,
Повели-то добра молодца на поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову,
Отрубить ему буйнà голова
И придать-то ему смерть напрасная,
Вынуть ему сердце со печенью.
Испроговоритъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Василій Буслаевичъ:
«Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные!
Вы ведите меня мимо королевнинъ домъ,
Послѣдне мнѣ-ка съ ней проститися,
Послѣдне мнѣ-ка съ ней разставатися!»
Повели удала молодца мимо королевнинъ домъ,
Становили противу оконъ косявчатыхъ.
Говорилъ Василій таковы слова:
«Ты прощай-ка, дочь королевская!
Меня, добра молодца Василья Буслаевича,
Повели слуги вѣрные на поле на чистое,
На тую на плаху бѣлодубову,
Отрубить мнѣ-ка буйна голова
И придать мнѣ-ка смерть напрасная,
Вынимать-то сердце со печенью!»
Говорила дочь королевская:
«Ай же вы, королевскіе слуги вѣрные!
Вы возьмите съ меня денежекъ пятьсотъ рублей,
Отпустите удала добра молодца
На волю на вольную,
Откройте ему очи ясныя,
Развяжите ему ручки бѣлыя
И раскуйте ему ножки рѣзвыя!»
Она взяла, дочь королевская,
Этого удала добра молодца
Во этые покои бѣлодубовы;
На словахъ ему выговаривала:

«Ты удаленькій добрый молодецъ!
Не зайди-тка ты больше на царевъ кабакъ,
Не выпей-ка ты больше чары зелена вина,
Не выпей-ка другой похмѣльныя
И не похвастай мной, красной дѣвушкой!»

И пошелъ молодецъ отъ короля съ Литвы,
И шелъ-то путемъ широкою дороженькой;
И пришло тутъ три розстани,
Три розстани пришло любимыихъ:
Первая розстань—къ отцу-матери,
Другая розстань—къ роду-племени,
Третья розстань—къ молодой худой женѣ.
И раздумался удалый-добрый молодецъ:
«А пойти Василью Буслаевичу къ отцу-матери,—
Отца-матери живыхъ не застать;
Пойти добру молодцу къ роду-племени,—
Роду-племени меня не спознать!
Пойду-ка я къ молодой худой женѣ!»
И шелъ добрый молодецъ Василій Буслаевичъ
Широкимъ путемъ-дороженькой,
Изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И пришелъ молодецъ въ свою сторону.

И на улицѣ два вьюнчика свиваются;
И стоитъ-то палата богатырская.
И спросилъ Василій Буслаевичъ:
«Вы чьи два вьюнчика малые,
Чьего вы роду-племени,
Гдѣ у васъ родный батюшка?»
Отвѣчали два вьюнчика малые:
«Ай же ты, нашъ рбдный дядюшка!
Нѣтъ у насъ роднаго батюшки;
Есть у насъ одна родна маменька;
Ушелъ-то нашъ батюшка къ королю въ Литву.»

Отвѣчалъ же Василій Буслаевичъ:
«Ай же вы, два вьюнчика малые!
Подите, скажите-тка родной матушкѣ:
Пришелъ-то вашъ рóдный батюшка!»
Она вышла, молода худà жена,
Увидала добра молодца Василья Буслаевича:
Стоитъ-то на широкой на улицѣ;
Опустилася по ступенямъ по крутыимъ,
Захватила удала добра молодца
За этыя за рученьки за бѣлыя,
За этые за перстни за злаченые,
Цѣловала въ уста во сахарнія;
Сама говорила таковы слова:
«Находился, нагулялся удалый добрый молодецъ!»
Тутъ они стали жить да быть,
Жить да быть, долго здравствовать.

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. II, стр. 259.

2.

Жилъ-былъ у батюшки единый сынъ;
Во дрокушкѣ былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкою поженить его;
Поженили его отецъ съ матушкою
Не въ простомъ мѣстѣ, а въ богатоемъ.
«Приданаго много,—человѣкъ худой!
А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
Думу думати, долгіе вѣки коротати.
Золотой монисточкѣ лежать во кованомъ ларцу,
А цвѣтну платьицу на грядочкѣ и на гвоздикѣ,
А худой женѣ на моей рукѣ!»

Отдалился, загулялся добрый молодецъ
Въ хоробру Литву къ королевскому величеству,

Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ;
Зачалъ жить-быть, вѣкушку коротати.
Стосковался, сгоревался, шелъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
И ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
«Король тотъ меня жалуетъ,
Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
Во люби меня держитъ у сердечушка.»
И пригодилися слуги королевскіе,
И доносили такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ,
Королевскому величеству.
И воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца:
«Слуги вы королевскіе,
Палачи вы немилостливые!
Подите, свяжите ему ручки бѣлыя,
Скуйте ему ножки рѣзвыя,
Закройте очи ясныя черной тафтой,
Сведите его на чисто поле,
На тую на казнь на смертную.»
Шли тутъ слуги королевскіе,
Связали ему ручки бѣлыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
Завязали очи ясныя черной тафтой,
И повели его, удалаго дородня добра молодца,
Во чисто поле, на казень смертную.
Проговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы, слуги королевскіе,
Палачи вы немилостливые!
Возьмите у меня денегъ пять рублей,
Ведите мимо палату королевскую,
И мимо тое окошечко косявчато,

Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
Съ душкой красною дѣвушкой
Аннушкой королевичной!»
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо палату королевскую,
И мимо тое окошечко косявчатое.
Кричитъ дороднiй добрый молодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости, душка красна дѣвушка Аннушка!
Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка,
Кинулась въ окошечко по поясу,
Кричала зычнымъ голосомъ:
«Ай же вы, слуги королевскiе,
Палачи вы немилостливые!
Ведите вы его, удала дородня добра молодца,
Въ палату королевскую, въ покои особливые!
Стану добра молодца допрашивать!»
Приводили удалаго дородня добра молодца
Въ палату королевскую, въ покои особливые;
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его, удалаго дородня добра молодца, допрашивать:
«Скажи, скажи, удаленькiй дороднiй добрый молодецъ!
Жилъ ты у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ—
Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ;
За что мой батюшка на тебя теперича прогнѣвался?»
Говорилъ удалый дороднiй добрый молодецъ:
«Жилъ-былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ—
Вѣрой жилъ, правдой жилъ, не измѣной жилъ.
Стосковался, сгоревался добрый молодецъ,
Шелъ на царевъ кабакъ
И пилъ вина кабацкаго,
И ударила хмѣлина кабацкая;

Тутъ-то добрый молодецъ порасхвастался:
Король меня тотъ жалуетъ;
Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
Во люби держитъ меня у сердечушка.
И пригодилися слуги королевскіе
И доносили такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ,
Королевскому величеству.
И воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца;
Приказалъ слугамъ своимъ королевскимъ,
Палачамъ немилостливымъ,
Связать его ручки бѣлыя,
Сковать ему ножки рѣзвыя,
Закрыть очи ясныя черной тафтой
И свести его на чисто поле,
На тую на казень на смертную.»
Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
«Ай же, слуги королевскіе,
Палачи немилостливые!
Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
Раскуйте ему ножки рѣзвыя,
Развяжите ручки бѣлыя,
Откройте ему очи ясныя,
И спустите его на свою волю,
На свою родиму на сторонушку,
Ко своему къ отцу, ко матери,
Ко своей женѣ неудачливой!»
И взяли у ней денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ему ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли ему очи ясныя
И спустили его на свою волю.
Дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.

И пошелъ дороднiй добрый молодецъ
На свою родиму на сторонушку.
Во тую пути во дороженькѣ
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу, къ матери,
И другая дорожка къ роду-племени,
И третья дорожка къ молодой женѣ.
И тутъ-то добрый молодецъ пораздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будéтъ?
Какъ пойти къ отцу, къ матери,
Отца-матери, можетъ, живаго нѣтъ;
А пойти какъ къ роду-племени,
Не познаетъ родъ-племя любимое.»
Пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Къ молодой женѣ неудачливой.
Въ этой пути во дороженькѣ
Приходила палата бѣлокаменная:
Столбики точеные, повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки лисицами, куницами
И дорогими соболями заморскими.
Играетъ на улицѣ два юноша малыихъ.
«Ай же вы, юноши малые!
Есть ли у васъ родима матушка,
Есть ли у васъ родный батюшка?»
Проговорятъ юноши малые:
«Ай же ты, нашъ дядюшка!
Есть у насъ родима матушка,
Осталась отъ батюшки беременна
И принесла насъ двухъ юношей малыихъ.
А нашъ батюшка въ гульбу ушелъ;
Двѣнадцать лѣтъ и слыху нѣтъ.»—
Захватилъ ихъ ручками бѣлыми,
Цѣловалъ въ уста во сахарнiя:
«Ай же вы, юноши малые!
Я вамъ не дядюшка,—родный батюшка!

Подите, скажите своей родимой матушкѣ:
Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришелъ!»
Скорешенько бѣжали два юноши младые:
«Ай же ты, родимая матушка!
Нашъ батюшка съ гульбы пришелъ.»
Бѣжитъ молода жена:
«Ай же ты, милая моя ладушка,
Крѣпкая сдержавушка!
Поди въ палату бѣлокаменну!
Полно по чужой сторонушкѣ шататися»!

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I, стр. 456. — Гильфердингъ, № 97.

3.

Ай сидитъ, сидитъ кручиненъ добрый молодецъ,
Да й сидитъ печаленъ добрый молодецъ;
Онъ повѣсилъ свбю буйную головушку
Да й пониже плечъ своихъ могучіихъ.
«Ты чего сидишь печаленъ, добрый молодецъ?
Ты чего сидишь кручиненъ, добрый молодецъ?»—
—«Еще какъ-то молодцу мнѣ не кручиниться?
Еще какъ-то молодцу мнѣ не печалиться?
Какъ вечоръ-то легъ я, не поужиналъ,
Я утрось-то всталъ да не позавтракалъ,
Пообѣдати схватился,—тамъ и хлѣба нѣтъ.
Поневолили-то мблодца женитися,
Поженили-то въ деревнѣ у сосѣдушка,
У сосѣда бни брали у богатаго,
Да й приданаго-то много,—человѣкъ худой!
Ай приданое виситъ на грядочкѣ,
Да й худая жонка,—та на ручкѣ спитъ.
То мнѣ не съ кѣмъ добру молодцу погладиться,
Да и не съ кѣмъ добру молодцу полиститься.»
Й отъ того-то молодецъ да во гульбу пошелъ,

Во гульбу пошелъ да во гуляньице.
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
Да пошелъ-то молодецъ а изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
И зашелъ-то къ королю къ литовскому,
Да й задался во служеніе къ литовской королевичнѣ;
Да й служилъ у ней двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдой онъ служилъ да не измѣною;
На кроваткѣ спалъ онъ на тисовою,
Ай на той онъ на перинкѣ на пуховою,
У самой ли-то у ней да на бѣлой груди.
Стосковалось тутъ дородню добру молодцу
По своей-то по родимой по сторонушкѣ;
Онъ докла́далъ королю литовскому:
«Ай ты, батюшка король литовскіи!
Стосковалось по родимой мнѣ сторонушкѣ,
Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьице,
Тамъ не выросло-ль зеленое крапивушко?»
Приказалъ король ему коня сѣдлать;
Королевична литовская
Насыпа́ла-то безчетну золоту казну,
Во шелко́въ конвертъ да запечатала,
Положила она молодцу въ глубокъ карманъ.

Ай поѣхалъ тутъ дороднiй добрый молодецъ.
А еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
Ай то ѣхалъ молодецъ да изъ орды въ орду,
Да й проѣхалъ молодецъ онъ изъ земли въ землю;
Пріѣзжалъ онъ на отцовско на помѣстьице,
На отцовскоемъ да й на помѣстьицѣ,
То стоитъ худая мала хизинка;

Да й у той ли малой худой хизинки
Ходитъ малыихъ два глупыихъ два вьюнышка.
Говоритъ-то имъ дороднiй добрый мблодецъ:
«Ай же малые вы глупы вьюнышки!
Вы котораго-то дому да коей семьи?
Еще есть ли то у васъ да отецъ-матушка?»
Отвѣчали ему малы глупы вьюнышки:
«Ай ты, дядюшка да и незнаемый!
Столько есть у насъ одна родитель-матушка,
А й то нѣтъ у насъ да родна батюшки.»
Говорилъ-то имъ дороднiй добрый молодецъ:
«Ай же малые вы глупы вьюнышки!
Ай куды у васъ ушла да родна матушка?»
Говорили ему глупы малы вьюнышки:
«Ай ушла-то наша родна матушка
На крестьянскую да на работушку,
А и тѣмъ она да насъ воспитываетъ.»
Й онъ стоялъ-то вѣдь до поздняго до вечера.
Тутъ худая-то жена, да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
То идетъ она съ крестьянской со работушки,
Во правбй рукѣ несетъ-то косу вострую,
Во лѣвой рукѣ несетъ-то грабли частыя,
На плечахъ бѣднá горюшица дрова несетъ;
Приходила-то къ худою къ малой хизинкѣ.
Говоритъ-то ей дороднiй добрый молодецъ:
«Ай честная ль ты вдова, аль жена мужняя?»
Отвѣчала-то ему да жена умная,
Жена умная, многоразумная:
«Не вдова-то есть, жена не мужняя,
Сирота я есть да горе-горькая.»
Говорилъ-то ей дороднiй добрый мблодецъ:
«Не вдова ты есть, да жена мужняя!»—
—«Почему ты меня знаешь, жену мужнюю?»—
—«Потому я знаю жену мужнюю,

Что съ тобою мы росли да близко-пб-близку,
Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
Да во славны во велеи во нѣмецкія;
Ай тогда съ тебя я часто ѣзды бралъ...
Подойди-тка ты ко мнѣ да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
Положи-тка ты ко мнѣ свои ручки во глубокъ карманъ,
Вынимай-ка изъ кармана ты шелковъ конвертъ,
Вынимай конвертъ да распечатывай!»
То худая-то жена, да жена умная,
Жена умная, многоразумная,
Подошла она къ дородню дбібру мблодцу,
Положила свои ручушки во глубокъ карманъ,
Вынимала-то оттуль она шелковъ конвертъ,
Вынимала-то конвертъ да распечатала,
Находила во конвертѣ свой злачёнъ перстень;
А когда они вѣнчалися во матушкѣ,
Да и во матушкѣ вѣнчались во Божьей церкви,
Тогда этимъ они перстнемъ обручалися.
Й она брала-то за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста его сахáрнія,
Называла-то себѣ мужемъ любимыимъ.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 89.

4.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю;
Загулялъ молодецъ въ землю литовскую,
Къ тому королю литовскому.
Господь молодца помиловалъ,
Король молодца пожаловалъ,

Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года молодецъ служилъ конюхомъ,—
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Три года молодецъ служилъ ключникомъ,—
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичны.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Разстилалъ онъ перинушки пуховыя,
Расправлялъ одѣяла соболиныя,
У Елены былъ да во большой любви,
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говоритъ ему Елена королевична:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Не ходи, молодецъ, въ бесѣду татарскую,
Не пей, молодецъ, зелена вина,
Не расхвастайся Еленой королевичной!»
Въ одну пору, во это времячко
Выходилъ молодецъ прогулятися;
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью, съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они дó-пьяна.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
«Я три года служилъ во конюхахъ,
Три года служилъ я во ключникахъ,
А теперь служу во постельникахъ.
Постилаю перинушку пуховую,
Расправляю одѣяло соболиное,
А и по времени бываю у Елены на бѣлой груди.»
Тутъ скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты кудри,
За желты кудри его, за бѣлы руки,

Приводили его къ королю литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто поле,
«Отрубите ему да буйну голову!»
Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:
«Вы послушайте, татаровья-улановья!
Вы возьмите-тка съ меня золотой казны,
Не ведите-ка меня во чисто поле,
Вы сведите-тка къ Еленѣ королевичнѣ!»
Повели его татаровья-улановья.
Закричалъ молодецъ да зычнымъ голосомъ:
«Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,
Прощай, милая Елена королевична!»
Ай услышала Елена королевична,
Бросилась она въ окошечко косивчато,
Въ одной тутъ рубашкѣ безъ пояса;
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы, татаровья-улановья!
Вы ведите молодца ко мнѣ на широкъ дворъ,
Вы берите съ меня золотой казны,
Золотой казны сколько надобно!»
А сама стала молодца спрашивать:
«Ты скажи, молодецъ, не утаивай,
Не утаивай, меня не обманывай,
Холостъ ли ходишь, иль женатъ гуляешь?
Есть ли у тебя, молодецъ, отецъ и мать,
Есть ли у тебя молодая жена,
Есть ли, молодецъ, малы дѣточки?»
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Есть у меня отецъ и мать,
Есть у молодца молода жена,
Есть у меня малы дѣточки!»—
—«Ты возьми, молодецъ, золотой казны,
Да поди, молодецъ, въ твою сторону.
Ты корми, молодецъ, отца и мать,
Ты люби свою молоду жену,

А корми, молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
Ай не хвастай ты Еленой королевичной!»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 184.

5.

Женилъ меня батюшка неволею,
А родна матушка неохотою,
Не у голаго женили,—у богатаго;
Хоть приданаго-то много,—человѣкъ худой!
Размыслилъ удалый своимъ разумомъ:
Приданому висѣть въ клѣти на грядочкѣ,
А золоту монистру лежать въ кованомъ ларцѣ,
А худой-то молодой женѣ—на моей рукѣ,
На моей рукѣ лежать и меня цѣловать...
А тутъ удалу добру молодцу не хочется.
Отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ,
Изъ земли въ землю, изъ орды въ орду.
Загулялъ-то удалый къ королю въ Литву,
Сложилъ челобитную
И подаетъ королю литовскому:
«Ай же ты, батюшка король земли литовскія
И королевское величество!
Принимай-ка челобитную и просматривай:
Желаю я, удалый добрый молодецъ,
Служить вѣрою-правдою и безъизмѣнною.»
Взимаетъ король добра молодца во служеньице,
Кладываетъ добра молодца во конюхи.
Три года служилъ молодецъ во конюхахъ.
Богъ-то молодца милуетъ,
А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца съ конюховъ,
А кладываетъ добра молодца во стольники,
Въ стольникахъ служилъ онъ три года.
Богъ-то молодца милуетъ,

А король молодца крѣпко жалуетъ:
Вынимаетъ добра молодца со стольниковъ,
Кладываетъ удалаго въ чашники.
Три года служилъ добрый молодецъ во чашникахъ.
Богъ молодца милуетъ,
Король молодца крѣпко жалуетъ.
И приходитъ Елена королевска дочь
Ко своему батюшкѣ во высокъ теремъ:
«Ай же ты, свѣтъ государь мой батюшка,
Король земли литовскія,
Королевское величество!
Нѣтъ у Елены ни чашника, ни стольника,
И нѣтъ у Елены постельника:
Сама-то я, Елена, стольничаю и чашничаю,
И сама-то я, Елена, постельничаю.»
Говоритъ-то батюшка король земли литовскія,
Королевское величество:
«Возьми-ка ты, Елена королевская дочь,
Добра молодца во стольники, во чашники,
Во чашники, хоть во постельники.»
Тутъ-то Елена королевская дочь
Взимала добра молодца за ручку за правую
И повела въ свои покои во особыя;
И сама-то Елена стала стольничать,
И сама-то Елена стала чашничать,
И сама-то Елена стала постельничать;
Кормитъ-поитъ добра молодца,
Кормитъ-поитъ, низко кланяется,
И стелетъ перину пуховую
На тую на кровать на тисовую,
И ложитъ-то удала добра молодца;
Сама-то Елена подлѣ его легла;
Взяли-ухватились будто мужъ съ женой.
Тутъ удалый добрый молодецъ
Живетъ-то съ Еленой ровно три году.

Богъ его милуетъ,
И Елена крѣпко жалуетъ.
И говоритъ тутъ удалый добрый молодецъ:
—«Спусти-ка, Елена королевская дочь,
На широку улицу прогулятися!»—
Говоритъ тутъ королевска дочь:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
Не ходи-ка ты на широку улицу прогулятися!
Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабакъ,
Напьешься зелена вина,
Будешь ты, удалый, въ хмѣльномъ разумѣ,
Тутъ ты, удалый, раскуражишься и поразбракаешься
И мною, Еленой, порасхвастаешься:
Тутъ тебѣ, удалому, живу не бывать!»—
—«Ай же ты, Елена королевская дочь!
Не пойду я во царевъ кабакъ,
Не стану пить зелена вина,
Запивать медами застоялыми!»
И пустила она добра молодца
На широкую на улицу прогулятися,
И дала удалому пятьдесятъ рублей съ полтинкою.
И пошолъ добрый молодецъ на улицу
Мимо кружала государева;
Не глядитъ удалый на питейный домъ.
Тутъ-то выскакивали женки кабацкія,
Взяли-подхватили добра молодца за бѣлы руки,
Свели-то удалаго во питейный домъ,
И налили чару зелена вина,
И подлили меду сладкаго,
И подносятъ удалу добру молодцу,
Сами низко кланяются:
«Ай же ты, королевскій служитель есть!
Выпей-выкушай чару зелена вина!»
Тутъ-то удалый добрый молодецъ
Не можетъ отъ нихъ отслышаться.

Наливаютъ другой наконъ пива пьянаго
И подносятъ, низко кланяются;
Наливали въ третій наконъ чару меда сладкаго
И подносятъ, низко кланяются:
«Ты выпей-выкушай меду сладкаго!»
И выпивалъ тутъ онъ чару меду сладкаго;
Тутъ молóдца забрала хмѣлинушка кабацкая,
Тутъ-то добрый молодецъ раскуражился,
И поразбракался, и Еленой порасхвастался:
«Живу я съ Еленой, будто мужъ съ женой;
Богъ меня милуетъ,
А Елена молодца крѣпко жалуетъ!»
Тутъ услышали королевскіе служители,
Бѣжали, сказали королю литовскому:
«Ай же ты, батюшка король земли литовскія,
Королевское величество!
Твой-то служитель королевскіій
Сидитъ въ кабакѣ государевомъ,
Пьетъ зелено вино,
Запиваетъ медами застоялыми,
Хвастаетъ прекрасной Еленой королевичной,
Твоимъ-то королевскимъ величествомъ:
Живу-то я съ Еленой королевичной, будто мужъ съ женой;
Богъ меня милуетъ,
А Елена меня крѣпко жалуетъ!»
А тѣи рѣчи королю не къ лицу пришли;
Говоритъ-то король таково слово:
«Ай же вы, слуги королевскіе!
Подьте скоро на царевъ кабакъ,
Свяжите удалому руки бѣлыя
Во тыя пута шелковыя,
И закуйте удалому ноги рѣзвыя
Во тыя во желѣза во нѣмецкія,
И сведите на болото на Куликово,

На тую на плаху на липову,
Отрубите ему буйну голову!»
Тутъ-то скоро бѣжали слуги на царевъ кабакъ,
И связали молодцу руки бѣлыя
Во тыя пута шелковыя,
И сковали удалому ноги рѣзвыя
Во тыя желѣза во нѣмецкія,
И повели на болото на Куликово,
На тую на плаху на липову
Рубить молодцу буйну голову.
Тутъ-то удалый говоритъ таково слово:
«Ай же вы, королевскіе служители!
Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Не ведите позади дворца,
А ведите посередъ дворца!»
Запѣлъ тутъ удалый пѣсню жалкую:
«Жилъ я у короля двѣнадцать лѣтъ,
Служилъ вѣрой-правдою и безъизмѣнною:
Теперь выжилъ у короля смерть-казнь скорую!»
Услышала прекрасная королевична,
И металась въ окошечко по поясъ,
И говоритъ она таково слово:
«Ай же вы, королевскіе служители!
Не ведите удалаго добра молодца
На болото на Куликово, на плаху на липову,
Не рубите буйной головы,
А ведите къ королевичной на новы сѣни!»—
Тутъ-то королевскіе служители
Отъ ней не отслышались,
Ввели къ королевичной на новы сѣни.
И говоритъ имъ Елена королевична:
«Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Развяжите ему ручки бѣлыя,
Раскуйте удалому ножки рѣзвыя,
Спустите удалаго на свою волю!»—

Тутъ-то королевскіе служители
Взяли пятьдесятъ рублей съ полтинкою,
Спустили добра молодца на свою волю.
Говоритъ Елена королевская дочь:
«Ай же ты, удалый добрый молодецъ незнаемый!
Я тебѣ, доброму молодцу, говаривала:
Не ходи на царевъ кабакъ,
Не пей зелена вина!
Ты какъ зашелъ на царевъ кабакъ,
Напился зелена вина,
Запивалъ медами застоялыми,
Тутъ-то добрый молодецъ раскуражился,
И поразбракался и мною, Еленой, порасхвастался,
А вотъ тебѣ же, добру молодцу, живому не бывать!»
И говоритъ Елена королевска дочь:
«Вотъ тебѣ пятьсотъ рублей съ полтинкою!
А поди-тка въ свою сторону,
Ищи отца-матери, роду-племени
И тую худую молоду жену!»
Тутъ-то удалый добрый молодецъ
Обиралъ деньги, пятьсотъ рублей съ полтинкою,
И простился съ Еленой королевичной,
И пошелъ-то въ свою сторону,
Искать отца-матери, роду-племени
И тую худу молоду жену.
Придетъ-то удалый къ тремъ дороженькамъ;
Тутъ-то удалый пораздумался:
«Къ отцу къ матери идти—живыхъ не застать,
Къ роду-племени идти—не спознаютъ-то.
А пойду я къ худой молодой женѣ,
Можетъ быть, не спознаетъ-ли?»
Придетъ-то удалый во деревеньку,
А во деревнѣ теремъ высокъ сведенъ,
Верхи съ верхами совиваются;
Стоитъ удалый, самъ дивуется:

«Чей это теремъ высоко сведенъ?»
А бѣгаетъ по улицѣ два малыихъ вьюноша,
Играютъ щильцомъ-мячомъ;
И говоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы, ребятка малые вьюнухи!
Чей это теремъ высокъ сведенъ,
Верхи съ верхами совиваются?»—
—«Ай же ты, дядюшка незнаемый!
Этотъ-то теремъ нашей матушки;
А у нашей матушки нѣту батюшки:
Двѣнадцать лѣтъ какъ въ гульбу ушелъ,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни низкаго челобитьица...»
А онъ говоритъ таково слово:
«Я вамъ—батюшка, съ гульбы пришелъ!»
Тутъ-то ребята малые вьюнухи
Бѣжали во высокъ теремъ,
И сказали своей матушкѣ:
«Свѣтъ ты, наша государыня матушка!
Нашъ-то батюшка съ гульбы пришелъ,
Стоитъ онъ у крылечка перенаго,
Не смѣетъ зайти во высокъ теремъ!»
Выскакиватъ худая молода жена
Со того со терема высокаго,
И опознала своего мужа любезнаго,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Свела его во высокъ теремъ.
Тутъ-то удалый сталъ жить съ худой молодой женой,
Тутъ удалому и славу поютъ.

Олонецкая губернія, Пудожскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III, стр. 289.

6.

Какъ бы на соловья не зима бы студеная,
Не морозы крещенскіе,

Не леталъ бы я, соловей,
По мхамъ, по болотичкамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Какъ бы на молодца не служба государева
И не наборы солдатскіе,
Не ходилъ бы я, молодецъ,
По чужой дальней сторонѣ,
По Свирской украинѣ.

Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду;
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
«Ты, батюшка король политовскій!
Прими-ка меня въ слуги-рабы, хоть въ конюхи!»
Я во конюхахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ, жаловалъ.
Нейдетъ молодецъ во царевъ кабакъ,
Не пьетъ молодецъ меду сладкаго,
Не пьетъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусываетъ молодецъ бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ онъ молодца во стольники.
Я во стольникахъ жилъ три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три года,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ.
Не шелъ молодецъ во царевъ кабакъ,

Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ онъ бѣлымъ сахаромъ.
  У того короля политовскаго
Была дочь его Настасья Красивая.
Говорила королю политовскому:
«Ты ей, государь родной батюшка!
Ты дай-ка мнѣ молодаго ключника.»
Говорилъ король политовскій:
«Ай же дочь моя Настасья Красивая!
Выбирай себѣ молодаго ключничка,
Хоть изъ князей, а хоть изъ бояръ,
А хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
А хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ.»—
Говорила Настасья королевична:
«Мнѣ не надо ко кровати кроватничка,
Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
Не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
Не изъ тѣхъ изъ поганыхъ татариновъ;
А ты дай ко кровати кроватничка,
Своего дай молодаго ключника».
Онъ далъ ей молодаго ключника,
Стоять у кровати тесовыя,
Постилать-то перина пуховая,
Ей складать круто-складно сголовьице
И натянуть одѣяло соболиное.
  Тутъ служилъ молодецъ цѣло три года.
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
И выпилъ молодецъ меду сладкаго,
И напился молодецъ пива пьянаго;
И зашелъ во кружало королевское,
И тамъ молодецъ порасхвастался:
«Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
Перво три года служилъ я во конюхахъ,
Друго три года служилъ я во стольникахъ,

Третье три года служилъ я во ключникахъ,
Это три года служилъ я во кроватничкахъ.
Меня Богъ, добра молодца, миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ.
Это три года служилъ я у кроватички:
Не стилалъ перинки пуховыя,
И не складалъ круто-складное сголовьице,
И не натягалъ соболина одѣялышка,
А и спалъ на кровати тесовыя
Съ молодой со Настасьей королевичной.»
Тутъ схватили меня, добра молодца,
Донесли королю политовскому;
Приказалъ же король политовскій
Посадить въ тюрьму богадѣльную.
Чрезъ три дни-то молодцу рѣшеніе:
Отрубить-то ему буйну голову.
Тые сторожа политовскіе
Повели какъ меня, добра молодца,
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя,
Говорилъ я, удалый добрый молодецъ:
«Ай вы ей, сторожа политовскіе!
Берите съ меня золотой казны,
Вы столько берите, сколько надобно;
А ведите меня, добра молодца,
Помимо окошко королевнино.»
Закричалъ какъ удалый добрый молодецъ:
«Прости-ка, Настасья королевична!
Ведутъ какъ меня добра молодца
Изъ той тюрьмы богадѣльныя
На тую плашку на липову,
Срубить-то мнѣ буйну голову.»
Закричала Настасья королевична:
«Спустите-ка этого молодца,
Возьмите поганаго татарина,
Хоть мертваго его, мерзлаго,

Отрубите ему буйну голову,
А донесите королю политовскому,
Что отрублена буйна голова
За его поступки неумильные.
Ай ты ей, удалый добрый молодецъ!
Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
Есть ли у тебя молода жена,
Есть ли у тебя малыя дѣтушки?»
Говорилъ-то удалый добрый молодецъ:
«Что есть у меня въ домѣ отецъ и мать,
И есть у меня молода жена,
И есть у меня малы дѣтушки.»—
—«Ай ты ей же, удалый доброй молодецъ!
Ты бери-ка мои золоты ключи,
Отмыкай-ка мои кованы ларцы,
Бери-ка себѣ золотой казны,
Столько бери, сколько надобно,
Чтобы было твоимъ малымъ дѣтушкамъ.»
Онъ набралъ себѣ золотой казны,
Столько онъ взялъ, сколько надобно.

Тутъ вѣкъ про Настасью старину поютъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, часть I, стр. 452. Очень сходныя пѣсни: Рыбниковъ, часть III, стр. 283; Гильфердингъ, №№ 155, 162.

7.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву;
Служилъ онъ королю ровно тридцать лѣтъ.
Король молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна любила паче короля.
Да онъ сталъ, молодецъ, по пирамъ ходить,

По пирамъ-то ходить сталъ, упиватися,
Королевскимъ-то домомъ похвалятися,
Королевскимъ-то домомъ, его дочерью.
А злы палачи, бурзы-гетманы,
Донесли королю они шведскому:
«А батюшка ты ли нашъ, шведской король!
А есть у тебя съ Руси молодецъ,
По пирамъ онъ вѣдь ходитъ, упивается,
Королевскимъ твоимъ домомъ похваляется,
Королевскимъ-то домомъ, твоей дочерью!»
Король-то на молодца прогнѣвался:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!
Отведите молодца во чисто поле,
Да на то ли поле кровавое,
Да на ту ли на плашку на липову,
Отрубите молодцу буйну голову!»
А злы палачи, бурзы-гетманы,
Повели молодца позади дворца.
Да рече молодецъ таково слово:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!
Не водите молодца позади дворца,
А ведите молодца попередъ дворца,
Мимо тотъ-ли-то садъ, мимо зеленый!»
Палачи молодца вѣдь послушали,
Повели молодца попередъ дворца,
Мимо тотъ-ли-то садъ мимо зеленый.
Запѣлъ молодецъ съ горя пѣсенку:
«А садъ ты мой, садъ ты мой зеленый,
А яблонь ты, яблонь кудреватая!
Пріупито вѣдь было, пріуѣдено,
Съ королевной-то было пріугулянно!
А теперь вѣдь приходитъ смеретка скорая»...
Да услышала прекрасна королевична,
Она по поясъ въ окошко бросалася:
«А вы, злы палачи, бурзы-гетманы!

Не ведите молодца во чисто поле,
По локоть берите золотой казны!»
Палачи королевны не послушали,
Повели молодца во чисто поле,
Да на то-ли-то на поле кровавое,
Да на ту-ли-то на плашку на липову,
Отрубили молодцу буйну голову.
Да скорёшенько королевна сряжалася,
Пришла королевна во чисто поле,
Ко той-ли ко плашкѣ ко липовой;
Брала королевна востръ булатній ножъ,
Поставила тупымъ концомъ во сыру землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердце;
Да погинуло втапоръ двѣ головушки.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 311.

8.

Ѣздилъ молодецъ изъ земли въ землю,
Гулялъ удалой изъ орды въ орду.
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву-де ко прусскому.
Да того молодца-де король во люби держалъ;
Да тутъ молодецъ съ королемъ за однѣмъ столомъ сидѣлъ,
Да вѣдь пилъ онъ, ѣлъ съ одной ложечки,
Со одного-де стаканца да водочку кушали.
Того было времени прошло три года,
Да слюбился молодецъ съ королевскою дочерью;
Да ничего-то про это король не вѣдаетъ.
Да донесли королю вѣсти нехорошія:
«Ай ты, король земли прусскіе!
Да ты котора молодца во люби держишь,

Да ты съ которымъ молодцемъ сидишь за однимъ столомъ,
Да ты пьешь, ѣси да съ одной ложечки,
А съ одного стаканца винцо кушаешь,—
Тотъ живетъ молодецъ съ твоей дочерью,
Онъ творитъ любовь вѣдь третій годъ!»
Эти королю были рѣчи не понравились;
Приказалъ вести молодца во чистó поле,
Да на то ли болото Куликово,
Да на то ли мѣсто на лобное,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да отрубить молодцу буйну голову.
Повели молодца палачи во чисто поле,
Мимо тѣ вѣдь ведутъ палаты королевскія.
Тутъ взмолился молодецъ палачамъ немилостливымъ:
«Ай, вы братцы, палачи немилостливы!
Не водите молодца вы по задворкамъ,
Да мимо ту ли палату королевскую;
Да вы ведите меня молодца по подбконью,
Да мимо эту спальню-ту теплую,
Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной!»
Повели молодца по подбконью,
Да мимо тѣ ли палаты королевскія,
Да мимо эту спальнюю теплую,
Гдѣ-ка спалъ молодецъ съ дѣвицей королевичной.
Да онъ запѣлъ пѣсню новую,
Да онъ новую пѣсню, хоронную:
«Да хорошо у меня, молодца, было пожито,
Да хорошо было цвѣтное платье изношено,
Да пріупито было у молодца, пріуѣдено,
Да и въ краснѣ, въ хорошѣ пріухожено,
Да и въ зеленóмъ-то саду пріугуляно,
Да подъ яблоныо на кроваточкѣ было пріуспано,
Да и у королевскою дочери
На бѣлой груди было у дѣвицы улёжано!»

Какъ услыхала дѣвица королевична,
Что повели молодца палачи во чисто поле,
Да во то ли болото Куликово,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да хотятъ отрубить ему буйную голову,—
Сама отворяла красно окошко косевчато,
Брала въ руки булатніе вострые ножичекъ,
Ставила она тупымъ концомъ да во окошечко,
А вострыимъ себѣ да въ бѣлу грудь;
Говорила она таково слово:
«Да куда полетѣлъ младъ ясёнъ соколъ,
Да туда полетай-ка, лебёдушка бѣлая,
Да ты преже лети ясна сокола!»
Тутъ-то она сама себя и зарѣзала....
Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
Да донесли королю-де прусскому,
Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошія,
Что его-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
Да еще преже дородня добра молодца.
Тутъ говоритъ-де король таково слово:
«Кабы зналъ я это, вѣдалъ вѣдь,
Что моя любима дочь вѣдь зарѣжется,
Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто поле,
Да на то на болото Куликово,
Да на ту ли на плаху на липову,
Да рубить бы ему буйну голову!
Пусть бы жилъ лучше молодецъ съ моей дочерью,
Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и по вѣку!
Теперь я весь потерялъ бѣлый свѣтъ изъ ясныхъ очей—
Я лишился милой дочери любимые!»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 263.

9.

Ай дюрди-дюрди да дюрди гетманы!
Заигралъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да къ королю въ Литву.
Ай полонилъ молодца да тутъ шведской король,
Ай король, король да король батюшка.
Привели молодца да на конюшеньку,
А на ту ли на конюшню на дубовую;
А запѣлъ молодецъ да пѣсни царскія,
Пѣсни царскія, пѣсни умильнія.
А услышала королевна пѣсни царскія,
А пришла къ нему да на конюшеньку,
А на ту ли на конюшню на дубовую;
Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть.
Онъ игралъ, сыгралъ да ее обыгралъ,
Онъ другой игралъ да ее обыгралъ,
Онъ третей игралъ да ее обыгралъ,
Онъ третей игралъ да и на верхъ полѣзъ.
Увидѣли палачи да бурзы гетманы,
Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
У его разгорѣлось ретиво сердце,
У его раскипѣлась кровь горячая:
«Ай вы, палачи, палачи да бурзы-гетманы!
Вы возьмите молодца да за желты кудри,
Поведите молодца да во чисто поле,
А во то ли во поле во Куликово,
А на ту ли плашку вы на липову,
Отрубите молодцу вы буйну голову!»
Повели молодца да во чисто поле,
Повели молодца да поперекъ дворца;
А запѣлъ молодецъ да пѣсню новую,
Пѣсню новую запѣлъ да все умильнюю:
«Ай съ королевной было прiупито, прiуѣдено,

Ай съ королевной было пріулежано!»
Ахъ, услышала королевна пѣсню новую,
А бросалася да вѣдь по-плечъ въ окно:
«Ай вы, ай вы, палачи да бурзы-гетманы!
Не ведите молодца да во чисто поле,
Не рубите молодцу да буйной головы,
Ай берите вы казны да скольки надобно!»
А повели молодца да во чисто поле,
Отрубили молодцу да буйну голову.
А какъ тутъ она да воскипѣлася,
Ея сердце разгорѣлося,
Обвернулася она да лебедью бѣлою,
А брала съ собою ножички булатніе,
Прилетѣла она въ поле Куликово,
А ко той ко плашкѣ ко липовой;
Она ставила ножички булатніе
А тупымъ концомъ да во сыру землю
Вылетала сама да высокошенько,
Говорила рѣчь да помалешенько:
«А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрый гусь,
А пади тутъ лебедь бѣлая!»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 314

10.

Женили меня, молодца,
Не у голаго женили, у богатаго;
А приданаго-то много,—человѣкъ худой!
Цвѣтное портишечко на грядочкѣ виситъ,
А худая женишка на ручкѣ лежитъ!

Пошелъ, пошелъ удалый добрый молодецъ
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву.

Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ королю да во служеніе давается.
Первыхъ три года да онъ жилъ во конюхахъ,
А друго три года онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три года онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три года онъ жилъ да вѣдь во спальни-
кахъ.
Жилъ-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой да быдто мужъ съ женой.
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошелъ, пошелъ да добрый молодецъ,
Онъ зашелъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ,
Самъ онъ порасплакался,
Порасплакался да порасхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвѣ,
У короля въ Литвѣ да съ королевичной;
Первыхъ три года я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
Другихъ три года я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
Третьи три года я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
Четверто три года я жилъ да вѣдь во спальникахъ;
Жилъ-то я со королевичной
Быдто братъ съ сестрой да быдто мужъ съ женой.»
Тутъ случились палачи да немилостливы,
Тутъ схватили добра молодца скорешенько;
Рѣзвы ноженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчи за неумныя,
За басни неразумныя.
И ведутъ-то его мимо королевскій дворъ.
Онъ смолился палачамъ да немилостливымъ:

«Вы не ведите-тка меня къ королю на дворъ,
А вы ведите-тка меня да къ королевичнѣ.»
Увидала тутъ королевична:
Идутъ-то палачи да немилостливы;
Она бросилась во окно да вѣдь по поясу,
Она кричала жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, палачи да палачи вы немилостливы!
Вы не водите-тка да моего слугу,
Моего слугу на королевскій дворъ,
А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
Ужъ я дамъ вамъ много злата, много серебра!»
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускаютъ,
А пьянюшку-то къ себѣ имаютъ,
Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
И всѣ тѣ хвасты королю-то разсказали;
Отсѣкли ему буйную голову.
А королевна своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила и въ отлично платье снарядила,
Въ путь-дорожку отпустила,
Отъ смерти слободила.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 117.

11.

Гулялъ молодецъ по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
Король молодца любилъ-жаловалъ;
Королевна не могла наглядѣтися
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодецъ упиватися,
Буйными словесами похвалятися:

«Ужъ попито, братцы, поѣдено,
Въ краснѣ, въ хорошѣ похожено,
Съ одного плеча платья поношено,
Королевну за ручку повожено,
Съ королевной на перинушкѣ полежано!»
Ужъ какъ злы-лихи на молодца своя братья;
Доносили на молодца самому королю:
«Ты гой еси, нашъ батюшка грозный король!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
Живетъ королевна съ добрымъ молодцемъ.»
Король на молодца вдругъ прогнѣвался;
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные?
Вы возьмите удалаго добра молодца,
Посадите его въ темну темницу,
А сами подите во чисто поле,
Вы ройте двѣ ямы глубокія,
И вы ставьте два столбичка высокіе,
Перекладинку положите кленовую,
Вы петельку повѣсьте шелковую,
Поведите удалаго добра молодца!
Не водите вы его вдоль по улицѣ,
Поведите вы его позади дворца,
Не увидѣла бы королевична.»
На перву ступень ступилъ молодецъ:
«Прости, прости, мой отецъ и мать!»
На другу ступень ступилъ молодецъ:
«Прости, прости, весь родъ-племя!»
На третью ступень ступилъ молодецъ:
«Прости, мой свѣтъ королевична!»
Далеко королевна голосъ слышала,
Бѣжала во свой во высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулку серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,

Порола свои груди бѣлыя.
Молодецъ въ чистомъ полѣ качается,
Королевична на ноженькахъ кончается.
Пришелъ къ ней скоро родной батюшка;
Не успѣлъ король лише возрити,—
Увидѣлъ убиту королевичну;
И онъ билъ свои руки о дубовый столъ:
«Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная,
Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
Что жила во любви съ добрымъ молодцемъ?
Ужъ я бы добраго молодца пожаловалъ,
Отъ смерти бъ добра молодца помиловалъ!»
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ есть ли у меня слуги вѣрные?
Пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
Рубили бы головы доносчикамъ,
Кто доносилъ на королевичну!»

Пѣсенникъ 1780 года, ч. III, стр. 60; Пѣсенникъ 1810 года, стр. 261 («темничная»); Кирѣевскій, вып. V, стр. 175.

12.

Что гулялъ молодецъ по Украинѣ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.
Онъ служилъ королю вѣрой-правдою,
Онъ въ-очью, за-очью неизмѣнною.
Что король молодца любилъ, жаловалъ;
Королевна любила паче короля,
Пили, ѣли съ королевной съ одного блюда,
Цвѣтно платьице носили одные парчи.
Загулялъ молодецъ во трактирный домъ.
Еще пьетъ молодецъ зелено вино,
Запиваетъ молодецъ пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ молодецъ бѣлымъ сахаремъ.
Во хмѣлю онъ, добрый молодецъ, похваляется:

«Я живу съ королевной красной дѣвицей;
Пили, ѣли съ королевной съ одного блюда,
Цвѣтное платьице носили одные парчи!»
Еще лихи на молодца друзья-братья;
Они скоро доносили самому королю.
Что король на добра молодца прогнѣвался,
Посадилъ добра молодца во темницу,
Еще призвалъ два плотничныхъ мастера:
«Вы подите во далече чисто поле,
Вы поставьте два столбичка дубовые,
Перекладинку кладите вы кленовую,
Вы вяжите двѣ петельки шелковыя,
Вы ведите добра молодца во чисто поле!»
Добрый молодецъ во петелькѣ качается,
Королевна скорой смертію кончается.

Рукописный сборникъ XVIII вѣка (Публ. Библ. О. XIV, № 11), № 91 (каждый стихъ повторяется); Кирѣевскій, вып. V, стр. 174.

13.

Молодецъ у короля на вѣстяхъ служилъ;
Что король-то его любилъ-жаловалъ,
Королевна его при себѣ держала.
Еще сталъ молодецъ упиватися,
При хмѣлю удалой похвалятися:
«Много было хожено, погуляно,
И въ краснѣ въ хорошѣ похожено,
Много красныхъ дѣвушекъ цѣловано!
Поцѣлована дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевская!»
За досаду королю показалося,
За досадушку таку за великую;
Закричалъ тутъ король на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные,

Слуги вѣрные и неизмѣнные!
Вы подите далече въ чисто поле,
Ужъ вы ройте ямы глыбокія,
Становите столбы дубовые,
Перекладинку кладите кленовую,
Вы повѣсьте петли шелковыя,
Вы повѣсьте добра молодца!»
Молодецъ палачамъ по рублю сулитъ:
«Не ведите меня позадъ горницы,
Поведите меня вдоль по улицѣ,
Чтобъ увидѣла дочь прекрасная,
Дочь прекрасная королевична!»
Попросилася дочь у батюшки:
«Ты пусти, пусти, родный батюшка,
Молодецкой смерти поглядѣти!»
Молодецъ на петляхъ качается;
Королевна подъ релью кончается.

Новгородъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 164.

14.

Какъ король-етъ молодца любилъ-жаловалъ,
Съ одного плеча платьице нашивалъ.
Ужъ и сталъ молодецъ пьянъ упиватися,
Во хмѣлю сталъ молодецъ похвалятися:
«Ужъ и то-то попито, братцы, погуляно,
Въ хорошствѣ-то, въ краснѣ много хожено,
Что на мягкихъ перинахъ много лежано,
Королевну за ручку много держано!»
Донесли-то на молодца своя братья.
Какъ король-етъ на молодца прогнѣвался,
Закричалъ король громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги, вы, слуги мои вѣрные!
Вы подите далече во чисто поле,

Ужъ вы выройте двѣ ямушки глыбокія,
Становите вы релюшки высокія,
Поведите молодца казнить-вѣшати!
Не водите молодца впереди моего дворца,
Поведите молодца позади моего дворца.»
Молодецъ солдатъ по рублю дарилъ:
—«Поведите молодца, впереди меня дворца!»
Какъ увидѣла молодца королевна изъ окна,
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты, батюшка сударь мой, пусти меня гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотрѣть!»
Какъ пошла королевна въ чисто поле гулять,
Да двѣ ямушки глыбокія посмотрѣть;
Молодецъ-отъ на релюшкахъ качается;
Королевна подъ релями скончалася.

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 165.

15.

Ужъ ты, крапива ли, крапивушка жигучая!
У тебя сѣмечка, крапивушка, стрекучія!
Жилъ я, былъ я, молодецъ, у короля въ Литвѣ,
Загулялъ я, молодецъ, къ королю во дворецъ.
Королева дочь со молодцомъ во любви жила.
И сталъ добрый молодецъ упиватися,
Во хмѣлю-то сталъ удалый похвалятися:
«Что вечоръ-то я, братцы, на сѣняхъ былъ,
Цѣловалъ я, миловалъ королеву дочь!»
Тутъ лиха была на молодца своя братья;
Доносили эти рѣчи королю въ уши.
Что на эти-то рѣчи онъ прогнѣвался.
Закричалъ же нашъ король громкимъ голосомъ:
«Вы слуги ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,

Становите-ка вы два столба, два высокіе,
Перекладинку кладите вы дубовую,
Повѣсьте-ка вы петельку шелковую,
Истребите вы Ванюшу прелестника!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 320.

16.

Ой служилъ же я тремъ, тремъ царямъ,
Да служилъ же по семи годовъ;
Какъ четвертому королю прусскому
Да служилъ же я ровно девять лѣтъ.
Какъ составилось моей службицы,
Да всей было ровно тридцать лѣтъ.
Какъ за то меня король прусскій,
За то меня любилъ-жаловалъ.
Какъ и вышла на меня, добра молодца,
Вышла на меня напраслина:
Какъ и будто я, добрый молодецъ,
Полюбилъ и я королевскую дочь.
Какъ за то меня, добра молодца,
Король со двора прогналъ...

Терская область. Сборникъ для описанія Кавказа, вып. III, стр. 86.

17.

Вотъ ходилъ ли я, молодчикъ, по чистомъ я полю,
Я билъ, я побивалъ, я гусей-лебедей,
Застрѣлилъ ли я, удалый, сизаго голубя...
Опоздалъ ли я, молодчикъ, идтить-ѣхати:
Всему городу воротички были заперты,
Караульщички молоденьки, они крѣпко спятъ.
Что одна ли не спала ли красная дѣвушка,

Она такая Перекраса королевична.
Вынимала изъ комода золоты ключи,
Успущала добра молодца, все наказывала:
«Ты дворомъ иди, молодчикъ, не закашляйся,
Къ новымъ сѣнямъ подходи, не застукайся!
Не услышалъ бы родимый сударь батюшка,
Не сказалъ бы онъ родимой моей матушкѣ!
Ты на утрѣ жъ ли, молодчикъ, не упейся пьянъ,
Во хмѣлю-то, разудалый, не похвастайся!»
Какъ на утрѣ-то молодецъ напивался пьянъ,
Во хмѣлю-то разудалый похваляться сталъ:
Какъ вечоръ ли я, молодчикъ, у гостяхъ гостилъ,
Я въ такой ли Перекрасы королевичны!»
Что по утру про удалаго дозналися.
Призывалъ король молодчика во палатушки:
«Ты скажи, скажи, молодчикъ, гдѣ въ гостяхъ гостилъ?
Я за то тебя, удалаго, пожалую,
Я пожалую молодчика все палатушками,
Вотъ такими ли палатами—на двухъ столбахъ,
Я построю тебѣ релюшки точеныя,
Я повѣшу тебѣ петельку шелковую!»
Ужъ какъ добрый молодецъ сталъ качатися;
Перекраса во саду стала кончатися.

Кирѣевскій, вып. V, стр. 169.

18.

Крапива-крапивушка, крапива стрекучая,
Одолѣла крапивушка поле чистое!
Охочъ былъ молодецъ по полямъ ѣздить,
Онъ охочъ былъ стрѣлять гусей, лебедей;
Опоздалъ же молодецъ домой ѣхати.
Въ чистомъ въ полѣ было три дороженьки:

Первая дорога—къ отцу къ матери,
Вторая дорога—къ роду къ племени,
Третья—къ своему городу.
Въ городѣ ворота были заперты,
У воротъ караульщики крѣпко спятъ да не пробс-
нутся...
Выходила королевна на ново крыльцо,
Отпирала королевна городскія воротички,
Она впускала удалаго добраго молодца:
«Ты иди со мной полегонечку,
Говори со мной потихонечку!»
Королева на утро стала спрашивати:
«Ужъ ты, дочь моя, дочь любимая!
Ужъ съ кѣмъ же ты нынче ночью разговаривала?»
—«Ужъ ты, милая моя мать родимая!
Нынче ночью мало мнѣ спалось,
Мало мнѣ спалось, во снѣ много видѣлось:
Будто ты, моя мать, во гробу лежишь,
Предъ тобой стоятъ попы, дьяконы.
Они поютъ память вѣчную.»
У стола, стола государева
Служилъ добрый молодецъ.
Добрый молодецъ хмѣленъ напивается,
Во хмѣлю королевской дочерью похваляется:
«Ужъ я спалъ-почивалъ съ королевской дочерью
На одной кроватушкѣ!»
Были люди доносчики
Доносили самому королю.
Какъ вскричитъ король громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите, приведите добраго молодца!»
Сталъ король у него спрашивати:
«Сколько же ты жилъ съ моей дочерью?»
—«Я не мало, не много, ровно три года.»
Какъ вскричалъ король громкимъ голосомъ:

«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите въ чисто поле,
Копайте двѣ ямы глубокія,
Становите два столба еловые,
Кладите перекладины дубовыя,
Вѣшайте петельку шелковую,
Вы возьмите-приведите добраго молодца!
Не ведите молодца переди дворца,
Вы ведите молодца позади дворца!»
Молодецъ въ петелькѣ качается;
Королевская дочь въ терему кончается.

Кирѣевскій, вып. V, стр. 170.

19.

Передрогъ-перезябъ добрый молодецъ,
За стѣною стоючи бѣлокаменной,
Красну дѣвицу дожидаючи,
Что прекрасную Елену, дочь королевскую.
Что со сна-то пробуждалася красная дѣвица,
Что прекрасная Елена, дочь королевская;
Она брала со столику золотые ключи,
Она пошла къ широкіимъ воротамъ желѣзныимъ,
Отпирала ворота желѣзныя,
Принимала молодца за бѣлыя руки,
Вела его во высокъ теремъ,
Вела да приказывала:
«Ты иди, мой миленькій, потихонечку,
Говори, милъ-сердечный другъ, полегонечку,
Чтобы не слыхали наши солдаты
И всѣ наши караульщики,
Не пробуди со сна мою матушку!»
Какъ со сна-то ея матушка просыпалася:
«Ты дитё ль мое, дитятко,

Ты дитё ль мое, чадо милое,
Ты прекрасная Елена, дочь королевская!
Ты кого называешь милыимъ,
Ты кого величаешь: милъ-сердечный другъ?»
—«Ахъ, государыня моя матушка!
Не хорошъ-то мнѣ сонъ видѣлся:
Будто ты, моя матушка, переставилася,
Надъ тобою горятъ свѣчи воску яраго,
Надъ тобою поютъ все попы, дьяконы;
Я тебя называла милыимъ,
Я тебя величала: милъ-сердечный другъ!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 173.

20.

Ты, крапива ли, крапива зла-стрекучая,
Одолѣла ты, крапива, поле чистое,
Что ни конному, ни пѣшему пройтить нельзя,
Что ни мнѣ ли, доброму молодцу, проѣхати!
Проходилъ тутъ, проѣзжалъ удалъ добрый мо̀лодецъ,
Что во тѣ ли во снѣга-снѣга глубокіе,
Это въ тѣ ли во морозы въ крещенскіе.
Загуляю я, молодéцъ, къ королю въ гости.
Что король-то меня, молодца, любилъ-жаловалъ,
Королевская дочка во любви жила.
Что у города были воро̀та крѣпко заперты,
Караульные вкругъ города всѣ крѣпко спятъ;
Не спала только Елена, дочь королевская;
Отпирала у города воротички,
Что брала добраго молодца за руки,
Повела добраго молодца въ новую горницу,
Посадила добраго молодца въ новую спаленку...

Тульскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 172.

21.

Я любилъ-то, любилъ дочку королевскую,
Я не годъ ее любилъ и не два года,
Я любилъ ее ровнехонько девять лѣтъ.
На десятомъ году самъ король довѣдался;
Приказалъ онъ своимъ слугамъ вѣрнымъ сдѣлать
рельюшки:
«Вы слуги ли мои, слуги вѣрные!
Сдѣлайте, слуги вѣрные, рельи высокія,
На рельюшки надѣньте петельки шелковыя,
Вы повѣсьте-ка моего слугу вѣрнаго Ванюшку!»
Въ перву петельку повѣсили,—петелька оборвалася;
Въ другу петельку повѣсили,—и эта оборвалася;
Во третьей петлѣ удушился Ванюшка.
Узнавала его родимая матушка;
Она плакала, какъ рѣка лилась,
Слезы катятся, какъ ручьи текутъ,
Возрыдалася, что погоды бьютъ.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 52.

22.

Изошелъ я всее землю свято-русскую,
Я сине море исплавалъ изъ края въ край,—
Изъ самаго изъ устья до вершиночки,
Я зашелъ-загулялъ къ самому королю,
Къ самому королю ко латинскому.
А за то меня король любилъ-жаловалъ,
Посадилъ меня король во вѣрны ключники;
Я сидѣлъ у него ровно тридцать лѣтъ,
Служилъ королю вѣрой-правдою.
Никто про то не знаетъ и не вѣдаетъ,

Только знаетъ одинъ маленькій дѣтинушка,
Одинъ маленькій дѣтинушка поваренный:
Онъ дошелъ-донесъ, собака, самому королю:
«Ой ты гой еси, нашъ батюшка литонской король!
Ничего, сударь, не знаешь и не вѣдаешь:
Твой-то ключничекъ до-пьяна напивается,
Во хмѣлю ключникъ негоже похваляется,
Похваляется мизирный твоей дочерью.»
За досаду королю показалося;
Выходилъ тутъ король на красенъ крылецъ,
Восклицалъ онъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли у меня таки мастеры,
А по нашему, по русскому—грозенъ палачъ!
Онъ бы ѣхалъ далече во чисто поле,
Дѣлалъ бы релюшки высокія,
Становилъ бы онъ столбики дубовые,
Перекладинки клалъ бы кленовыя,
А петельки вязалъ бы шелковыя,
Онъ бы велъ моего ключника къ повѣшенью!
Не водилъ бы онъ Кремлемъ-городомъ,
Провелъ бы онъ позадь города!»
Молодецъ молодцу крѣпко кланялся:
«Ой ты гой еси, нашъ батюшка грозенъ палачъ!
Дай ты мнѣ, молодцу, звончаты гусли,
Передъ смертью молодцу наигратися!
Не води ты меня, добрый молодецъ, позадь города,
Проведи ты меня Кремлемъ-городомъ,
Мимо тѣхъ ли палатъ королевниныхъ!»
Онъ повелъ молодца Кремлемъ-городомъ,
Мимо свѣтленькой свѣтлицы королевниной.
Онъ и сталъ тутъ наигрышки наигрывать:
«Бывало, меня король любилъ-жаловалъ,
А нынче на меня скоро прогнѣвался,
Ведетъ-то молодца ко повѣшенью!»
Услыхала его мила дочь мизиная,

Выходила она на красенъ крылецъ,
Воскричала она своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси, нашъ батюшка литонской король!
Ты за что на ключничка прогнѣвался?
Я сама-то, красна дѣвица, пойду ко повѣшенью!»
Услыхалъ то ея батюшка литонской король:
«Еще Богъ его прощаетъ, сударь жалуетъ!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 166. Очень сходная пѣсня, неполная: Кирѣевскій, вып. V, стр. 168.

23.

Не бѣлые-то снѣжочки забѣлилися,
Не алые-то цвѣточки заалѣлися.
Жилъ я, былъ я, добрый молодецъ, у семи пановъ,
У семи-то я пановъ, жилъ я по семи годовъ;
У прутскаго королечка жилъ двѣнадцать лѣтъ;
Съ королевою свыкался ровно три года.
На четвертоемъ годочкѣ самъ король спозналъ,
Самъ королюшка спозналъ, самъ довѣдался.
Выходилъ же король прутскій на красенъ крылецъ,
Закричалъ же король прутскій по звѣриному,
Зашипѣлъ же воръ-собака по змѣиному:
«Еще что у насъ во царствѣ за несчастьице?
Молодая королева за гульбой пошла,
За гульбой она пошла, за охотою!
Не отъ того ли сине море всколыхнулося?
Не отъ того ли бѣла рыба встрепенулася?
Не отъ того ли съ горъ желты пески посыпалися?»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 56 («проголосная»). Послѣдніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

24.

Ой неволя, неволя—боярскій дворъ!
Во боярскомъ дворѣ жить не хочется;
Во крестьянство пойтить—много надобно;
Пойду я, молодецъ, королю служить!
Король молодца любилъ-жаловалъ;
Съ одного блюда онъ пивалъ-ѣдалъ,
Съ одного плеча платье нашивалъ.
А сказали про молодцà небывальщину,
Ой, и складъ приложили—съ королевою.
Король на молодцá да прогнѣвался;
Закричалъ король громкимъ голосомъ:
«Пошлите мнѣ млада ключничка!»
Идетъ ключникъ на новы сѣни,—
Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ,
Черну шляпу во рукахъ несетъ,
Сафьяны-сапожки натянуты,
Его русыя кудри по плечамъ лежатъ,
Его ясныя очи огнемъ горятъ.
Идетъ ключникъ со новыхъ сѣней,—
Зеленъ кафтанъ у рукахъ несетъ,
Сафьяны-сапожки опущены,
Его русыя кудри растрепаны,
Его ясныя очи заплаканы.
Закричалъ король грознымъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Идите жъ въ чисто поле,
Ой, и ройте вы двѣ ямы глубокія,
Поставьте вы два столба высокіе,
Перекладину положите кленовую,
Ой, и петельку придѣньте шелковую,
Повѣсьте вы млада ключничка,
Королевина полюбовничка!»

Ой, и ключникъ во полѣ качается;
Королева во теремѣ кончается.

Харьковская губернія. Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 39.

25.

Далеко было, далече—въ бѣлокаменной Москвѣ,
Во второй было во улицѣ, въ славной Митревской,
Что у князя было у Волконскаго,
Солучилася пиръ-бесѣдушка,
Тиха и смиренна, зѣло радошна.
Соѣзжалися къ нему князья, бояре,
Пили, ѣли, прохлаждалися,
Разговорами они занималися;
Богатый хвалится богачествомъ,
Бѣдный хвалится своею бѣдностью,
Сильный хвалится своею силою,
Волконскій князь—своею княгинею:
«У меня княгиня умная,
Она умная, разумная,
Она тихая, смиренная;
До рабовъ она милостлива,
Передо мной она очестлива.»
У дверей стоитъ слуга вѣрная,
Слуга вѣрная, дѣвушка сѣнная.
Какъ возговоритъ сѣнна дѣвушка:
«Ужъ ты, батюшка нашъ Волконскій князь!
Не приказывай меня казнить, вѣшати,
Прикажи ты мнѣ слово молвити!»—
—«Говори ты мнѣ, слуга вѣрная!
Ты скажи мнѣ правду-истину!»—
—«Похвалился ты своей княгинею;
Твоя ли княгинюшка не честная,
Твоя ли княгинюшка не вѣрная!

Что живетъ она съ младымъ ключникомъ,
Со твоимъ ли со ларечникомъ,
Со моимъ ли братцемъ роднымъ;
Что живетъ она не теперечa,
А не много, не мало, ровно девять лѣтъ.»
На десятомъ-то году князь довѣдался;
Посылаетъ онъ за ключникомъ
Своего ли слугу вѣрнаго:
«Ты скажи: батюшка князь требуетъ,
Ты скажи: хочетъ тебя дарить, жаловать.»
Какъ встаетъ ключникъ съ постелюшки,
Собирается онъ, снаряжается;
Обуваетъ онъ сапожки сафьянные,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до долу;
Шуба лисья словно лѣсъ шумитъ,
И золотъ перстень ровно жаръ горитъ;
На немъ шапочка рытаго бархата;
Во правой рукѣ тонка тросточка,
А во тросточкѣ—ала ленточка;
Идетъ ключникъ—что соколъ летитъ.
Онъ восходитъ во палаты бѣлокаменны,
Отдаетъ князю низкой поклонъ:
«Ужъ ты здравствуй, нашъ батюшка князь!
Ты по что меня скоро требовалъ?
Ужъ чѣмъ хочешь меня дарить, жаловать?»—
—«Подарю я тебя хоромами высокими,
Не мощенными, не свершенными!
Ты скажи мнѣ только правду-истину:
Ты который годъ живешь со княгинею?»—
—«Ужъ ты, батюшка нашъ Волконскій князь!
Я живу съ нею ровно девять лѣтъ;
Много было попито, поѣдено,
На пуховыхъ перинахъ полежано!»
Какъ Волконскій князь прогнѣвался,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:

«Ой вы гой есте, мои слуги вѣрные!
Вы берите лопатки желѣзныя,
Ужъ вы ройте-ка двѣ ямы глубокія,
Вы постройте рельюшки высокія,
Вы столбы-то дѣлайте точеные,
Перекладины положите вы кленовыя,
Вы колечки вверните позлащеныя,
А петельки повѣсьте шелковыя!
Вы возьмите моего млада ключника,
Вы повѣсьте на рельи высокія!
Да пускай же онъ, воръ, покачается,
Молодая-то княгиня на него показнится!»
Подхватили ключника за бѣлы руки,
Повели его на рельюшки высокія,
Повѣсили на петельки шелковыя.
На петелькахъ виситъ ключникъ, мотается,
А впереди лежитъ княгинюшка, кончается.
Какъ ударится батюшка Волконскій князь объ дубовый столъ:
«Ужъ ты гой еси, дѣвушка сѣнная,
Ты моя ли слуга вѣрная!
Погубила ты младаго ключничка,
Умертвила ты молоду мою княгинюшку!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр 50. Кирѣевскій, вып. V, стр. 149.

26.

По Устрѣтенской большой улицѣ
Строились палаты бѣлокаменны.
Что во этихъ во палатахъ жилъ Волконскій князь
У того ли было у князя собраньице не малое,
Собиралися къ нему князья, бояре все,
Ужъ какъ сильные могучіе богатыри.
Еще кто изъ нихъ хвалится своей силою,

Еще кто хвастаетъ золотой казной.
А какъ нашему князю нечѣмъ похвалитися;
Похвалился нашъ Волконскій молодой женой,
Молодой своей женой, душей княгинею.
Выходила тутъ, выступала млада ключница;
Ключница на ключника съ докладомъ шла:
«Охъ, ты сгой еси, нашъ батюшка Волконскій князь!
Пьешь ты, ѣшь, забавляешься,
Ничего же ты не знаешь, не вѣдаешь!
Какъ живетъ твоя княгиня съ младымъ ключникомъ,
Не годъ она живетъ, не два живетъ,
Какъ живетъ твоя княгиня ровно три годы!»
Выходилъ нашъ Волконскій на широкій дворъ,
Засвистѣлъ онъ, закричалъ своимъ звычнымъ голосомъ:
«Охъ, вы сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите ко мнѣ млада ключника!»
Ужъ какъ ключница къ ключнику съ докладомъ шла:
«Охъ, ты сгой еси, ключникъ, тебя князь требовалъ,
Онъ министромъ тебя хочетъ жаловать,
Не министромъ, думшимъ сенаторомъ.»
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ,
Засвистѣлъ, закричалъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
«Охъ, вы сгой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подите, приведите мнѣ добра коня,
Добра коня виноходаго,
Засѣдлайте мнѣ его сѣдломъ черкасскімъ!»
Бралъ себѣ ключничекъ нлеть шелковую;
Выходилъ нашъ ключникъ на широкій дворъ;
Какъ садился ключникъ на добра коня.
Его добрый конь стоитъ да не тряхнется,
Что у ключника кудри не ворохнутся.
Отправлялся ключникъ на широкій дворъ:
«Вы прощайте, мои слуги вѣрные,
Слуги вѣрные мои, неизмѣнные!»

Пріѣзжалъ ли ключникъ на широкій дворъ;
Никому-то коня взять не приказывалъ,
Ни къ столбу-то его не привязывалъ,
Ни къ кольцу-то, ни къ злаченому.
Заходилъ-то ключникъ во палатушки:
«Охъ, ты сгой еси, батюшка Волконскій князь,
Ты на что меня къ себѣ требовалъ?»—
—«Ты послушай-ка, младъ ключникъ, хочу тебя жаловать,
Министеромъ тебя, думчимъ сенаторомъ,
Промежу двумя столбами дубовыми,
Перекладиной тебя кленовою!»
Повели млаца ключничка на висѣлицу;
Княгиня во палатахъ бѣсится.
Ключникъ во петелькѣ качается;
Во палатушкахъ княгиня кончается.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 95.—Шейнъ (Чтенія), стр. 26.

27.

И какъ во славномъ было въ городѣ, было въ каменной Москвѣ,
Какъ на славной было улицѣ, на Большой Дмитровкѣ;
Тамъ стояли-то палаты, стоятъ бѣлы каменны;
Какъ во этихъ во палатахъ живетъ самъ Волхонскій князь;
Не одинъ Волхонскій князь живетъ,—со младой со княгинею.
Какъ много у него было, много слуговъ вѣрныихъ,
Какъ не было вѣрнѣе Ванюшеньки ключничка.
Какъ свозжался Ваня ключничекъ со младой княгинею;

Поругался Ваня ключничекъ съ дѣвчоночкой съ горничной;
Поругамши, эта дѣвушка сама къ князю въ верхъ пошла:
«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, ничего не знаешь, не вѣдаешь!
Я хочу тебѣ сказать всю, всю-то правду-истину!»
Говорилъ-то Волхонскій князь дѣвчоночкѣ горничной:
«Если ты мнѣ правду скажешь, я тебя пожалываю;
Если ты мнѣ ложно скажешь, я тебя разказнію!»—
—«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, скажу всю правду-истину:
Что живетъ Ванюша ключничекъ со твоей княгинею;
Не одинъ годъ Ваня съ ней живетъ, живетъ ровно девять лѣтъ!»
Выходилъ-то Волхонскій князь на крыльцо парадное;
Закричалъ тотъ Волхонскій князь своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Вы берите-ка лопаты, лопаты желѣзныя,
Ужъ вы ройте, мои слуги, вы ямы глубокія,
Ужъ вы ставьте въ эти ямы все столбы дубовые,
Ужъ вы вѣшайте на эти столбы канаты здоровые!
Вы пойдите, приведите Ванюшеньку ключничка,
Молодой моей княгини вѣрнаго любовничка!»
Какъ ведутъ Ванюшу ключничка ко князю Волхонскому;
Какъ и сталъ Ванюшу ключничка, сталъ Ваню выспрашивать:
«Ты скажи, Ванюша ключничекъ, всю правду мнѣ, истину:
Сколько жилъ, Ванюша ключничекъ, со моей княгинею?»

—«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь, не знаю я,
не вѣдаю».
Приказалъ Волхонскій князь-то отвесть Ваню на ви-
сѣльцу.
Какъ ведутъ Ванюшу ключничка, ведутъ подъ бѣлы
руки;
На Ванюшенькѣ сапожки, сапожки козловые,
На Ванюшенькѣ рубашечка бѣла коленкорова,
На Ванюшенькѣ русы кудри, на немъ раздуваются..
Какъ виситъ Ваня на висѣльцѣ, онъ виситъ, ка-
чается;
Молодая его княгиня, она жить кончается.

Калужская губернія. Мельгуновъ, вып. II, № 8 («протяжная»)
Конечные пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

28.

Въ Москвѣ было у князя у Волхонскаго,
Тутъ живетъ-то, поживаетъ Ваня ключничекъ,
Молодыя-то княгини полюбовничекъ.
Ваня годъ живетъ, другой живетъ—князь не вѣдаетъ;
На третій-то годочекъ князь довѣдался
Черезъ ту ли черезъ дѣвушку черезъ сѣнную,
Черезъ сѣнную да черезъ самую послѣднюю.
Закричалъ же князь Волхонскій зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги ль мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы сходите, приведите Ваню ключника!»
И сталъ-же князь Ванюшу да выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:
Ты который годъ съ княгиней во любви живешь?»
На первой-етъ разъ Ванюша не покаялся.
Онъ выспрашивалъ Ванюшу ровно три часа;
Что и тутъ-то нашъ Ванюша не покаялся.
Закричалъ же князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли вѣрные?

Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный дворъ!»
Повели же вѣдь Ванюшу широкимъ дворомъ.
На Иванушкѣ сибирочка пошумливаетъ,
Александрійская рубашка ровно жаръ горитъ,
Козловы новы сапожки поскрипываютъ,
У Иванушки кудеречки разсыпаются;
А идетъ-то самъ Ванюша, усмѣхается.
Привели же вѣдь Ванюшу на конюшный дворъ,
Тамъ и начали Ванюшеньку наказывати.
Александрійская рубашка съ тѣломъ смѣшана,
Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русыя кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.
Закричалъ же нашъ Ванюша громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты, баринъ ли, нашъ баринъ, ты, Волхонскій князь!
Поставлено зелено вино,—кто не пьетъ его?
Приготовлены закусочки,—кто не кушаетъ?
Какъ у насъ-то съ княгиней было пожито,
Виноградныхъ винъ съ княгиней было попито,
Приготовленныхъ закусочекъ покушано!»
Закричалъ-же князь Волхонскій громкимъ голосомъ:
«Вы, слуги ли мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ глубокія,
Становите-ка вы два столба, два высокіе,
Перекладину кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,
И повѣсьте тутъ Иванушку измѣнника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Иванушка во петелькѣ качается,
А княгиня-то во теремѣ кончается.

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 318.

29.

У славнаго князя у Волхонскаго,
Тутъ живетъ да поживаетъ Ваня ключничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Ваня годъ живетъ, онъ другой живетъ,—князь не вѣдаетъ.
На третій годочекъ князь навѣдался
Черезъ малую дѣвчонку, черезъ чорную,
Черезъ самую служку послѣднюю.
Видитъ князь: ведетъ дѣвка Ваню изъ палатушки,
Изъ палатушки, со кроватушки.
Тутъ сзычалъ-скричалъ князь громкимъ голосомъ:
«Вы берите, слуги, Ваню ключника!»
За бѣлы руки взяли Ваню, подхватили,
Повели Ваню ко князю во палатушки.
Идетъ Ваня широкимъ дворомъ,
На всѣ стороны Ванюша поклоняется,
На головкѣ желты кудри разсыпаются,
На немъ синенькій кафтанчикъ раздувается,
На немъ красненька рубашка словно жаръ горитъ.
Привели Ванюшу во палатушки;
Сталъ тутъ князь Ванюшу допытывати.
Ваня часъ стоялъ,—не спокаялся,
Онъ другой стоялъ,—не спокаялся,
На третій часочекъ спокаялся:
«Я живу со твоей княгиней третій годъ,
Третій годъ живу, кажный часъ хожу.»
Показалося князю за досадушку;
Онъ ударилъ Ваню по бѣлу лицу.
У Вани съ бѣла лица руда пробрызнула.
Изъ ясныхъ очей слезы покатилися.
Говоритъ князь Волхонскій слугамъ своимъ:
«Слуги, берите у Вани золоты ключи,

Берите золоты ключи, отпирайте окованны ларцы,
Подьте-ка, слуги, на Дунай-рѣку,
Постройте столбъ на Дунай-рѣкѣ!»
Построили столбы на Дунай-рѣкѣ,
Поставили вереюшки дубовыя,
Заложили грядочки таловыя,
Повѣсили петельки шелковыя,
Повели Ванюшеньку на висѣльницу.
Идетъ Ванюшенька на висѣльницу.
Ступилъ Ванюшенька на перву ступень,
Таково слово Ванюша проговорилъ:
«Вы позвольте, братцы, нову пѣсню спѣть
Про славнаго про князя про Волхонскаго!
Какъ доселева я жилъ со княгинею,
Какъ я жилъ съ сю, три годочка жилъ!»
Въ эту пору ходила молода княгиня по новымъ сѣнямъ;
Она съ горя, со кручины упала со новыхъ сѣней
И сломила себѣ буйну голову.
Въ эту пору, въ это времячко
Ванюшу повѣсили на шелковыя петли.
Тутъ дался князь Волхонскій во тоску, во кручинушку.

Архангельская губернія, Шенкурскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 130.

30.

Какъ во городѣ было въ каменной Москвѣ,
Какъ во улочкѣ было во Дмитровской.
Жилъ тутъ, поживалъ тутъ батюшка Волхонскій князь
Со своей ли то вѣрною со княгинею.
Жилъ тутъ, поживалъ тутъ Ванюшка ключничекъ.
Онъ не годъ живетъ со княгинею,
Онъ не годъ живетъ,—ровно два года.
Какъ на третій на годочекъ князь-то все довѣдался

Черезъ сѣнную дѣвчонку, чрезъ сѣнную послѣднюю.
Какъ вышелъ-то князь на крыльцо на паратное,
Онъ вскричалъ-то громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите Ваню ключничка,
Вы поскуйте ему скорыя ноженьки,
Вы свяжите назадъ бѣлыя ручушки!»
Псковали Ванюшкѣ скорыя ноженьки,
Какъ связали ему назадъ-то бѣлыя ручушки.
Какъ ведутъ ли-то Ванюшку подъ бѣлы-то руки,—
На Ванюшкѣ коленкорова рубашка вся изорвана,
Какъ буйная-то головушка въ трехъ мѣстахъ проломлена,
Какъ у Ванюшки скорыя-то ноженьки поскованы,
Какъ сафьянные сапожки кровью понаполнены...
Вотъ стоитъ ли-то князь на крыльцѣ-то паратномъ;
Увидѣлъ же-то Ванюшка князя-то Волхонскаго:
«Ахъ ты, батюшка, князь ты Волхонскій!
Ты прости меня большой-то виной,
Я не буду, я не стану никакихъ я дѣлъ-то дѣлать!»
Какъ вскричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Вы подите, вы возьмите заступы желѣзные,
Вы ройте-тка, копайте двѣ ямы глыбокія,
Вы поставьте два столба высокіе,
Положите переводы-то дубовые,
Вы повѣсьте-тка двѣ петли шелковыя,
Вы сдѣлайте крючья-то золоченые,
Три ступени тесовыя,
Вы покройте-тка ступени чернымъ сукномъ,
Вы ведите-тка Ванюшу на крутой-то крылецъ,
На крутой крылецъ на тесовый!»
Идетъ ли Ванюшенька, поклоняется,
Со всѣмъ добрымъ людямъ прощается:

«Прости, батюшка, прости, матушка,
Прости ты меня, мать сыра земля!»
Какъ вошелъ да-то Ванюшка на крутой крылецъ на
тесовый,
Онъ вскричалъ ли тутъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Ты позволь-ка-ся мнѣ надъ послѣднимъ краюшкомъ
Или пѣсенку спѣть, или на рожкѣ сыграть!»—
—«Вѣшайте вы Ванюшеньку!
Пускай Ванюшка качается,
Моя молодая-то княгиня пущай не печалится!
Какъ дознается моя-то вѣрная княгиня,
То-то она попечалится!»
Со печали-то, тоски на третій денекъ,
Какъ на третій на денечекъ вѣрная княгиня померла..

Новгородская губернія, Валдайскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 147.

31.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ;
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ, бояринъ-князь;
Не одинъ-то онъ живетъ, князь-бояринъ,—
Съ молодой съ княгинею.
Какъ у этого ли князя
Жилъ-былъ Ванька ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Молодая его душа княгиня
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой, да и не два года.
Какъ на третій годъ князь-бояринъ,

Онъ только довѣдался,
Онъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку.
Какъ и выходилъ князь-бояринъ
На свое красно крыльцо;
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите,
Охъ, да ворона коня,
Охъ, приведите ко мнѣ воронаго
Съ черкасскими новыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана ключничка!
Ужъ я его подарю ли,
Охъ, да воронымъ конемъ,
Воронымъ его конемъ ли
Съ черкасскими сѣдлами».
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается;
Молодая его душа княгиня
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, князь-бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
«Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?»
—«Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ, да не два года.»
Какъ и вышелъ князь-бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
«Слуги мои вѣрные,
Вы подите, мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги,
Лопатки острыя,

Вы поройте, мои слуги,
Двѣ ямы глубокія,
А во ямы-то поставьте
Столбики точеные,
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую;
На матицу повѣсьте
Мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка!»
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается.
Охъ, виситъ, виситъ Ванюша,
Ванюша качается.

Якушкинъ, стр. 539.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 138.

32.

Какъ у славнаго князя было у Волконскаго,
Жилъ-поживаетъ воръ Ванюша ключничекъ,
Молодой моей княгини полюбовничекъ.
Ужъ какъ онъ годъ живетъ, другой живетъ;
Что на третье лѣто князь довѣдался,
На того Ванюшу самъ разсéрдился
Черезъ бестію дѣвчоночку черную.
Тутъ вскричалъ князь своимъ громкимъ голосомъ:
«Уже слуги мои, служиночки вѣрные!
Вы подите, приведите вора Ваньку ключника,
Молодой моей княгини полюбовника!»
Что ведутъ-то, ведутъ Ванюшку скована;
Буйна голова у Вани распроломана,
Кашемировымъ платочкомъ перевязана;

Миткалинова рубашечка въ крови смочена.
Станетъ князь Волконскій выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю!»
—«Ничего-то, сударь, я не вѣдаю.»
Вскричалъ, вскричалъ на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
«Ай вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы подите, берите лопаточку желѣзную,
Вы копайте-ка двѣ ямы глубокія,
Становите-ка два столбика дубовыихъ,
Ужъ вы бейте, забивайте два крюка желѣзныихъ.
Кладите-ка жердочку кленовую,
Кладывайте двѣ петельки шелковыя!»
Поведутъ-то Ванюшеньку скована;
Очи ясныя тафтой завѣшены;
Ведутъ мимо княгинина окошечка.
Испроговоритъ воръ Ванюша ключничекъ:
«Ты позволь-ка мнѣ, Волконскій князь,
Позволь-ка запѣть съ горя пѣсенку!
Какъ было-то у Ванюшки погуляно,
Было попито, было поѣдено,
Во сахарнія уста поцѣловано,
Молодой твоей княгини на бѣлыхъ грудяхъ поле-
жано!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I, стр. 409.

33.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было пло-
щади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли-то и князя, князя-боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своей княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша-Ваня, князю ключни-
чекъ,

Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
Что и годъ живетъ Ванюша съ княгиней, другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣдался,
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной, горничной.
Вотъ выходитъ князь-бояринъ на свой красенъ крылецъ;
Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Вы идите, приведите вора Ваньку ключника!»
Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается,
Какъ у Ванюшки кудерцы-кудри завиваются...
Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ...сынъ,
Ты съ которой поры-время живешь со княгинею?»—
—«Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.»
Какъ и сталъ-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спрашивать;
Не добился князь-бояринъ тоей правды-истины.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Вы берите-тка, берите заступы желѣзные,
Ужъ вы ройте-тка, копайте двѣ ямы глубокія,
Ужъ вы ставьте-тка, ставьте два столба точоные,
Перекладину кладите, слуги, вы кленовую,
Вы идите, приведите вора Ваньку ключника!»
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу - Ваню черезъ княжій дворъ;
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки, ноги скованы,

Руки, ноги въ Вани скованы, да все переломаны...
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша-Ванюшка, шатается;
А и князь-то стоитъ, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами заливается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду-истину!»
—«Ужъ позволь ты, князь-бояринъ, позволь Ванѣ пѣсню спѣть,
Что и пѣсню Ванѣ, пѣсню, пѣсенку послѣднюю!
Что и было, князь-бояринъ, попито, поѣдено,
Во краснѣ было, бояринъ, въ хорошѣ похожено,
На кроватушкѣ тесовой въ насъ было полежано,
Да за бѣлыя-то за груди въ насъ было похватано,
Во уста-то во сахарны было поцѣловано,
Съ одного плеча было въ насъ поношено!»...
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные!
Ужъ вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку ключника!»
Вотъ повѣсили Ванюшу, Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

Орловская губернія. Якушкинъ, стр. 537.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 152.—Вильбоа, стр. 150.

34.

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключникомъ.
«Ты не лайся, не бранися, младой ключничекъ,
Я пойду ли, донесу князю-боярину...
Ужъ ты, батюшка ты нашъ, ты бояринъ-князь,
Ничего же ты не знаешь да не вѣдаешь,

Что живетъ-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!»
Что возговоритъ нашъ батюшка бояринъ-князь:
«Ужъ какъ есть ли у меня да слуги вѣрные?
Вы подите, приведите млада ключничка,
Вы поставьте млада ключника въ середи двора,
Что подъ то ли подъ косящато окошечко,
Ужъ я стану младаго ключника доспрашивать.
Ты скажи, скажи, младый ключничекъ, не утай грѣха!
Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,
А неправду ты мнѣ скажешь, я подъ кнутъ, да подъ кнутъ отдамъ!
Что живетъ ли моя княгиня съ твоей милостью?»
—«Что живетъ ли твоя княгиня со мною да три, ахъ, да три года.»
Что возговоритъ нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ, да бояринъ-князь:
«Ужъ какъ есть ли у меня скорые конюхи?
Ужъ вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
Вы поставьте два столба, вы да два высокіе,
Перекладинку вы поставьте, вы кленовую,
Ужъ вы петельку повѣсьте, вы шелковую!»
Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой-то ли княгини жизнь кончается.

Москва (цыгане). Якушкинъ, стр. 538.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 187.

35.

Какъ на островѣ было на Дмитревскомъ,
Тамъ жилъ, прожилъ батюшка Волконскій князь.
У князя былъ Ваня-Ванюша воръ ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ и годъ любилъ, Ванюша, онъ и другой любилъ;

А на третій годокъ про Ваню князь довѣдался
Черезъ сѣнную дѣвчонку, черезъ подлую.
И вскрикнулъ батюшка Волконскій князь:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы ройте, копайте двѣ ямы глубокія,
Вы ставьте, поставьте, два столба дубовые,
Вы кладите-ка, положите переводы кленовые,
Вы вѣсьте, повѣсьте петельку шелковую;
Вы ведите сюда Ваню вора ключничка!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ваню ключничка;
Въ Ванюшки головушка разломлена,
Вся миткалевая рубашечка кровью смочена...
«Вы вѣсьте, повѣсьте вора Ваню ключничка
Въ эту шелковую петельку!
И пусть Ваня-Ванюшка покачается,
Моя молодая княгиня пусть стоя попечалится!»
А молодая княгиня глядючи сжахнулася;
Въ эвтомъ случаѣ она переставилася.

Псковскій уѣздъ. Семевскій (Торопецъ), № 176.—Очень сходная пѣсня, неполная: Филиппов ъ, № 9.

36.

Во городѣ было во Питерѣ,
Во главной улицѣ Митревской,
Живетъ тутъ, поживаетъ Волконскій князь
Со своею молодою княгинею.
Влюбился въ княгиню Иванушка ключничекъ,
Молодой моей княгини, шельма, полюбовничекъ.
Ужъ онъ годъ живетъ, Ванюша, и другой живетъ,
А на третій годъ князь довѣдался,
Что на шельму на Ваню, на Ваню прогнѣвался,
Черезъ тое черезъ дѣвку, дѣвчонку сѣнную,
Черезъ самую подлячку, подлячку послѣднюю.

Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги мои вѣрные,
Ужъ вы, други мои, други неизмѣнные!
Вы подите, приведите ко мнѣ Ваню ключничка,
Молодой моей княгини полюбовничка!»
—«Ты поди, поди, Ванюша, тебя князь зоветъ;
Ужъ онъ хочетъ тебя жаловать
Селами, деревнями, третьими—кнутами ремеными!»
—«Слуги мои, слуги,
Вы копайте-ка двѣ ямы, двѣ ямки глубокія,
Становите столбочки все точеные,
Вбивайте-ка колечки, кольца золоченыя,
Вѣшайте моточки, моточки шелковые,
Ужъ вы вѣшайте Ванюшку - Иванюшу ключничка!»—
—«Вы послушайте, братцы, дайте нову пѣсню спѣть!
Что во городѣ во Питерѣ,
На главной на улицѣ на Митревской,
У того ли князя, у князя Волконскаго,
Было попито, было и погуляно,
На пуховыхъ перинахъ было полежано,
За бѣлыя груди было подержано!»
Какъ Иванушку повѣсили,
А молодая княгиня въ хоромахъ зарѣзалась;
А Иванушка качается,
А молодая княгиня во хоромахъ кончается.

Болховъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 162.

37.

Живетъ-поживаетъ
Батюшка Волхонскій князь.
Какъ у этого у князя

Жилъ Ванюша ключничекъ,
Размолоденькой княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ванюшка годъ живетъ съ княгиней,
Ванюшка другой живетъ;
Какъ на третій-то годочекъ
Волхонскій довѣдался
Чрезъ этаку дѣвчонку,
Дѣвчоночку сѣнную,
Ею сѣнную, каналью,
Самую послѣднюю.
Выходилъ тутъ князь Волхонскій
На свой на высокъ балконъ,
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги,
Служаночки вѣрные!
Вы подите-тка, возьмите
Лопаты зелѣзныя!
Ужъ вы ройте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія!
Ужъ вы ставьте-ка, поставьте
Два столба дубовые!
Перекладинки положьте
Новыя кленовыя!
Ужъ вы вѣсьте-тка, повѣсьте
Двѣ петли шелковыя!
Вы сходите, приведите
Вора Ваню ключничка!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу,
Ведутъ Ваню подъ руки.
Какъ у Ванюшки головушка
Вся проломлена,
Коленкорова рубашка
Вся въ кровь призамарана,

Левантиновымъ платочкомъ
Головушка связана.
Приводили Ваню-Ванюшку
Ко князю Волхонскому.
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги,
Слуги вѣрные!
Вы сведите и повѣсьте
Вора Ваньку ключничка!»
Закричалъ Ванюша ключничекъ
Громкіимъ голосомъ:
«Ужъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Ты позволь-ка-сь мнѣ, батюшка,
Позволь мнѣ спѣть пѣсенку!
Ванюшку ведутъ на вѣшалицу,
А твоя молодая княгиня
Ужъ давно въ петлѣ виситъ!»

Жилъ тутъ, поживалъ
Батюшка Волконскій князь.
Какъ у этого у князя
Жилъ Ванюша ключничекъ.
Ваня годъ живетъ съ княгинею,
И другой живетъ;
На третій на годочекъ
Волхонскій довѣдался
Черезъ этаку дѣвчонку,
Дѣвчоночку сѣнную,
Сѣнную, каналью,
Самую послѣднюю.

Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, вып. III, стр. 3.— Сходная пѣсня, неполная: Шейнъ (Чтенія), стр. 34.

38.

Какъ поссорился Ванюша
Со сѣнною дѣвушкой,
Что съ такою шельмою сѣнной,
Съ самою послѣднею.
Начала эта дѣвчонка
Угрозы угроживать:
«Ты добро, добро, ты, Ванюша,
Добро, шельма ключничекъ!
Что дойдутся эти рѣчи,
Рѣчи самому князю!
Охъ ты, князь, князь нашъ Волхонскій,
Все ты пьешь, гуляешь,
Ничего ты въ своемъ домѣ
Не знаешь, не вѣдаешь!
Что молода твоя княгиня
Живетъ съ Ванькою ключничкомъ!»
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы подите, приведите
Ко мнѣ Ваньку ключничка,
Молодой моей вотъ княгини
Вѣрна полюбовничка!»
— «Ты поди-ка, Ванюша,
Поди, тебя баринъ зоветъ;
Какъ и хочетъ тебя баринъ,
Хочетъ тебя жаловать,
Какъ своимъ ли, своимъ, Ванюша,
Своимъ воронымъ конемъ!»
Что идетъ, идетъ ли Ванюша,
Идетъ широкимъ дворомъ;

Какъ на Ванюшкѣ-то рубашка
Съ кровью перемѣшана...
Закричалъ же князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги!
Вы подите же, берите
Лопаты широкія,
Вы копайте, вы копайте,
Вы ямы глубокія,
Становите вы столбочки,
Столбочки точеные,
Вы кладите перекладъ,
Перекладъ кленовый,
Вы цѣпляйте, вы петельку,
Петельку шелковую!»
Закричалъ-то Ваня ключникъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты, князь нашъ, князь Волхонскій!
Прикажи мнѣ пѣсню спѣть!
Что съ твоей младой вотъ княгинею
Попито, погуляно,
Въ сахарныя вишь усточки
Было поцѣловано!»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите же Ванюшку,
Цѣпляйте за голову!»
Какъ и Ванюшка въ петелькѣ,
Въ петелькѣ качается;
Молодая его вотъ княгиня
Въ терему кончается,
А какъ самъ-то князь Волхонскій
Стоитъ, улыбается.

Выходила сѣнная дѣвка
Самая послѣдняя:
«Охъ, ты, князь, князь нашъ Волхонскій!
Загубилъ ты три души:
Эхъ, какъ двѣ души вотъ виновныя,
Третья не виновная!»

Воронежская губернія, Бобровскій уѣздъ. Шейнъ (Чтенія), стр. 31.
Въ пѣніи каждое двустишіе повторяется два раза.

39.

Далече, подалече было—въ каменной Москвѣ,
Во второй улицѣ во Дмитровкѣ;
Жилъ-проживалъ Волхонскій князь.
У этого князя жилъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ Ванюша-Ванюшка, и другой живетъ,
Ну на третій на годочекъ самъ князь довѣдался
Отъ такой ли отъ дѣвчонки, дѣвчоночки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
«Слуги ли вы мои, слуги, служаночки вѣрныя!
Подите-ка возьмите лопаточки желѣзныя,
И ройте, копайте двѣ ямы глубокія,
Вы ставьте, поставьте два столба точеные,
Вы кладите перекладину новую ясновую,
Вы бейте, вколотите два кольца желѣзныя,
И вѣшайте, повѣшайте двѣ петли шелковыя!»
Закричалъ князь Волхонскій на своихъ на вѣрныхъ слугъ:
«Охъ вы, слуги мои, слуги вѣрные мои!
Вы ведите, приведите вора Ваню ключничка,
Молодой моей княгини вѣрнаго полюбовничка!»

Ведутъ Ваню по большой по улицѣ,
По славной по Митровской.
У Ванюши головка поизломана,
Кашемировымъ платкомъ головушка связана,
Коленкорова рубашечка кровью вся измочена.
Самъ стоитъ князь Волхонскій, надсмѣхается,
Надъ его буйною головушкой надругается;
А Ваня князю возмоляется:
«Позволь, князь Волхонскій, нову пѣсню спѣть!
Дальше, подальше—въ каменной Москвѣ
Жилъ-проживалъ Ванюшка ключничекъ.
У этого князя былъ зеленый садъ,
Въ этомъ садикѣ горенка новая,
Въ этой горенкѣ кроватка тесовая,
На кроватушкѣ перинушка пуховая;
Въ этомъ во садишкѣ Ваней погуляно,
На этой на перинѣ много полежано,
Въ этой во горенкѣ съ молодой княгиней погуляно,
Съ молодой княгиней полежано,
Молоду княгиню за груди подержано,
По черному по соболю Ваней подрано.»
Надъ Ванюшиной головушкой князь надругается:
«Пусть Ванюшина головушка покачается!
Пусть молода княгиня въ терему кончается!»

Псковская губернія. Шейнъ (Чтенія), стр. 36

40.

Ужъ на горкѣ возлѣ рѣчки
Стоялъ новъ высокъ теремъ;
Ужъ и въ этомъ теремочкѣ
Жилъ да былъ Волхонскій князь.
Какъ у эвтого ль у князя
Были слуги вѣрные;

А ужъ всѣхъ-то ихъ вѣрнѣе
Былъ Ванюшка ключничекъ,
Молодой его княгини
Вѣрный полюбовничекъ.
Ужъ и годъ любилъ Ванюша,
Онъ другой любилъ;
А на третій годъ про эвто
Самъ ли князь довѣдался,
Черезъ сѣнную ли дѣвчонку
Самую паскудную.
Ужъ и вышелъ князь Волхонскій,
Онъ на свой красенъ крылецъ;
Ужъ и крикнулъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, вы гой еси, мои холопья,
Слуги мои вѣрные!
Вы возьмите-ка, возьмите
Заступы желѣзные,
Вы копайте-ка, копайте
Двѣ ямы глубокія,
Вы поставьте тутъ, поставьте
Два столба точеные,
Вы кладите между ними
Тонку перекладину,
Вы повѣсьте, вы повѣсьте
Петельку шелковую;
Вы подите, приведите
Вора Ваньку ключника!»
Ой, ведутъ Ванюшу;
Руки, ноги скованы,
Шелкова его рубашечка
Изодрана,
Его буйная головка
До мозгу проломлена,
А сафьяны-сапожки

Кровью залиты.
Ой, ведутъ, ведутъ Ванюшу...
Самъ князь усмѣхается:
«Ты скажи, скажи, Ванюша,
Ты скажи мнѣ, варваръ мой!
Ты съ какой поры, со времени
Со княгиней свѣдался?»
—«Ничего, сударь, не знаю,
Ничего не вѣдаю,
Ужь и гдѣ же мнѣ, холопу,
Со княгиней знатися?...»
Закричалъ тутъ князь Волхонскій
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Ой вы, слуги мои, слуги мои вѣрные!
Вы повѣсьте-ка, повѣсьте
Вора Ваньку ключника!»
—«Нѣтъ, постойте-ка, постойте
Вы, мои товарищи!
Ужъ вы дайте мнѣ потѣшить
Нашего боярина!
Ужъ и третій годъ я, сударь.
Со княгиней знаюся....
Что въ этомъ теремочкѣ
Много было гуляно,
На пуховой ли перинѣ
Много было лежано,
За бѣлыя ли за груди
Много было хватано,
Про твою ли, сударь, милость,
Часто было ругано!»—
—«Ну, повѣсьте же, повѣсьте
Вора Ваньку ключника,
Молодой моей княгини
Вѣрна полюбовничка!
Ужъ пускай же воръ Ванюшка,

Пускай покачается!
Молода моя княгиня
Пускай попечалится!»

Москва. Шейнъ (Чтенія), стр. 28.

41.

Ахъ, былъ я, братцы, во святой Руси,
Во святой было Руси, въ каменной Москвѣ.
Тамъ построены палаты новы каменныя;
Какъ во этихъ во палатахъ жилъ Волхонскій князь;
Не одинъ-то онъ жилъ, княжичекъ,—съ молодой своей княгиней.
У этого у князя былъ душа Ванюша, вѣрный ключничекъ.
И жилъ душа Ванюша со молодой со княгиней со его,
Нисколько не мало, ровнехонько три года.
На четвертыимъ на годочку самъ князь довѣдался,
Самъ князь довѣдался, Волхонскій дослышался,
Отъ молоденькой дѣвчоночки отъ сѣнной,
Отъ сѣнной, отъ самой послѣдней.
Выходилъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій громкимъ голосомъ своимъ:
«Ужъ ты, душенька Ванюша, вѣрный ключничекъ ты мой!
Ты поди сюда, Ванюша, на крашенъ на новъ крылецъ!»
Какъ и взялъ его князь Волхонскій за правую руку,
Какъ повелъ князь Волхонскій въ особую комнату его,
Какъ и зачалъ князь Волхонскій крѣпко Ванюшу спрашивати:

«Ты скажи, душа Ванюша, всее правду мнѣ,
Всее правду мнѣ, правду истинную!
Ты съ какого со время съ моей княгиней началъ жить?»
—«Знать-то я не знаю, князь Волхонскій, и не вѣдаю.»
И ударилъ князь Волхонскій по бѣлу Вани лицу,
И по бѣлому по личику, по щекѣ румяной:
Изъ бѣла лица кровь-руда брызнула,
Изъ очей его ясныхъ слезы покатились, словно градъ.
Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ бѣлъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Ужъ вы стройте-ка, ребята, крашеныя рельицы,
И вейте поскорѣе шелковыя петельки,
И повѣсьте вы, ребята, вѣрнаго моего ключника,
Вѣрнаго моего ключника, душу Ванюшку!»
Подвели душу Ванюшку къ крашенымъ ко рельицамъ,
И сталъ душа Ванюша крѣпко умаливати:
«Ужъ вы, братцы мои, ребята, прежніе товарищи мои!
Вы подайте мнѣ гитару, я сыграю на нее!»
Онъ сталъ играть, играть, да приговаривать,
И всю правду зачалъ разсказывать:
«То-то, ребята, сколько было попито, поѣдено,
Съ молодой княгиней сколько погуляно,
И цвѣтное платье сколько поношено.»
И повѣсили Ванюшеньку за правое ребрышко,
И онъ на рельицахъ качается;
Молода княгиня о немъ печалится.
И на третій день княгиня сама скончалася,
Подъ этими рельицами вострымъ ножикомъ зарѣзалася.

Выбѣгалъ князь Волхонскій на крашенъ на новъ крылецъ,
Закричалъ князь Волхонскій: хлѣбъ-соль не кушати!

Саратовская губернія, Хвалынскій уѣздъ. Шейнъ (Чтенія), стр. 24.

42.

Какъ во славномъ-то городѣ Саратовѣ,
Во улицѣ во Дмитровской,
Какъ тутъ живетъ-то, поживаетъ
Батюшка Волхонскій князь;
Какъ у этого у князя
Живетъ Ванька ключничкомъ.
Какъ и вышелъ батюшка Волхонскій князь
На крылечко на новое;
Закричалъ-то батюшка Волхонскій князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите, приведите ко мнѣ Ваню ключничка!»
Какъ ведутъ Ваню ключничка:
Бѣлыя куделюшки расчесаны,
Бархатный кафтанчикъ раздувается....
Привели-то Ванюшу ко князю Волхонскому.
«Ахъ ты, Ванька, ... сынъ!
Ты скажи, сколько лѣтъ со моей княгиней жилъ?»—
—«Отъ кого вы узнали, батюшка Волхонскій князь?»
—«Я узналъ отъ дѣвчонки сѣнной,
Отъ самой послѣдней!»—
—«Скажу вамъ, батюшка Волхонскій князь:
Ровно только девять лѣтъ.»
Закричалъ-то князь Волхонскій
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ, слуги мои, служеньки, слуги вѣрные!
Какъ вы сдѣлайте хоромы, хоромы не мшеные,

Совсѣмъ не свершеные,
Вы сдѣлайте въ хоромахъ релюшки точеныя,
Релюшки точеныя, петельки шелковыя,
Вы подите, приведите сюда Ваню ключничка!»
Стали Ваню жаловать релюшками точеными,
Релюшками точеными, петельками шелковыми...
«Ахъ ты, батюшка Волхонскій князь!
Прикажи мнѣ слово молвити....»
Какъ и Ванюшка-то нареляхъ качается;
Молодая княгиня во теремѣ кончается.

Саратовская губернія, Сердобскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 159.

43.

Какъ во-далече, далече,—въ каменной Москвѣ,
Въ той было улочкѣ Успенской,
Тутъ живетъ, проживаетъ батюшка Волхонскій князь,
У него да проживаетъ молодой деньщикъ,
Молодой деньщикъ да Ванька ключничекъ,
Молодой его княгини полюбовничекъ.
Онъ не годъ живетъ, Ванюшка, не два года;
Онъ живетъ у него да три годочка.
На четвертый годочекъ князь довѣдался,
Самъ на него прогнѣвался.
Выходитъ князь на высокъ балконъ
И кличетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Есть ли при мнѣ слуги, слуги вѣрные мои?
Вы пойдите, приведите Ваньку ключника!»
Ведутъ-то, ведутъ Ванюшеньку не пьянаго,
А ведутъ его избитаго.
Его буйная головушка изломана,
Коленкорова рубашка вся изорвана,
Матерева жилетка кровью призабрызгана...

Приводятъ Ванюшку ко князю каяться;
Началъ его князь грозно спрашивать:
«Ты давно ли, Ванюшка, съ княгиней знаешься?»
Отвѣчаетъ князю Ванюшка ключничекъ:
«Я сударь, не знаю, не вѣдаю....»
—«Я за то тебя, Ванюша, подарить хочу
Двумя селами со деревнями....»
—«Я самъ знаю про то, вѣдаю:
Хочешь ты дарить двумя столбами съ перекладиной,
Четвертой-то шелковой петелькой,
За мою вину да за проступочку,
За веселую мою да за гуляночку.
Не веди ты на насъ гнѣвъ да свою пенюшку,
Веди ты гнѣвъ да на свою жену,
На свою супругу благовѣрную!
За охотниками она была охочая...»
Не домолвилъ Ванюша ключничекъ,
И ужъ качается въ шелковой петелькѣ,
Между двумя столбами съ перекладиной.

Пермская губернія, Камышловскій уѣздъ. Шейнъ (Чтенія), стр. 27.

44.

Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій князь;
У этого у князя жилъ Ванюша ключничекъ.
Ваня годъ живётъ, другой живётъ;
На третій годъ князь довѣдался.
Закричалъ князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
Вы подите, приведите вора Ваньку ключничка!»
Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,

Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-то господинъ Волконскій князь громкимъ
голосомъ:
«Вы подите-ка, вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
Положите перекладецъ сосновыій,
Повѣсьте двѣ петли шелковыя!
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!»

Псковская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 137. Записано А. С. Пушкинымъ.

45.

У князя, у князя, у князя Волхонскаго
Былъ Ванюша вѣрный ключничекъ,
Молодой княгини вѣрный полюбовничекъ.
И все князь дознался, все-то онъ довѣдался
Черезъ сѣнную, сѣнную дѣвчонку;
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Ройте ямочки, ямочки глубокія,
Становьте, становьте столбы высокіе,
Вейте петли, петли шелковыя!
Ужъ вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Приведите ко мнѣ Ваню ключничка!»
Идетъ Ваня, идетъ, спотыкается;
Молода княгиня плачетъ и печалится.
Виситъ Ваня, виситъ, качается;
Молода княгиня въ спальнѣ кончается.

Рязанская губернія, Сапожковскій уѣздъ. Прокунинъ, № 6 («протяжная»). Второе полустишіе повторяется.

46.

Ягодка лѣсная подъ закрышею цвѣла;
Молода княгиня съ княземъ въ теремѣ жила.
Былъ Ванюша-Ваня, ключникъ молодой;
Злой разлучникъ чужу сторону позналъ;
Сталъ похаживать къ княгинѣ молодой,
Подарилъ княгинѣ злато кольцо.
А княгиня молодая увивалась въ сорочкѣ на плечѣ (?),
Просила-голосила на князеву кровать,
На шелковую перину, на пуховую подушку...
Сталъ домѣчать князь до княгини до своей...
«Слуги, слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите Ваньку ключника ко мнѣ!»
Какъ ведутъ, ведутъ Ванюшу на шелковомъ поясѣ...
Какъ повѣсили Ванюшу на шелковомъ поясѣ:
«Ты виси, виси, Ванюша, за князеву жену!»
Какъ повѣсили княгиню на ременчомъ на кнутѣ;
«Ты виси, виси, княгиня, по несчастью своему!»

Смоленская губернія. Смоленскій Вѣстникъ, 1888 года, № 32.

47.

Ты, батюшка нашъ, батюшка,
Воевода князь Волконскій!
Ты пьешь, гуляешь, ничего не вѣдаешь!
Какъ живетъ твоя молодая княгиня
Со младымъ ключникомъ,
Твоимъ разлучникомъ!»
Тутъ Волконскій князь призадумался...
Какъ и сталъ-то князь Волконскій
Молодаго ключника допрашивать:
«Ты живешь ли, молодой ключничекъ,
Со младой княгинею?»

*

Молодой ключничекъ повинился:
«Во зеленомъ саду много гуляно,
За бѣлы руки много держано.»
Осерчалъ-то, закричалъ князь Волконскій:
«Эй, поставьте два столба точеные,
На нихъ жердочку крашеную,
Да повѣсьте петельку шелковую!»
Виситъ молодой ключничекъ, качается;
Лежитъ молодая княгинюшка, кончается.

Терская область. Терскія Вѣдомости 1868 года, № 52.

48.

Во селѣ-то, во селѣ было Измайловѣ,
У князя было у Волхонскаго,
Изъ терема было изъ высокаго,
Изъ окошечка было изъ косящаго,
Изъ стекольца изъ хрустальнаго,
Вылеталъ тутъ, вылеталъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ, пташка вольная.
За соколомъ бѣжитъ слуга вѣрная,
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты ой еси, младъ ясенъ соколъ!
За тебя ли меня, сокола, казнить хотятъ,
Казнить-то хотятъ, хотятъ вѣшати!»
Онъ кричитъ-то ему, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
Я теперь соколъ на своей волѣ!
Вечоръ-то вы надо мною надругалися:
Кормили вы меня, сокола, мертвою вороною,
Поили сокола водою болотною!»

Симбирская губернія, Буинскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 161.

49.

Время проходитъ, время летитъ,
Время проводитъ, ничто не льститъ.
Любила княгиня камеръ-лакея,
Любила она четыре года;
На пятыемъ году князь догадался,
На княгиню прогнѣвился:
«Слуги мои, слуги вы вѣрные, нелицемѣрные!
Вы поймайте камеръ-лакея,
Вы поймайте молодаго,
Руки вы, ноги свяжите,
И вы бросьте въ тое рѣку,
Въ тое рѣку во Смородинку!»
Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболѣла, захотѣла свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины:
«Слуги мои вѣрные,
Слуги мои нелицемѣрные!
Возьмите вы шелковый неводъ,
Поймайте мнѣ свѣжей рыбы,
Свѣжей рыбы, бѣлужины!»
Сколько ловили, не изловили;
Только поймали бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло камеръ-лакея,
Камеръ-лакея молодаго.
«Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьицу,
Вы несите во свѣтлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные вѣтры,
Вывѣйте изъ князя душу,
Вы вложите въ камеръ-лакея,

Вы вложите въ молодаго!»
Ея вѣтры не послушались,
Изъ князя душу не вывѣвали
И въ камеръ-лакея не вдували.
«Охъ вы, мои рѣзвыя ноги,
Знать-то вы ко мнѣ не находились!
Охъ вы, мои бѣлыя руки,
Знать-то вы меня не наобнимались!
Охъ вы, мои очи ясныя,
Знать-то вы на меня не наглядѣлись!
Охъ вы, мои уста сахарныя,
Знать-то меня не нацѣловались!
Охъ вы, мои цвѣтныя платья,
Знать-то мнѣ васъ не носити!
Охъ вы, мои черныя платья,
Знать-то мнѣ васъ надѣвати!
Знать-то мнѣ цвѣтное платье скидавати,
Надѣвать-то мнѣ платье черное!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. V, стр. 180. Каждый стихъ повторяется.

50.

Любила княгиня камеръ-лакея,
Любила ровно четыре года.
Увѣдалъ князь про княгиню,
Что любитъ камеръ-лакея.
«Есть ли у меня вѣрные слуги,
Вѣрные слуги, камеръ-лакеи?
Берите вы, слуги, тугіе луки,
Стрѣляйте вы въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло, въ камеръ-лакея;
Бросайте вы тѣло въ быструю рѣку!»
Увѣдала княгиня про камеръ-лакея.
«Есть ли у меня вѣрные слуги,

Вѣрные слуги, камеръ-лакеи?
Вяжите, вяжите шелковы неводы,
Бросайте вы неводъ въ быструю рѣку,
Ловите, ловите бѣлое тѣло,
Бѣлое тѣло, камеръ-лакея,
Кладите вы тѣло въ золоту гробницу,
Несите вы тѣло въ свѣтлу свѣтлицу!
Вздуньте вы, вздуньте, буйные вѣтры,
Выньте вы, выньте душу изъ князя,
Душу изъ князя, изъ моего мужа,
Вложите вы душу въ бѣлое тѣло,
Въ бѣлое тѣло, въ камеръ-лакея,
Камеръ-лакея, моего милáго!
Кого я любила, того бъ оживила,
Кого не любила, того бъ погубила!»

Пѣсенникъ 1780 года, ч. III, стр. 168.—Россійская Эрата, ч. III, № 110.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 182.—Шейнъ (Чтенія), стр. 35.

51.

Ахъ, нынѣшня зима непогожая была,
Непогожая была—все метелица мела,
Завьяла, замела, всѣ дорожки занесла!
Ахъ, нѣту мнѣ пути, куда къ миленькой идти!
Я по старымъ по примѣтамъ по задьгуменью пройду
И я улицею—сѣрой утицею,
Черезъ черную грязь—перепелицею,
Подъ воротенку пойду—бѣлой ласточкою,
На широкій дворъ взойду—горностаюшкою,
На крылечушко взлечу—яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ взойду—добрымъ молодцомъ.
Какъ увидѣла боярыня холопа изъ окна:
«Ахъ, негóдница холопъ, гдѣ ты спалъ, ночевалъ?»
—«Боярыня, сударыня, у тебя въ терему,

У тебя въ терему, въ шитомъ браномъ пологу,
Въ шитомъ браномъ пологу, на перинахъ, на пуху!»
—«Ахъ, негодница холопъ, на что сказываешь?»—
—«Боярыня, сударыня, на что спрашиваешь?»
Кабы ты да не спросила, я бы вѣкъ не сказалъ!»—
—«Ахъ, негодница холопъ, я съ двора тебя сошлю!»—
—«Боярыня, сударыня, я и самъ сойду,
Я и самъ сойду, три бѣды снаряжу:
Ахъ, первую бѣду, вороно́ коня сведу,
А другую-ту бѣду, твою дочь уведу,
А третью бѣду, самое тебя убью!»—
—«Ахъ, душечка холопъ, животы мои холопъ,
Поживи ты у меня, поработай на меня,
На меня на вдову и на дочь на мою!»
—«Боярыня, сударыня, я и радъ работать,
На тебя на вдову и на дочь на твою!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 137.

52.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима вьюжлива была,
Все кутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламливала!

Какъ изъ барскихъ воротъ
Молодой идетъ холопъ;
А на встрѣчу холопу
Сама барыня идетъ
И приграживаетъ:
«Ахъ ты, с . . . . сынъ холопъ,

Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Гдѣ ноченьку ночевалъ?»
—«Сударыня боярыня,
Во твоемъ терему,
Въ шитомъ браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
Съ твоей дочерью,
Душой Машенькою!»—
—«Ахъ, ты, с . . . . сынъ холопъ,
Почто сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня,
Почто спрашиваешь?»—
—«А и я тебя, каналью,
Со двора своего сгоню!»—
—«Сударыня боярыня,
Не согнавши, самъ пойду,
Душу Машу уведу!»—
—«Ты, раздушечка холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на себя,
Отдамъ Машу за тебя!»

Тверская губернія, Осташковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 175 («хороводная игровая»).

53.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Зима вьюжливая;
Зима вьюжливая,
Заметелистая,
Закуделистая!

Изъ тѣхъ новыхъ воротъ
Идетъ съ барыней холопъ.
Какъ и барыня холопа

Стала спрашивати:
«Ты, раздушенька холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Темну ночку ночевалъ?»—
—«Сударыня боярыня,
У тебя въ терему,
Съ твоей дочерью!»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Поди вонъ изъ хоромъ!»—
—«Сударыня боярыня,
Безъ посылу вонъ пойду,
Три-то бѣды разскажу:
Я на первую бѣду—
Воротички растворю,
На вторую-то бѣду—
Пару коней уведу,
А на третью бѣду—
Твою дочь увезу,
Во карету посажу!»—
—«Ты, раздушенька холопъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на меня,
На меня и на себя,
И на дочь на мою!»

Тверская губернія. Шейнъ, стр. 177 («хороводная игровая»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Дунай мой, Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай.

54.

Несчастная наша доля! никто насъ не любитъ!
Полюбила молодчика дворянская дочка,
Взяла его за рученьку, повела во спальню,
Посадила на кровать, стала его цѣловать;
Цѣловала, миловала, къ сердечушку прижимала:
«Сердечушко-радость мой, ты, молодчикъ молодой!
Посиди, душа, со мной, сотворю любовь съ тобой!
Научи меня по-русски, еще по нѣмецки!»—
—« Шилды, балды, закоулды, это по-нѣмецки;
Разбестія, подай башмакъ, то есть по-россійски!»

Вдоль по лугу, лугу, лугу зеленому,
Шелъ молодчикъ молодой, не женатый, холостой.
Увидѣла барыня молодчика изъ окна:
«Ахъ ты, душечка лакей, ты, молодчикъ молодой!
Гдѣ ты былъ, побывалъ, темну ночь ночевалъ?»—
—«Сударыня барыня, я у васъ въ терему,
Я у васъ въ терему, въ шитомъ браномъ пологу,
На кроватушкѣ спалъ, твою дочку цѣловалъ!»—
—«Ахъ ты, бестія лакей, зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня боярыня, на что спрашиваешь?»—
—«Я жъ за эту за вину со двора тебя сгоню!»
—«Сударыня барыня, я и самъ сойду,
Я и самъ сойду, три бѣды стрясу!
Ужъ какъ первую бѣду,—кладовую подломлю,
А другую-то бѣду,—пару коней уведу,
Еще третію бѣду,—твою дочку увезу!»

Пѣсенникъ 1810 года, стр. 175.

55.

Изъ за барскаго двора
Выѣзжаетъ самъ холуй.
На встрѣчу холую
Сама барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ,
Сама спрашиваетъ:
«Ты, разс. . . . сынъ холуй,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Да ты гдѣ ночевалъ?»
—«Сударыня барыня,
Я у васъ на дворѣ,
Во высокомъ терему,
Во горницѣ во новой,
На кровати тесовой,
Съ вашей дочерью родной!»—
—«Ты, разс. . . . сынъ холуй,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?»—
—«Ты разс. . . . сынъ холуй,
Со двора я вонъ сгоню!»—
—«Сударыня барыня,
Самъ съ охотою пойду,
Вашу дочку уведу!
Сударыня барыня,
Я вамъ дровецъ наколю,
Въ спальнѣ печку истоплю!»—
—«Разс. . . . сынъ холуй,
Я блиновъ те испеку!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 78 («вечериночная»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Дунай мой, Дунай, веселый Дунай.

56.

Изъ холопскихъ воротъ
Молодой холуй идетъ;
Изъ боярскихъ воротъ
Сама барыня идетъ,
Сама барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ.
«Ты, разс. . . . сынъ холуй,
Гдѣ ты, былъ побывалъ?»—
—«Сударыня, на дворѣ,
Во высокомъ теремѣ,
На кроваткѣ тесовой,
На перинѣ пуховой,
На подушкѣ шелковой,
Съ твоей дочерью родной!»
—«Ты, разс. . . . сынъ холуй,
На что сказываешь?»
—«Сударыня боярыня,
На что спрашиваешь?
Кабы ты не спросила,
Я бъ тебѣ по вѣкъ не сказалъ!»
—«Ты, разс. . . . сынъ холуй,
Со двора долой сгоню!»—
—«Сударыня боярыня,
Самъ охотою пойду,
Три бѣды я сдѣлаю:
Какъ я первую бѣду—
Тройку сѣрыхъ уведу,
А другую бѣду—
Я коляску увезу,
А третью бѣду—
Твою дочку увезу!»—

—«Ты разс . . . . сынъ холуй,
Со дороги ворочу!»

Тульскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 179. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Дунай мой, Дунай, съ повтореніемъ втораго стиха.

57.

Какъ задула, завела
Скоръ-погода и вьюга;
Какъ задула, занесла
Всѣ дорожки и пути,
Всѣ дорожки и пути,—
Негдѣ къ лапушкѣ пройти!

Пробирался воръ Ванюша
Позагуменьемъ, позасельницемъ;
Становился воръ Ванюша
У широкіихъ воротъ.
А милая увидала
Изъ краснáго изъ окна;
Катюшенька выходила,
Его за руку взяла:
«Ужъ ты, с . . . . сынъ Ванюша,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?»—
—«Сударыня боярыня,
Я у васъ въ терему,
Я у васъ въ терему,
Я давно здѣсь стою.»
—«Ужъ я за эту вину,
Я во дворъ къ себѣ приму!»
—«Сударыня боярыня,
Я съ охотою иду!
Ужъ я за эту вину
Три бѣдушки сдѣлаю:
Ужъ я первую бѣду—

Я ворота растворю;
Я другую-то бѣду—
Пару коней уведу!»

Владимірская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, № 19. Послѣ каждаго двустишія припѣвъ: Чернобровка, чернобровка, чернобровая моя.

58.

Спрошу Ваня у тебя:
Не болитъ ли голова?
Что не болитъ ли головушка,
Не ноетъ ли животъ?—
—Хоша ноетъ животъ,
Въ отдалѣ милой живетъ;
Что во далѣ, во далѣ—
На чужой сторонѣ,
На чужой дальней сторонкѣ,
За канавой, за рѣкой,—
Перевозъ дорогой,
Перевощикъ молодой.
Что не бѣлая береза
Къ землѣ клонится;
Не сырая, кужлевая
Разстилается;
Передъ молодцемъ дѣвица,
Призадумавшись, стоитъ,
Во туманѣ говоритъ:
Таки братъ, таки братъ,
Таки братъ сестру нашелъ,
Къ сестрѣ въ гости пошелъ,
Три подарочка понесъ:
Подарочки—пранички,
Орѣшечки, яблочки;
Таки ситчику на юбочку,

Тафтцы на рукавцы,
Плису-бархатцу на шейку,
Галунокъ на платокъ.

«Ужъ ты, с.... сынъ лакей,
Ты, каналья лакей,
Гдѣ ты спалъ, ночевалъ?»—
—«Сударыня барыня,
Я у тя въ терему,
Въ шитомъ браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
Съ твоей дочерью!»—
—«Ужъ ты, с.... сынъ лакей,
Ты, каналья лакей,
Я въ солдаты отдамъ!»—
—«Сударыня барыня,
Я и самъ пойду,
Три бѣды уведу:
Я первую-то бѣду—
Пару коней уведу;
А другую-то бѣду—
Я карету увезу;
А третью-то бѣду—
Твою дочь посажу!»—
—«Ужъ ты, с.... сынъ лакей,
Зачѣмъ сказываешь?»—
—«Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
Кабы ты бы не спросила,
Я бы вѣкъ бы не сказалъ,
Всѣмъ сосѣдямъ заказалъ!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 132 («семейная протяжная»).

59.

Полянка, полянка, дѣвчонка моя,
Да и гдѣ же ты, поляночка, погуливала?
Не видать, не слыхать, да не чуть про нее!
Взговорилась, взволновалась поляночка во селѣ,
Заразъ очутилась у дѣвушки на дворѣ.
Всѣ дѣвушки глядятъ, всѣ молодушки смотрятъ.
«Не дивуйтесь-ка, сестрицы, на мое веселье;
Не одна я пришла,—со милымъ дружкомъ,
Со миленькимъ дружочкомъ, все забавничкомъ!
Вы запойте-ка, сестрицы, вы запойте казачка,
Того казачка, все забавничка!»
Казакъ, казачекъ, казакъ, миленькій дружекъ,
Ему скачутъ, ему пляшутъ и его веселятъ.
«Прощай, милая коханка, прощай, лапушка моя!
Ѣду въ дальніе края, покидаю я тебя!
Прощай, мой свѣтъ, мнѣ милѣе тебя нѣтъ!..»
«Раздушечка казакъ, поживи у меня,
У меня въ терему съ моей дочерью!....
Разс.... сынъ казакъ, со двора тебя сгоню!»—
—«Я и самъ сойду, три бѣды сведу:
Какъ первую бѣду—пару коней уведу;
А вторую бѣду—твою дочь увезу;
А третью бѣду—самое те увезу!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 149 («удалая»).

60.

Собирался князь Михайло
Въ государеву во службу;
Онъ приказывалъ своей матушкѣ,
Онъ приказывалъ своей государынѣ:

«Ужъ ты, матушка моя родная,
Береги ты мою княгиню,
Береги мою молодую;
Ужъ ты пой, корми княгиню,
Ужъ ты пой, корми молодую
Все сытою медовою,
Все крупищатыми калачами!»
Это матушкѣ за досаду.
Со двора князя проводила;
Его матушка говорила:
«Ужъ вы, няньки, вы, мамки!
Истопите баню жарко,
Накалите вы горючъ камень!
Ты пойдемъ-ка со мной, невѣстка,
Мы пойдемъ съ тобой въ баню!»
Въ трои рученьки сноху держали,
Въ четвертыя грудь пороли,
Горючъ камень опускали.
Она въ первый разъ возмолилась—
У князя Михайла шляпа спала,
На сажень прочь отлетѣла;
Она въ другой разъ возмолилась—
У князя Михайла конь споткнулся.
«Ахти, братцы государи!
У меня въ домѣ нездорово:
Либо матушки не стало,
Либо молодой княгини!»
Съ половины съ дорожки воротился.
Его матушка встрѣчаетъ
И со няньками, со мамкамъ,
А безъ молодой княгини.
«Ужъ ты, мать моя родная,
Ужъ какъ гдѣ же моя княгиня,
Ужъ какъ гдѣ моя молодая?»
—«Что твоя ли княгиня,

Что твоя ли молодая,
Всю ноченьку не сыпала,
Все съ друзьями просидѣла;
Она теперича почиваетъ
Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во дубовой во гробницѣ!»
—«Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки,
Вы подайте мнѣ саблю острую!»
Онъ срубилъ себѣ буйну голову.
Его матушка закричала:
«Ахти, я, сука, согрѣшила—
Ровно три души погубила:
Ужъ я сына со невѣсткой,
Я младенца во утробѣ!»

Вологодская губернія. **Студитскій**, стр. 169 («семейная протяжная»).—**Отечественныя Записки** 1841 года, т. XVI, библіографія, стр. 57.—**Кирѣевскій**, вып. V, стр. 75.—Каждый стихъ повторяется.

61.

Вотъ поѣхалъ князь Михайло
Что на царскую-то службу,
На грозную государеву;
Оставлятъ онъ свою молоду княгиню,
Что княгиню Катерину,
И наказатъ своей матушкѣ родною:
«Ажъ ты, матушка родная!
Еще пой, корми княгиню
Все крупичатми калачами!»
Его матушка родная
Опосля его не вдолгѣ
Бѣлу мыленку топила,
Сѣръ-горючъ камень нажигала
И княгиню посылала

Что во бѣлую-то мыльню.
Тутъ княгиню изводила;
Распорола бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ....
Ахти, смертно перепалась....
Скорыхъ пбсловъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныихъ служанокъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, маньки,
И всѣ вѣрныя служанки!
Вы берите, няньки-маньки,
Всѣ три бѣлыя-то мыла
И четверто умыванье!
Вы умойте-ка княгиню,
Что княгиню Катерину,
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье!»
Вото мыли-то княгиню
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Вото клали ту княгиню
Въ бѣлодубову гробницу;
Покрывали-то княгиню
Бѣлохрущатой камочкой;
Повезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софѣи;
Отпѣвали-то княгиню
И съ попами, и съ дьяками,
И со вѣрными слугами;
Вото клали-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло

На княгинину могилу,—
Его добрый конь споткнулся,
Съ главы шапочка свалилась;
Онъ и туто догадался:
«Ахти, дома нездорово!
Либо матушка померши,
Либо молода княгиня,
Что княгиня Катерина!»
Вотъ пріѣхалъ князь Михайло
Что ко матушкѣ на улку.
Его матушка стрѣчаетъ;
Онъ у матушки спрошаетъ:
«Что ты, матушка, стрѣчаешь?
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
Его матушка родная
За бѣлы руки примаетъ
И отвѣтъ ему содержитъ:
«Что ушла твоя княгиня
И ко нянькамъ, и ко манькамъ
Побѣлиться, румяниться»...
Вотъ поѣхалъ князь Михайло
И ко нянькамъ, и ко манькамъ.
«Ажъ вы, няньки, ажъ вы, маньки,
И всѣ вѣрныя служанки!
Вы скажите сущу правду,
Вы скажите, не утайте:
Ужъ-то гдѣ моя княгиня,
Что княгиня Катерина?»
—«Ты, великій князь Михайло!
Твоя матушка родная
Опосля тебя не вдолгѣ
Бѣлу мыленку топила,
Сѣръ-горючь камень нажигала
И княгиню посылала

Что во бѣлую-то мыльню;
Тутъ княгиню изводила;
Распорола бѣлы груди,
Досмотрѣла во утробѣ:
Во утробѣ-то младенецъ....
Ахти, смертно перепалась...
Скорыхъ пбсловъ посылала
И по нянекъ, и по манекъ,
И по вѣрныихъ служанокъ.
Вотъ обмыли мы княгиню,
Что княгиню Катерину
Во три бѣлыя-то мыла
И въ четверто умыванье;
Положили-то княгиню
Въ бѣлодубову гробницу,
И покрыли-то княгиню
Бѣлохрущатой камочкой;
Увезли-же-то княгиню
Ко соборною ко церкви,
Что ко матери Софѣи,
И отпѣли-то княгиню
Все съ попами, все съ дьяками,
Все со вѣрными слугами;
Положили-то княгиню,
Что княгиню Катерину
Въ сыру матерую землю.»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
И отъ нянекъ, и отъ манекъ,
И отъ вѣрныихъ служанокъ
На княгинину могилу.
У княгининой могилы
Со добра коня свалился,
О горючъ камень зашибся.
Его матушка княгиня
Возлѣ рѣчушки ходила,

Зычнымъ голосомъ кричала:
«Ахти, тяжко согрѣшила—
Три души я погубила:
И что первую-то душу
Эво—князя Михаила,
А другую-то вѣдь душу—
Его молоду княгиню;
А третьюю-то вѣдь душу—
Во утробѣ-то младёна!»
А со той тоски-кручины
И сама въ рѣчку бросалась...

Вологодская губернія. Москвитянинъ 1842 года, часть IV, стр. 275.

62.

Какъ сбирался князь Михайло
На грозную службу царскую;
Онъ наказываетъ родной матушкѣ:
«Охъ ты, матушка родимая!
Береги мою молоду княгиню,
Клади ее спать во соборную вечерню,
Подымай ее во соборную обѣдню;
Ты корми ее крупичатыми калачами,
Ты пой ее медовой сытой!»
Онъ садился на добра коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора.
Не успѣлъ князь со двора съѣхать,
Его матушка родимая
Приказала жарко мыленку топити.
Горючъ камень разжигала,
На бѣлыя груди княгини клала.
Выѣзжаетъ онъ на чисто поле,—
Подъ княземъ конь спотыкнулся,
Подъ правой рукой

Ясный соколъ встрепенулся,
Съ князя шапочка свалилась.
Какъ возговоритъ Михаилъ князь:
«Ахти, дома всѣ здоровы ль?
Вѣрно, матушки не стало
Или молодой моей княгини!»
Какъ воротился князь Михайло,
Онъ въѣзжаетъ на широкій дворъ;
Его матушка встрѣчаетъ.
«Ахъ ты, матушка моя родная!
Гдѣ моя молода княгиня?»
—«Пошла твоя княгиня во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ бѣлиться-румяниться.»—
Пошелъ князь Михайло во высокъ теремъ:
Бѣлилочки всѣ не тронуты,
Румяночки не ворохнуты,
Всѣ дѣвочки въ черномъ платьѣ наряжены,
Русы косы расплетены.
«Гдѣ моя молодая княгиня?»
—«Ахъ ты, батюшка нашъ Михаилъ князь!
Мы не смѣемъ вамъ сказать....
Наша молодая княгиня переставилась,
Она стоитъ во соборной церкви!»
Какъ бросился князь Михайло во соборну церковь,
Увидалъ свою молоду княгиню...
Какъ взговоритъ князь Михайло:
«Ахти ты, матушка родная!
По родству-то ты мнѣ мать родная,
По разлукѣ же змѣя лютая!»
Вынимаетъ шпагу острую,
Онъ пронзаетъ свое ретиво сердце.
Его матушка раскаялась,
Со слезами слово молвила:
«Передъ Богомъ согрѣшила я,
Три души я погубила вдругъ:

Первую душеньку—сыновнюю,
Другую душу—невѣсткину,
А третью—младенца во утробѣ!»

Шенкурскъ (Архангельской губерніи). Кирѣевскій, вып. V, стр. 72.

63.

Какъ сряжался князь Михайло
Во путь дальнюю дорожку;
Наказывалъ князь Михайло
Своей матушкѣ родимой:
«Береги мою княгиню
И обрученну жену Катерину;
Ты вспой мою жену молодую,
Ты сытою вспой медовою;
Ты буди мою жену молодую,
Ты къ обѣднѣ, ко всенощны!»
Какъ поѣхалъ князь Михайло
Во путь дальнюю дорожку.
Ея матушка ея не взлюбила;
По три день байну топила,
Жарки каменья калила,
На бѣлую грудь сажала,
Бѣлы груди выжигала.
Посередь пути-дорожки
У Михайлы конь споткнулся,
И на рукѣ соколъ стрепехнулся:,
«Вѣрно въ домѣ нездорово!
Жива-ль-то матушка родная
И молодая княгиня?»
И посередь пути онъ дорожки ворочался;
Онъ къ домичку подъѣзжаетъ,
Родна матушка встрѣчаетъ.
—«Жива-ль ты, матушка родная,

И жива-ль молодая княгиня?»—
—«Какъ пошла твоя молодая,
Пошла въ садикъ погуляти,
Шелковой травушки помяти,
Зрѣлыхъ яблочковъ порвати!»
Пошелъ онъ во садикъ посмотрѣти—
Шелкова травушка стоитъ не мята,
И зрѣлы яблочки стоятъ не рваны.
Къ родной матушкѣ приходитъ:
—«Ужъ ты, матушка родная,
Ты въ первомъ случаѣ меня обманила!
Гдѣ жъ моя молодая княгиня
И обрученна жена Катерина?»—
—«Какъ пошла твоя жена молодая,
Пошла къ нянькамъ, пошла къ мамкамъ,
И ко сѣнныимъ пошла краснымъ дѣвкамъ!»
И какъ пошелъ-то князь Михайло,
Пошелъ къ нянькамъ, пошелъ къ мамкамъ,
И ко сѣннымъ пошелъ краснымъ дѣвкамъ.
—«Ужъ вы, няньки, ужъ вы, мамки!
Не видали ль моей княгини
И обрученной жены Катерины?»
—«Мы видать ей не видали,
А слыхомъ-то мы слыхали!
Твоя матушка родная
По три день байну топила,
И жарки каменья калила,
И на бѣлую грудь сажала,
Бѣлы груди ей выжигала!»
Онъ приходитъ къ родной матушкѣ:
—«Ужъ ты, матушка родная,
Во второмъ случаѣ меня обманила!»
—«А какъ пошла твоя молодая
Во соборну Божью церкву,
И пошла она Богу молиться

И за Михайлу Богу поклониться!»
Какъ пошелъ-то князь Михайло
Во соборну Божью церкву;
И стоитъ двѣ гробницы,
Все онѣ гробницы стоятъ золотыя,
И все покрыты стоятъ пеленою,
И пеленою покрыты золотою.
И вынимаетъ онъ два ножичка булатныхъ,
И во утробѣ онъ себѣ торнулъ....
И сдѣлалось три гробницы,
И всѣ гробницы стоятъ золотыя,
И покрыты онѣ пеленами,
И пеленами покрыты золотыми.
Сзади матушка стояла
И горючи слезы роняла:
—«Ужъ я курва, ужъ я б....а,
Ужъ я чистая супостатка!
Три души я всѣ сгубила:
Ужъ я сына и невѣстку
И во утробѣ я младенца!»

Новгородская губернія, Валдайскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, вып. II, стр. 170.

64.

Поѣзжаетъ князь Михайло
На войну ли воевати,
Царску службу службовати;
Оставляетъ князь Михайло,
Онъ молодую княгиню,
Онъ поручну Катерину;
Онъ наказыватъ матушкѣ родной:
«Сбереги мою княгиню,
Мою поручну Катерину!
Корми ей ѣствицамъ сахарнымъ,

А пой-ка питьицамъ медвяныимъ!»
На то матушка ослушалась;
Парку байну затопляла,
Горячъ камень нажигала,
По насередкѣ клала.
—«Ты, родная моя мать,
Позволь три слова сказать—
Съ отцомъ, съ матерью проститься
И со княземъ со Михайломъ!»
Она вышла на крылечекъ,
Закричала громкимъ гласомъ:
—«Вы завѣйте, вѣтры буйны,
Зашумите, лѣса темны,
Сколыбайся, сине море,
Сдогадайся, князь Михайло!»
—«Ахти, мнѣ, братцы, тошненько,
Ретиву сердцу больненько:
Либо дома нездорово,
Либо матушки не стало,
Не то молоденькой княгини,
Моей поручной Катерины!»
Князь Михайло побросался
Въ легку лодку;
Легка лодка—въ сине море;
Съ синя моря—въ чисто поле;
Въ чистомъ полѣ на добра коня садился;
Добрый конь подъ имъ бодрился.
Ко крылечку подъѣзжаетъ,
Никто его не встрѣчаетъ,—
Его матушка родная,
Двѣ молодыя сестрицы.
—«Гдѣ молодая княгиня,
Моя поручна Катерина?»—
—«Она сидитъ во коморкѣ,
Коверъ вышиваетъ,

Къ себѣ въ гости князь-Михайла дожидаетъ.»
Князь Михайло срадовался,
Во коморку побросался;
Во коморкѣ ея нѣту.
Князь Михайло къ нянькамъ, къ мамкамъ,
Онъ ко вѣрнымъ служанкамъ:
—«Мамки, вы, няньки, вѣрныя служанки!
Гдѣ жъ молодая княгиня,
Моя поручна Катерина?»
Отвѣчаютъ ему мамки,
Его вѣрныя служанки:
—«Въ Божьей церкви подъ престоломъ!»
Князь Михайло испугался,
Въ Божью церковь побросался.
Онъ гробницу открываетъ,
Востру саблю вынимаетъ,
Тычетъ тупымъ концомъ въ сыру землю,
Вострымъ концомъ въ бѣлы груди.
Его матушка родная
По оградушкѣ бѣжала,
Громкимъ голосомъ кричала:
—«Ахти мнѣ, я согрѣшила,
Три души я погубила:
Се я сына, се невѣстку,
Се во черевѣ младенца!»

С.-Петербургская губернія, Новоладожскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, вып. II, стр. 171.

65.

Поѣхалъ князь Михайло жениться;
Женился—у матушки родимой не спросился,
Обвѣнчался онъ—ей не сказался.
Его матушка родима
Была гнѣвна и сердита.

Онъ поѣзжалъ, Михайло, воевати,
Своей онъ матушкѣ молился:
«Ай же ты, матушка родима!
Береги мою княгиню!
Ты корми мою княгиню
Ѣствушкой сахарной,
Ужъ ты пой мою княгиню
Питвицемъ медвянымъ,
Ты води мою княгиню
Въ соборъ Богу молиться,
Ты ложи мною княгиню
Въ маленькую спальню,
А сама ложись съ княгиней
На тисовую кроватку!»
Его матушка родима
Скоро съ дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну, не угарну;
Созвала мать княгиню
Въ парну баенку помыться;
Нажигала она горючъ камень до калины,
Положила горючъ камень
Мать княгини на утробу.
Княгиня въ первый разъ вскричала,—
Всѣ граждана услыхали;
Во второй-етъ разъ вскричала,—
Вся палата задрожала;
А и въ третій разъ вскричала,—
Земля-мать задрожала.
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы;
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку;
Положила мать княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду;

Набивала на колоду
Три обруча желѣзныхъ;
Опустила мать колоду
Въ сине море Волынско.
У него, князя Михайлы,
Вороной конь его споткнулся,
Востра сабелька сломилась,
Изъ глазъ слезы покатились.
Испроговоритъ князь Михайло:
«Вы постойте-ка, ребята,
Молодые офицеры!
Развѣ дома у меня нездорово:
Родна матушка announcementеможетъ,
Молода жена хвораетъ.»
Прiѣзжалъ тутъ Михайло
Ко своей бѣлокаменной палатѣ.
Его матушка встрѣчала,
Со прiѣздомъ проздравляла,
Со прiѣздомъ проздравляла,
Со добра коня снимала.
Испроговоритъ князь Михайло:
«Ахъ ты, матушка родима!
Не тебѣ бъ меня встрѣчати,
Со прiѣздомъ проздравляти,
Со добра коня снимати,
А молодой моей княгинѣ!
Ахъ ты, матушка родима!
Гдѣ моя княгиня?»
—«Твоя-то, князь, княгиня
Горда и спесива,
Все въ горенкѣ просидѣла,
Въ окошко просмотрѣла,
На кровати пролежала,
На кроваткѣ на тесовой,
На перинкѣ на пуховой;

Не пила и не ѣла,
Никуда не выходила.»
Его слуги вѣрные встрѣчали,
Со пріѣздомъ проздравляли.
«Слуги вѣрные любимы!
Гдѣ моя княгиня?»
Слуги вѣрны говорили:
«Твоя-то, князь, княгиня
Въ синемъ морѣ Волынскомъ,
Въ бѣлодубовой колодѣ!
Тебя мать родима
Скоро съ дому спроводила,—
Парну баенку топила,
Парну байну не угарну;
Нажигала мать горючъ камень до калины;
Созвала мати княгиню
Въ парну баенку помыться;
Положила горючъ камень
Мать княгинѣ на утробу;
Выжигала у княгини
Мать младеня изъ утробы;
Завернула мать младеня
Въ бѣлотравчату рубашку;
Положила княгиню со младенемъ
Въ бѣлодубову колоду!
Поди-тка къ рыболовамъ, князь Михайло!
Пускай они закинутъ шелковъ неводъ!»
Онъ пошелъ, князь Михайло, къ рыболовамъ;
Велѣлъ онъ рыболовамъ
Закинуть шелковъ неводъ.
Шелковъ неводъ закидали,
Колоду вытягали;
Тутъ колоду разбивали.
Увидалъ тутъ князь Михайло
Княгиню со младенемъ.

На колоду ушибался,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощался,
Со своей душей разстался.
Его маменька родима
Вдоль по бережку ходила,
По бережку ходила,
Причеты говорила:
«Тяжко, тяжко согрѣшила—
Три души я погубила:
Перву душу безъимянну,
Другу душу безотвѣтну,
Третью душеньку сердечну!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. II, стр. 251.

66.

Собирался князь Михайло,
Онъ во царскую во службу,
Онъ приказывалъ свою молоду княгиню
Своей матушкѣ родимой:
«Не покинь мою молоду княгиню
Да при нужномъ при времѣ!»
Какъ съѣхалъ князь Михайло
Со широкаго подворья,
Велѣла она банюшку топити,
Горючъ камень разжигати.
Молодой княгинѣ
На бѣлыя груди клала.
Она первый разъ закричала,
А въ другой-то застонала,
А въ третій замолчала.
Воротился князь Михайло
Со пути ли со дорожки
Ко широкому подворью.

Его матушка встрѣчала,
Во сахарныя уста цѣловала.
«Охъ ты, мать ты мнѣ родная!
Да гдѣ жъ моя молода княгиня?»—
—«Твоя молода княгиня
Съ няньками-мамками играетъ.»
Какъ кинулся князь Михайло
Свою молоду княгиню искати:
«Охъ ты, матушка мнѣ родная!
Ты скажи, не утой,
Гдѣ жъ моя молода княгиня?»
Какъ взговорятъ князю
Красны дѣвушки:
«Мы бъ сказали тебѣ,
Гдѣ твоя молода княгиня;
Да мы боимся
Твоей матушки родимой!»—
—«Охъ вы, дѣвушки голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Гдѣ жъ моя молода княгиня?»—
—«Твоя молода княгиня
Въ грановитой во палатѣ;
Тамъ твоя молода княгиня.»
Какъ кинулся князь Михайло....
«Ужъ не мать ты мнѣ,—злодѣйка!
Три души ты загубила:
И ты сына со невѣсткой,
И младенца во утробѣ!»

Тульская губернія, Алексинскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 70.

67.

Какъ поѣхалъ князь Михайло
Во царскую во службу,
Во царскую во службу,

На великую нужду;
Покидалъ свою княгиню,
Молодую Катерину;
Онъ приказывалъ княгинѣ,
Своей матушкѣ родной:
«Охъ ты, матушка родна,
Береги молодую княгиню,
Береги ты мою княгиню,
Молодую Катерину;
Ты корми мою княгиню
Крупичатыми калачами,
Ты пои мою княгиню
Сытою медовою.»
Не успѣлъ князь со двора съѣхать,
Его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка свалилась;
Ужъ какъ тутъ-то князь Михайло, онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли, горько князь восплакнулъ:
«Ахти, дома у меня нездорово,
Моей матушки родной не стало,
Либо моей молодой княгини,
Молодой княгини Катерины.»
Его матушка родная
Жарку банюшку топила,
Горючъ камень разжигала,
Молодую княгиню погубила:
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло,
Его матушка встрѣчаетъ,
Его матушка встрѣчаетъ,
За бѣлы руки примаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ.
«Ахъ ты, матушка моя родима,

Гдѣ моя молодая княгиня?»
—«Молодая твоя княгиня
Пошла Богу молиться»....

Якушкинъ, стр. 572.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 19.

68.

Какъ женился князь Михайло
Онъ на душенькѣ на княгинѣ,
На молодой душѣ Катеринѣ.
Князь у службу собирался;
Его матушка провожала.
«Ужъ ты, матушка родная!
Ты корми мою княгиню,
Молоду душу Катерину!»
Во пути во дороженькѣ несчастіе случилося—
Подъ нимъ воронъ конь споткнулся,
Пухова шляпа упала.
«Вы постойте жъ, мои братцы!
Знать, что дома не здорово:
Жива ли моя княгиня,
Молода душа Екатерина?....»
«Ужъ ты, матушка родная!
Гдѣ жъ моя княгиня?»
—«Ужъ твоя, сударь, княгиня
Во бѣлыхъ палатахъ—
Во тесовой во гробницѣ!»
Вынимаетъ князь саблю остру,
Съ себя голову снимаетъ.
—«Ахти, Боже, согрѣшила,
Я три души погубила:
Я сына и невѣстку,
А третьяго младенца!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 74.

69.

Какъ поѣхалъ же князь Михайло
Въ чисто полечко погуляти
Со своими князьями-боярами,
Со совѣтничками потайными,
Со причетничками удáлыми.
Его добрый-етъ конь споткнулся.
«Что ты, добрый мой конь, спотыкаешься?
Али слышишь ты невзгодушку?
Али чувствуешь кручинушку?
Али дома у насъ нездоровится?...
Молода моя княгиня нездорова:
Ума-разума лишилася,
Во сине море бросилася.»
Тутъ-то плыли, выплывали
Двѣ лодочки дубовыя,
Рыболовщички молодые;
Они кидали и бросали
Бѣлосиненькіе неводочки,
Бѣлодубовые наплавочки;
Изловили да свѣжу рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою.
Того рыболовы испугалися,
Всѣ по кустичкамъ разбѣжалися:
«Ай, поймали мы бѣлую рыбочку
Со руками да со ногами,
Со буйною головою,
Со русою косою!»
Князь Михайло во чистомъ полѣ;
Задумалъ онъ крѣпку думушку
Про великую кручинушку.

Его ретивое сердце зашумѣло,
Ретивое ему не сказало
Про великую его досадушку.
Возговоритъ князь-етъ Михайло тутъ
Слова ласковыя, знакомыя:
«Ай бо вы, князья мои, бояра,
Вы, совѣтнички потайные!
Разскажите-ка кручинушку:
Мой-то добрый конь споткнулся здѣсь,
Повѣсилъ онъ буйную голову;
Знать печаль-то мнѣ, кручинушка....
Мнѣ великая невзгодушка.
Молода жена съ ума сошла;
Она бросилась во синё море,
Во Кивачъ-рѣку быструю!
А Иртышъ-рѣка поперекъ бѣжитъ.
Воротитесь-ка, князья-бояра,
Вы, причетнички богатые!»
Воротился князь Михайло тутъ,
Онъ къ себѣ-то во высокъ теремъ.
Какъ встрѣчали его домашніе,
Они бросились на широкій дворъ,
На широкомъ двору крѣпко плакали,
Всѣ кричали громкіимъ голосомъ:
«Обо еси, великій князь!
Ужъ мы скажемъ те, проговоримъ,
Какъ случилася невзгодушка:
Княгиня-то, наша матушка,
Ума-разума лишилася;
Она бросилась во синё море,
Во синё море, къ желтымъ пескамъ!»

Пермская губернія, Екатеринбургскій уѣздъ. Рыбниковъ, ч. II, стр. 249.

70.

Летѣла пава черезъ улицу,
Ронила пава павино перо;
Мнѣ не жаль пера, жаль мнѣ павушки.
Ой, мнѣ жаль молодца,—одинъ сынъ въ отца,
Одинъ сынъ въ отца, добрый молодецъ,
Онъ на службу идетъ государеву.
Онъ и годъ служилъ, и другой служилъ;
А на третій годъ ко двору идетъ.
Его мать встрѣла середи поля,
А сестра встрѣла середи села,
А жена встрѣла середи двора.
Ой, и мать сыну поразжалилась:
«А твоя жена увесь домъ снесла—
Что коней твоихъ пораспродала,
Соколовъ твоихъ пораспустила,
А меды твои поразвыпила.»
Вынулъ молодецъ саблю вострую,
Онъ и снесъ женѣ буйну голову.
Голова жены покатилася
Ворону коню подъ праву ногу.
Пошелъ молодецъ во конюшеньку:
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошелъ молодецъ во соколенку:
Соколы сидятъ, почищаются;
И меды стоятъ не починены;
Пошелъ молодецъ на новы сѣни:
На новыхъ сѣняхъ колыбель виситъ,
Колыбель виситъ, тамъ дитя кричитъ.
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нѣту матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»

Пошелъ молодецъ на высокъ теремъ,—
Какъ ударится онъ о дубовый столъ:
«Что не мать ты мнѣ и не матушка,
А змѣя же ты подколодная!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 113; — Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 392;—Кирѣевскій, вып. V, прибавленіе, стр. 35.

71.

Одинъ былъ сынъ у отца-матери,
Да и тотъ идетъ въ службу царскую.
Вотъ годъ нѣту и другой нѣту;
На третій годъ онъ домой идетъ.
Отецъ стрѣлъ его середь улицы,
Мать сустрѣла середи двора,
А жена стрѣла середь горенки.
Какъ мать сыну поразжалилась:
«Охъ, сынъ мой, сынъ, сынъ, ясенъ соколъ!
Твоя-то жена—распутница,
Твоя жена—лиходѣйница:
Коней твоихъ пораспродала,
Собакъ твоихъ поморила всѣхъ,
Вина, меды всѣ повылила,
Золоту казну поразсыпала,
Зелены сады засушила всѣ,
Соловьевъ-пташекъ распустила всѣхъ,
Дитя твоего загубила она!»
Не успѣлъ молодецъ слова вымолвить,
Узялъ въ руки саблю вострую,
Онъ снесъ съ жены буйну голову...
Покатилась голова во конюшеньку...
Пошелъ молодецъ во конюшеньку—
Кони стоятъ, овесъ-сѣно ѣдятъ;
Собаки усѣ съ цѣпей рвутся!

Пошелъ молодецъ въ погребъ съ выходомъ,—
Вина, меды позакупорены;
Золота казна запечатывана!
Пошелъ молодецъ во зеленый садъ,—
Зеленый садъ весь въ цвѣту стоитъ,
Соловьи-пташечки очищаются!
Пошелъ молодецъ во высокъ теремъ,—
Во горенкѣ—коровать,
Надъ короваткою колыбель виситъ,
Въ колыбелочкѣ—дитя лежитъ!
Онъ взялъ дитя на ручушки:
«Баю, люлю, мое дитятко!
Баю, люлю, мое милое!
Въ тебя нѣту родной матушки,
Въ меня молодца—молодой жены!»
Пошелъ молодецъ къ родной матушкѣ:
«Не мать ты мнѣ—змѣя лютая!
Сбыла солнца, сбудь и мѣсяца!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 27 («протяжная»).

72.

Былъ у батюшки, у матушки одинъ сынъ;
Записали его въ службу дальнюю.
Онъ и годъ служилъ, онъ и два служилъ,
А на третій годъ онъ домой пришелъ.
Отецъ его встрѣтилъ среди пути,
Его мать встрѣтила за воротами,
Молода его жена—на новомъ крыльцѣ.
Какъ и мать сыну стала жалиться:
«Твоя жена загулялася,
Меды, вина всѣ повыпила,
Вороныхъ коней всѣхъ попродала,
Соколовъ ясныхъ всѣхъ повыпустила.»

Ужъ и мужъ женѣ срубилъ голову,
А потомъ пошелъ во свои выхода,—
Меды, вина всѣ наполнены;
Потомъ пошелъ во конюшеньки,—
Вороны кони очищаются;
Потомъ пошелъ во зеленый садъ,—
Соколы ясны обираются;
Потомъ пошелъ къ женѣ въ спаленку,—
Во спаленкѣ колыбель виситъ,
Въ колыбели лежитъ дитя малое,
Дитя малое, все заплаканное.
«Не плачь, дитя мое милое,
Я тебѣ не причина слезъ:
Причиною твоя бабушка, моя матушка!»

Донская область. Воронежскій Телеграфъ 1875 года, № 51.

73.

Летѣла пава черезъ три двора,
Уронила перо на подворьице.
Мнѣ не жаль пера, а жаль молодца,
Мнѣ и жаль молодца—одинъ сынъ въ отца,
Одинъ сынъ въ отца, и тотъ въ службу йдетъ...
Онъ и годъ служитъ, и другой служитъ;
На третій годъ сынъ домой пришелъ.
Сустрѣла его мать середи поля,
Сестра встрѣла середи двора,
Жена встрѣла—сѣнцы отперла.
Повела его мать къ себѣ въ горницу;
Ну и стала ему мать все разсказывать:
«Твоя жена—б .... распутная,
Твоя жена—шельма-пьяница:
Меды, вина всѣ распропила,
Коней твоихъ всѣхъ распродала,

Соловей твоихъ всѣхъ распустила.»
Взялъ-то сынъ саблю вострую,
Срубилъ женѣ, женѣ голову.
Голова ль моя съ плечъ свалилася,
Къ коню въ ноги покатилася....
Пошелъ-то сынъ у холодный погребъ,—
Меды, вина всѣ цѣлы стоятъ;
Пошелъ-то сынъ во конюшеньку,—
Кони стоятъ, сѣно-овесъ ѣдятъ;
Пошелъ-то сынъ во зеленый садъ,—
Соловьи сидятъ, вычищаются,
Женой его выхваляются;
Пошелъ-то сынъ къ сыну въ горницу:
«Молчи, баю, моё дитятко!
Теперь у тебя матери нѣтути,
У меня молодца—молодой жены!
Только есть у тебя одна бабушка,
Да и та—змѣя, змѣя лютая!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 563.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 34.

74.

Что ни лютое коренье, то крапивное;
Что ни лютое сердечко, то свекровино.
Написала она вѣсточку въ дальнюю сторонушку
Что ни къ сыну своему, а къ мужу моему:
«Какъ твоя, сынокъ, жена за гульбою пошла;
За такою за гульбою сына родила!»
Какъ садился мой мужъ скорымъ махомъ на коня...
Выходила жена съ высокáго терема.
Какъ пустилъ мужъ коня во зеленомъ саду;
Какъ вынималъ же мужъ саблю вострую;
Снесъ же мужъ съ плечъ головушку долой.

И входилъ же мужъ во высокъ теремъ.
Какъ на правой рукѣ колыбель виситъ,
А на лѣвой рукѣ его мать сидитъ.
«По роду-то ты мнѣ—мать родная,
По разлукѣ же—змѣя лютая!
Разлучила ты меня съ молодой женой,
Осиротила ты, змѣя, чадо мое!»

Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 159.

75.

Какъ ходилъ-гулялъ добрый молодецъ ровно три года;
На четвертый добрый молодецъ домой пошелъ.
Что зашелъ-то добрый молодецъ на высокъ курганъ;
Какъ на встрѣчу добру молодцу змѣя лютая,
Что лютая змѣя, крапивная.
Вынимаетъ добрый молодецъ саблю острую;
Онъ хотѣлъ срубить змѣѣ голову.
Что возговоритъ змѣя добру молодцу:
«Не сѣки, не руби меня, добрый молодецъ!
Я скажу тебѣ великое сподивовище:
Какъ твоя-то жена—горька пьяница,
Пропила она твоихъ добрыхъ коней,
Промотала твоихъ ясныхъ соколовъ,
Расточила она всю золоту казну!»
Какъ пошелъ-то добрый молодецъ на широкій дворъ;
А на встрѣчу ему молодая жена.
Вынималъ молодецъ саблю острую
И отсѣкъ онъ женѣ буйну голову;
Покатилась голова по широку двору,
Покатилася конямъ подъ ноги,—
Что его-то кони овесъ ѣдятъ;
Что пошелъ молодецъ въ новы горницы,—

Что ясны его соколы пшено клюютъ;
Какъ пошелъ молодецъ къ кладовымъ своимъ,—
Золотая казна замкомъ заперта,
Замкомъ заперта, запечатана...
Тутъ взъѣлся-то добрый молодецъ, погубился;
Погубилъ онъ свою буйную головушку.

Сибирь. Гуляевъ, стр. 105 («проголосная»).

76.

Иженился князь во двѣнадцать лѣтъ;
Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ;
Онъ ли жилъ со княгиней ровно три годы;
На четвертый годъ онъ гулять пошелъ.
Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три года;
На четвертый годъ онъ домой пошелъ.
И идетъ онъ по полю по чистому...
Встрѣтилось ему двѣ старицы,
И двѣ старицы, двѣ черноризицы;
И спрашиватъ князь у тѣхъ старицей:
«Вы давно ли, давно ли съ моего двора,
Съ моего двора съ княженецкаго?»—
—«Мы теперь, теперь да теперешенько
Съ твоего двора съ княженецкаго!»—
—«А здорово ли стоитъ мой высокъ терёмъ,
И здорово ли живутъ добры конюшки,
И здорово ли живутъ чайны чашечки,
И здорово ли пьяны питьица,
И здорово ли живутъ и цвѣтны платьица,
И здорово ли живетъ молода жена?»
На отвѣтъ-то держатъ и тѣ старицы:
—«Твой высокъ терёмъ покося стоитъ,
Добры кони да всѣ заѣзжены,
И чайны чашечки да всѣ исприбиты,

И пьяны питьица да всѣ исприпиты,
Цвѣтны платьица да всѣ изношены,
Молода жена во терему сидитъ,
Во терему сидитъ колубень качатъ...»
И не синее-то море всколыбалося,—
У князя сердце разгорѣлося.
И приходитъ князь къ своему двору,
Къ своему двору да княженецкому.
Топнетъ ворота правой ноженькой,—
Улетѣли тѣ ворота середи двора,
Середи двора да княженецкаго...
Вышла княгиня на круто крыльцо,
Въ одной тоненькой рубашкѣ безъ нитничка,
Въ однѣхъ бѣленькихъ чулочкахъ безъ чеботовъ...
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгини буйну голову.
А во теремъ-отъ заходитъ,—колубеня нѣтъ,
Колубеня нѣтъ, все пяла лежатъ;
Сколько шито было, вдвое сплакано,
Все князя домоичекъ дожидано...
Ужъ какъ тутъ ли князь да закручинился.
И сходилъ во конюшеньку стоялую,—
Добры кони не ѣзжены,
Лучше стараго да лучше прежняго;
Чайны чашечки да не прибитыя,
Пьяны питьица да не припитыя,
Цвѣтны платьица да не изношены...
И не сине море всколыбалося,
А у князя сердце разгорѣлося,
И заставалъ онъ, князь, и во чистомъ полѣ
Этихъ старицей да черноризицей.
Вынимаетъ князь и востру сабельку;
Онъ срубилъ у старицъ буйну голову.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 253.

77.

Пошелъ же разудалый въ путь-дороженьку,
А на встрѣчу ему два товарища;
Во глаза ему да насмѣялися:
«Молодая твоя жена да за гульбой пошла,
Вороныихъ-то коней да всѣхъ забросила,
Молодыихъ-то людей всѣхъ оставила,
Своего милаго дитя качать бросила»....
Воротился разудалый съ путь-дороженьки;
Подъѣзжаетъ разудалый къ широку двору.
Встрѣчаетъ разудалаго молода жена
Въ своей бѣлоей сорочкѣ и безъ кофточки,
Въ своихъ вязаныхъ чулочкахъ и безъ тюфелекъ.
Вынимаетъ разудалый саблю вострую,
Срубаетъ разудалый женѣ голову.
Покатилась голова конямъ подъ ноги.
Пошелъ же разудалый широкимъ дворомъ:
Вороные-то кони стоятъ всѣ обряжены,
Молодые-то люди спятъ всѣ успокоены.
Пошелъ же разудалый въ нову спаленку:
Его милое дитя лежитъ укачено.

Ярославская губернія, Пошехонскій уѣздъ. Живая Старина 1893 года, выпускъ IV, стр. 512.

78.

У князя Володимира,
У солнышка у числа-время,
Было пированьице честное,
Честное и радошно,
И радошно, и порядошно;
Пили, ѣли, прохлажалися,

Промежъ себя похвалялися;
Сильный хвалится силою,
А богатый хвалится богатствомъ,
Молодецъ похвалился конемъ добрымъ:
«У меня, братцы, конь добра лошадь;
Еще, братцы, молода жена,
И умная, и разумная:
Спустя мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей полюбимыихъ,
Князей-бояръ—безъ боярыней,
Поповъ, дьяковъ—все безъ дьяконицъ!»
Во глаза тутъ молодцу насмѣялися:
«У тебя да молода жена
Умная и разумная:
Спустя мужа, пиво варила,
Пиво варила, вино курила,
Звала гостей полюбовныихъ:
Князей-бояръ—безъ боярыней,
Поповъ, дьяковъ—все безъ дьяконицъ!»
За досаду молодцу показалося;
Садился онъ на добра коня,
Во стремечью не ступаючи,
За сѣдельну луку не хватаючи;
Поѣхалъ онъ со пиру домой.
Подъѣзжаетъ къ своему широку двору,
Пнулъ столбы своимъ чеботомъ—
Столбики пошатилися,
Воротички растворилися.
Встрѣчаетъ его молода жена
Среди своего широка двора.
Вынимаетъ молодъ свою востру саблю,
Онъ снесъ съ нее буйну голову;
Самъ пошелъ, молодецъ, по выходамъ,
По выходамъ и по погребамъ.

Всѣ выходы были заперты,
Погребицы запечатаны.
Пошелъ молодецъ во свою горницу,
Свою горницу, во высокъ теремъ:
Въ терему виситъ колыбелушка,
Въ колыбелушкѣ родно дитятко,
Родно дитятко, чадо милое.
Онъ сталъ качать-прибаюкивать:
«Баю, баю, родно дитятко,
Баю, баю, чадо милое!
Ушибъ-то я твою матушку,
Себѣ возьму молоду жену,
Тебѣ возьму лиху мачиху!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 52.

79.

Злое зелье крапивное,
Еще злѣе да люта свекра!
Люта свекра—молодой снохѣ:
«Ты поди, моя невѣстка, во чисто поле;
Ты стань, моя невѣстка, межъ трехъ дорогъ,
Четырехъ сторонъ,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою!»
Туда жъ ѣхалъ добрый молодецъ;
Онъ сталъ подъ рябинушку,
Кудрявую, кучерявую;
Безъ вѣтру рябина зашаталася,
Безъ дождю рябина мокра стала,
Безъ вихрю рябина къ землѣ клонится,
За черныя кудри ловится.
Пріѣхалъ сынъ къ матери:
«Сударыня, моя матушка!

Идѣ жъ моя молода жена?»
—«Твоя жена съ двора сошла,
Съ двора сошла, дѣтей свела!»
—«Сударыня, моя матушка!
Сколько въ службѣ не ѣзживалъ,
Такого дива не видывалъ...
Какъ въ полѣ, промежъ трехъ дорогъ,
Межъ трехъ дорогъ, четырехъ сторонъ,
Какъ сталъ я подъ рябинушку,
Кудрявую, кучерявую,
Безъ вѣтру рябина зашаталася,
Безъ дождю рябина мокра стала,
Безъ вихрю рябина къ землѣ клонится,
За черныя кудри ловится!»
—«Возьми, сынъ, ты остру саблю,
Сѣки рябину подъ корень!»
Онъ разъ вдарилъ, она охнула,
Другой вдарилъ, она молвила:
«Не рябинушку сѣкешь,
Сѣкешь свою молоду жену!
А что вѣточки—то наши дѣточки!»
Пришелъ сынъ да и къ матери:
«Не мать ты мнѣ, не сударыня,
Змѣя ты мнѣ подколодная!
Свела жъ ты мою молоду жену,
Сведи теперь меня!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 28.

80.

Какъ у насъ было въ воскресенье-день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
«Ты стань, сноха, тамъ рябиною,

Тамъ рябиною, да кудрявою,
Отростками—малы дѣтушки!»
На ту пору мужъ отъ службы шелъ;
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужъ и сколько я ни хаживалъ,
Такой дивушки не нахаживалъ!
Ужъ и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая!
Что безъ вѣтру она да качается,
Ко сырой землѣ преклоняется!»—
—«Ахъ ты, сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Сруби эту ты рябинушку!»
Онъ разъ сѣкнулъ—она вздрогнула;
Онъ другой тюкнулъ—кровь ли брызнула;
Онъ третій тюкнулъ—слово молвила:
«Не рябину сѣчешь ты—молоду жену,
Не кудрявую—съ малыми дѣтками!»
Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?»—
—«Твоя жена, она гулять пошла.»—
—«А гдѣ мои малы дѣтушки?»
—«Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла.»—
—«Не мать ты мнѣ, не родная,
Змѣя ты мнѣ, змѣя лютая,
Ты мышь ли, мышь подкопенная!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 570.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 26.

81.

Исходилъ я, молодецъ, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживалъ,
Что нашелъ я, набрелъ на рябинушку;
Что безъ вѣтру рябинушка мается,

*

Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
Ужъ я сталъ своей матери разсказывать:
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
«Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую!»
Ужъ я разъ сѣкнулъ—руда пошла,
Другой сѣкнулъ—она охнула;
Ужъ я третій сѣкнулъ—слово молвила:
«Не рябинушку рубишь ты—свою жену.»
Я пришелъ-то домой, сѣлъ на лавочку:
«Охъ, ты съѣла меня, мать, погубила меня, мать:
Не рябинушку рубилъ я—жену свою!»

Якушкинъ, стр. 569.

82.

Было у вдовы тридцать три сына,
Единая была дочь Софья не милая.
Всѣ они пошли по Божьимъ церквамъ,
Всѣ они сказали: Господе да Боже;
Одна у нихъ Софьюшка промолвилась,
Хотѣла сказать: Господе да Боже,
А въ тѣ-поры сказала: «Васильюшка братецъ, подвинься-ка сюда»!
Ихная маменька прослышала,
Сходила во въ Кіевъ городокъ;
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью подносила зелено вино,
А Софьѣ подносила зелье лютое:
«Васильюшка, пей, Софьѣ не давай!
Софьюшка, пей, да Василью не давай!»

Василій пилъ, Софьюшкѣ подносилъ;
Софьюшка пила, Василью поднесла.
Василій говоритъ: «головушка болитъ»;
А Софья говоритъ: «ретивое сердце щемитъ».
Къ утру-разсвѣту преставились со свѣту...
Василья выносили на бѣлыихъ рукахъ,
А Софью выносили на буйныхъ головахъ;
Василья положили по правую по руку,
А Софью положили по лѣвую по руку;
На Васильѣ выростала золотая верба,
А на Софьѣ выростало кипарисное деревцо.
Глядя на нихъ, маленькій идетъ—натѣшится,
А молодой идетъ—надивуется,
А старый идетъ—наплачется.
Ихная маменька прослышала,
Сходила она на буевку,
Золотую вербу всю повыдернула,
Кипарисно деревцо все повырѣзала.
Стала Господу Богу сама каяться:
«Господи, прости душа грѣшная моя!
Золотую-ту вербу всю повыдернула,
Кипарисное-то деревцо повырѣзала!
Господи, прости душа грѣшная моя!
Своихъ милыихъ дѣтушекъ опаивала!
Я чужіихъ коровушекъ тайно подаивала!
Господи, прости душа грѣшная моя!
Изъ квашеночки тѣстице украдывала,
Изъ-подъ курицъ яичко уворавывала!
Господи, прости душа грѣшная моя!»

Пудожъ (Олонецкая губернія). Безсоновъ, Калѣки перехожіе, стр. 697.

83.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жила-то была честная вдова.
Было у вдовушки тридцать дочерей,
И всѣ они во спасенье пошли,
Всѣ разъѣхались по пустымъ пустынямъ
И по всѣмъ монастырямъ,
Всѣ становились по крылосамъ
И всѣ поютъ: «Господи Боже!»
Одна Софеюшка промолвилась,
Хотѣла сказать: «Господи Боже!»
А въ ты-поры сказала: «Васильюшка, подвинься сюды!»
Услышала Васильева матушка;
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ;
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Софеѣ наливала зелья лютаго.
Говоритъ она таково слово:
«Ты, Васильюшка, пей да Софеѣ не давай!
А Софеюшка, пей, Василью не давай!»
А Васильюшка пилъ и Софеѣ подносилъ,
А Софеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ, что головушка болитъ,
А Софея говоритъ: «ретиво сердце щемитъ».
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Софею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Софею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выростало кипарично дерево,

А Софеѣ выростала золота́ верба;
Они вмѣсто вершечками свивалися,
И вмѣсто листочками слипалися.
Тутъ старый идетъ-то,—наплачется,
А младыій идетъ,—надивуется,
А малый идетъ-то,—натѣшится...
Тутъ провѣдала Васильева матушка:
Кипарично дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила...

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 134.

84.

Было у вдовушки тридцать дочерей;
Всѣ они были грамотницы,
Всѣ они ходили по Божіимъ церквамъ,
Всѣ они стояли по крылосамъ,
Всѣ они пѣли: «Господи Боже»!
Одна изъ нихъ, Софія, промолвилась,
Ладила сказать: «Господи Боже»,
Той-поры сказала: «Васильюшка дружокъ, подвинься сюда»!
Василій-то догадливъ былъ—
Бралъ онъ Софію за праву руку,
Повелъ онъ Софію ко Кіеву,
Ко славному князю Владимиру.
Провѣдала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала въ царевъ кабачекъ;
На гривенку купила зеленаго вина,
На другую купила зелья лютаго;
Во правой рукѣ зелено вино несетъ,
Во лѣвой зелье лютое;
Изъ правой руки Василью подала,
Изъ лѣвой руки Софіи отдала:

«Пей-ка, Василій, Софіи не давай!
Пей-ка, Софія, Василью не давай!»
Василій пилъ, Софіи подносилъ;
Софіюшка пила, Василью поднесла.
Малу по малу Василій говоритъ: «буйна голова болитъ;»
Софія говоритъ: «ретиво сердце щемитъ.»
Всю ночку трудились, безпокоились,
Ко утру-свѣту преставились.
Васильюшка гробъ изповызолотили,
Софіюшкинъ гробъ изповыкрасили;
Васильюшку несутъ князи-бояра,
Софіюшку несутъ красны дѣвушки;
Васильюшка несли по правую руку,
Софіюшку положили по лѣвую руку;
На Васильевой могилкѣ выростала золота верба,
На Софiиной могилкѣ—кипарисно деревцо;
Корешокъ съ корешкомъ соросталися,
Прутъ съ прутомъ совивается,
Листокъ со листкомъ солипается.
Старый идетъ—Богу молится да наплачется,
Пожилой-то идетъ—подивуется,
Малый идетъ—натѣшится, наиграется.
Провѣдала Васильева матушка:
Золотую вербу повыломала,
Кипарисъ-древо повысушила,
Все она коренье повывела.

Олонецкая губернія. Безсоновъ, Калѣки перехожіе, стр. 699.

85.

По-край моря, моря синяго,
Жила-была молода вдова,
Молода вдова, горе-пашица.

У вдовушки было у пашницы
Было девять дочерей.
Всѣ они были да спасеныя,
Всѣ они были да ученыя, богомольныя.
Всѣ они пошли да по спасенье,
Всѣ они пошли по Божьимъ церквамъ;
Меньшая сестра—на бесѣдушку.
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку,
Надумала сказать, что «Господи прости»,
И попала сказать, что «Васильюшко дружокъ,
Потронься, подвинься ко лавочкѣ сюда»!
Тутъ провѣдала Васильева матушка;
Она скоро-то шла во царевъ кабакъ,
На гривенку купила зелена вина,
На другую купила зелья лютаго;
Василью подносила зелена вина,
Софіи подносила зелья лютаго:
«Ты, Васильюшка, пей да Софіи не давай!»
Васильюшка пилъ да Софіи подносилъ,
Софіюшка пила, Василью поднесла.
Вдругъ-то они да преставилися.
Провѣдала Васильева матушка...
Тутъ Васильюшка несли на буйныхъ головахъ,
Софіюшку несли на бѣлыхъ на рукахъ;
Василья хоронили по праву руку церкви,
Софію хоронили по лѣвую по руку;
На Васильѣ выростала золота верба,
На Софіи выростало кипарисъ-древо;
Пруточки съ пруточками свивалися,
Листочки съ листочками слипалися,
Ко сырой землѣ приклонялися.
Малый тутъ идетъ,—такъ натѣшится;
Молодые идутъ,—налюбуются,
Старые идутъ—да наплачутся.
Зла была Васильева матушка:

Она скоро-то шла да въ нову кузницу,
Сковала топоры булатніе,
Съ Васильюшка срубила золоту вербу,
Съ Софіюшки срубила кипарисъ-древо,
Чтобы людюшки шли не дивовалися,
Старые бы шли да не срѣкались бы.

Олонецкая губернія. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 14.

86.

У вдовушки было у пашицы,
Было девять дочерей;
Всѣ пошли оны по спасищамъ,
Всѣ пошли по Божіимъ церковамъ.
Меньшая сестра Софіюшка,
Она пошла ко сусѣду на бесѣдушку;
Она сѣла-посѣла на дверну лавочку,
Думала сказать: «Ты, Господи, прости!»
Попала сказать: «Васильюшка дружокъ,
Попотронься, подвинься на лавочкѣ сюды!»
Провѣдала Васильева матушка;
Она скоро-то шла широкимъ дворомъ,
Поскорѣе того по новымъ сѣнямъ;
Отпирала дверь она дубовую,
Отбранила сына своего однороднаго:
«Еще что у васъ такое за совѣтъ большой?»
И ушли Софіюшка съ Василіемъ вдвоемъ,
Дни коротать, грѣхи отмолять...
Тутъ они да переставилися.
Такъ ужъ несли Василья на буйныхъ головахъ,
А Софіюшку несли на бѣлыхъ рукахъ;
Ай Василья отпѣвали въ Божьей церкови,
А Софію отпѣвали что на паперти;
Василья хоронили по праву руку церкови,

А Софію хоронили по лѣву руку церкови;
На Васильѣ выростала золота верба,
На Софіи выростало кипарисъ-древо;
И чрезъ Божью церкову преосвященную
Пруточки съ пруточками свивалися,
Листочки съ листочками слипалися....
Люди идутъ да дивуются,
Малки идутъ да натѣшутся,
Старцы идутъ да наплачутся...
Провѣдала Васильева матушка,
Она скоро шла въ нову кузницу;
Топоры сковала булатные,
На Васильюшкѣ срубила золоту вербу,
На Софіюшкѣ срубила кипарисъ-древо...
Тутъ сама она вдругъ переставилась.

Славянская, часть III, стр. 110.

87.

Было у вдовы тридцать три дочери,
Да всѣ они во грамотѣ повыучены.
Всѣ они пошли по Божьимъ церквамъ,
Всѣ они сказали: «Боже мой,
Боже мой, да помилуй насъ!»
А одна бѣдна Софіюшка промолвилася:
«Князь молодой, ты, Васильюшка!
Ты, Васильюшка, подвинься сюда!»
Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
Поводилъ онъ Софію въ Божью церкву;
Накладали имъ да золоты вѣнцы.
Да провѣдала Васильюшкова матушка,
Да садилася она на ворона коня,
Поѣзжала во Китáй-городá.
А на гривенку взяла зеленаго вина,

А на другую взяла лю́та зелья.
Да Василью наливала люта зелья,
А Софіи наливала зеле́наго вина.
«А Василій, испивай, ты Софіи не давай!»
А Василій испивалъ, онъ Софіи подавалъ.
А къ утру-свѣту преставилися.
А Васильюшкѣ тешутъ изъ кленова дерева́,
А Софіюшкѣ тешутъ изъ елушки молодой;
А Васильюшку несутъ на буйныхъ головахъ,
А Софіюшку несутъ на бѣлыхъ на рукахъ;
А Васильюшку хоронятъ по правую по руку,
А Софіюшку хоронятъ по лѣвую по руку...
На Софіи выростало кипарисное древо,
На Васильѣ выростала золота верба́...
А старый-етъ иде́тъ,—такъ наплачется,
А посередъ вѣку идетъ,—надивуется,
А маленьки ребятки,—тѣ натѣшатся...

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 285.

88.

Жило-то было девять дочерей.
Всѣ онѣ ходили во Божью церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣстовочкѣ,
Всѣ онѣ сказали, что «Господи свѣтъ»....
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься сюда!»
Взялъ онъ Салфею за бѣлы руки,
Повелъ Салфею во Божью церковь,
Принялъ съ Салфеей золоты вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой рукѣ зелена́ вина́ несетъ,
А во лѣвой зелено яро́въ.
А со правой руки Василью поднесла,

Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка, пей да Салфеѣ не давай!
Салфеюшка, пей да Василью не давай!»
Васильюшка пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла...
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Они къ утру ко свѣту преставилися.
Васильюшку крутили въ голевую во парчу,
Салфеюшку крутили въ толстую простину;
Васильюшку несли на бѣлыхъ на рукахъ,
Салфеюшку несли на буйныхъ на головахъ;
Васильюшку ложили по праву сторону,
Салфеюшку ложили на лѣву сторону...
На Васильюшкѣ повыросъ частъ ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипарисно дерево.
Уже во-мѣсто древá совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками соплеталися.
Малые идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
А старые идутъ—они наплачутся...

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 31.

89.

А князь Романъ жену терялъ,
Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравные;
Откуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золотымъ перстнемъ.

Схватилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
Ты гдѣ дѣвалъ мою матушку?»
Отвѣтъ держитъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
«Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и бѣлитися,
А въ цвѣтно платье наряжатися.»
Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красны дѣвушки!
Пойдемъ-те со мной на высокіе теремы,
Смотрѣть мою сударыню матушку,
Каково она моется, бѣлится.
А въ цвѣтно платье наряжается.»
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки, мамками;
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки;
Опять приступила къ батюшкѣ:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Романъ Васильевичъ!
А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
Не могли мы сыскать въ высокіихъ теремахъ.»
Проговоритъ ей князь Романъ,
А князь Романъ Васильевичъ:
«А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками, мамками,
Со сѣнными красными дѣвицами!

Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленый садъ,
Во вишенье, въ орѣшенье.»
Пошла вѣдь тутъ молода княжна
Со няньками, мамками во зеленый садъ;
Весь повыгуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду;
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку:
Неотколь взялся младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ;
Уронилъ онъ, орелъ, бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Во тотъ ли зеленый садъ.
А въ та-поры нянюшки, мамушки
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой княжнѣ,
Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ.
А въ та-поры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула;
Закричала тутъ молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки!
Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
На быстру рѣку Смородину!
А что тамо птицы слетаются,
Дубравные звѣри сбѣгаются?»
Бросалися нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красныя дѣвушки
По край рѣки Смородины:
Дубравные звѣри кости дѣлятъ,

Сороки, вороны кишки тащатъ.
А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носитъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.
А только вѣдь нянюшки
Нашли они пусту голову,
Сбирали они съ пустою головой
А всѣ тутъ кости и ребрушки,
Хоронили они и пусту голову
Со тѣми костьми, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

Кирша Даниловъ, № 48.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 108.

90.

Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, въ рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину...
Пріѣхалъ къ своему широку двору;
Встрѣчаетъ его дочь любимая,
Принимаетъ изъ кареты за бѣлы руки.
Стала у батюшки выспрашивать:
«Государь мой, родной батюшка,
Куда ты дѣвалъ мою матушку?»—
—«Не плачь, не плачь, дочь любезная!
Пошла твоя матушка во высокъ теремъ
Бѣлится и румянится,
Во цвѣтное платье наряжатися!»
Пошла княжна во высокъ теремъ
Искать своей матушки родимыя:
Бѣлилочки стоятъ не бѣлены,
Румянечки и не тронуты,
Цвѣтно платье—на грядочкѣ.

Идетъ княжна, какъ рѣка льется...
«Государь ты мой, родной батюшка,
Куда дѣвалъ мою матушку?»—
—«Не плачь, не плачь, дочь любимая!
Поѣхала матушка въ чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить!»
Выходила княжна на крылечушко,
Закричала своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, слуги мои, слуги вѣрные,
Запрягайте скорѣе колясочку,
Повезите меня къ матушкѣ родимой,
Ахъ, далече, далече, во чисто поле,
Цвѣточки рвать, вѣночки вить!»
Пріѣхала далече во чисто поле:
Цвѣточки стоятъ не сорваны,
А вѣночки и не свиваны.
«Ахъ, нѣтъ моей матушки родимыя!»
Какъ билася княжна объ сыру землю,
Она плакала громкимъ голосомъ...
Надъ ней леталъ младъ орелъ-птица,
Орелъ-птица, птица царская;
Спущался къ ней на бѣлы руки....
Въ когтяхъ держалъ руку бѣлую,
Руку бѣлую, руку правую,
Со перстенями со алмазными.
Что возговоритъ орелъ-птица:
«Не плачь, молода княжна,
Не ищи ты своей родной матери!
Какъ князь Романъ жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту рѣку во Смородину!
Вотъ твоей матушки права рука,
Со перстнями со алмазными!»
Пріѣхала княжна къ широкому двору,
Восходила она во высокъ теремъ,

Она била руки о дубовый столъ.
Услышалъ ея батюшка родимый,—
Бѣжитъ къ княжнѣ во высокъ теремъ:
«Ты о чемъ плачешь, дочь любимая?»—
—«Государь ты мой, родной батюшка!
За что погубилъ мою матушку?»
—«Ахъ, свѣтъ моя дочь любезная!
Не я терялъ, не мои руки,
Потеряло ее слово противное!
Приведу я тебѣ матушку любезную!»
Что возговоритъ молода княжна:
«Не желаю матушки любезныя,
Желала бъ свою матушку родимую!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 143.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 166.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 106.

91.

Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во тое ль рѣку во Смородинку.
Что летѣла туто птица грозная,
Птица грозная, младъ сизой орелъ;
Онъ схватилъ туто что праву руку
Въ золотыхъ перстняхъ, въ золотыхъ перстняхъ.
Что пошла Марья дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты родимый мой, родной батюшка!
Да и гдѣ же, гдѣ жъ моя родна матушка?»
—«Что твоя матушка во высокомъ терему,
Она бѣлится и румянится,
Она въ гости снаряжается
Ко своему отцу, къ твоему дѣдушкѣ.»
Какъ пошла Марья дочь Романовна

Во высокъ теремъ,
Она смотрѣть-глядѣть свою матушку;
Ужъ и нѣтъ, и нѣтъ ея матушки...
Какъ пошла Марья дочь Романовна
Ко своему къ отцу къ родимому:
«Ты, родимый мой, родной батюшка!
Да ужъ гдѣ жъ моя родна матушка?»
—«Твоя матушка поѣхала къ батюшкѣ,
Къ своему отцу, къ твоему дѣдушкѣ.»
Какъ пошла Марья дочь Романовна
На паратно крыльцо смотрѣть-глядѣть матушку;
Ужъ и нѣтъ ея матушки.
Что летитъ-летитъ птица грозная,
Птица грозная, младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ держитъ онъ праву руку,
Что праву руку въ золотыхъ перстняхъ.
Увидѣла Марья дочь Романовна,
Закричала она громкіимъ голосомъ:
«Ой же ты, птица грозная,
Птица грозная, младъ сизой орелъ!
И ты гдѣ же взялъ, ты праву руку,
Ты правую руку въ золотыхъ перстняхъ?»
—«Ой же ты, Марья дочь Романовна!
Ужъ какъ князь Романъ тутъ жену терялъ,
Онъ терялъ-терялъ и тѣло терзалъ,
Онъ терзалъ-терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во тое ль во рѣку во Смородинку.»
Залилася Марья горючми слезьми,
И пошла дочь Романовна
Къ своему къ отцу къ родимому:
«Ты, родимый мой, родной батюшка,
Потерялъ-погубилъ мою матушку!»
—«Ты не плачь, Марья дочь Романовна!
Я состою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я складу тебѣ печь муравленую,

Я солью тебѣ золотъ перстень,
Я сошью тебѣ кунью шубу,
Приведу я къ тебѣ молодую мать,
Молодую мать, злую мачиху!»
—«Ты сгори, сгори новъ высокъ теремъ,
Провалися ты, печь муравленая,
Растопися, мой золотъ перстень,
Ты сотлѣй, моя шуба куньяя,
Ты умри, моя молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснись, родная матушка!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 100.

92.

Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во смородину бросалъ, во калинникъ.
Какъ встревожится и всплачется
Любезная дочка Аннушка:
«Родимый мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя матушка во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»—
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Аннушка...
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя матушка во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ цвѣточки рветъ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»
Вскидалася-взбросалася любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?

Цвѣточки растутъ не рватые,
Вѣночки лежатъ не витые!»
—«Твоя матушка во высокомъ теремѣ,
Бѣлится-румянится, въ цвѣтно платье одѣвается.»
Вскидается-взбросается любезная Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?
Бѣлила стоятъ не бѣленыя,
Румяна стоятъ не румяныя!»
Какъ летитъ тутъ орелъ-птица,
Онъ несетъ въ когтяхъ праву руку,
Онъ кричитъ звонкимъ голосомъ:
«Какъ князь Романъ, онъ жену терялъ,
Онъ жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Во смородину бросалъ, во калинникъ.»
Какъ вскидается любезная дочка Аннушка:
«Родимый же мой батюшка!
Куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Не плачь, не тужи, дочка Аннушка!
Сострою тебѣ высокій теремъ,
Складу тебѣ хрущатую печь,
Солью тебѣ золотую цѣпь,
Приведу тебѣ молодую мать.»—
—«Сгори, сгори, мой высокій теремъ,
Упади, упади, хрущатая печь,
Растопись, растопись, золотая цѣпь,
Ты умри, умри, молодая мать,
А ты встань-проснись, моя матушка!»

Тульская губернія, Чернскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 102.

93.

Жилъ князь Романъ, жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, во Двину бросалъ.
У него дочка была Марьюшка;
Она слезно заплакала:
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
—«Ты не плачь-ка, дочка Марьюшка!
Я куплю тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень со алмазами!»—
—«Мнѣ не надо золота перстня,
Золота перстня со алмазами:
Ты куда дѣвалъ мою матушку?»
«Твоя мать въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платье наряживатся.»
Пошла дочь въ нову горницу;
Въ новой горницѣ нѣту матушки:
Бѣлильчики стоятъ на окошечкѣ,
Румянички стоятъ на столикѣ,
Цвѣтно платье въ золотой казнѣ.
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Въ новой горницѣ нѣту матушки!
Ты куды дѣвалъ мою матушку?»
—«Ты не плачи, дочь Марьюшка!
Я куплю тебѣ село крестьянъ!»—
—«Мнѣ не надо села крестьянъ!
«Ты куды дѣвалъ мою матушку?»
—«Твоя мать въ зеленомъ саду,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ.»
Пошла дочь во зеленый садъ;
Въ зеленомъ саду нѣту матушки:
Всѣ цвѣточки на стебелечкахъ.

Э, пошла дочь къ своему батюшкѣ:
«Э, ты, сударь, ты, мой батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку?
Въ зеленомъ саду нѣту матушки.»
«Ты не плачи, дочи Марьюшка!
Твоя мати во темнымъ лѣсу,
Подъ зеленой сосною, гдѣ волки сидятъ,
Гдѣ волки сидятъ, гдѣ львы ревутъ.»
Пошла дочь во темный лѣсъ;
На встрѣчу ей волки сѣрые,
Волки сѣрые несутъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ.
«Вы постойте же, волки сѣрые!
Ужъ вы гдѣ взяли руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ?»
—«Былъ князь Романъ, жену терялъ,
Терялъ, терзалъ, во Двину бросалъ...»
—«Вы подайте жъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ перстнемъ!»
Пришла дочка къ своему батюшкѣ:
«Ты, сударь, ты, мой батюшка!
Въ темнымъ лѣсу подъ зеленой сосною,
Подъ зеленой сосною нѣту матушки!»
—«Охъ ты, дочка моя Марьюшка!
Твоя мать во быстрой рѣкѣ,
Во матушкѣ во Двинѣ рѣкѣ!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 104.

94.

Князь Демьянъ жену терялъ;
Отрубилъ у нея руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ;

Кидалъ-бросалъ во Неву-рѣку,
Во Неву-рѣку самородную.
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,—
Унесъ, укралъ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ...
Хватилася молода княжна:
«А папонька, гдѣ же мамонька?»
—«Твоя мамонька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ убирается,
Во цвѣтно платьице наряжается.»
Пошла княжна въ нову горницу:
Цвѣтно платье въ шкапу виситъ...
Пошла княжна, заплакала:
«Папонька, нѣту мамоньки!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Твоя мамонька въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится.»
Пошла княжна въ Божью церковь:
Божья церковь пустымъ пуста...
Пошла княжна, заплакала:
«А папонька, нѣту мамоньки!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Твоя мамонька во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, гулять пошла.»
—«Заложите мнѣ легки дрожечки,
Поѣду я во чисто поле,
Погляжу-посмотрю свою мамоньку!»
Гдѣ ни взялся младъ сизой орелъ,
Подаетъ княжнѣ руку правую,
Руку правую съ золотымъ кольцомъ.
«А папонька, все обманывалъ!»
—«Не плачь, не плачь, молода княжна!
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами;

Я возьму тебѣ молодую мать!»
—«Возстань, возстань, моя мамонька!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 63.
Кирѣевскій, вып. V, стр. 111.

95.

Жилъ князь Романъ,
Жену терзалъ,
Звѣрямъ бросалъ...
«Ты убей-ка, убей со полуночи,
Когда дѣтушки спать улягутся,
Когда малыя угомонятся!»
Какъ проснулась дочка Сашенька:
«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—
—«Ваша маменька въ свѣтлой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтное платье наряжается!»
Пошла Саша въ нову горницу:
Бѣлилицы на окошечкѣ, а румяницы на стульчикѣ;
Цвѣтно платьице на гвоздикѣ виситъ...
Пошла Саша, заплакала:
«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—
—«Ваша маменька во чистомъ полѣ,
Цвѣточки рветъ, вѣночки вьетъ!»
Пошла Саша во чисто поле,
А на встрѣчу ей волки сѣрые:
«Ужъ вы, волки мои, волки сѣрые,
Отчего жъ у васъ рыла въ крови?»—
—«Жилъ князь Романъ,
Жену терзалъ,
Звѣрямъ бросалъ...»
Пошла Саша, заплакала:
«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же маменька?»—

—«Ты не плачь, не плачь, дочка Сашенька!
Я сострою тебѣ келью новую,
Приведу къ тебѣ молодую мать!»—
—«Ты сгори, сгори, келья новая!
Ты умри, умри, молодая мать!
Ты возстань, возстань, родная маменька!»

Муромъ. Владимирскія Губернскія Вѣдомости 1872 года, № 5.

96.

Я гляжу, сижу подъ окошечкомъ,
Я гляжу, гляжу на Дунай-рѣку.
По Дунай-рѣкѣ бѣжать два волка,
Оба сѣрые, хвосты бѣлые.
«Вы куда, волки, призадумали,
Куда, сѣрые, призамыслили?»—
—«Мы бѣжимъ, волки, ко Дунай-рѣкѣ,
Ко мосточику ко калинову,
Ко кусточику ко ракитову;
Тамъ лежитъ убита твоя матушка,
Баска, хороша, свѣтъ-Михайловна,
Рѣзвыми ножками ко Дунай-рѣкѣ,
Буйной головой во ракитовъ кустъ.»
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»—
—«А ушла, ушла твоя матушка
Что-ль во погреба глубокіе
Да за двери за тяжелыя
Разводить квасы медовые
И поить гостей не кормленыхъ.»

Пометалась княжая дочь
Что-ль во погреба глубокіе
Да за двери за тяжелыя:
Тамъ стоятъ квасы не развожены,
Гости тамъ сидятъ не поены.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ теремъ:
«Ты скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку,
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»—
—«А ушла, ушла твоя матушка
Что-ль во горницу во новую;
Тамъ румянечки по скляночкамъ,
Цвѣтно платьице по грядочкамъ.»
Пометалась княжая дочь
Что-ль во горницу во новую:
Тамъ румянечки по скляночкамъ,
Цвѣтно платьице по грядочкамъ.
Пометалась княжая дочь
Ко батюшку въ новъ высокъ теремъ:
«Ты, скажи, скажи, сударь батюшка!
Ты куда дѣвалъ мою матушку
Баску, хорошу, свѣтъ-Михайловну?»
—«Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Я сострою тебѣ новъ высокъ теремъ,
Я куплю тебѣ золотую цѣпь,
Я возьму тебѣ нову матушку!»—
—«Ты сгори, сгори, новъ высокъ теремъ!
Ты растай, растай, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, нова матушка!
Ты возстань, возстань, стара матушка,
Баска, хороша, свѣтъ-Михайловна!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, часть III, стр. 342.

97.

Какъ у Дунюшки, у голубушки,
Лицо бѣлое, набѣленое,
Щеки алыя разгораются,
Глаза черные, развеселые,
Брови черныя, наведеныя,
Ея буйная головка гладко чесана,
Ея русая коса мелко плетена,
Во русой-то-ли косѣ лента ала́я,
Лента алая, Дуня дѣвка нравая!
Кто бы Дуню полюбилъ, тотъ счастливый былъ,
А отъ Дунюшки отсталъ, разбезсчастный сталъ!

Среди поля, поля чистаго,
У колодчика было у глубокаго,
Что у камешка было у горючаго,
Не донской-етъ-ли казакъ воду черпаетъ,
Воду черпаетъ, онъ коня поитъ;
Не коня казакъ поитъ—мужъ жену губитъ...
Ему женушка возмолилася,
Въ праву ноженьку поклонилася:
«Ужъ ты, мужъ ли мой, мужъ, ладо милое!
Не губи-ка ты меня рано съ вечера;
Погуби-ка ты меня со полуночи,
Когда милыя дѣти спать улягутся,
Милы дѣтушки спать улягутся,
Спать улягутся, успокоятся;
По утру рано встаютъ, порасплачутся,
Порасплачутся—матки хватятся!»
«Ужъ ты, тятенька, гдѣ же наша маменька»?—
—«Ваша маменька во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды!»—
—«Наша маменька беретъ ягоды!

Мы пойдемъ, братцы, покличемте......
Ужъ ты тятенька, гдѣ же наша маменька?»
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Баско рядится, въ гости ладится!»—
—«Мы пойдемъ, братцы, мы посмотримте!....
Ужъ ты, тятенька, гдѣ же наша маменька?»
—«Вы не плачьте-ка, милы дѣточки!
Приведу я вамъ молодую мать,
Я сострою вамъ нову горницу!»—
—«Ты сгори, сгори, нова горенка!
Ты помри, помри, молодая мать!
Ты возстань, возстань, родимая мать!»

Лаговскій, стр. 17. Каждый стихъ (кромѣ перваго и послѣдняго) повторяется. — Очень сходная пѣсня (Новгородская губернія): Студитскій, № 35 («бесѣдная»).

98.

На степи-то, степи на Саратовской,
На другой-то степи на Камышинской,
У лѣсика было у дремучаго,
У ключа-то было у текучаго,
У колодезя у студенаго,
Младъ донской казакъ коня поилъ
Коня чернаго, возбоченаго;
Не коня-то онъ поилъ, онъ жену журилъ,
Онъ жену журилъ, погубить хотѣлъ...
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноженьки поклонилася:
«Ужъ ты, мужъ мой, младъ донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Шабры ближніе припокоятся!»....
Просыпалися малы дѣтушки,

Хватилися они родной матушки:
«Ты скажи, скажи, родной батюшка,
Гдѣ дѣвалася наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платье наряжается,
Въ Божью церковь собирается!»
Пошли дѣтушки во Божью церковь,
А и всѣхъ людей они видѣли:
Ихней матушки тамъ нѣтъ, какъ нѣтъ.
«Охъ ты, батюшка, ты, родимый нашъ,
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Ваша матушка во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягодки!»
Какъ пошли малы дѣтушки во сырой боръ,
А и всѣхъ людей они видѣли:
Берутъ ягодки, берутъ красныя;
Ихней матушки все нѣтъ какъ нѣтъ!
Какъ расплакались малы дѣтушки,
Какъ ударились объ сыру землю,
Завопили громкимъ голосомъ:
«Не обманывай насъ, родной батюшка!
Наша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу подъ колодою,
Подъ колодою подъ дубовою!
Ужъ и Богъ тебѣ судья, родной батюшка,
Ты убилъ, убилъ нашу матушку!»—
—«Вы не плачьте, малыя дѣтушки!
Я сострою вамъ нову горницу,
Я складу вамъ муравлену печь,
Я собью вамъ дубовую дверь,
Я собью вамъ золотую цѣпь,
Я возьму вамъ молодую мать!»—
—«Загорись, загорись, нова горница!
Развались, развались, муравлена печь!

Расколись, расколись, дубовая дверь!
Растопись, растопись, золотая цѣпь!
Ты умри, умри, злая мачиха!
Ты возстань, возстань, родна матушка!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 61.

99.

Изъ-подъ камушка изъ-подъ бѣлаго
Течетъ рѣчушка, рѣчка быстрая.
На той рѣчушкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, набѣлилася;
Набѣлившись, нарумянилась;
Нарумянивши, на гору пошла,
На горѣ спать легла,
На горѣ легла, во снѣ снилося,
Какъ донской казакъ коней поилъ,
Коней вороныхъ поилъ, жену губилъ.
Задумалъ казакъ свою жену губить,
А жена его догадалася:
«Не губи меня, мужъ, съ вечера,
А загуби меня, мужъ, за полуночь:
Наши дѣти малыя спать поляжутся,
Они проснутся и матушки спросятся!....»
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ умывается,
Шелковымъ платкомъ утирается.»
Стали дѣти по матери плакать;
Отецъ сталъ дѣтей унимать:
«Не плачьте вы, дѣтушки милыя!
Я вотъ срублю горенку новую,
Нагоню притолки косны,
Собью дверь дубовую,

Солью цѣпь золотую,
Приведу вамъ мачиху младую!»—
—«Родной батюшка, родной батюшка!
Загорись, наша горенка новая,
И разскочись, наши притолки косны,
Расколись, наша дверь дубовая,
Расцѣпись, наша цѣпь золотая,
Умри, наша мачиха младая,
Встань, наша матушка родная!»

Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 30.

100.

У колодца у студенаго
Молодой маіоръ коня поилъ,
Красная дѣвица воду черпала.
Добрый молодецъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ жену убить.
А жена-то его уговариваетъ:
«Ты не губи меня, другъ, со вечера,
Погуби ты меня со полуночи,
И ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ заря-то занимается,
Малыя дѣтушки просыпаются:
«Ты родимый, родной батюшка!
Да и гдѣ же наша родна матушка?»
—«Вы не плачьте, малыя дѣтушки!
Я сострою вамъ новъ высокъ теремъ,
Я складу вамъ печь муравую,
Я солью вамъ цѣпь серебряную,
Приведу я къ вамъ молодую мать,
Молодую мать, злую мачиху!»—
—«Ты родимый нашъ батюшка!

Все-то ты говоришь намъ неправдушку!
Ужъ сгори, новъ высокъ теремъ,
Провалися, печь муравая,
Растопись ты, цѣпь серебряная,
Ты умри, наша молодая мать,
Молодая мать, злая мачиха,
И ты встань-проснися, наша родимая матушка!
Ужъ мы безъ тебя холоднехоньки,
Холоднехоньки, голоднехоньки!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 127.

101.

Какъ и мужъ-то жену,
Онъ её журитъ, бранитъ,
Онъ её убить хотитъ.
Жена мужа уговаривала:
«Ужъ ты, другъ, ты, мой другъ,
Ты, законный мой мужъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
А сосѣдушки успокоятся!
По-утру рано дѣточки проснутся
И про матушку они хватятся!»
По утру рано дѣтки проснулись
И про матушку свою хватились.
«Ужъ ты, батюшка нашъ,
Гдѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка по воду пошла.»
—«Родимый нашъ батюшка,
Вотъ ведерочки и коромысельки.
Родной батюшка, скажи,
Гдѣ наша матушка!»

—«Ваша матушка
Бѣлится, румянится,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять убирается.»—
—«Наша матушка,
Она не гульливая,
Съ богатымъ купцомъ
Гулять не поважена!
Родной батюшка, скажи,
Да гдѣ жъ наша матушка?»
—«Ваша матушка—
Во сыромъ бору,
Во дубовомъ гробу!»
Какъ и дѣточки восплакались,
Да они возрыдалися.
«Вы не плачьте, дѣти малыя!
Я сострою вамъ комнаты новыя,
Приведу вамъ мать молодую
И сдѣлаю цѣпь золотую.»—
—«Золотая цѣпь твоя оторвися!
Молодая мать отъ насъ отвяжися!
Родимая наша матушка
Назадъ воротися!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 191.

102.

Охъ ты, матушка раздикая степь Саратовска!
Далекохонько протянулася,
Дале города и Саратова!
У ключа было у гремячаго,
Донской казакъ коня поилъ;
Гдѣ коня поилъ, тутъ жену терялъ.

Жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
«Мужъ мой батюшка, донской казакъ!
Не теряй меня рано съ вечера,
Потеряй меня во глуху полночь,
Какъ добры люди спать полягутся,
Наши дѣтушки угомонятся!»
Большая дочка Аннушка,
Дочка Аннушка догадалася:
«Ты, родимый нашъ батюшка!
Гдѣ родимая наша матушка?»
—«Ваша матушка въ свѣтлой свѣтлицѣ,
Она бѣлится и румянится,
Во цвѣтно платье наряжается,
Ко заутренѣ собирается.»—
—«Охъ ты, батюшка, ты насъ обманываешь!
Отъ чего же ты невеселъ ходишь,
Невеселъ ходишь и нерадошенъ?»—
—«Чему же мнѣ веселитися
И на что глядя радоватися?
Ваша матушка распутная:
Пошла гулять съ полюбовникомъ!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 113.

103.

На степи-степи на Саратовской,
У ключа было у гремячаго,
Добрый молодецъ тутъ коня поилъ,
Поилъ, кормилъ, выглаживалъ,
Выглаживалъ, охорашивалъ:
«Охъ ты, батюшка конь добра лошадь!
Увези ты меня отъ побѣдушки,
Отъ худой жены, отъ любовницы!»

Онъ не коня поилъ,
Тутъ поилъ мужъ,—жену терялъ.
Жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги ему поклонилася:
«Не губи ты меня, мужъ, на дикой степи:
Потеряй ты меня на большой дороженькѣ,
Близь кустика ракитова,
Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»
Подъѣзжаетъ мужъ ко широкому двору,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки,
Малы дѣтушки голубятушки:
«Государь ты нашъ, родной батюшка!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Охъ вы, мои малыя дѣти!
Ваша матушка ушла во чисто поле,
Во чисто поле, въ боръ по ягоды.»
Побѣжали же малы дѣтушки
Искать свою матушку:
«Государь ты нашъ, родной батюшка!
Не нашли мы свою матушку!»
—«Подите-ка вы во чисто поле:
Ваша матушка лежитъ подъ кустикомъ,
Подъ мостикомъ подъ калиновымъ!»—
Побѣжали малыя дѣти:
Нашли они свою мать убитую...

Кирѣевскій, вып. V, стр. 123.

104.

Далекохонько степь протянулася,
Дале города дале Питеру,
Дале матушки каменнóй Москвы...
У ключа-то было у гремучаго,
У колодезя было у студенаго,

Добрый молодецъ коня поилъ;
Онъ бьетъ по крутымъ бедрамъ.
«Охъ ты, конь мой, конь,
Ты, добра лошадь!
Что же ты, конь, спотыкаешься,
За ковылъ-траву запинаешься?»
—«То-то я, конь, спотыкаюся:
Какъ со вечера мужъ жену терялъ,
Какъ жена мужу возмолилася,
Ниже пояса поклонилася:
Охъ ты, мужъ мой, донской казакъ!
Не теряй меня, мужъ, со вечера,
Теряй меня, мужъ, близь полуночи,
Чтобы дѣти наши приуснули,
А чужи люди не слыхали бы!»
Потерялъ мужъ жену близь полуночи.
Поутру малы дѣти догадалися,
Пришли малыя дѣти къ своему батюшкѣ:
«Ты, сударь, ты, нашъ батюшка!
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»
—«Охъ вы, дѣти мои малыя, глупыя!
Ваша матушка въ зеленомъ саду гуляетъ.»—
—«Ты, сударь, ты, нашъ батюшка!
Все неправда ваша:
Наша матушка во гробу лежитъ,
Во сырой землѣ....»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 120.

105.

У колодезя у глыбокаго
Не донской казакъ коня поилъ,
Не коня поилъ, онъ жену губилъ.
Что жена мужу возмолилася,

Во скоры ноги поклонилася:
«Ахъ ты, мужъ, ты, мужъ мой донской казакъ!
Не губи меня съ вечера рано,
Погуби меня со полуночи:
Всѣ добры люди спать уляжутся,
Малы дѣтушки поразоспятся,
По утру проснутся, матушки схватятся...»
«Родный батюшка, гдѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка во высокомъ новомъ теремѣ,
Она бѣлится и румянится,
Въ цвѣтно платьице надѣвается.»—
—«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Посмотрите вы, гдѣ наша матушка!»—
—«Вашей матушки нѣтъ въ новомъ теремѣ.»—
—«Родный батюшка, куда дѣвалъ матушку?»—
—«Ваша матушка во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды.»—
—«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Вы сходите, посмотрите, гдѣ наша матушка!»—
—«Вашей матушки нѣту въ темномъ лѣсу.»—
«Родный батюшка, куда дѣвалъ матушку?»—
—«Ваша матушка во сырой землѣ,
Во сырой землѣ, въ гробовой доскѣ,
Въ гробовой доскѣ, въ золотой парчѣ!»

Новгородъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 114.

106.

Изъ подъ камушка изъ подъ бѣлаго,
Изъ подъ кустика изъ подъ ракитова,
Тамъ текла-текла рѣчка,
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ во той рѣчкѣ дѣвка мылася,

Вышла, набѣлилася,
Набѣливши, она нарумянилась,
Нарумянивши, въ зеленъ лугъ пошла.
Въ зеленомъ лугу, тамъ донской казакъ,
Тамъ донской казакъ коня поилъ,
Напоивши коня, сталъ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую:
«Охъ, и какъ же мнѣ быть,
Молоду жену сгубить?
Загублю жену не рано,—съ вечера;
Схороню жену ближе ко полуночи!...»
Его большая дочь рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки кидалася:
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Родной батюшка, идѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Умывается ключевой водой,
Утирается бранымъ полотномъ.»—
—«Государь нашъ батюшка, неправда твоя!
Наша матушка во желтомъ песку,
Въ новой горницѣ она закопана!»

Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе стр. 32.

107.

Изъ подъ камушка, камня бѣлаго,
Изъ подъ кустика, куста ракитова,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная...
Какъ на той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Дѣвка мылася, красная бѣлилася;
Что умывшись она, набѣлившись она,
На гору взошла, диво видѣла....
Какъ донской казакъ тамъ коня поилъ;

Не коня поилъ,—онъ жену губилъ.
Какъ жена мужу возмолилася:
«Ужъ ты, мужъ ли мой, мужъ, донской казакъ!
Не губи ты меня рано съ вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Всѣ сосѣдушки поулягутся,
Малы дѣтушки крѣпкимъ сномъ заснутъ....
Они встанутъ ли по утру рано,
Они хватятся родной матушки!...»
«Государь ты нашъ, родной батюшка,
Ты куда дѣвалъ нашу матушку?»—
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Она бѣлится и румянится, гулять собирается!»—
—«Государь ты нашъ, родной батюшка!
То не матушка,—твоя сударушка!
Наша матушка—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, въ дубовомъ гробу!
Не отецъ ты намъ, ты—лютой намъ змѣй!
Ты убилъ, потерялъ нашу матушку,
Осиротилъ своихъ малыхъ дѣтушекъ!»

Пѣсенникъ 1827 года, часть II, стр. 76.

108.

У колодчика было у ключеваго;
Не донской казакъ конюшка поилъ;
Онъ не конюшка поилъ, свою жену губилъ.
Ему женушка-жена возмолилася,
Въ праву ноженьку поклонилася:
«Ахъ ты, мужъ ли мой, мужъ, ты, донской казакъ!
Не губи ты меня среди бѣла дня!
Погуби ты меня со полуночи,
Когда всѣ люди спать улягутся,

Малы дѣтушки поразоспятся,
Поразоспятся, меня хватятся!...»
—«Родный тятенька, гдѣ же наша маменька?»—
—«Ваша маменька въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ, подъ окошечкомъ!»
—«Не обманывай, родный тятенька!
Наша маменька—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, за колодиной!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 327.

109.

Какъ у ключика у студенаго,
У плотика у дубоваго,
Дѣвка мылася да бѣлилася;
На гору взошла да вздивилася:
Раздонской казакъ да коня поилъ,
Не коня-то онъ поилъ,—
Да мужъ жену журилъ;
Что жена мужу взмолилась,
Въ праву да ноженьку поклонилась:
«Ты не бей меня да рано съ вечера,
Ты убей меня во глухую полночь:
Всѣ-то люди пріуспятся,
Малыя дѣтоньки раскатаются,
Поутру-то встануть, воспохватятся!...»
«Ужъ ты, тятенька нашъ родимый,
Да гдѣ жъ наша мамонька?.....
Наша мамонька да въ новой горенкѣ
Спитъ на лавочкѣ,—не пробудится,
Господу Богу не помолится!..»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 201.

110.

Какъ донской казакъ велъ коня поить,
Добрый молодецъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ нехорошую,
Думу думаетъ, какъ жену сгубить:
«Я убью ль жену да со вечера!»
Какъ жена мужу возмолилася,
Во скоры ноги ему поклонилася:
«Ужъ ты, батюшка, милъ сердечный другъ!
Ты не бей меня да со вечера,
Ты убей меня со полуночи,
Ужъ ты дай уснуть малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всѣмъ ближнимъ сосѣдушкамъ!»
Какъ зоря-то, зоря занималася,
Малы дѣтушки просыпалися:
«Родимый нашъ батюшка, а гдѣ же наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду, въ новомъ теремѣ;
Она бѣлится, румянится,
Что со мной она въ гости рядится.»—
—«Родимый нашъ батюшка, все твоя неправдушка:
Наша матушка—во сыромъ бору,
Во сыромъ бору, въ дубовомъ гробу,
Въ дубовомъ гробу, лежитъ подъ сосною...»

Филиппов, № 8.

111.

Какъ донской-то казакъ,казакъ велъ коня поить;
Добрый молодецъ,ужъ онъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, самъ онъ думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ будетъ жену губить.
Какъ жена-то, жена мужу взмолилася,
Во скоры-то ноги ему поклонилася:
«Ужъ ты, батюшка, ты ли, милъ сердечный другъ!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера,
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моимъ малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всѣмъ ближнимъ сосѣдушкамъ!»

Вильбоа, № 11.

112.

Изъ подъ бережку изъ-подъ крутаго,
Изъ подъ камушка изъ подъ бѣлаго
Течетъ рѣчка быстрая.
Во той рѣчкѣ дѣвка мылася,
Во цвѣтно платье одѣвалася,
Она бѣлилася и румянилася,
Набѣлёмши она, нарумянивши, на гору взошла,
Диво видѣла, дивовалася:
Какъ донской казакъ коня поилъ,
Онъ коня поилъ, съ дѣвкой рѣчи говорилъ,
Съ дѣвкой рѣчи говорилъ, какъ жену погубить:
«Не губи жену рано съ вечера,
Погуби жену ко полуночи:
Малы дѣтушки спать поляжутся...!»
Малы дѣтушки расплачутся:

«Государь батюшка, гдѣ наша матушка?»
«Ваша матушка на Дунай пошла—утопилася.»

Тульская губернія, Чернскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 121.

113.

Изъ подъ камушка, камня бѣлаго,
Протекала тутъ рѣка быстрая;
Какъ по той ли по рѣченькѣ
Плыла легка лодочка;
За той ли за лодочкой
Плылъ тамъ корабличекъ;
Въ томъ ли корабличкѣ
Душа красна дѣвица.
Она мылася и бѣлилася,
И бѣлилася, и румянилася,
Нарумянившись, на гору взошла.
Какъ увидѣла она добраго молодца
У колодезя у студенаго:
Онъ стоялъ тутъ и коня поилъ,
Не коня поилъ, онъ жену терялъ.
Какъ жена мужу возмолилася:
«Не губи ты меня со вечеру,
Потеряй меня ко бѣлу свѣту:
Ко бѣлу свѣту малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ прибаюкаю...»

Пѣсенникъ 1805 года.—Кирѣевскій, вып. V, стр. 124.

114.

Охъ ты, матушка степь Саратовска!
Далеко ты, степь, протянулася,
Дале города дале Питера,

Дале матушки каменной Москвы!
Ничего въ степи не уродилося;
Уродился тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Изъ-подъ кустика тутъ колодецъ бьетъ.
У ключа, у ключа у гремячаго,
У колодезя у студенаго,
Добрый молодецъ тутъ коня поилъ,
Онъ поилъ коня, самъ выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ, выхорашивалъ:
«Охъ, ты стой-постой, мой добрый конь!»
Во кусту, во кусту во ракитовомъ,
Тутъ донской казакъ жену терялъ.
Что жена мужу возмолилася,
Во рѣзвы ноги поклонилася:
«Охъ ты гой еси, мужъ, донской казакъ!
Не теряй меня поздо вечеромъ,
Охъ, ты дай уснуть дочкѣ Аннушкѣ!»
Дочка Аннушка догадалася,
На шеюшку она кидалася:
«Охъ ты гой еси, родной батюшка!
Не теряй-ка ты родиму матушку:
Возкуютъ тебя во желѣзушки,
Отдадутъ тебя во солдатушки!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 119.

115.

Какъ на зоренькѣ было,
Вотъ было на утренней,
Случилося мнѣ
Мимо саду ѣхати,
Случилося мнѣ
И слѣзть да послушати.
Какъ и мужъ-то жену,

Бабочку журитъ-бранитъ,
Онъ ее убить хотитъ.
Какъ жена-то мужа,
Она приговаривала:
«Да ты, мужъ, ты, мой мужъ,
Да ты, родный мужъ!
Ты не бей-то меня,
Младу, въ зеленомъ саду!»
Какъ на утрѣ было,
Дѣточки проснулися,
По кроватушкѣ они
Поразладились,
Родную матушку они
Повзыскалися...
«Да ты, батюшка нашъ,
Да и гдѣ жъ наша
Родимая матушка?»—
—«Ваша матушка
Бѣлится, румянится,
Съ молодымъ-то купцомъ
Гулять собирается».—
—«Ой, да неправду ты
Намъ говоришь!
Наша матушка
Въ зеленомъ саду
Лежитъ подъ колодою!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, вып. III, стр. 77.

116.

На зарѣ-то было, на зорюшкѣ,
На восходѣ солнца яснаго,
Денечка прекраснаго....

Случилось-то молодцу
Мимо саду ѣхати,
Садику зеленаго;
Случилось ему, молодцу,
Женскій голосъ слышати,
Постоять, послушати...
Какъ и мужъ-то жену
Журитъ-то, бранитъ,
Да убить ее хотитъ.
Какъ жена-то мужа
Уговариваетъ:
«Ужъ ты, мужъ, ты, мой мужъ,
Ты, законный мой другъ!
Ты не бей же меня
Рано съ вечера,
А убей же меня
Въ глухую полночь,
Когда сосѣдушки
Приспокоятся,
А малы мои дѣточки
Крѣпко спать будутъ!»
Малы дѣточки проснулися,
Про родимую маменьку стрѣнулися:
«Ты, родимый нашъ батюшка,
Гдѣ же наша родна матушка?»—
—«Ваша родна матушка
Бѣлится, румянится,
Съ молодымъ купцомъ
Гулять убирается».—
—«Да не правда же твоя,
Родной нашъ батюшка!
Наша родная маменька
Гулять не охотница!
Она, наша маменька,
Теперь ужъ убитая,

Подъ зеленою грушею,
Родная, зарытая,
Дубовой доской накрытая,
Желтымъ пескомъ присыпана!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 71.

117.

На зорѣ было на зорюшкѣ,
На зорѣ было на утренней,
На восходѣ было солнца яснаго,
На восходѣ денечка прекраснаго,
Случилося молодцу мимо саду ѣхати,
Мимо садику зеленаго, мимо терему высокаго;
Да случилось молодцу въ саду голосъ слышати,
Какъ мужъ-то жену журилъ-бранилъ и убить грозилъ,
Какъ жена-то мужа уговаривала:
«Ты, мужъ мой, мужъ, ты, законный другъ!
Ты не бей меня рано съ вечера,
Ты убей меня во глуху полночь:
Наши дѣточки будутъ крѣпко спать,
Ничего-то они не будутъ знать!»
По утру рано дѣточки проснулися,
Про родимую матушку встрѣнулися:
«Наша матушка есть убитая,
Гробовой доской есть закрытая!
Найдите же, тучи грозныя!
Гряньте же, громы громкіе!
Разбейте вы гробову доску!
Встань, проснись, родимая матушка!»

Донская область. Савельевъ, стр. 152.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 33.

118.

Удалой ямщикъ коня поилъ,
Коня поилъ, самъ думу думаетъ:
«Какъ убить мнѣ молоду жену?»
Жена мужу возмолилася,
Ему въ ноженьки поклонилася:
«Ты не бей меня, мужъ, со вечера,
Ты убей меня со полуночи:
Малы дѣтушки спать улягутся,
Всѣ сосѣдушки поразоспятся;
Ты снеси меня на болотинку,
Положи меня подъ колодинку!»
Пробуждаются малы дѣтушки.
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ бѣло моется,
Бѣло моется, въ гости рядится.»
Пошли дѣтушки въ нову горницу....
Расплачутся малы дѣтушки:
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка въ Божьей церкви,
Въ Божьей церкви Богу молится,
Богу молится, низко кланяется.»
Пошли дѣтушки въ Божью церковь,
Не нашли своей родной матушки.
«Родной батюшка, гдѣ наша матушка?»—
—«Ваша матушка на болотинкѣ,
На болотинкѣ, подъ колодинкой.»
Пошли дѣтушки на болотинку,
Нашли свою родную матушку:
Всѣ волосушки порастрепаны,
Бѣлая грудь пораздавлена.

Повинился тутъ удалой ямщикъ,
Битъ кнутомъ былъ и въ Сибирь пошелъ.

Новгородская губернія. Новгородскія Губернскія Вѣдомости 1876 года, № 37.

119.

У столба-столба новоточенаго,
У колодезя у студенаго,
Молодой-етъ казакъ, онъ коня поилъ,
Не коня-то поилъ, онъ жену губилъ.
Какъ жена-то мужу возмолилася,
Во рѣзвыя ноги поклонилася:
«Не губи же ты меня, мужъ, со вечера,
Погуби со полуночи,
Когда дѣтушки спать улягутся!»
Просыпалися малы дѣтушки,
Взыскались своей матушки:
«Охъ вы, нянюшки, охъ вы, мамушки!
Ужъ и гдѣ же наша матушка?»
—«Ваша матушка въ новой горницѣ,
Въ новой горницѣ Богу молится...»
—«Ужъ и тамъ-то нѣту нашей матушки!»—
—«Ваша матушка въ высокомъ терему,
Она бѣлится, румянится.»—
—«Ужъ и нѣтъ тамъ нашей матушки!»—
—«Ваша матушка въ зеленомъ саду,
Рветъ алы вишенья.»—
—«Ужъ и тамъ нѣтъ нашей матушки!»—
—«Пошла ваша матушка на Дунай-рѣку,
Съ ведрами по воду.»
Какъ пошли-то наши дѣтушки на Дунай-рѣку,
Изъ-за горъ-горъ высокіихъ
Вылеталъ-то младъ сизой орелъ,

Въ когтяхъ-то несетъ правую рученьку.
Воскричали-то малыя дѣтушки:
«Охъ вы, нянюшки, наши мамушки!
Ужъ какъ несетъ-то орелъ рученьку,
Несетъ рученьку нашей матушки,
И со перстнемъ обрученнымъ!
Ужъ и Богъ же суди нашему батюшкѣ,
Что оставилъ насъ безъ родимой матушки!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 115.

120.

Молетѣлъ орелъ черезъ сырой боръ;
Во когтяхъ-то держитъ востру саблицу,
Подъ правымъ крыломъ слезну грамотку.
Въ этой грамоткѣ есть написано, нарисовано:
Родной матушкѣ—разнизкой поклонъ,
Родному батюшкѣ на заботище,
На заботище, на работище,
Молодой женѣ на загульбище.....
Добрый молодецъ коня поилъ,
Напоивши коня, во луга пустилъ,
Во луга пустилъ, за ворота сталъ,
За ворота сталъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, думу крѣпкую:
Ужъ и какъ-то мнѣ жену убить?
Я убью жену не со вечера,
Я убью жену со полуночи,
Когда дѣтушки спать полягутся,
Всѣ народушки пріугомонятся!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 62.

121.

Какъ на морѣ было, морѣ синеемъ,
Лебедь съ орличкомъ все купалися,
Не купалися они,—совыкалися;
Лебедь орличка все выспрашивалъ,
Изъ ума-то онъ орла все вывѣдывалъ:
«Еще гдѣ ты, орелъ, былъ, гдѣ, сизой, гулялъ?»—
—«Я гулялъ-ли вотъ, леталъ по дикой степи,
По дикой степи гулялъ, по Саратовской!»—
—«Не видалъ-ли ты, орелъ, молоду мою жену,
Молодую жену со дѣтятками?
Не тужатъ ли они, не горюютъ-ли?»—
—«Тужатъ, плачутъ по тебѣ, сокрушаются,
Тебя, молодца, домой дожидаются!»
  У ключа было, ключа у студенаго,
У колодечка было у глубокаго,
Не донской-отъ тутъ казакъ, онъ коней поилъ,
Не коней казакъ поилъ,—мужъ жену губилъ...
Жена-то вотъ мужу, охъ, возмолилася:
«Не губи-ка меня, мужъ, да рано съ вечера,
Погуби-ка ты меня со полуночи:
Малы дѣтушки спать улягутся,
Всѣ-то добры люди призагунутся»....

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 68 (послѣдніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются).

122.

Скажи, Дунюшка, скажи, любушка,
Про мила дружка, про Иванушку,
Будто я, Иванъ, по ночамъ гулялъ,
По ночамъ гулялъ поздо вечеромъ;
Не одинъ гулялъ,—съ красной дѣвушкой.

Изъ-подъ камушка, камня бѣлаго,
Изъ-подъ кустика да ракитова,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая да холодная;
Что на той рѣкѣ дѣвка мылася,
Она мылася и бѣлилася;
Набѣлясь она, взошла на гору,
Взошла на гору, диво видѣла:
Какъ у ключика у холоднаго,
Младъ донской казакъ тамъ коня поилъ.
Конь воды не пьетъ, самъ копытомъ бьетъ...

Кашинъ, вып. II, № 2 («полупротяжная»).

123.

Ходилъ, гулялъ добрый молодецъ,
Абрамъ вдоль по улицѣ;
Наряжалъ Абрамъ бабъ на барщину,
Мужиковъ-то Абрамъ—стога метать,
Стога метать барскіе.
На стогу-то стоитъ красна дѣвица,
Абрамова любовница.
Красно солнышко закатается;
Всѣ люди домой собираются;
Оставался удалъ добрый молодецъ,
Абрамъ съ молодой женой...
Въ темный лѣсъ пошли;
Во лѣсочкѣ огонь горитъ калиновый,
Дымокъ валитъ малиновый,
Котлы кипятъ нѣмецкіе,
Ножи точатъ булатные...
Абрама жена упрашиватъ:
«Ты пусти, Абрамъ, душу,
Не для меня—для милыихъ дѣтушекъ!»

Вотъ приходитъ Абрамъ домой,
Встрѣчаютъ его малы дѣтушки:
«Батюшка, гдѣ наша матушка?»
—«Ваша матушка въ сыръ боръ гулять ушла.»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 26 («обыденная»).

124.

Одна была пѣсня,—
Поблюду ее къ веснѣ!
Поѣду весной пахати,
Стану сѣять-засѣвати,
Эвту пѣсню распѣвати!
При широкой, при большой дорожкѣ,
Жилъ-былъ мужикъ Марко,
У Марка сынъ Ѳедоръ,
У Ѳедора жена Марѳа.
Просилася Марѳа въ гости
Ко своей матери не надолго,
Не надолго—на три недѣльки;
Гостила Марѳа недѣлю, гостила другую,
На третьей Марѳа стосковалась:
«Охъ, матушка, тошно,
Мнѣ, родимая, грустно!»—
—«Ты залѣзь, Марѳа, на печку,
Погляди съ печи въ окошко,
Не ѣдетъ ли Ѳедоръ?»—
—«Ахти, матушка, ѣдетъ!»
Подъѣзжалъ Ѳедоръ къ воротамъ,
Сталъ стукать подъ окошко,
Сталъ стукать подъ другое;
На дворъ Марѳу вызываетъ:
«Ты поѣдешь, Марѳа, домой!

У насъ въ дому нездорово:
Родной батюшка хвораетъ,
Родна матушка часуетъ,
У сестрицы три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Танюшка.»
Проводила мати Марѳу,
Проводила черезъ поле,
Проводила чрезъ другое,
На третьемъ стала распрощаться.
Возговоритъ Ѳедоръ:
«Проводи, теща, подале,
Не знай, увидишь, не знай, нѣтъ!»
Подъѣзжаетъ къ воротамъ:
Лютой свекоръ дрова рубитъ,
Люта свекровь избу топитъ,
У золовки три подружки:
Дарюшка да Марюшка,
Да Безсоновска Танюшка.
«Ты поди-ка, Марѳа, топи баню!»
—«Постой, Ѳедоръ, разряжуся!»
—«Ты топи во всемъ нарядѣ!
А куда тебѣ нарядъ дѣвати?
Развѣ дуба наряжати!»
Пошла Марѳа топить баню.
Истопила Марѳа баню,
Приходитъ домой:
«Ступай, Ѳедоръ, въ баню!»
—«Иди, иди сейчасъ за мною!»
—«Ступай, Ѳедоръ, сейчасъ иду за тобою!»—
Подошла Марѳа къ банѣ,
Отворила Марѳа баню:
Сидитъ Ѳедоръ, ножикъ точитъ.
Рѣзвы ноги подкосились,
Бѣлы руки опустились,

Головушка съ плечъ скатилась.
Зарѣзалъ Ѳедоръ Марѳу,
Схоронилъ ее въ банѣ подъ полочкомъ.
Приходитъ онъ изъ бани.
Дочь у нихъ была невеличка,
Невеличка, пяти годочковъ,
Расплакалась, разнѣжилась:
«Охъ ты, тятенька, тятенька!
Что нейдетъ долго матушка?»
—«Что это за мать,
Что за стара, нехороша!
Я тебѣ возьму мать молодую:
Либо вонъ Дарюшку, либо Марюшку.
Либо Безсоновску Танюшку!»
—«Ты умри-ка, Дарюшка и Марюшка,
И Безсоновска Танюшка!
Прійди, моя мамонька,
Приди, родная, изъ жаркой бани!»—

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 57.

125.

У воротъ Любовь стояла,
Съ Ѳедей рѣчи Любовь говорила:
«Чѣмъ намъ Марѳу твою уморити?
Уморить намъ будетъ Марѳу въ банѣ!»
Пришелъ Ѳединька домою,
Посылаетъ Марѳу топить баню:
«Поди, Марѳа, топи баню,
Топи банюшку пожарче,
Вари щелоку помыльче!»
Марѳа банюшку топила,
Громкимъ голосомъ она завыла;
Пришла Марѳонька изъ бани,—

Сидитъ Өединька на лавкѣ,
Точитъ ножичекъ булатный.
Марөа скоро она догадалась,
По золовушку свою бросалась.
«Ты, золовушка моя Аганя!
Не забудь меня ты, Марөу, въ банѣ!»
Пошелъ Өедя съ Марөой въ баню,
Началъ Марөу онъ тиранить...
Өедю крови одолѣли,
Чрезъ пороги крови лили...
Ведетъ Өединька Марөу изъ бани,—
У ней ножки подкосились,
Бѣлы ручки у ней опустились,
Съ плечъ головушка у ней склонилась....
Пришелъ Өединька домою.
«Ты качу-баю, сынокъ Ванюша!
Твоя мати въ банѣ угорѣла,
Головушка у ней заболѣла!
Ты, сестра моя Аганя,
Позабыла Марөу въ банѣ!»
—«Недосугъ мнѣ, злодѣй, было!
Я коровушку доила,
Я малыхъ телятъ поила,
Во дубровушку телятъ гоняла!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 47.

126.

У насъ было во новомъ городѣ,
Во новомъ городѣ во Саратовѣ,
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца у богатаго
У богатаго, у Шахматова,

Несчастьице въ домѣ сдѣлалось,
Несчастьице не малое,
Какъ жена-то мужа потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала.
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу;
Она сѣла подъ окошечко,
Подъ хрустальное стеклышко;
Сама плачетъ, какъ рѣка льется....
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныихъ,
Деверья ея любезные...
«Здравствуй, сноха-невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»—
—«Вашъ братецъ увелъ коня поить.»—
—«Ты, сноха наша, невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Его добрый конь въ конюшенькѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ!
Ты, сноха ль наша, невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?»—
—«Бѣлу рыбицу я пластала,
Бѣла рыбица больно билася!»—
—«Ты, сноха ль наша, невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»—
—«Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!

Вашего братца я потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала!....»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 54.

127.

Какъ во городѣ было во Саратовѣ,
У купчика было у богатаго,
Какъ несчастьице въ домѣ сдѣлалось,
Въ домѣ сдѣлалось,
Какъ жена-то мужа потеряла,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской задвинула,
Желтымъ пескомъ присыпала,
Правой ноженькой притопнула;
А потомъ пошла въ нову горницу,
Сѣла предъ окошечкомъ
И взяла въ руки бѣлый чулокъ.
Прилетали къ ней тутъ два голубя,
Два голубя, два сизокрылыхъ,
Какъ не два-то братца, два родимыхъ....
Ужъ и стали они ее выспрашивати:
«Ты слыхала ль, наша невѣстушка,
Какъ и гдѣ-то нашъ братецъ Иванушка?»
—«Онъ уѣхалъ въ поле охотывать!»—
—«Отчего же у тебя на порогѣ кровь?»—
—«Бѣлу рыбицу я рѣзала, рѣзала,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской задвинула.»—
—«Ты слыхала ль, наша невѣстушка,

Ты открой-ка, открой дубову доску!
Не тамъ ли нашъ братецъ Иванушка?»

Астраханская губернія. Астраханскій Справочный Листокъ 1867 года, № 266.

128.

На зарѣ было, на зорюшкѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
У насъ сдѣлалось, братцы, несчастьице,
Большая, братцы, безвремяньица.
Какъ жена-то мужа потерила,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула
И правой ногой притопнула;
А сама пошла во горенку,
Сѣла подъ красную подъ окошечку,
Подъ хрустальную подъ стеколицу.
Приходили къ ей два деверя:
«Ты, сноха ли наша, невѣстушка,
А и гдѣ же нашъ большой братъ?»
—«Вы, любезные деверечки мои!
Вашъ большой братъ на охотушкѣ,
За куницами, за лисицами,
За бѣлыми за зайцами!»
—«Ты, любезная наша невѣстушка,
Ты скажи-ка намъ, не обманывай,
Съ чего же у тебя булатный ножъ въ крови?»
—«Вы, любезные деверечки мои!
Я сиза голубя зарѣзала,
На ножъ-то сердце вынула...»
На ножу сердце стрепыхнулося,
А жена шельма ужахнулася...

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Живая Старина 1894 г., вып. II, стр. 287.

129.

Какъ во ельничкѣ, во березничкѣ,
Да во частомъ мелкомъ орѣшничкѣ,
Ходитъ и гуляетъ развороный конь;
Шелковый поводъ въ грязь втопталъ,
Черкальское сѣдло на бокъ сбилъ.
Не въ Москвѣ то было, въ Питерѣ,
У купца то было у богатаго,
Во Стрѣлецкой было улицѣ,
Солучилося несчастьице,
Что жена мужа потеряла,
Не потеряла, зарѣзала,
На ножикѣ сердце вынула;
На востренькомъ встрепехнулося,—
Жена, шельма, улыбнулася,
Улыбнувшись, усмѣхнулася,
Во холодный ледникъ спрятала,
Дубовой доской прихлопнула,
Правой ноженькой притопнула,
Бѣлой рученькой прищелкнула;
Она прятала, не плакала,
Домой пришла, заплакала . . .
Умылася бѣлехонько,
Нарядилася наряднехонько....
Прилетали къ ней два сокола,
Не сокола,—два деверя.
«Ты, сноха наша, невѣстушка,
Еще гдѣ нашъ братъ Иванушка?»—
—«Вашъ Иванъ-то братъ
За стрѣльбой ушелъ,
Что за утками, за гусями!»

Вятская губернія, Яранскій уѣздъ. Абрамычевъ, № 5

130.

Во лѣсу было въ орѣшникѣ;
Тутъ стоялъ, стоялъ вороный конь;
Трои сутки не кормленый былъ,
Недѣлюшку не поенъ стоялъ.
Черкасское сѣдло на бокъ сбилъ,
Тесьмянную узду въ грязь втопталъ.
Не въ Москвѣ было, во Питерѣ,
Во Мѣщанской славной улицѣ;
Тутъ жена мужа потребила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала;
На ножѣ-то сердце выняла,
На булатномъ встрепенулося;
А жена-то усмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Правой ноженькой притопнула.
Пришла домой, сѣла подъ окошечко,
Правый локоть на окошечко,
Горючія слезы за окошечко!

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 327.

131.

Зимушка, зима,
Зима лютая моя!
Я прошу тебя:
Не морозь меня,
Не морозь меня
При дороженькѣ,
Коня ведучи,
Сбрую несучи!
Сбруя моя, сбруя,

Сбруя ясная!
Доля моя, доля
Разнесчастная!...
Какъ жена мужа.
Пріутѣшила,
Въ зеленомъ саду
Зарѣзала.....
Сладкихъ яблочекъ
Призакушался,
Мелкихъ пташечекъ
Призаслушался....

Тульская губернія, Епифанскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 361 («голосовая или протяжная»).

132.

Случилося мнѣ, доброму молодцу,
Мимо зеленаго саду ѣхати,
Случилось мнѣ диво видѣти.
Такого дива, братцы, не видано,
И такого, братцы, чуда не слыхано...
Какъ подъ яблонью подъ кудрявою,
Что подъ грушею подъ зеленою,
Что на травушкѣ, на муравушкѣ,
На цвѣтахъ, цвѣтахъ на лазоревыхъ,
Какъ жена мужа потерять хочетъ;
Вынимаетъ она булатный ножъ,
Что садится къ нему на бѣлы груди,
Распорола ему бѣлую грудь,
Что закрыла его очи ясныя;
Она смотритъ въ его ретиво сердце;
Посмотрѣвъ, сама молвила:
«Ты каковъ былъ до меня, мой другъ,
Такова тебѣ и кончинушка!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 175.—Пѣсенникъ 1810 г., стр. 149.

133.

Старики-то мои стародавніе!
Какъ и кто бы изъ васъ служилъ царю бѣлому,
Какъ и кто бы изъ васъ сказалъ про Суру рѣку?
Какъ Сура-то рѣка бѣжитъ изъ-подъ камушка....
Какъ на камушкѣ сидѣла сестра съ братомъ,
Какъ сестра-то брату словечко промолвила:
«Ляжь-ка ты, братецъ, ко мнѣ у колѣнушки,
Поищу я у тебя у головушкѣ.»
Какъ и легъ-то братецъ къ сестрѣ у колѣнушки,
Пріуснулъ-то онъ своимъ распрекрѣпкимъ сномъ...
Вынимаетъ сестра съ ноженъ саблю острую,
И снимаетъ она съ братца буйную головушку.
Положила она буйную головушку подъ тотъ бѣлъ горючъ камень...

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 92.

134.

Стругалъ стружки добрый молодецъ;
Брала стружки красная дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала;
Сестра брата извести хочетъ...
Встрѣчала брата середи двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила ее брату милому.
«Ты пей, сестра, напередъ меня!»—
—«Пила, братецъ, наливаючи,
Тебя, братецъ, поздравляючи!»
Какъ канула капля коню на гриву,—

У добра коня грива загорается,
Молодецъ на конѣ разнемогается.
Сходилъ молодецъ съ добра коня,
Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,
Сымалъ съ сестры буйну голову.
«Не сестра ты мнѣ родимая,
Что змѣя ты подколодная!»
И онъ бралъ изъ костра дрова,
Онъ клалъ дрова середи двора,
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самаго до̀ пепелу;
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить-плакати,
Что она надъ нимъ худо дѣлала;
Ей самой такъ рокъ послѣдовалъ,
Отъ ея злости ненавидныя.

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 155.—Пѣсенникъ 1810 года, стр. 134.—Сахаровъ (безъ послѣднихъ трехъ стиховъ).

135.

Охъ, да не стружки стружилъ удалъ добрый молодецъ;
Эхъ, да брала стружки, охъ, да красна дѣвица,
Эхъ, да что брала стружки, охъ, да на огонь клала,
Эхъ, да на огонь клала, охъ, да все змѣю пекла,
Эхъ, да все змѣю пекла, охъ, да сердце вынула,
Эхъ, да сердце вынула, охъ, да зелье сдѣлала,
Эхъ, да не про батюшку зелье, не про матушку,
Эхъ, да не про друга я зелье, не про милаго,
Эхъ, да про своего-то я брата, про родимаго....
Эхъ, да зазвала брата, охъ, да на широкій дворъ,
Охъ, да налила брату, охъ, да золоту чару,
Охъ, да золоту чару, охъ, да зелена вина.

Охъ, да еще братъ-то сестрѣ сталъ отказывать:
«Охъ, да ты испей - ка, сестра, охъ, да напередъ
сама!»
Охъ, да еще канула капля коню на гриву;
Охъ, да у коня грива, охъ, да загоралася;
Охъ, да что сестра брата, брата испужалася....
«Охъ, да ты не бойся, сестра, ты родного брата,
Охъ, да ты и бойся, сестра, дубова костра!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 50 («проголосная»).

136.

Подъ грушею, подъ зеленою,
Подъ яблоней подъ кудрявою,
Стрыгалъ стружки добрый молодецъ;
Брала стружки красна дѣвица,
Набравъ стружекъ, въ огонь клала,
Змѣю пекла, ужа жарила,
Ужа жарила, зелье дѣлала;
Что ждала въ гости братца роднаго....
«Пріѣзжай, братецъ, пріѣзжай, батюшка!»—
—«Я пріѣду, сестра, пріѣду, матушка!»
Ѣдетъ братецъ середи поля;
Встрѣчаетъ сестра середи двора,
Наливаетъ рюмку зелья лютаго;
«Ужъ выпей, братецъ, выпей, батюшка!»—
—«Ужъ ты пей, сестра, напередъ сама!»—
—«Я пила, братецъ, наливаючи,
А тебя въ гости поджидаючи!»
Братъ за рюмку принимается....
Уста кровью запекаются...
Ужъ и канула капля коню на гриву,—
У коня грива загорается,

Добрый молодецъ удивляется:
«По родству ты мнѣ сестра родная,
По пріятству—мнѣ змѣя лютая!»

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 27.

137.

А ходила я по сыромъ бору,
По сыромъ бору, по долинушкѣ;
Я рвала зелье, зелье лютое,
Я рвала зелье, все на огонь клала
А на огнѣ горитъ змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная;
Я изъ той золы попелъ сѣяла,
Попелъ сѣяла, зелье дѣлала,
Она ждала къ себѣ дорога гостя,
Дорога гостя, брата милаго;
Сустрѣла брата середи двора,
Налила чару зелена вина;
Зелье лютое всколыхалося;
Зелено вино проливалося,
У коня грива загоралася....
«Ты, сестра ль моя, сестра родная!
Не былъ я въ тебя ровно три года
И не буду я вѣкъ и до вѣку!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 117.

138.

Вылетала галочка изъ зеленаго садика.
Красная дѣвица змѣю люту жарила,
Брату пиво дѣлала,
Ожидала братика съ поля широкаго,

Изъ края далекаго;
Наливала братику большой подорожничекъ.
«Выпей, выпей, братику!
Ты вѣдь изъ дороженьки!»—
—«Выпей, выпей, сеструшка,
Себѣ на похмѣльице!»
Но сестра не пьетъ,
А въ рукавъ все льетъ.
Пива братъ не пьетъ,
Коню въ гриву льетъ.
У вороного коника грива загорѣлася;
У родного братика слезы покатилися.
«Вѣдь я думалъ, сеструшка,
Что ты добродѣтельна,
А ты, моя родная,
Душепогубительна!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XVI, стр. 344.

139.

Разнегодная дѣвчонка
По лужечку гуляла,
Зло коренье копала.
Я копала зло коренье,
Глыбко на-глыбко его;
Ужъ я мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Ужъ сушила зло коренье,
Сухо на-сухо его;
И толкла я зло коренье,
Мелко на-мелко его;
Я варила зло коренье,
Я варила, норовила

Не милому дружку....
Какъ попало зло коренье
Братцу родному.
Какъ со вечера мой братецъ
Поразохался;
Ко полуночи мой братецъ,
Онъ попа спросилъ;
Ко бѣлу свѣту мой братецъ
Переставился...
«Схорони меня, сестрица,
Между трехъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Межъ Тверской-Ямской!
Кто ни ѣдетъ, кто ни йдетъ,—
Богу молится,
А тебя, мою сестрицу,
На проклетъ даетъ...»

Тверская губернія, Новоторжскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 329. («голосовая»).

140.

Кабы по горамъ, горамъ, по высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и по-край было моря синяго,
И по тѣмъ по хорошіимъ зеленымъ лугамъ,
Тутъ ходила, гуляла душа красна дѣвица;
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ—
И хотѣла извести своего недруга;
Невзначае извела своего друга милаго,

Она по роду братца родимаго.
И расплачется дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачетъ, дѣвица, убиваючи,
Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула.»

Кирша Даниловъ, № 34.

141.

Какъ по крутому по красному по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Какъ ходила тутъ, гуляла красна дѣвица;
Она рыла себѣ кореньица, зелье лютое,
Натопила она кореньица въ меду, въ патокѣ.
Напоила добра молодца до-пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна дѣвица насмѣялася:
«Ахъ, ты спишь, моя надежа, или такъ лежишь?»
—«Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ лежу!
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣй, душа, и схоронить меня!
Не клади меня, красна дѣвица, у Божьей церкви,—
Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
При широкой дальней при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену стрѣлу,
Подлѣ бокъ клади звончаты гусли,
Во ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня!
Буде старъ человѣкъ пойдетъ,—помолится,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники поѣдутъ, такъ настрѣляются;
Буде младъ человѣкъ пойдетъ,—въ гусли наиграется;
Какъ поѣдутъ мои друзья, братья и товарищи,—
На моемъ добромъ конѣ наѣздятся!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 162 — Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 187.

142.

Мила по саду ходила,
Зло коренье копала;
Накопала зло коренье,
За Дунай рѣку пошла;
Она мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Что сушила зло коренье,
Сухо на-сухо его;
Натолкла зло коренье
Мелко на-мелко его;
Что варила зло коренье
Во меду, во сахарѣ его;
Разливала зло коренье
По графинамъ, по шкафамъ;
Становила зло коренье
По комодамъ, по шкафамъ....
Погодя немного время,
Дружка въ гости созвала;
Стала потчивать его:
«Ужъ, ты пей, милъ дружочекъ,
Ты не думай ничего!»
Погодя немножко время,
Стала спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, дружокъ,
Чего на сердцѣ твоемъ?»—
—«На моемъ-то на сердечкѣ
Словно камешекъ лежитъ,
На моей-то бѣлой груди
Разлюта змѣя шипитъ!
Ты умѣла меня ядомъ напоить,—
Ты умѣй-ка мое тѣло схоронить!

Схорони-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ—
Одной Питерской, другой Московской,
И Петергофской большой!..
Не забудь со мной положить
Остру саблю съ тесакомъ,
Не забудь еще положить
Черну шляпу со перомъ,
Третью трубочку со картузнымъ табакомъ!...»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 142.

143.

Я ходила и гуляла
По сырому по бору,
Ужъ я рыла и копала
Злое кореньице ему.
Накопавши зло коренье,
На Дунай рѣку пойду;
На дубовъ плотъ становлюся,
Зло коренье сполощу;
Сполощу я зло коренье,
Мелко на-мелко скрошу,
Сухо на-сухо ссушу;
Изсушивши зло коренье,
Мелко на-мелко сотру;
Ужъ возьму я зло коренье,
Въ полуштофикъ настою;
Позову я дружка въ гости,
Стаканъ водки поднесу;
Поднесу я стаканъ водки,
Стану спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, любезный,
Что на сердцѣ у тебя?»

—«На моемъ ли на сердечкѣ
Словно камешекъ шумитъ,
Ретиво сердце щемитъ...
Какъ умѣла, расканалья,
Какъ милаго погубить,
Такъ умѣй же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони ты мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Между третьею Тверской!»

Олонецкая губернія, Вытегра. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1868 года, № 30.

144.

Дрянь дѣвочка по лужечку гуляла,
Зло коренье копала;
Накопамши зло коренье,
Во платочекъ связала;
А связамши зло коренье,
На Дунай-рѣку пошла....
Ужъ я мыла зло коренье,
Бѣло на-бѣло его;
Я вымымши зло коренье,
Сухо на-сухо ссушу;
Изсушимши зло коренье,
Мелко на-мелко столкла;
Истолчомши зло коренье,
Въ меду, въ сахару сварю;
Я сваримши зло коренье,
Дружка въ гости позову;
Я зазвамши разлюбезнаго,
На кроватку посажу;
Посажомши на кроватку,

Стаканъ меду поднесу;
Поднесомши стаканъ меду,
Я любезнаго спрошу:
«Ты скажи-ка, мой любезный,
Что на сердцѣ на твоемъ?»—
—«На моемъ на сердцѣ
Точно лютый змѣй шипитъ;
На моей на бѣлой груди
Тяжелъ камушекъ лежитъ...
Ты умѣла, расканалья,
Меня ядомъ напоить;
Ты умѣй-же, расканалья,
Мое тѣло схоронить!
Ты положь-ка мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Между Кіевской большой!
Ты поставь же, расканалья,
Животворящій крестъ!»

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 327. («голосовая»).

145.

Я не къ батюшкѣ пишу и не къ матушкѣ,
Напишу я письмецо къ любушкѣ-сударушкѣ:
«Растоскуйся, моя любушка, разгорюйся!
Самъ я по тебѣ стосковался....
Послѣ батюшки манехонькій остался;
Не батюшка меня вскормилъ-вспоилъ,
И не матушка меня возлелѣяла....
Вскормилъ да вспоилъ меня Ярославль-городъ,
Возлелѣяла меня Волга матушка,
Раскачала меня легка лодочка...»
Не бѣла заря въ окошечко взошла,—

Ко мнѣ Машенька сама въ гости пришла,
Всѣ утѣхи и забавы принесла,
Въ окошечко праву руку подала:
«Чернобровый мальчикъ мой!
Погуляемъ, моя радость, мы съ тобой!
Поколь холостъ, не женатъ,—
Нѣтъ заботы никакой;
Только есть одна забота—
По утру рано вставать,
Расчесочку въ руку взять,
Русы кудри расчесать!»
Расчесамши я кудерьки,
Вдоль по улицѣ пошелъ,
Къ душѣ къ Машѣ зашелъ...
Маша вышла, встрѣтила меня,
За бѣлы руки брала,
Въ высокъ теремъ повела,
За дубовый столъ сажала,
Стаканъ водки поднесла...

Маша по лугу гуляла,
Злы коренья копала;
Накопамши злы коренья,
На Дунай-рѣку пошла,
Злы коренья полоскала
Бѣлехонько до-бѣла;
А вымывши злы коренья,
Сухохонько изсушу;
Изсушимши злы коренья,
Мелкохонько истолку;
Частымъ ситомъ просѣвала,
Сладкой водкой настояла,
Дубовъ столикъ убирала;
А убрамши дубовъ столикъ,
Коней пару закладала,

За милымъ дружкомъ послала,
Я пославши за милыимъ,
Сладкой водкой угощу,
Угостимши, распрошу:
«Скажи, скажи, мой миленькій,
Что на сердцѣ у тебя?»
—«У меня ли на сердечкѣ
Бѣлъ горючь камень лежитъ!
Ты, разбестія, мерзавка,
Уморила ты меня!
Ты умѣла уморить—
Умѣй меня схоронить!
Схорони ты меня, размерзавка,
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской большой!
И поставь ты, размерзавка,
Кипарисный черный крестъ!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 59.

146.

Вечоръ по лугу гуляла,
Злы коренья я копала;
Накопавши злыхъ кореньевъ,
На Дунай-рѣку пошла;
Ихъ я мыла, вымывала
Чисто на-чисто въ рѣкѣ;
А какъ вымывши коренья,
Сухо на-сухо сушу;
Изсушивши злы коренья,
Мелко на-мелко сотру;
Изотру я злы коренья,
Съ кофьемъ яду наварю;

Наваривши съ кофьемъ яду,
Дружка въ гости позову,
Стаканъ яду поднесу...
А поднесши стаканъ яду,
Про любовь дружка спрошу.
«Ты умѣлъ ли, расканалья,
Мою душу осквернить...

. . . .
. . . .
. . . .

«...Такъ умѣй же, ты, каналья,
Мое тѣло схоронить!
Схорони же мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Тульской, Петербуржской,
Главной Кіевской большой!
Надъ моею надъ могилой
Жалку пѣсенку запой!»

Отечественныя Записки 1840 года, томъ VIII, смѣсь, стр. 27.

147.

Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя!
Какъ по водѣ ты плывешь,—извиваешься,
По травѣ ползешь,—листъ-траву сушишь,
Изъ норы ты глядишь,—укусить хотишь!
Перелестница, раздушаночка, красная дѣвица,
Перелестила она добраго молодца,
Перелестемши она, красная дѣвица, къ себѣ на пиръ звала.
Какъ и мнѣ-то, доброму молодцу, идти-то не хотѣлося;
На пиръ-то пойти—мнѣ живому не быть,
А на пиръ не идти—красную дѣвицу разгнѣвать.
Убирается добрый молодецъ на веселый пиръ,

Скидаетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ на себя платье черное,
Идетъ-то добрый молодецъ на веселый пиръ,
И беретъ-то онъ гусли звонкія.
И идетъ-то добрый молодецъ къ новому терему,
И восходитъ онъ, добрый молодецъ, на высокій на крылецъ.
Выходитъ къ нему раздушаночка красная дѣвица,
Беретъ-то его, добраго молодца, за правую руку,
И ведетъ его во высокій теремъ,
Сажаетъ его за дубовый столъ,
Наливаетъ ему чару зелена вина.
У рюмочки по краюшкамъ огонь горитъ,
А на донушкѣ люта змѣя лежитъ....
Какъ ходила красна дѣвица во зеленый боръ,
Въ зеленомъ бору рыла злыя кореньица;
Какъ я мыла-то, мыла злыя кореньица во Сулѣрѣкѣ,
Сушила я, сушила, красная дѣвица, на крутой горѣ,
Толкла я злыя кореньица въ ступочкѣ,
Сѣяла я злыя кореньица на ситочкѣ,
Сыпала я злыя кореньица во зелено вино;
Зазывала я добраго молодца къ себѣ въ гости,—
Подносила я доброму молодцу зелена вина.
Какъ съ вечера у добраго молодца голова больно болитъ;
Къ полуночи добрый молодецъ переставился....

Донская область. Савельевъ, стр. 156.

148.

Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ;
Валялась куница, она передъ соболемъ;
Стояла дѣвица, она передъ молодцемъ.

Во лѣвой-то рукѣ держитъ вина скляницу,
Во правой-то рукѣ держитъ золотой подносъ,
Со чарочками-то она съ позолочеными,
Со камушками драгоцѣнными.
Наливала она зеленаго вина,
Подносила она удалому доброму молодцу:
«Ты пріими, пріими, пріими, душа, выкушай!»
—«Принять - то чару мнѣ, молодцу,—живому не быть,
А не принять-то чару—прогнѣвить дѣвку!»
Принялъ-то душа добрый молодецъ
У дѣвушки зеленаго вина,
Выливалъ-то онъ вино во сырую землю.
Мать сырая-то земля, она загоралася,
А лютая-то змѣя, она возвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму-то молодцу на шеюшку бросалася.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, вып. VII, стр. 83.

149.

Гдѣ ты, мой другъ, убираешься,
Убираешься, снаряжаешься?»—
– «Я поѣду гулять, молодецъ,
По зеленымъ лугамъ, по муравчатымъ»...
Захватили молодца жары жаркіе, все петровскіе,
Лютые морозы, все крещенскіе,
Глубокіе снѣжочки, все рождественски,
Захватили молодца-то во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, по-близь города.
Какъ во городѣ всѣ воротики позатворены,
Все нѣмецкими замками позамкнутыя,
А надъ ними-то караульные казачушки поразставлены;

Караульные казачушки они крѣпко спятъ.
Какъ кричалъ молодецъ громкимъ голосомъ—не докликался,
Соловьемъ свисталъ—даромъ свистъ пропалъ:
Часовые-то казачушки не пробудилися.
Услыхала его красная дѣвица, дочь отецкая, княженецкая;
Надѣвала она сапожечки на босы ножечки,
Кунью шубочку на распашечку;
Брала въ руки красна дѣвица золоты ключи,
Отмыкала замочки нѣмецкіе,
Отворяла ворота желѣзныя,
Она брала молодца за бѣлы руки,
Повела его красна дѣвица во высокъ теремъ,
Посадила молодца за дубовый столъ, за скатерти за шелковыя,
За яствица за сахарныя, за пойлица разнопьяныя.
Она брала золотой подносъ во праву руку,
Наливала она зелена вина, зелья лютаго,
Подносила красна дѣвица добру молодцу,
А подносила, все приказывала:
«Когда любишь меня, то ты всю выпьешь,
А какъ я тебя люблю, разсказать нельзя!»—
—«Я люблю тебя, красну дѣвушку раздушаночку,
Но боюсь тебя, какъ змѣю лютую!
Ты сведешь меня съ свѣта бѣлаго,
Какъ свела ты моего братца роднаго,
Что того ли было сына королевича...»

. . . .

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 92.

150.

Я пойду, молодецъ, съ горя на конюшенъ дворъ,
И возьму тамъ себѣ да я коня чалаго,
Коня чалаго возьму, не ѣзжалаго,
Осѣдлаю сѣдломъ я его не сѣдланнымъ,
Я возьму-то себѣ да и плетку не махану,
Я поѣду съ горя да во чисто поле,
Изъ чиста-то поля да во зеленый садъ.
Какъ на встрѣчу ему идетъ красна дѣвица,
Подъ полою-то несетъ вина скляницу,
Во правой-то рукѣ держитъ золоту чару.
Наливала она въ чару зелена вина,
Подносила она своему другу милому:
«Если любишь, дружокъ, да ты хоть прикушай!»
—«Я тебя-то люблю какъ свою душу,
А боюсь-то тебя да какъ люту змѣю!»
На то дѣвушка испугалася,
Изъ рукъ скляница у ней вырывалася,
Объ сыру-то землю она разшибалася,
Зелье лютое проливалося,
Мать-то сыра земля загоралася....

Астраханская губернія. Астраханскій Справочный Листокъ 1867 года, № 266.

151.

Мать сыну говорила:
«Не сѣдлай коня долго вечера,
Не съѣзжай съ двора ко полуночи,
Не заѣзживай во царевъ кабакъ!»
Ой, сынъ матери не послушался:
Онъ сѣдлалъ коня долго вечера,

И съ двора съѣзжалъ ко полуночи,
Заѣзживалъ во царевъ кабакъ.
Поднесли молодцу вина чару.
По берегамъ чары пѣна бьетъ,
Посередъ чары—люта змѣя.
Не то чару пить, не то на земь лить...
Со страстей молодецъ уронилъ чару...
Сыра земля загоралася,
Люта змѣя возметалася,
На мои груди молодецкія воскидалася...

Якушкинъ, стр. 566.

152.

Ужъ ты, горе мое, горе, горе казаково!
Уродился казакъ-горе, что былинка въ полѣ!
Нѣту, нѣту коню моему сѣна, казаченькѣ нѣтъ квартеры!
Отвели ему квартеру во турецку землю...
Въ турецкой во земелькѣ долы, горы развысоки;
Черезъ эти горы, долы горынъ-казакъ воду носитъ;
Дѣвушка паненочка по бережку гулять ходитъ,
Раздонскаго казаченьку къ себѣ въ гости проситъ,
Во такіе во гостечки—на пиръ-вечереньку,
На вечеръ-вечереньку, на медъ, на горѣлку,
На медъ, на горѣлку, на рыбушку линейку.
Со вечера донской казакъ, со вечера пьетъ, гуляетъ,
Ко полуночи донской казакъ умираетъ...

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 84.

153.

«Да взойди, взойди, не ясное солнце!
Да приди, приди, завдалой молодчикъ, вечоръ до меня!
Сядемъ мы съ тобою, завдалой молодчикъ, за дубовый столъ,
Выпьемъ мы съ тобою, завдалой молодчикъ, по рюмкѣ вина!»
Вотъ съ вечера завдалой молодчикъ
Вотъ и пилъ и гулялъ,
Ко полуночи нездоровъ сталъ,
Ко бѣлой зарѣ Богу душу отдалъ...
Въ воскресенье по утру раненько хоронить несутъ...
Отецъ съ матерью вспобиваются;
У воротъ дѣвчонка усмѣхается:
«Не ходить бы тебѣ, завдалой молодчикъ, вечоръ до меня!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 15.

154.

Перепелка пташечка
Примахала крылышки,
Плавальныя перышки....
Душа красна дѣвица
Примахала рученьки,
Притоптала ноженьки,
По горенкѣ ходючи,
По миломъ тужучи...
Молодецъ казанецъ,
Душа астраханецъ
Полюбилъ дѣвку,

Полюбилъ красну.
Полюбивши онъ дѣвицу,
За себя не взялъ,
За себя не взялъ,
Насмѣхаться сталъ;
«Ты не шей, красна дѣвица,
Шитыхъ браныхъ пологовъ!
Ужъ мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу,
Не цѣловать дѣвицу
Во сахарныя уста!
Не трепать молодцу
По дѣвичьему тѣльцу!
Мнѣ трепать, молодцу,
Весломъ по водѣ!
Цѣловать, миловать
Матку Волгу-рѣку!»
Ужъ тутъ красна дѣвица
Призадумалась,
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила;
«Ужъ есть у меня
Да два братца родныхъ;
Я велю тебя поймать,
Велю тебя потерять...
Я изъ мяса твоего
Пироговъ напеку,
А изъ сала твоего
Я свѣчъ налью,
Изъ буйной головы
Чашу выдѣлаю,
Изъ ясныхъ очей—
Да двѣ чарочки,

Изъ костей твоихъ
Я кроватъ снащу!
Созову я гостей,
Красныхъ дѣвицъ все душей;
Загадаю имъ загадку
Не хитру, не мудру,
Не хитру, не мудру—
Не отгадливу;
Ужъ что таково:
Я на миломъ сижу,
И я милымъ подношу,
Милымъ потчиваю,
Ахъ, милъ передо мною
Свѣчкою горитъ?»
Тутъ одна красна дѣвица
Призадумалася
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила:
«Ужъ я тебѣ, братецъ,
Говаривала:
Не ходилъ бы ты, братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ!
Не любилъ бы ты, братецъ,
Красной дѣвицы души!»

Пѣсенникъ 1819 года, стр. 96.

155.

Ужъ и чей это дѣтинушка,
Чей удалый молодецъ?
Ужъ не тотъ ли добрый молодецъ
Изъ Астрахани?

Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну;
Полюбимши красну дѣвку,
Насмѣхаться сталъ:
«Ты не шей, не шей, дѣвчонка,
Не шей новый положекъ!
Ужъ и мнѣ ли, молодцу,
Не сыпать въ пологу!
Какъ и спать мнѣ, молодцу,
На лодочкѣ на носу!
Мнѣ грести-то весломъ
Волгу матушку!»
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходячи,
Ко милому ходячи.
«Не смѣяться, воръ-мальчишка,
Надъ несчастной надо мной!
Ты не думай, воръ-мальчишка,
Что я вовсе сирота!
Ужъ и я, красна дѣвушка,—
Не круглая сирота:
У меня ли, у дѣвчонки,
Есть отецъ, есть и мать,
Есть два брата соколы!
Я велю тебя поймать,
Душу съ тѣломъ потерять,
Разбестію растерзать!
Какъ изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ
Себѣ стульчикъ я собью,
Изъ широкіихъ костей
Я кроватушку смощу,
Я изъ буйной головы
Ендовину сдѣлаю,
А изъ ясныхъ изъ очей

Пару рюмокъ выточу,
А изъ алой твоей крови
Брагу пьяную сварю,
Изъ желтаго твоего сала
Себѣ свѣчъ я налью,
Изъ русыихъ изъ кудрей
Фитилевъ я насучу,
Изъ бѣлаго твоего тѣла
Пироговъ я напеку,
А изъ пальчиковъ-суставчиковъ
Похлебочку сварю!
Созову я, красна дѣвушка,
Всѣхъ подруженекъ;
Какъ и первую подруженьку—
Сестрицу твою!
Посажаю я подруженекъ
На лавочку,
А любимую подружку
На скамеечку;
Сама сяду, молода,
На кроватушку!
Загадаю вамъ, подруженьки,
Я загадочку,
А загадочку, подружки,
Неотгадливую:
Я на миломъ сижу,
Я на милаго гляжу,
Стоитъ милый предо мной
Бѣлой сальною свѣчей;
Милый въ свѣчкѣ горитъ,
Милый въ печкѣ сидитъ;
Я изъ мила наливаю,
Во миломъ я подношу,—
Дружкомъ потчиваю!»
Какъ и всѣ мои подружки

Призадумалися;
Какъ и первая подруженька
Догадлива была,
Догадалася она.
«Не загадочку, подруженька,
Ты загадываешь!
Погубила молодца,
Моего братца!»
Вотъ любимая подружка
Пріосердилася,
Выскочила на крыльцо
Простудить свое лице...
«Ужъ и я ли, красна дѣвушка,
Говаривала:
Не ходилъ ты бы, мой братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ;
Не сносити тебѣ, братецъ,
Буйну голову свою!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 55.

156.

Вечоръ меня милый цѣловалъ-миловалъ,
Цѣловалъ-миловалъ, за себя не взялъ,
Только на смѣхъ поднялъ...
Добро жъ, молодецъ, я велю тебя поймать,
Я велю поймать, середь поля догнать,
Тѣло потребить, душу погубить...
Изъ тѣла твоего пироговъ напеку,
Изъ костей твоихъ теремокъ срублю,
Изъ маленькихъ—коровать сгорожу,
Изъ кровей твоихъ пива наварю,
Изъ жиру твоего я свѣчей налью,
Изъ русыхъ волосъ фитилей напряду,

Изъ буйной головы чару вызолочу.
Поставлю свѣчу на печи въ углѣ:
Ты гори, свѣча, не угасаючи!
Ты плачь, его мать, не умолкаючи!
Зазову же я къ себѣ всѣхъ подруженекъ.
Загадала имъ я загадочку,
Загадочку неотгадливую:
А что таково:
По милому хожу,
На милаго гляжу,
Милымъ подношу,
Милымъ потчиваю?
Всѣ дѣвушки призадумались;
Одна дѣвушка догадалася,
Изъ бесѣды вонъ подымалася.
«Ахъ, милый ты мой братецъ, я тебѣ говаривала:
Не ходи же ты поздно вечеромъ!
Потерялъ ты свою голову
Не на Волгѣ-рѣкѣ, не на царской службѣ—
Потерялъ ты свою головушку
У красной дѣвушки на кроватушкѣ.»

Воронежская губернія, Землянскій уѣздъ. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 156.

157.

Что не ястребъ совыкался съ перепелушкою,
Солюбился молодецъ съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь-дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
Насмѣялся жъ ты мной, отсмѣю и я тебѣ!
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота!
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа;

Я изъ рукъ твоихъ, ногъ короватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твоего я свѣчей насучу,
А послѣй-то того я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою;
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю что я имъ да загадочку,
Я загадочку неотгадливую;
Ну, да что жъ таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милого я пью, милымъ потчую,
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ, да гдѣ пьяни живутъ.»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 559.

158.

Какъ у пташки у перепелки
Подопрѣли крылушки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...
Душа красна дѣвица
Примахала рученьки,
По терему ходючи,
По миломъ тужучи...
Молодецъ казанецъ,
Душа астраханецъ,
Полюбя красну дѣвицу,
Насмѣхаться сталъ:
«Ты не смѣйся, молодецъ,

Ты не смѣйся удалой!
Ужъ какъ я ли, молода,
Не совсѣмъ сирота:
У меня ли у младеньки
Есть два братца родныхъ!
Я велю тебя поймать,
На дорогѣ перенять,
На дорогѣ перенять,
Руки, ноги поломать;
Что изъ рукъ и изъ ногъ
Я калачъ совью,
А изъ буйной головушки
Браженьку солью,
Что изъ крѣпкаго сала
Я свѣчъ налью!
Созову ли я гостей,
Все подруженекъ своихъ,
Молодцову-то сестрицу
Впередъ посажу,
Загадаю ей загадку
Неотгадливую:
Подлѣ милаго сижу,
Я на милаго гляжу,
Я на милаго гляжу,
Милымъ потчиваю...»
Молодцова-то сестрица
Догадалася,
Изъ компаніи домой
Подымалася:
«Ахъ, злодѣюшка моя,
Погубила ты меня,
И себя, и меня,
Еще братца моего!»

Пѣсенникъ 1810 года, стр. 168.

159.

Канарейка пташечка,
Вольная кукушечка,
Примахала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи...
Приходила Сашенька
Свои рѣзвы ноженьки,
Вдоль улицы ходючи,
Милаго искаючи.
Она стала шить-кроить
Тонкій браный положекъ...
«А не спать мнѣ, молодцу,
Въ шитомъ браномъ пологу!
А мнѣ спать ли, молодцу,
Въ легкой лодкѣ на носу!
Цѣловать мнѣ, миловать
Мѣдну пушечку!»—
—«Ужъ ты, мальчикъ молодой,
Сталъ смѣяться надо мной!
У меня ли у младой
Есть и маменька,
Есть два братца родные,
Три двоюродныхъ...
Я велю тебя поймать,
Середи пути нагнать,
Руки, ноги обломать!
Изъ твоихъ изъ рукъ, изъ ногъ
Себѣ стульчикъ закажу;
Изъ твоего ли бѣла тѣла
Пироговъ напеку;
Изъ твоей я алой крови
Пива пьяна наварю;

Изъ твоихъ изъ глазъ-очей
Пару рюмочекъ солью.
Всѣхъ подружекъ созову,
А твою меньшу сноху
Противъ себя посажу....»
А твоя меньша сноха
Зла, досадлива была,—
Дверью хлопнула, ушла.

Самара. Варенцовъ, стр. 53.

160.

Я живалъ-бывалъ въ Казани, выросъ въ Астрахани,
Я любилъ красну дѣвчонку, хотѣлъ замужъ ее взять...
Я замужъ-етъ не взялъ, насмѣхаться надъ ней сталъ.
«Ты не смѣйся, молодецъ, не смѣйся, астраханецъ!
Ужъ какъ я, красна дѣвчонка, я не вовсе сирота!
У меня ль, у красной дѣвки, есть отецъ и мать,
Два брата молодца, да два булатные ножа.
Я велю тебя, каналью, середи поля догнать,
Середи поля догнать, руки, ноги поломать.
Я изъ рукъ твоихъ, изъ ногъ сама сошью себѣ кровать,
Изъ буйною головы двѣ питныя ендовы,
Я изъ крови изъ твоей пиво пьяно наварю,
Я изъ сала твоего свѣчекъ алыхъ намочу,
Изъ мяса твоего напеку я пироговъ,
Соберу своихъ подружекъ и загадку загану:
Я на миленькомъ сижу и на милаго гляжу,
На столѣ милый стоитъ, въ свѣчѣ милый горитъ,
Во свѣчѣ милый горитъ, милымъ потчиваю...»
Какъ изъ нихъ одна дѣвчонка сдогадлива была,
Какъ догадлива дѣвчонка, родна сестрица его...

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 91.

161.

«Не сиди, дѣвка, долго вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воска яраго,
Ты не шей, дѣвка, шемахальскій шелкъ!
Шемахальскій шелкъ съ кораблями шелъ,
Дорогъ купится—долго носится!»
—«Ты не смѣйся мнѣ, добрый молодецъ!
Я сама, дѣвка, не безродная:
У меня, дѣвки, есть отецъ и мать,
Есть два брата большихъ,
Двѣ сестры меньшихъ!
Я велю тебя поймать,
Въ чистомъ полѣ растерзать!
Я изъ рукъ, изъ ногъ скомью сдѣлаю,
Я изъ тѣла твоего пироговъ напеку,
Я изъ крови твоей пива наварю,
Я изъ мозга твоего вина накурю,
Я изъ головы твоей чару выточу...
Зазову я гостей—всю твою родню,
Посажаю я ихъ на лавочку,
А сама сяду на скамеечку;
Загадаю я имъ три загадочки:
На миломъ-то я сижу,
Милымъ говорю и потчую...»
Какъ большая сестра догадалася:
«Я давно тебѣ, братецъ, говаривала:
Не ходи, братецъ, поздно вечеромъ,—
Потеряешь ты свою буйну голову!»

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Живая Старина 1894 года, вып. II, стр. 286.

162.

Я изъ рукъ, изъ ногъ коровать смощу,
Изъ буйной головы ендову скую,
Изъ глазъ его я чару солью,
Изъ мяса его пироговъ напеку,
А изъ сала его я свѣчей налью...
Созову я бесѣду—подружекъ своихъ,
Я подружекъ своихъ и сестрицу его;
Загадаю загадку неотгадливую:
Ой, и что таково:
На миломъ я сижу,
На милаго гляжу,
Я милымъ подношу,
Милымъ потчиваю,
А и милъ передъ мной
Что свѣчею горитъ?
Никто той загадки не отгадываетъ;
Отгадала загадку подружка одна,
Подружка одна, то сестрица его:
—«А я тебѣ, братецъ, говаривала:
Не ходи, братецъ, позднымъ-поздно,
Позднымъ-поздно, поздно вечера!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 99.

163.

Черезъ рѣчку, черезъ быстру,
Былъ-то дорогъ перевозъ;
Я свою ли любезную
На рученькахъ перенесъ,

Перенесъ, перескочилъ,
Ничего не замочилъ,
Только съ правой ноженьки,
Башмачекъ въ воду скочилъ.
Мнѣ не жалко башмачка,—
Жаль шелковаго чулка:
Башмакъ батюшка купилъ,
Чулокъ милый подарилъ;
Онъ для того дарилъ—
Ночевать ко мнѣ ходилъ...

Молодецъ казанецъ,
Душа астраханецъ,
Полюбилъ я дѣвицу
Полюбилъ хорошую;
Полюбивши красну дѣвицу
Обѣщался дѣвку взять,
Взять ли, не взять,—
Надсмѣхаться надъ ней стать.
Не совсѣмъ дѣвка бѣдна,
Не совсѣмъ сирота:
Ей отецъ есть и мать,
И два брата сокола,
Есть буланы и вороны,
Полдюжины лошадей;
Прикажу тебя, злодѣя,
Середи пути догнать,
Руки, ноженьки сковать,
Во солдатушки отдать!

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 22 («продольная»).

164.

У меня ль, у красной дѣвушки,
Нѣтъ ни батюшки, ни матушки,
Нѣтъ ни роду, ни племени;
Только одна злая мачиха,
Злая змѣя подколодная.
Посылаетъ меня матушка
На высокъ теремъ постелю стлать!
«Ты иди, красна дѣвушка,
На высокъ теремъ постелю стлать!
Ты стели, красна дѣвушка,
Двѣ постели пуховыя;
Ты клади, красна дѣвушка,
Узголовья высокія;
Одѣвай, красна дѣвушка,
Одѣялы собольими!»
Какъ пошла красна дѣвушка
На высокъ теремъ постелю стлать,
И взяла съ собой дѣвушка
Два ножа, два булатные,
Да веревочку пенёчную.
На дворѣ-то смеркается,—
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ-то и позднымъ-поздно,—
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ и къ полуночи,—
Красной дѣвушки нѣтъ съ терема;
На дворѣ-то бѣлымъ-бѣло—
Красна дѣвушка йдетъ съ терема;
Русые волосы растрепаны,
Ясныя очи заплаканы,
Бѣлыя руки опущены.
«Государыня матушка,

Ты иди, прибирай гостей!
Одного я зарѣзала,
А другого повѣсила....»—
—«Ахъ, злодѣйка проклятая!
Да и что жъ ты надѣлала?
Ты холостаго зарѣзала,
А женатаго повѣсила!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 98.

165.

У лѣсика, у лѣсика у дремучаго,
У ключика, у ключика у текучаго,
Удалой донской казакъ свелъ коня поить,
Напоемши, онъ добра коня сталъ выглаживать,
Сталъ выглаживать, охорашивать,
Своему добру коню сталъ наказывать:
«Ужъ ты стой-ка, мой конь, стой до той поры,
Стой до той поры—до бѣлой зари,
До бѣлой зари, вплоть до солнышка!
Когда красно солнышко высоко взойдетъ,
Молодая шельма-вдовушка платье мыть пойдетъ,
Разлапушка красна дѣвушка за водой придетъ...»
Какъ душа ли красна дѣвица за водой пошла;
Размахнула она ведерочками широкохонько,
Почерпнула голубенькими глубокохонько;
Почерпнумши, ведерочки прочь отставила,
Съ молодымъ добрымъ молодцемъ рѣчи баяла.
Молодая шельма-вдовушка ей пригрозила:
«Не ходить тебѣ, дѣвушка, по бѣлу свѣту,
Не носить тебѣ, дѣвушка, платья цвѣтнаго,
Не любить тебѣ, дѣвушка, парня браваго!»
Черезъ силушку дѣвушка ведра подняла...
Родимая ея матушка вышла, встрѣтила:

«Милое мое дитятко, или гдѣ была,
Или гдѣ была, или что пила?»
—«Родимая моя матушка, нигдѣ не была,
Нигдѣ не была, ничего не пила,
Съ молодой только вдовушкой порассорилась!»
Со вечера красна дѣвушка разгоралася,
Ко полуночи красна дѣвушка причастилася,
На бѣлой зарѣ красна дѣвушка переставилась;
За обѣденку красну дѣвушку хоронить несутъ.
Напередъ красной дѣвушки идетъ попъ со дьякономъ,
Позади красной дѣвушки идетъ отецъ съ матерью,
По правую сторонушку подружки идутъ,
По лѣвую сторонушку добрый молодецъ...
Идетъ добрый молодецъ, спотыкается,
Горючими слезами обливается...
Молодая вдовушка у воротъ стоитъ:
«Согнала я дѣвушку со бѣла свѣта во сыру землю!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 53.

166.

Какъ пошла наша Параня съ горы на гору гулять,
Съ горы на гору гулять, по студеную воду...
На встрѣчу Паранѣ Васильюшка идетъ;
Зацѣпилъ ли онъ Параню посередь живота,
Посередь живота, поперегъ хребта,
Онъ ударилъ Параню объ сырую землю....
Какъ идетъ наша Параня безъ воды домой,
Безъ водицы домой, безъ ведерочекъ на дворъ...
Какъ на встрѣчу Паранѣ родной батюшка идетъ:
«Ахъ, что у те, Параня, бѣло личико въ крови,
Бѣло личико въ крови, кунья шуба во снѣгу?....»
Въ Благовѣщенской во церкви въ большой колоколъ звонятъ,

*

Ажно нашу Параню къ погребенію несутъ.
Водопьяновъ Васильюшка догадливъ былъ,
Напередъ онъ забѣгалъ, онъ канонъ прочиталъ,
Онъ канонъ прочиталъ и Параню поминалъ...
«Собирайтеся, робята, вы на лѣвой крылосъ,
Вы цѣлуйте Параню въ послѣдній разъ,
Собирайте, братцы, холсты и полотна,
Опущайте вы Параню во сыру землю!
Не достанься, Паранюшка, ни мнѣ, никому,
Какъ ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему!
Какъ досталася Параня сырой матушкѣ землѣ,
Сырой матушкѣ землѣ, гробовой доскѣ!»

Россійская Эрата, часть III, № 66. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ахъ люли, ахъ люли, ахъ люшеньки полюли. Очень сходная пѣсня: Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 87.

167.

Пошла наша Параня по студеную водицу,
По студеную водицу, по колодезную...
На встрѣчу Паранѣ родной батюшка идетъ:
«Ахъ, что ты, Паранюшка, не весела идешь?»—
—«Государь ты мой батюшка, головушка болитъ,
Отъ головушки я, батюшка, вся немогу!»
Ужъ ко вечеру Параня разнеможилася,
Ко полуночи Параня переставилася.
Какъ во городѣ Козельскомъ въ большой колоколъ звонятъ,
Въ большой колоколъ звонятъ, Параню хоронятъ.
Какъ Ванюшка дѣтинка догадливъ былъ—напередъ забѣгалъ,
Напередъ забѣгалъ, на паперти стоялъ,
На паперти стоялъ, Параню онъ встрѣчалъ...

Рукописный сборникъ XVIII вѣка. Отечественныя Записки 1858 года, № 1, стр. 311. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Люли вѣдь, люли, люли, люли, люли.

168.

Какъ пошла наша Параша
Въ яровое поле жать.
Первый снопъ она нажала, —
Алой лентой завязала;
Другой-то снопъ нажала,—
Голубой перевязала;
Что третій снопъ нажала,—
Чернымъ кантомъ завязала;
Что четвертый снопъ нажала —
Домой скоро побѣжала,
За ракитушку попала.
Что парнишка воровать
Впередъ дѣвки побѣжалъ;
Вострый ножичекъ точилъ,
Все Парашошкѣ грозилъ.
Что попалися Парашѣ
Отецъ съ матерью родной.
«Что у тебя, мила Параша,
Прирастрепана коса,
Прирастрепана коса,
Да разбиты волоса?»—
—«Родной батюшка,
У меня головушка болитъ!
Что родная моя матушка,
И вся я немогу!»
Что къ вечеру Паранюшка
Во постелюшку слегла;
Ко полуночи Паранюшкѣ
Попа привели,
Что къ утрему Парашенька
Скончалася.
Что у Спаса у Черкеса

Въ большой колоколъ звонятъ,
Въ колоколъ звонятъ,
Везутъ Пашу, хоронятъ.
Что парнишка воровать
Впередъ Паши забѣжалъ,
Впередъ Паши забѣжалъ,
Да на паперти стоялъ.
Онъ къ Паранѣ подходилъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Бѣлый саванъ открывалъ,
Въ уста три разъ цѣловалъ.
«Извини меня, Параша,
Отъ меня ты померла!
Не совсѣмъ хотѣлъ зарѣзать,
Хотѣлъ только пошутить!»

Вологда. Иваницкій, стр 321.

169.

Ходила Параша съ горы на гору гулять,
Яровое жито жать.
Она первый снопъ нажала,—
Алой ленточкой связала;
А второй снопъ нажала,—
Къ ретиву сердцу прижала;
Она третій снопъ нажала,—
Заплакала, пошла, къ сосѣдушкѣ зашла,
Къ сосѣду на бесѣду, коромысла попросить,
Съ ключа воды поносить...
А Ванюшка догадливъ очень былъ,—
Напередъ забѣжалъ,
Напередъ забѣжалъ, Парашу дожидалъ.
Онъ дождавшись Парашеньку, спрашивалъ:
«Ты скажи, скажи, Парашенька,

Скажи, сердце мое,
Скажи, сердце мое:
Одного ли любишь меня?»—
—«Семерыхъ съ тобой люблю
И восьмому не грублю!»
А какъ ударилъ онъ Парашу по лицу,
По румяной по щекѣ,
Да по бѣлому лицу, по румяной по щекѣ,
По жемчужной по серьгѣ;
А жемчужная серьжинка разсыпалась,
Свѣтъ Парашенька расплакалась....
Какъ на встрѣчу Парашѣ идутъ
Родной батюшка съ родной матушкой.
«Отчего въ тебя, Параша,
Позатерты рукава, позаплаканы глаза?»—
—«А я съ крутой горы катилась,
Объ бѣлъ камушекъ разбилась!»
Какъ со вечера Параша во постельку легла,
Со полуночи Параша переставилась;
А по утру во соборѣ въ большой колоколъ звонятъ,
Знать, Парашу хоронятъ...
Ванюшка Торопецкій догадливъ былъ, впередъ забѣгалъ,
Яры свѣчи закупалъ,
Яры свѣчи закупалъ и ко гробу припадалъ,
Черну тафту поднималъ...
«Ты скажи, скажи, Параша, скажи, сердце мое!
Я нарочно пошутилъ, ты и взабыль умерла...»

Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 90. Послѣ каждаго двустишія припѣвъ: Люли, люли, съ повтореніемъ отъ трехъ до пяти послѣднихъ слоговъ.

170.

Жили два жильца,
Два родные братца:
Семіонъ да Агафонъ.
У Семіона дочь Алена,
У Агафона сынъ Алешка.
Захотѣлося Алешкѣ
Аленку замужъ взять.
Они свата посылали—
Тамъ въ глаза имъ наплевали...
«Молчи же ты, Аленка,
Допеку же я тебя!»
И пошла наша Алена
На колодецъ за водой;
А Алешка-то песъ,
Онъ догадливъ былъ,
Напередъ забѣгалъ,
За колодецъ западалъ.
И схватилъ же Аленку
За шелковый поясокъ,
За тонкой животокъ,
И хлопнулъ Алену
О сырую о землю.
«Не достанься же, Алена,
Ни мнѣ и никому,
Ни другу моему,
Ни злодѣю моему!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 326.

171.

Какъ сватался-су воръ Янька
Пять лѣтъ на Устиньѣ,
Пять лѣтъ на голубкѣ;
Не могъ ее достати,
Не могъ доступити.
Пошелъ-то воръ Янька
Къ дѣвушкамъ голубкамъ,
Устиньинымъ подружкамъ:
«Ужъ вы, дѣвушки голубки,
Устиньины подружки!
Я вамъ дамъ по златницѣ:
Выманите Устинью
Въ Марьинскую рощу!»

Дѣвушки согласились.

Пошли-то дѣвушки,
Пошли-то красныя
Къ бабушкѣ старушкѣ,
Устиньиной мачкѣ.

Приходятъ.

Устиньина мачка
На печкѣ сидѣла;
Бабушка старушка
Чуть ихъ опознала.

Дѣвушки, поздоровавшись съ нею, сказали:

«Спусти, спусти, бабушка,
Спусти, спусти, сударыня,
Свою-то Устинью
Въ Марьинскую рощу

Съ нами погуляти,
Въ хороводѣ поплясати!»
Какъ сговоритъ-промолвитъ
Устиньина мачка:
«Моя-то Устинья,
Моя-то голубка
Нигдѣ не бывала,
Людей не видала!»

Но подружки Устиньины упросили бабушку старушку; она согласилась отпустить съ ними дочь свою.

Устинья во сѣняхъ
Голову чесала,
Косу заплетала;
Надѣвала Устинья
Понизову юпку,
Штофну душегрѣю.
Пошли-то подружки,
Пошли-то голубки
Во Марьинскую рощу.
Надѣвалъ-то воръ Янька
Понизову юпку,
Штофную душегрѣю.

Словомъ, онъ одѣлся по-женски, и приходитъ тоже въ Марьину рощу. Устиньины подруги приняли его за московскую гостью, свою подругу. Они завели дѣвичьи игры, и раздѣлились попарно и

Жеребьи бросали,
Попарно плясали.
Приходилось Устиньѣ,
Приходилось голубкѣ
Съ московскою гостьей.
Какъ сговоритъ Устинья,
Какъ сговоритъ голубка:

«Что это за гостья,
Что за московка?
Какъ барская хилка,
Какъ-су воръ Янька!»

Янька, видя, что его узнали, оставляетъ притворство.

Какъ сговоритъ воръ Янька,
Взговоритъ Устиньѣ:
«Пойдешь ли за меня замужъ?»
Какъ взговоритъ Устинья,
Какъ взговоритъ голубка:
«Я что себѣ ни прійму,—
За тебя замужъ не пойду!»
Какъ вынимаетъ воръ Янька
Ножичекъ булатный,
Убиваетъ Устинью,
Убиваетъ голубку.
Приходятъ подружки,
Приходятъ голубки
Къ Устиньиной мачкѣ:
«Бабушка старушка!
Твоя-то Устинья
Кровію вѣнчалась,
На ножѣ обручалась....»

Старушка, мачка Устиньи, доноситъ суду на подругъ Устиньиныхъ. Ихъ берутъ подъ стражу, допрашиваютъ, и по ихъ сознанію въ соучастіи, ихъ высѣкли кнутомъ и сослали; Яньку же повѣсили.

Сухановъ, стр. 28. Издатель этой въ разныхъ отношеніяхъ сомнительной пѣсни сообщаетъ, что онъ ее слышалъ отъ семидесятилѣтной старухи, которая, «гдѣ стихи, то ихъ пѣла, а гдѣ проза, то ее произносила такъ.»

172.

Ѣздилъ Митрій Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ...
Сидѣла Домна Александровна
Въ новой горенкѣ, подъ косявчатымъ окошечкомъ,
Подъ хрустальнымъ подъ стеколышкомъ.
Думала она, удумливала,
Хулила его, охуливала:
«Ѣздитъ-то Митрій Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
Напередъ горбатъ, назадъ поклянъ,
Глаза у него быдто у совы,
Брови у него быдто у жоги,
Носъ-то у него быдто у журава.»
Прикликала сестрица Марья Васильевна:
—«Ай же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!
Заводи, братецъ, пиръ-пированьице,
Зазови-тка Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»
Приходили послы къ Домниной матушкѣ.
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
На всѣ стороны поклоняются,
Сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»
Говорила Афимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»
Первы послы со двора не сошли,
Еще другіе послы на дворъ пришли,

Говорятъ Афимьѣ Александровной:
«Ай же ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»
Говорила Афимья Александровна:
«Не спущу, не спущу Домны Александровны
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»
Еще другіе послы со двора не сошли,
А третьи послы на дворъ пришли,
Говорятъ Афимьѣ Александровной:
«Ай же ты, Домнина матушка!
Ты спусти, спусти Домну Александровну
На широкій дворъ, на почестный пиръ!»
Говорила Домна Александровна:
«Ай же ты, родна моя матушка!
Если спустишь,—пойду, и не спустишь,—пойду!»
Говорила Афимья Александровна:
«Ай же ты, дитятко Домна Александровна!
Не ходи-тка къ Митрію Васильичу:
Ты хулила его, охуливала...
Я ночесь спала, грозенъ сонъ видла:
Быдто золота цѣпочечка разсыпалася,
Разсыпалася она и укаталася...»
Говорить Домна Александровна:
«Ай же, родна моя матушка!
Про себя спала, про себя сонъ видла!
Уйду я замужъ за Митрія Васильича...»
Говоритъ же Домнина матушка:
«Ой же ты, Домна Александровна!
Надѣвай-ка ты три платьица:
Первое одѣнь вѣнчальное,
А другое надѣнь опальное,
А третье надѣнь умершее!»
Садилась она на добра коня,
Поѣзжала къ Митрію Васильевичу.

Пріѣзжала она на бѣлый дворъ;
Встрѣчаетъ ю Митрій Васильевичъ,
Опущаетъ ю съ добра коня,
Беретъ за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ во уста во сахарнія,
Велъ ю за столы за дубовые.
Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ
И учалъ онъ Домну по бѣлу тѣлу;
И шелковый поясъ расплетается,
Домнино тѣло разбивается;
Пала она на кирпичный полъ...
Схватились же Домны,—живой нѣту...
Прознала ея родна матушка,
Скоро прибываетъ на бѣлоемъ дворѣ;
Увидала она Домну Александровну,
Пала она со добра коня на кирпичный полъ...
Схватились же ея матушки,—живой нѣту...
Говоритъ тутъ родной сестрицѣ Митрій Васильевичъ:
«Ай же ты, моя родная сестрица Марья Васильевна!
Ты сдѣлала три головки безповинныихъ!»
Онъ схватилъ съ гвоздя булатній ножъ,
Наставилъ тупымъ концемъ во кирпичный полъ
И острымъ концемъ во бѣлы груди...

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, часть I, стр. 461.

173.

Какъ идетъ-то Димитрій князь ко заутренѣ;
Увидала его въ окно Домна Фалелеевна.
Закричала она громкіимъ голосомъ:
«Охъ вы, мои нянюшки-мамушки!
Ужъ не этотъ ли Димитрій князь,
Ужъ не этотъ ли женихъ-отъ мой?

Онъ идетъ ко заутренѣ.
Онъ сутулъ-горбатъ,
У него носъ курносъ, косые глаза,
У него-то зубы—что соломенны пукли,
А ногами-то онъ загребаетъ,
И весь-то снѣгъ по улицѣ заметаетъ!»
Какъ услыхалъ туто Димитрій князь
Насмѣшку своей невѣсты Домны Фалелеевны,
Онъ пришелъ домой отъ заутрени,
И пошелъ ко своей сестрѣ ко Аленѣ Степановнѣ:
«Ты, сестрица моя Аленушка!
Ты сдѣлай для дѣвицъ пиръ
И позови же туто Домну Фалелеевну!»—
—«Ты, любезный родимый мой братецъ!
И я все для тебя могу сдѣлать.»
Стала сестра его готовиться
И за своими подругами стала посылать пословъ;
Послала посла къ Домнѣ Фалелеевнѣ.
Ужъ какъ первый посолъ, онъ на дворъ взошелъ,
И онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
Ко нашей ко Аленѣ Степановнѣ,
Хлѣба-соли къ ней кушати.»
—«Не пойду я, не подумаю:
У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Другой посолъ на крыльцо взошелъ,
Онъ шляпы не скинулъ, не поклонился:
«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,
Ко нашей ко Аленѣ ко Степановной,
Хлѣба-соли кушать.»
—«Не пойду я, не подумаю:
У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Ужъ какъ третій посолъ, онъ въ горницу взошелъ,
Шляпу скинулъ, поклонился:
«Вы пожалуйте, Домна Фалелеевна,

Ко нашей ко Аленѣ ко Степановнѣ,
Хлѣба-соли кушати!
Она безъ васъ хлѣба-соли не кушаетъ
И бѣлаго лебедя на столѣ не разрушиваетъ.»
—«Не пойду я, не подумаю:
У Аленушки братецъ холостъ-неженатъ.»
Услыхала ее родимая матушка:
«Ты поди, мое дитятко,
Ты поди, мое чадо милое!»
—«Государыня моя, родимая матушка!
Нехорошъ мнѣ нынѣшнюю ночь сонъ видѣлся:
Бархатная моя юпка вся изодраная
И золотъ-то мой перстень распаянъ лежитъ.»
—«Ты, дитё ль мое, дитятко!
Ужъ какъ нынче снамъ не вѣруютъ.»
Ужъ какъ тутъ Домна Фалелеевна
Убралася-снарядилася
И пошла ко Аленѣ ко Степановнѣ.
Какъ встрѣчаетъ Алена Степановна
Домну Фалелеевну,
Посадила Домну Фалелеевну поконецъ стола,
Ниже всѣхъ подруженекъ.
Ужъ не сами-то двери растворялися,
Растворялъ двери Димитрій князь.
Какъ возговоритъ Домна Фалелеевна:
«Охъ ты, Димитрій князь!
Ужъ какъ ты сутулъ-горбатъ,
У тебя носъ курносъ, косые глаза,
У тебя-то зубы какъ соломенны пукли,
И ты ногами-то загребаешь,
И всѣ-то ковры въ кучу сметаешь!»
Ужъ какъ взялъ-то Димитрій князь
Домну Фалелеевну за правую руку,
Онъ повелъ ее во свою спальню,
И онъ билъ Домну до полусмерти.

Ужъ какъ посылаетъ посла Домна къ своей матушкѣ,
Чтобъ прислала ей матушка три платьица:
Ужъ какъ первое платье—дѣвичье,
А другое-то—подвѣнечное,
А третье-то—смертное.
Ужъ тутъ возговоритъ ея матушка:
—«Ужъ я буду нынче снамъ вѣровать!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып V, стр. 63.

174.

Что не стукъ-то стучитъ вдоль по улицѣ,
Что не брякъ-то брячитъ вдоль по широкой,
Какъ идетъ Митрій князь ко заутренѣ.
И увидала Домна Александровна
И говорила родной матушкѣ:
«Что не этотъ ли Митрій князь,
Что сказали онъ хорошъ и пригожъ,
И лицомъ не рябъ, и глазамъ не косъ?
Онъ сутулъ и горбатъ и лицомъ-то рябъ!»
Митрій князь, онъ ворочался.
Ужъ онъ къ домичку подходитъ....
. . . .
«Ты сестрица, моя ласточка!
Дѣлай-ка пиръ у себя,
Позови-ка-сь подружку милую!...»
. . . .
—«Ты поди-ка-сь, подружка милая
На честной веселый пиръ!....»
. . . .
Стала она снаряжатися...
Говорила родна матушка:

«Нехорошій мнѣ сонъ повидѣлся:
Будто у меня весь жемчугъ разсыпался;
Я весь жемчугъ пособрала,
Не нашла одной жемчужинки!»
—«Ты, родимая моя матушка!
Ты сама спала, тебѣ видѣлось.....»
. . . .
«Надѣвай-же платье троящато:
Ужъ какъ первое платье—воскресенное,
А второе платье—подвѣнечное,
А третье платье ты—смеретное!»
Какъ во дворъ-то взошла—все огни горятъ,
Все огни горятъ, все котлы кипятъ;
Она тутъ-же испужалася,
Скоры ножки подломилися;
Ужъ какъ въ новы сѣнечки взошла,
Она поклонилася.
«Ты поди-ка, поди, Домна Александровна,
Ты, хорошая и пригожая,
Ты, не сутулая, не горбатая,
Что лицо не рябое и глаза не косые!»
Ужъ билъ ее Митрій князь со вечера.
Что со вечера до полуночи,
Со полуночи до бѣлаго дня...
Что не ласточка увивается,
Увивалася родна матушка:
«Ты скажи, ты, дитя милое,
Ты скажи, что я твоя,
Твоя суженая!»
А ужъ онъ и убилъ ее
До смеретушки....

Новгородская губернія. Новгородскій Сборникъ, вып. II, стр. 175. Пѣсня неполная.

175.

Какъ сватался Димитрій князь,
Какъ сватался сынъ Васильевичъ
Что на Домнѣ, на Домнушкѣ.
На Домнѣ Фалелеевнѣ,
По три года, по три мѣсяца,
По три утра, по три вечера
Отъ воротъ не отъѣзжаючи.
Зазвонили къ заутренѣ,
Что къ честной Воскресенскія.
Тутъ поѣхалъ Димитрій князь,
Поѣхалъ сынъ Васильевичъ
Что ко той ко заутренѣ,
Ко честной Воскресенскія.
Кидалася Домнушка,
Домна Фалелеевна
Во косящето окошечко,
Что по плечъ буйну голову.
«Ужъ вы, нянюшки, мамушки,
Мои вѣрны служаночки!
Вы идите скоро ко мнѣ,
Посмотрите на улицу:
Еще этотъ ли Димитрій князь?
Еще этотъ ли сынъ Васильевичъ?
Ахъ, ножища-то, что вилища!
Ручища-то, что граблища!
Головища, что пивной котелъ!
Глазища-то, что ямища!
Губища-то, что палчища!»

Князь Димитрій это видѣлъ и слышалъ.

Какъ приходитъ Димитрій князь,
Какъ приходитъ сынъ Васильевичъ

Отъ Божьей отъ заутрени,
Отъ честной Воскресенскія.
Говоритъ другу вѣрному,
Что сестрицѣ родимыя,
Настасьѣ Васильевнѣ:
«Ты, сестрица родимая,
Настасья Васильевна!
Собери же ты честный пиръ
Не князьямъ и не боярамъ,
Не княгинямъ, боярынямъ,—
А для Домны, для Домнушки,
Для Домны Фалелеевны!
Скажи, что Димитрій князь
Со князьями, съ боярами,
Забавляется охотою.»
Посылала Настасьюшка,
Посылала Васильевна
Своихъ вѣрныхъ подруженекъ
Что ко Домнѣ, ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелеевнѣ,
Ее звать на честной на пиръ.
Что приходятъ подруженьки
Ко Домнѣ Фалелеевнѣ,
Говорятъ таковы слова:
«Ужъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелеевна,
Что звала тебя подруженька,
Настасья Васильевна
Что къ себѣ на честной пиръ.»—
—«Еще дома ли Димитрій князь?
Еще дома ль сынъ Васильевичъ?»
Вопросила ихъ Домнушка.
Отвѣчали подруженьки:
«Что Димитрія дома нѣтъ;
Онъ съ князьями, съ боярами

Забавляется охотою.»
Тутъ сказала имъ Домнушка,
Домна Фалелеевна,
Что придетъ она къ Настасьюшкѣ.
Снаряжалася Домнушка,
Домна Фалелеевна,
Къ своей вѣрной подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Какъ пришла ея матушка:
«Ахъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелеевна!
Не ходи ты къ подруженькѣ,
Ко Настасьѣ Васильевнѣ!
Что ночесь мнѣ мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось:
Что хожу я по горницѣ,
Одѣваюсь въ платье цвѣтное,
Выбираю я свои кресты
И не вижу одного креста,
Одного креста, самаго лучшаго,
Съ дорогими-то со вставками,
Съ самоцвѣтными каменьями.»

Домна Фалелеевна, увѣренная въ дружбѣ Настасьи, не послушалась совѣтовъ доброй матери. Однако, имѣя какое-то сердечное предчувствіе, взяла украдкою изъ своихъ заповѣдныхъ ларцовъ два ножичка булатные и спрятала ихъ подъ платьемъ.

Не послушала Домнушка
Словъ родимыя матушки;
Пошла къ вѣрной подруженькѣ,
Къ Настасьѣ Васильевнѣ.
Какъ на полпути встрѣтились
Въ стрѣчу Домнѣ Фалелеевнѣ
Два калики прохожіе.

Говорили-то Домнушкѣ.
Домнѣ Фалелеевнѣ:
«Ахъ ты, Домна, ты, Домнушка,
Ты, Домна Фалелеевна!
Не ходи ты къ Настасьюшкѣ,
Къ своей вѣрной подруженькѣ!
Что Настасья зло думаетъ:
Не поѣхалъ на охотушку
Ея братецъ Димитрій князь.»

Эти калики были любимые молодые бояре князя, переодѣтые каликами и сами влюбленные въ Домну Фалелеевну. Домна Фалелеевна, можетъ быть, и повѣрила имъ, но не хотѣла возвратиться домой, давши слово своей вѣрной подругѣ.

Приходила Домнушка,
Свѣтъ Домна Фалелеевна,
Къ широку двору Настасьину.
Встрѣчали тутъ Домнушку,
Домну Фалелеевну,
Все князи и бояра,
Княгини и боярыни.
Приходила Домнушка,
Домна Фалелеевна,
Приходила къ новымъ сѣнямъ.
Ее на сѣничкахъ встрѣтила
Ея вѣрная подруженька
Настасья Васильевна.
Говоритъ ей таковы рѣчи:
«Приходи, ты, гордливая
Приходи-ка, ломливая,
Приходи, высокородная!..»
И ввела ее въ нову горницу.
Тамъ изъ занавѣски узорчатой
Встрѣчалъ ее самъ Димитрій князь.

Въ то время у Домнушки,
У Домны Фалелеевны,
Ноги рѣзвы подломилися,
Изъ глазъ слезы покатилися.
Что кладетъ она честный крестъ
На свои-то на бѣлы плечи,
И молилась Божьей матери,
А потомъ въ четыре стороны
Всѣмъ князьямъ и боярамъ
Въ шелковъ поясъ поклонилася.
Тутъ Настасья Васильевна,
Ея вѣрная подруженька,
Ее посадила за дубовый столъ;
Ея братецъ Димитрій князь,
Родимый сынъ Васильевичъ,
Налилъ чару зелена вина,
Подносилъ чару ко Домнушкѣ,
Ко Домнѣ Фалелеевнѣ.
«Ты прими-ка, горделивая,
Ты прими-ка, ломливая,
Эту чару зелена вина
Отъ ручищей, что отъ граблищей,
Отъ глазищей, что отъ ямищей,
Отъ главища, что пивной котелъ!»

Тутъ, какъ видно, послѣдовало предложеніе князя Димитрія Васильевича, что она волею или неволею, а должна быть за нимъ. Домна прибѣгаетъ къ притворству, соглашается, и вотъ ея отвѣтъ:

Что возговоритъ Домнушка,
Домна Фалелеевна:
«Ты позволь мнѣ, Димитрій князь,
Ты позволь, сынъ Васильевичъ,
Мнѣ съѣздить во чисто поле

На могилу къ родну батюшкѣ
Попросить позволенія!»

Димитрій колеблется.

«А чтобы я не ушла отъ васъ,
Пошли спереди вожатаго,
А позади провожатаго.»

Князъ отпускаетъ ее съѣздить къ могилѣ родителя и посылаетъ съ нею множество своихъ вѣрныхъ слугъ.

Пріѣхала-то Домнушка,
Домна Фалелеевна,
На могилу родна батюшка;
Соходила со добра коня,
Становилась на сыру землю,
И втыкала во могилушку
Что два ножичка булатные,
И сказала таковы слова:
«Не достанься ты, тѣло бѣлое,
Что не сукѣ-то борзыя,
Не змѣѣ заозерскія,
Что не кобелю борзому!»

Тутъ она падаетъ на ножи и закалывается. Слуги возвращаются и доносятъ о ея смерти Димитрію. Димитрій немедленно ѣдетъ туда, видитъ бездыханное тѣло Домны Фалелѣевны, приходитъ въ отчаяніе; безъ Домны ему опостыла жизнь; онъ также втыкаетъ въ могилу два ножа булатные, падаетъ на нихъ, и потомъ, обнявши бездыханное тѣло Домны Фалелеевны, умираетъ.

Таково заключеніе.

Кола. Сухановъ, стр. 5: «списано слово въ слово, какъ здѣсь значится.»—Въ этой пѣснѣ много сомнительнаго.

176.

Ноньче Купалы, завтра Иваны!
Купалы на Иваны!
Купался Иванъ да въ воду упалъ!
Купалы на Иваны!
Охъ, братъ сестру двору кличетъ,
Загубить хочетъ...
Купалы на Иваны!
«Ой, братецъ мой Иванушка,
Не губи меня у буденный день,
Загуби меня у воскресный день,
Положи меня увъ оградѣ,
Обсади меня стрѣлицами,
Обвѣшай меня наметками,
Обсѣй меня василечками!
Молодцы идутъ—стрѣлицы рвутъ,
Старушки идутъ—наметки берутъ,
Дѣвицы идутъ—василечки рвутъ, вѣночки вьютъ,
Меня, молоду, поминать будутъ!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Халанскій, № 12 («купальская»).

177.

Во городѣ во Бѣлградѣ случилась бѣда:
Молодая монашечка дитя родила;
На третій день монашечка на Дунай отнесла.
Тамъ ѣздили рыболовнички, рыбу ловили;
Да поймали жъ они, рыболовнички, щуку да меня,
А послѣй того—малаго дитя...
Усѣхъ монашечекъ къ допросу на дворъ...
Усѣ идутъ, по цвѣточку несутъ,

Уво всѣхъ цвѣточки цвѣтутъ, въ одной не цвѣтетъ.
Позади идетъ родная матушка, горючей слезой льетъ:
«Дитё жъ мое, дитё милое, причина твоя!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 13.

178.

Во градѣ было Кіевѣ,
Жила-была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любимая.
Ее братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, замужъ выдали
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина.
Поѣхалъ онъ съ нею за море...
Тамъ годъ живутъ и другой живутъ;
На третій годъ встосковалися,
Поѣхали къ своей матушкѣ.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
На третій день становилися
Кашу варить и коней кормить.
Не злы вороны налетѣли—
Злы разбойники наѣхали,
Морянина смерти предали,
Морянченка въ море бросили,
Морянушку въ полонъ взяли....
Разбойники послѣ спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ,
Не лежитъ онъ, Богу молится;
Самъ морянку выспрашиваетъ:
«Морянка, морянка, морянушка!
Изъ котораго ты города,
Ты какаго отца-матери?»—

—«Я города, сударь, Кіева.
Жила-была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая я, несчастная;
Меня братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, замужъ выдали,
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина...»
Взвопилъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:
«Вы, братья, вы, братья родимые!
Не морянина мы зарѣзали,—
Мы зарѣзали зятя милаго!
Не морянченка въ море бросили,—
А племянника мы роднаго!
Не морянушку въ полонъ взяли,—
Полонили сестру милую!
Сестрица, сестрица родимая,
Не сказывай нашей матушкѣ!
Опять тебя отдадимъ замужъ,
Надѣлимъ тебя больше прежняго!»
Что возговоритъ во слезахъ сестра:
«Вы чѣмъ меня ни надѣлите,
Мила друга не воскресите!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 150.—Весельчакъ на досугѣ, часть I. стр. 183.—Очень сходная пѣсня: Вильбоа, № 45.

179.

Жила-была молода вдова,
Наростила стадо малыхъ дѣтокъ—
Девять сыновей да едину дочь.
Они всѣ да вдругъ повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли,
Во разбой пошли—службу царскую,
Ко тому да царю бѣлому,

Царю бѣлому, да Петру Первому;
Одну сестру да замужъ отдали
За славное за сине море,
За славнаго купца богатаго,
За богатаго да за поморскаго.
Она годъ жила, да не стоснулася,
Другой жила—въ умахъ не было
Своей родимой сторонушки,
И на третій годъ да стосковалася
По своей родителѣ вдовы-матушкѣ.
Тутъ у свекрушка да подавалася,
У свекровушки доложалася,
Съ молодымъ мужемъ собиралася.
Они вздумали съ мужемъ, поѣхали.
Выѣзжали средь синя моря.
И вдругъ двѣ тученьки призатемнили,
Не бѣлы снѣжки призабѣлили,—
Призатемнили больше корабля,
Призабѣлили тонки паруса.
Мы ду-другу встрѣчалися,
На Кіянъ-море съѣзжалися;
Мы тутъ ду-друга да вѣдь не узнали.
Наѣхало девять разбойничковъ,
Моего мужа взяли потребили,
Потребили, въ воду спустили,
Меня, младу, обезчестили,—
Обезчестили, во собой брали.
Тутъ пріѣхали къ круту бережку,
Къ круту бережку незнакомому;
Выходили тутъ разбойнички
На крутой берегъ;
Тутъ садилися они ѣсть и пить,
Ѣсть и пить, хлѣба кушати.
Какъ одинъ разбойничекъ не ѣстъ, не пьетъ,
Не ѣстъ, не пьетъ,—думу-думаетъ:

«Уже какъ да сговоритися
Съ эвтой съ молодой вдовой,
Про ду-друга распроситися...»
Всѣ разбойнички спать легли;
Какъ одинъ разбойничекъ спать не легъ,
Ужъ спать не легъ, вдову спрашиваетъ:
«Ты съ какой орды, съ какой земли,
Ты чьего отца, чьей же матушки?
Ты скажи же мнѣ, повѣдай же!»
Тутъ молода вдова слезно плачетъ:
—«Ужъ есть роду я да не большаго,
Я не большаго да не меньшаго,—
Ужъ я есть рода да середняго,.
Во городѣ было да во Кіевѣ,
Тамъ жила молода вдова,
Она ростила чадовъ милыихъ,
Чадовъ милыихъ, дѣтей любимыихъ,
Она девять сыновъ да одинаку дочь;
Какъ девять сыновъ вдругъ повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли;
Одною сестру да замужъ выдали
За славное да за сине море...»
Тутъ испроговоритъ да младъ разбойничекъ:
«Вы ставайте-тка, да братья родные!
Мы свою сестру обезчестили,
Своего зятя мы потребили,
Потребили да въ воду спустили!»
Отъ крѣпка сна они да пробуждаются
И горючими слезьми да обливаются,
У родной сестры они прощаются:
«Ты что жъ, сестра, намъ не сказалася,
И на синемъ морѣ знать испугалася,
Мала лодочка да всколыбалася?»

Олонецкая губернія. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1867 года, № 14.

180.

Какъ у вдовушки было у пашицы
Что ль девять сынковъ и одинака дочь.
Что ль девять сынковъ возростать стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли да во разбой пошли
Во тую ли во шайку да во разбойницку;
А одинаку дочь замужъ выдали
Что ль за славное за сине море,
За того ли купчика за богатаго.
Она годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—да въ умахъ не было,
На третій годъ стосковалася,
У мужа она да подавалася
Ѣхать въ гости да во свою землю
Ко своимъ дражайшимъ къ родителямъ.
Двое вздумали съ мужемъ, поѣхали
На томъ ли на черномъ на караблѣ.
Среди моря да средь синяго
Что ль не тученьки да призатемнѣли,
Не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призачернѣли черны корабли,
Призабѣлѣли тонки парусы,
Что ль наѣхало девять разбойниковъ.
У молодой жены у красавицы,
Взяли у ней тутъ мужа, потребили,
А жива младенчика въ море спустили,
Молоду вдову прибезчестили,
Все имѣніе, злато-сребро да поразграбили,
Что ль черненъ корабль да огню предали.
Всѣ разбойники спать улягутся,
А единъ разбойникъ, атаманъ большой,

Съ молодой вдовой сѣлъ разговаривать,
Разговаривать да на словахъ ласкать:
«Не кручинься ты, молода жена!
Мы найдемъ тебѣ что ль ина мужа!»
Сталъ разбойникъ, онъ выспрашивать:
«Ты скажи-ка, скажи, скажи, вдовушка,
Ты чьего роду есть да чьего племени,
Ты да чьего отца, чьей ты матери
И какъ тебя да именемъ зовутъ,
Звеличаютъ тебя да по отечеству?»
Во слезахъ вдовушка да словцо смолвила:
«И на что меня, бѣдну, спрашивать?
Тѣло мое полоненое,
Я, сирота-вдова, прибезчещена!
Есть я роду само-нижняго,
Есть я роду вдовки горя-пашицы.
Что ль у вдовушки было у пашицы
Девять сыновъ, моихъ братьевъ родныихъ.
Девять сыновъ возростать стали,
Возростать стали, вдругъ повыросли,
Вдругъ повыросли, да во разбой пошли;
А меня, одинаку сестру, въ замужъ выдали
Что ль за славное да за сине море,
Что за того ль за купчика за богатаго.
Ужъ я годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—въ умахъ не было,
На третій годъ я стосковалася.
Двое вздумали съ мужемъ, поѣхали
Во свою землю да во отечество
Ко своей родителю-матушкѣ,
Честной вдовѣ да горе-пашицѣ!»—
Тутъ разбойникъ, атаманъ большой,
Атаманъ большой да прирасплакался,
Покатились слезы по бѣлу лицу.
Во слезахъ онъ словцо вымолвилъ:

«Вы ставайте-ка, братцы родные!
Мы вѣдь сдѣлали проступки великіе:
Первой проступокъ—во разбой пошли,
Грабили всѣ имѣнія, злато-серебро,
Проливали напрасно кровь человѣческу;
Другой проступокъ великій—
У родимой сестры мужа потребили,
Живаго иноплемника въ море спустили;
Третій преступокъ великій,
Великій грѣхъ тяжкій—
Родиму сестру прибезчестили!»
Вставаютъ со сна всѣ разбойники,
И всѣ разбойники да прирасплакались
И съ родимой сестрой поздоровались.
Приходили они во свою землю
Ко той ли ко родимой ко матушкѣ,
Ко честной вдовѣ горе-пашицѣ.
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались.
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ;
Сами пошли скитатися по разнымъ странамъ.

Олонецкая губернія. Повѣнецкій уѣздъ. Рыбниковъ, часть IV, стр. 99. Сходныя пѣсни: Гильфердингъ, № 176;—Славянская, часть III, стр. 119.

181.

Жила-была тутъ пречестна вдова,
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли;
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,

По-край моря за моревича.
Мы годъ жили, мы другой жили;
На третій годъ мы стосковалися.
«Поѣдемъ, моревичъ, къ моей мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ!»
Мы день-етъ шли, мы другой-етъ шли;
На третій день мы становилися,
Становилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набѣжало на насъ девять разбойничковъ;
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Моревичну въ полонъ взяли,
Во полонъ взяли, сами спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ-лежитъ,
Не спитъ-лежитъ, думу думаетъ:
«Еще чьего же ты роду-племени,
Роду-племени, отца-матери?»
—«Жила-была тутъ пречестна вдова;
«У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая ли дочерь милая.
Взросли братья, во разбой ушли;
Безъ нихъ вдова дочь замужъ выдала,
По-край моря за моревича.
Мы годъ жили, мы другой жили;
На третій годъ мы стосковалися.
Поѣдемъ, моревичъ, къ моей мамонькѣ,
Я къ мамонькѣ, ты къ тещенькѣ,
Я къ роднымъ братьямъ, ты къ роднымъ шурьямъ;
Мореночка повеземъ къ баушкѣ,
Къ баушкѣ, къ роднымъ дядюшкамъ!
Мы день-етъ шли, мы другой-етъ шли;

На третій день мы становилися,
Становилися, огонь клали,
Огонь клали, кашу варили.
Набѣжало тутъ девять разбойничковъ;
Моревича они зарѣзали,
Мореночка въ море бросили,
Меня, младу, въ полонъ взяли.»—
—«Ужъ вы, братцы ли, вы, товарищи,
Вставайте-ка, что мы надѣлали!
Роднаго зятя мы зарѣзали,
Роднаго племянника въ море бросили,
Родну сестру во полонъ взяли!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 94.

182.

Уже за моремъ было за синіемъ,
Тамъ жила-была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Во десятыхъ дочь одинакая.
Ею отдали замужъ за море,
Замужъ за море, за морянина,
Ею за вора за разбойника.
Она жила за моремъ девять годовъ,
На десятый годъ и стосковалася.
Она стала звать морянинушка:
«Ты пойдемъ, морянинушка, за море,
Пойдемъ за море къ родной маменькѣ,
Къ родной маменькѣ, къ роднымъ братьицамъ!»
Они пошли съ моряниномъ за море...
Какъ на встрѣчу имъ девять разбойниковъ.
Они морянина въ море врѣзали,

А моряночку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли и прибезчестили.
Они шли, разбойники, день до вечера,
Да и тутъ разбойники нодью сдѣлали,
Да и всѣ разбойники спать легли.
Какъ одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ и думу думаетъ,
Думу думаетъ, рѣчь проговорилъ:
«Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ:
Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
Ты чьего отца, которой матери?»
Начала моряночка высказывать:
«Уже за моремъ было за синіемъ,
Тамъ жила-была молода вдова,
Молода вдова благочестивая;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ
Во десятыхъ дочь одинакая;
Меня отдали замужъ за море...»
Какъ скричитъ разбойникъ громкимъ голосомъ:
«Вы вставайте, братцы, пробужайтеся!
Не морянина мы въ море врѣзали,
Не моряночку во полонъ взяли,—
Въ море врѣзали зятя любимаго,
Во полонъ взяли сестру родимую,
Прибезчестили единокровную!»
Какъ вставали разбойники, пробужалися,
Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать они шелковъ неводъ...
Не могли достать зятя любимаго,
И возвратилися они въ родимый домъ,
Они въ родимый домъ и къ родной матери.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 248.

183.

А жила-была да молода вдова,
Молода вдова благочесливая.
А у той вдовы было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятые да дочь любимая,
Дочь любимая да одинокая.
А пріѣхали да на ей свататься,
Да замужъ за море да за морянина.
А ею отдала да родна матушка,
Поневолили вѣдь родны братьица;
А ушла съ моряниномъ она за море...
А девять годовъ да не стоснулося,
На десятый годъ да стосковалося,
Стала звать-просить морянина:
«А пойдемъ, морянинъ, со мной за море,
Со мной за море да къ моей матушкѣ,
Къ той ли ко вдовѣ благочесливые!»
Какъ шли-прошли да путь-дороженьку;
А намъ встрѣтилося девять школьничковъ,
Девять школьничковъ, девять разбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзвили,
А моряночку да съ собой взяли.
Всѣ разбойнички да опочивъ держатъ,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто,
У моряночки да сталъ выспрашивать:
«Ты скажи, моряночка, коей земли,
Ты коей земли да ты коей орды,
Коего отца да коей матери?»—
—«Есть морянка изъ-за синя моря,
Той вдовы благочесливые;
Меня отдали да родны братьица,
Поневолила да родна матушка...»

Говоритъ разбойникъ таково слово:
«Вы ставайте, братцы разбойники!
Не морянина да въ море врѣзвили,
Не моряночку да во-собой взяли,—
Въ море врѣзвили зятя любимаго,
Да во-собой взяли да сестру родную!»
Всѣ разбойнички да перепалися,
За рогатинки да похваталися,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдаючи,
У морянина душу добываючи...

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 294.

184.

По-край моря, моря синяго,
По-край моря ай Веряжскаго,
По-край синяго моря Веряжскаго,
Тамъ стояла да хоромина не крытая,
А не крытая хоромина, не мшоная.
Тамъ жила-была вдова благочестивая;
Было у вдовушки девять сыновъ,
Во десятыихъ была одинокая дочь.
И эти всѣ сынова въ разбой пошли;
Оставалася дочка единёшенька.
Какъ изъ-за синяго моря Веряжскаго
Наѣхали на дочку къ нею сватова;
Она выдала дочку за сине море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила—не стоснулася,
Другой жила—въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у мужа у свѣта подавалася,
У всей семьи сдоложилася.

Состроилъ ей мужъ червончатый корабль;
Онъ носъ дѣлалъ по змѣиному,
Корму дѣлалъ по звѣриному,
Носъ грузилъ чистымъ серебромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Они сѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не темная ноченька сустигла ихъ,
Не частые дождики обсыпали,—
Наѣхали воры-разбойники...
Они гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,
Они жоночку рязаночку въ полонъ брали,
Въ полонъ брали, обезчестили.
Всѣ эти разбойнички спать легли;
Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, думу думаетъ,
У жоночки рязаночки выспрашиваетъ:
«Скажи, жоночка рязаночка, съ коей орды,
Съ коей орды, съ коей страны?»—
—«Ужъ мы жили-жили по-край моря,
По-край синяго моря Веряжскаго;
Тамъ стояла хоромипа не крытая,
Не крытая хоромина, не мшоная;
Во той было хороминѣ не крытоей
Жила-была вдова благочестивая;
Было у вдовушки девять сыновъ,
Во десятыихъ была одинокая дочь.
У ней всѣ сынова во разбой пошли;
Оставалася дочка одинешенька;
Изъ-за синяго моря Веряжскаго
Наѣхали на дочку къ ней сватова.
Она выдала дочку за сине море,
За этого гостя за торговаго...»
Тутъ разбойничекъ расплакался:

«Вы вставайте-ка, братцы родимые!
Мы не гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,—
Мы зарѣзали зятя любимаго!
Не жоночку рязаночку въ полонъ брали,
Въ полонъ брали и обезчестили,—
Обезчестили сестрицу родимую!»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 167. Сходная пѣсня: Гильфердингъ, № 28.

185.

Какъ у вдовушки было у пашницы
Было девять сыновъ, одинака дочь.
Всѣхъ тыхъ девять сыновъ въ разбой пошли,
Одинаку сестру замужъ выдали
За того купца за богатаго,
За богатаго, за заморскаго.
Она годъ жила,—не стосcулася,
По другой жила,—въ умѣ не было,
А по третій годъ стосковалася
По своей родимой по сторонушкѣ,
По своей родителю по матушкѣ.
Съ мужемъ сдумали они и поѣхали.
Выѣзжали они на сине море;
Тутъ имъ стрѣтилось девять разбойниковъ.
Моего-то мужа взяли, потребили,
А младенчика въ воду спустили,
Меня, молоду, обезчестили.
Какъ одинъ изъ нихъ тутъ былъ разбойничекъ,
Видитъ онъ, что я не ѣмъ, не пью,
Онъ началъ меня тутъ выспрашивать:
«Ты какого роду, какой земли
И какъ тебя именемъ зовутъ?»—

—«Я не большаго роду и не меньшаго,
Я есть вдовушки дочи пашницы,
Дочи пашницы, одинака дочь.
Было девять братцевъ, все разбойничковъ,
Всѣхъ тыхъ девять братцевъ во разбой пошли,
А меня молоду замужъ выдали...»
Закричалъ какъ тутъ одинъ разбойничекъ:
«Вы ставайте-ка, братцы разбойнички!
Своего мы брата тутъ потребили,
А младенчика въ воду спустили,
Молоду сестру обезчестили!»

Олонецкая губернія, Повѣнецкій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III, стр. 340.

186.

Было у Чечоточки девять сыновей,
Девять сыновей, единая дочь.
Всѣ девять сыновъ во разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
Выдали замужъ за морянинушка,
Въ дальню сторону за сини морюшки.
Вотъ прижили они сына морянчика,
Одного сына морянчика прекраснаго.
На третій годъ Настасья звала въ гости морянинушка,
Она звала, позывала, стала плакаться:
«Ты пойдемъ-ка, морянинушка, на мою сторону,
На родимую сторонку, къ отцу-батюшкѣ,
Ужъ ты хоть ко тестю, а я ко родпушкѣ,
Ужъ ты хоть ко тещѣ, а я ко матушкѣ,
А нашъ морянчикъ къ родной бабушкѣ,
Ужъ ты ко шурьямъ, а я вѣдь ко братцамъ,
Морянчикъ нашъ къ роднымъ дядюшкамъ,

Ужъ ты къ чужимъ, я къ порядовымъ сосѣдушкамъ!»
Собрались они да и поѣхали.
Вотъ ужъ день они ѣдутъ да и другой ѣдутъ;
Вотъ расположились они на чистомъ полѣ
Въ третій день хлѣба-соли покушати.
Вотъ напали на нихъ разбойнички,
Злы-лихи подорожнички;
Убили они морянинушка,
А морянчика въ воду бросили,
Саму молоду во полонъ взяли.
Ужъ какъ всѣ тутъ разбойнички спать легли,
А одинъ молоду сталъ выспрашивать,
Сталъ выспрашивати, сталъ вывѣдывати:
«Ты скажи, скажи, полоненочка,
Ты коей земли, ты коей ярды,
Коего отца, коей матери?»
Улилась она слезамъ горючима,
И стала сама высказывати:
«Насъ было у Чечоточки десятеро;
Девять сыновей всѣ въ разбой пошли,
А десятую меня замужъ выдали,
Выдали меня за синія моря,
Во чужую землю, во чужую ярду за морянинушка;
Черезъ два годы прижили себѣ морянчика,
Сына любимаго да и прекраснаго.
Вотъ на третій годъ мы поѣхали
Къ отцу-батюшку, къ родной матушкѣ,
Ко братьицамъ роднымъ, да къ порядовымъ сосѣдушкамъ...»
Какъ расплачется тутъ разбойничекъ,
И онъ сталъ будить родныхъ братьицевъ:
«Ужъ какъ встаньте-тка, встрепенитеся, братцы родные!
Ужъ какъ что вѣдь мы понадѣлали:

Морянинушка-зятя убили вѣдь,
А племянничка-морянчика въ воду бросили,
Сестру родную во полонъ взяли!»
Со сну стали всѣ да и расплакалися,
У сестры своей стали прощатися:
«Ты прости, прости, сестра любимая!
Ужъ пойдемъ съ нами во свою землю, во свою ярду,
Къ отцу, къ матушкѣ да и къ сосѣдушкамъ порядо-
выимъ!»

Олонецкая губернія, Вытегра. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II, стр. 225.

187.

Какъ у вдовушки было девять сыновей,
А десятая дочь была любимая.
Сыновнички, всѣ они подвыросли,
Они подвыросли, подъ разбой пошли,
А меня младу замужъ отдали,
За-покрай свѣту, свѣту бѣлаго.
Мы и годъ жили и другой жили,
А на третій-то годъ дитя родили...
«Ужъ ты, морянинъ, моря, сыночекъ мой!
Мнѣ стоснулось, мнѣ сгруснулося,
Захотѣлося къ родной матушкѣ въ дороги гости!»
Мы и день шли и другой шли,
А на третій день ко рѣкѣ пришли;
Разостлали мы скатерть бѣлую...
Ужъ что ни взялися девять разбойниковъ.
Что морянина моего зарѣзали,
И морянинченка въ воду бросили...
Всѣ разбойнички, всѣ они спать легли.
А девятый-то разбойничекъ,
Онъ не спитъ, не спитъ, Богу молится,
Богу молится, Христу кланяется,

Все онъ Богу молится, все онъ выспрашиваетъ:
«Ты какого жъ ты роду-племени?
Не дворянскаго ль ты, не купецкаго ль?»—
—«У вдовушки было девять сыновей,
А десятая дочь была любимая;
Всѣ сыновнички, всѣ они подвыросли,
Подвыросли, подъ разбой пошли;
А меня младу замужъ отдали
За-покрай свѣту бѣлаго,
За конецъ моря синяго..»
—«Вы вставайте, всѣ воры-разбойники!
Не купца же мы зарѣзали,—
Мы зарѣзали зятя роднаго,
И моряниченка въ воду бросили,
А сестру во полонъ взяли!
Ты что же намъ, сестра, не сказалася?
Морянина мы не зарѣзали бъ,
И моряниченка въ воду не бросили бъ!»

Новгородская губернія. Новгородскій Сборникъ, вып. II, стр. 174.

188.

По-край моря, моря синяго
Жила вдовица пашница;
У той вдовицы у пашницы
Было девять сыновъ, одинока дочь.
Одиноку дочь замужъ выдали
За славное сине морюшко,
За морянина, купца-дворянина.
Она годъ жила—не стоскнулася;
Другой жила—въ умахъ не было;
На третій годъ стосковалася,
Она у мужа подавалася,
У свекра доложилася,

У свекровушки спросилася.
Они вздумали да и поѣхали.
Выѣхали на сине море.
Не сине море все посинѣло,
Не бѣлы снѣжки побѣлѣли,—
Призасинѣлись сини корабли,
Призабѣлили бѣлы парусы;
Наѣхали девять разбойничковъ....
Моего мужа взяли потребили,
Въ море спустили;
Молоду вдову во полонъ брали.
Восемь разбойничковъ спать легли,
А девятый не пріуснулъ;
Сталъ у вдовушки выспрашивать:
«Ужъ ты большаго ли роду, меньшаго?»—
—«Я изъ роду не большаго, не меньшаго—середняго!
По край моря, моря синяго,
Жила вдовица пашница;
У той вдовицы у пашницы
Было девять сыновъ, одинока дочь;
Одиноку дочь замужъ выдали
За славное сине морюшко,
За морянина, купца-дворянина....»—
—«Вы вставайте, братья родимые!
Мы своего зятя въ море пустили,
Молоду вдову во полонъ брали!»
Они встали и поѣхали къ круту бережку,
Къ отцу къ матери.

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 55 («продольная»).

189.

Какъ во славномъ было великомъ Новугородѣ,
Тамъ жила-была матера вдова.
Въ матерой во вдовушки было девять сыновъ,

А десятая-то дочь горькая.
Девять сыновъ ея гулять ушли,
А попросту—подъ разбой пошли.
Безъ нихъ матерь дочь замужъ отдала,
Замужъ за море за морянина.
Она годъ жила—и не плакала,
И другой жила—я не тужила,
А на третій годъ встосковалася,
Стала плакати, мужа просити:
«Морянинъ, морянинъ молоденькій!
Поѣдемъ, морянинъ, мы къ матери,
Нагрузимъ корабль злата-серебра,
А другой корабль скатна жемчугу,
На третій корабль сядемъ, поплывемъ!»
Они день плыли и другой плыли,
А на третій день вѣтру не было.
Напали на нихъ охотнички,
А попросту-то разбойнички.
Морянина они зарѣзали,
А морянчинка въ море бросили,
А молодушку да съ собой взяли.
«Молодка, молодка заморская!
Сказывай, молодка, какого роду,
Какой семьи-родни, еще отчества!»
—«А я роду, я роду посадскаго,
А отчество мое—великій Новгородъ.
Было въ моей матери девять сыновъ,
А десятая-то я, горькая.
Девять братьевъ гулять ушли,
А попросту—подъ разбой пошли;
Безъ нихъ меня матерь замужъ отдала,
Замужъ за море за морянина.
А я годъ жила—и не плакала
И другой жила—я не тужила,
А на третій годъ встосковалася,

Стала плакати, мужа просити:
Морянинъ, морянинъ молоденькій!
Поѣдемъ, морянинъ, мы къ матери,
Нагрузимъ корабль злата-серебра,
А другой корабль скатна жемчугу,
А на третій корабль сядемъ, поплывемъ!
А мы день плыли и другой плыли,
А на третій день вѣтру не было.
Напали на насъ охотнички,
А попросту вы, разбойнички...»—
—«Ты—сестра наша, сестра родная!
Мы злодѣи, злодѣи проклятые:
А сгубили мы твоего мужа,
Твоего мужа, своего зятя!»

Курская губернія. Воронежская Бесѣда на 1861 г., стр. 386.

190.

Во городѣ во Кіевѣ
Жила вдова богатая.
У вдовоньки было девять сыновъ,
Десятая дочка Аннушка.
Какъ семь то сыновъ на разбой пошли,
Какъ восьмой-то сынъ—ко царю служить,
Какъ девятый сынъ—родну мать кормить;
Дочку Аннушку замужъ выдали
За заѣзжаго за морянина.
Она годъ живетъ, она два живетъ;
Ей на третій годъ Богъ сынка даетъ.
Стосковалася наша Аннушка,
Собиралася къ родной матушкѣ.
Они день ѣдутъ, они два ѣдутъ;
На третій день становилися,
Они кашу варили, дитю кормили.

Налетаютъ тутъ черны вороны,
Черны вороны—разбойнички....
И морянина позарѣзали,
Сына малаго въ воду бросили,
Они Аннушку во полонъ взяли;
А взямши въ полонъ, стали спрашивать,
Стали спрашивать, приговаривать:
«Ты не плачь, не плачь, боярыня,
Не утай, скажи, чья, откудова?
Ужъ какого ты рода-племени?»—
—«Какъ во городѣ во Кіевѣ
Жила вдова богатая;
У той вдовы было девять сыновъ,
Десятая—я, несчастная!
Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли;
Какъ восьмой-то сынъ—ко царю служить,
А девятый сынъ—родну мать кормить;
Меня выдали за морянина...»—
—«Мы не барина позарѣзали,
А мы зятюшкѣ сняли голову!
Мы не барченка въ воду бросили,
А племянничка родимаго!
Намъ не барыня въ полюбовницы
На посмѣшище попадалася,
А родна сестра на великій грѣхъ,
На несчастьице доставалася!»

Саратовская губернія. Варенцовъ, стр. 221.

191.

Какъ во городѣ во Саратовѣ,
Тамъ жила-то, была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
А десятая дочь несчастная.

Воспоили ее няньки-мамушки,
Возлелѣяли ее сѣнны дѣвушки;
Возлелѣявши ее, замужъ отдали,
Не за князя ее, не за барина,
Отдали ее за мирянина.
Они годъ-то живутъ и другой живутъ;
Какъ на третьемъ году дитя родили;
Спородивши дитя, стосковалися,
Къ родной матушкѣ собиралися.
Они день-то ѣдутъ и другой ѣдутъ;
Какъ на третій день становилися;
Какъ мирянинъ самъ сталъ коня поить,
А миряночка стала дитя кормить.
Изъ-за лѣсику изъ-за темнаго,
Какъ не черны воронья солеталися,
А злы разбойнички соѣзжалися;
И мирянина они зарѣзали,
А миряненочка въ море бросили,
А миряночку во полонъ взяли...
Всѣ разбойнички спать ложилися;
А какъ самъ атаманъ всее ночь не спалъ;
Онъ миряночку все выспрашивалъ:
«Ты скажи, скажи, красотка, изъ какого роду?»
—«Ужъ я роду-то пребогатаго;
Какъ во городѣ во Саратовѣ,
Тамъ жила-то, была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Я—десятая дочь, несчастная.. .»
Закричалъ атаманъ громкимъ голосомъ:
«Вы вставайте-ка, братья родные!
Подбѣгайте ко мнѣ скоро-на-скоро!
Надъ моей головой все несчастьице:
Мы зарѣзали зятя роднаго,
Мы племянничка въ море бросили,
Сестру родную во полонъ взяли...

Ты не плачь, сестра, сестра родная,
У насъ много злата-серебра.»
—«Мнѣ не надобно злата-серебра!
Мнѣ отдайте вы друга вѣрнаго,
Друга вѣрнаго и дитя милаго!»

Самара. Русская Старина 1874 г., № 12.

192.

Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Десятая дочь Варварушка.
Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли;
Какъ восьмой-то сынъ—онъ царю служить,
А девятый сынъ—родну мать кормить,
А Варварушку замужъ выдали,
За того ли замужъ за морянушку....
А мы годъ живемъ, а мы два живемъ;
На третьемъ годку стосковалися,
Ко родимой матушкѣ собиралися.
А мы день ѣхали, а мы два ѣхали;
На третій денекъ притомилися,
Во чистомъ полѣ становилися;
А мы кашу варили,
Малаго дитю кормили.
Налетали тутъ черны вороны,
Черны вороны—все разбойнички...
«Ты скажи, скажи, молодка,
Чья, откуда ты така?
Иль ты царская, иль боярская,
Иль попова дочь, иль купеческа?»—
—«Я не царская, не боярская,
А я бѣдная дочь сиротская!
Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
Да десятая я, несчастная!

Какъ семь-то сыновъ на разбой пошли...»—
—«Такъ мы зятюшку позарѣзали,
Мы племянничка въ воду бросили,
Мы родну сестру во полонъ взяли!..»

Саратовская губернія. Варенцовъ, стр. 222.

193.

Въ городу-то было во Кіевѣ;
И жила была честна вдовушка;
У вдовы-то было девять сыновъ
И десятая дочка милая.
Первы три братца въ короли пошли;
Други три братца—въ цари бѣлые;
Третьи три братца—во разбойнички.
Дочку милую замужъ выдали,
Замужъ выдали за морянина.
Она годъ жила—и не плакала;
На второй годъ—и не подумала;
А на третій годъ порасплакалась
И стала морянина въ гости звать.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ;
А на третій день отдыхать сѣли,
Отдыхать сѣли во темномъ лѣсу.
И затеплили теплу теплину,
Наварили же каши пшонныя.
Тутъ нѣгдѣ взялись три разбойничка,
И морянина-то зарѣзали,
Моревьеночка въ огонь бросили,
Моревьихоньку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли, въ нову горницу...

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 313.

194.

На Подолѣ жила вдова;
У ней было три сына, три дочери.
Какъ сынки взросли, на разбой пошли;
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ;
Какъ и третья дочь заблудилася;
Заблудилась она, на огонь нашла...
У огня сидятъ разбойнички.
Говоритъ одинъ: «мы сведемъ ее!»
Говоритъ другой: «мы убьемъ ее!»
Говоритъ третій: «мы распросимъ ее!
Ты скажи-ка намъ, ужъ ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?»—
—«А я роду изъ Подолу; жила вдова,
А у ней было три сына, три дочери;
Какъ сынки взросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, онѣ въ лѣсъ пошли,
Онѣ въ лѣсъ пошли да по ягоды.
Какъ одна-то дочь утонула,
А другую дочь въ лѣсу звѣрь заѣлъ,
А я, третья дочь, заблудилася,
Заблудилася, на огонь нашла...»—
—«Ты—сестра наша, ты—родимая!
Мы—твои братья, братья родные!..»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 221.

195.

Во тихомъ Дону, во тихомъ Дону,
Тамъ купались три молодчика.
Два молодчика—братцы родные,
Лицомъ сходные,
Не воры охотнички—
Донскіе разбойнички,
Татарскія рожи,
На черта похожи;
А третій молодчикъ
Былъ чужесторончикъ,
Православный русскій,
Изъ земли онъ Курской,
Княжескаго роду,
Отроча опальный, отроча опальный,
Сиротинушка безталанный;
Унесъ буйную головушку
Изъ Москвы отъ плахи,
Гдѣ скончался во темницѣ
Его батюшка родимый
Старый князь Василій...
Какъ одинъ изъ братьевъ
Сталъ такъ говорить:
«Какъ намъ молодца
Этого убить?»
Отвѣчаетъ братецъ:
«Постой, погоди!
Распросимъ его,
Какого онъ роду-племени,
Есть ли у него родимый отецъ,
Есть ли у него родимая мать,
Есть ли у него братья молодцы,
Есть ли у него сестры родныя,
Есть ли у него молода жена,

Есть ли у него малы дѣточки?»
—«Тихій Донъ-рѣка—
Мнѣ отецъ родной,
Сырая земля—
Родна матушка,
Соловей въ бору—
Родимый мой братъ,
Кукушка въ лѣсу—
Сестрица моя,
Бѣлая березушка—
Жена молода,
Отъ нея отростушки—
Мои дѣточки!»
Головка безталанная
Покатилася,
Тихій Донъ-рѣка,
Замутилася....
«Тихій Донъ-рѣка,
Родной батюшка,
Ты обмой меня!
Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня!
Соловей въ бору,
Милый братецъ мой,
Ты запой по мнѣ!
Кукушечка въ лѣсу,
Во дубровушкѣ,
Сестрица моя,
Покукуй по мнѣ!
Бѣлая березушка
Съ своими острострками,
Пошуми по мнѣ!...»

Курская губернія, Рыльскій и Дмитріевскій уѣзды. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, смѣсь, стр. 13.—Въ этой пѣснѣ много сомнительнаго.

196.

Гостила у насъ гостья дальняя, чужестранная.
Не сгостивши, гостья встосковалася,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,—
По своемъ горѣ по великiимъ:
Не съумѣлъ меня батюшка вспоить, вскормить!
Не съумѣла меня матушка замужъ отдать!
Отдала меня матушка замужъ за море,
Не за князя, не за барина,—за того ли вора, за разбойника...
Со вечера воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи со двора съѣзжалъ,
А къ свѣту воръ со добромъ на дворъ.
Онъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ты встрѣчай-ка меня, молода жена,
Ты снимай-ка съ меня шубу лисiю,
Убирай-ка ты коня добраго,
Коня добраго, притомленнаго,
Убирай-ка ты платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, прикровленное!
Угадай ты, жена, чей добрый конь?
Узнавай-ка ты, жена, шубу лисiю,
Узнавай-ка ты платье цвѣтное!»
Закричала жена громкiимъ голосомъ:
«Ужъ и что ты, злодѣй, надѣлалъ надо мной!
Разорилъ ты мою буйную головушку!
Погубилъ ты моего отца съ матерью,
Погубилъ ты моего братца роднаго!
Шуба лисiя—то моего батюшки,
Платье цвѣтное—то моей матушки,
Добрый конь—моего братца родимаго!»
Какъ и вынулъ воръ саблю вострую,
Снесъ съ своей жены буйну голову.

Въ зыбочкѣ дитя надсѣлося ревя,
А воръ-отъ сидитъ, прибаукиваетъ:
«Ты бау-бау, мое дитятко,
Ты бау-бау, мое милое!
Не я твою матушку губилъ-терялъ,—
Погубили, потеряли злы товарищи!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 64.

197.

Собирался разбойничекъ по вечеру на разбой.
Съ разбоя ѣхалъ, двѣнадцать коней велъ,
На тринадцатомъ конечкѣ самъ разбойничекъ сидѣлъ.
Подъѣзжаетъ воръ-разбойникъ ко широкому двору.
«Отворяй, жена, ворота, пущай молодца на дворъ,
Пущай молодца на дворъ, самъ хозяинъ коренной!
Принимай, жена, рубашку, не развертывай ее!»
Не стерпѣла, развертѣла, не встояла на ногахъ...
«Ты, любитель, воръ - губитель, зачѣмъ брата погубилъ?»
—«Охъ, не я его сгубилъ, не товарищи мои,—
Согубили, погубили его поздни вечера,
Его поздни вечерочки, глуха матушка полночь!»

Саратовская губернія, Сердобскій уѣздъ. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, издаваемый Калачовымъ, книга I, стр. 39, 1860 года.

198.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за бѣлаго березничка,
Изъ-за частаго осинничка,
Выходила красна дѣвица

На Дунай-рѣку умыватися;
Умылася, умывшися, набѣлилася,
Набѣлившись, нарумянилась,
Нарумянившись, призадумалась,
Призадумавшись, слово молвила:
«Ахъ, таланъ ли мой, таланъ такой,
Или участь моя горькая,
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу ли мнѣ досталося?
Въ лѣсу ли лѣсу не было,
Срубить ли мнѣ было нечего?
Въ людяхъ ли мнѣ людей не было,
Любить ли мнѣ было некого?
Какъ просваталъ сударь батюшка
Что за вора, за разбойника,
За плута, за мошенника...
Со вечера воръ коня сѣдлалъ,
Со полуночи воръ со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту воръ домой пріѣзжалъ;
Воскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ:
«Встрѣчай меня, молода жена,
Примай коня томнаго,
Сымай платье кровяное!»
Убралася, млада, на Дунай пошла,
На Дунай пошла платье мыть....
Все платье перемыла,
Осталася рубашечка брата милаго,
Брата милаго, любимаго!
Скорыя ноги подломилися,
Бѣлыя руки опустилися,
Ясны очи помутилися,
Изъ глазъ слезы покатилися....
Пришла домой да расплакалася:
Ахъ ты, свѣтъ моя ладо милое!
На что ты губилъ брата милаго,

Брата милаго, родимаго?—
—«Не я губилъ—губила ночь темная осенняя!
Не виноватъ я въ томъ, жена ты моя!
Была его встрѣча первая,
Встрѣча первая, молодецкая!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 169.

199.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго
Подымалася погодушка,
Что такая неугожая—
Со вѣтрами да со грозами,
Со великими угрозами.
Что во эту пору-времячко
Дочка къ матери поѣхала;
Во лѣсу-то заблудилася,
Горючимъ слезамъ заплакала,
Во слезахъ-то слово молвила,
Да родному распенялася:
Что зачѣмъ же сударь батюшка
Выдалъ замужъ за разбойника?
Жизнь моя—горе горькое!
Посылаютъ меня, молоду,
Во самую полночь по воду,
Не обуту, не одѣтую,
По холодную меня, голодную!
Въ это время мужа не было;
Онъ со вечера въ разбой пошелъ,
Ко бѣлу свѣту домой пришелъ.
И послали меня, молоду,
Отмывать платье кровавое.

Половину платья вымыла,
А другую въ рѣку кинула;
Нашла братцеву рубашечку.
Пришла, мужу распенялася:
Ты за что убилъ братца милаго?
—«Говорилъ я братцу милому:
Вороти ты справа на-лѣво!
Въ поворотахъ не послушался!
Въ первой встрѣчѣ спуску нѣту-тка,
Ни отцу нѣту, ни матери,
А не то что братцу-шурину!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 328.

200.

Ужъ не я ли, дѣвка, знала,
Сама вѣдала,
Что не быть менѣ за княземъ,
Ни за княземъ, ни за бариномъ,
А быть менѣ за воромъ,
За разбойничкомъ.
Собиралися со вечера
На разбой итить;
Во полуночи поднялись
На разбой итить;
Ко бѣлому свѣту
Ко двору пойтить.
Ужъ и мой ли воръ-собака,
Попередъ онъ всѣхъ бѣжитъ,
Девятеро коней держитъ,
На десятомъ самъ сидитъ.
«Ужъ ты, милая моя,
Отворяй ворота!
Ужъ ты, милая моя,

Ненаглядная моя,
Бери платье поскорѣй,
Не развертываючи,
Не разсматриваючи!»
Ужъ я молода была,
Нетерпѣливая,—
Разогнула, посмотрѣла:
Моего брата голова!...
Ужъ ты, воръ ли, ты, собака,
Разсобачій такой сынъ,
Погубилъ ты моего брата,
Своего шурина!
—«Ужъ ты, милая моя,
Не гнѣвайся на меня!
Въ первой встрѣчѣ, на сустрѣчѣ,
Отцу-матери не спущу,
Своему шурину не сдамъ!
Ужъ не я ль ему кричалъ,
Черной шляпою махалъ:
Сверни, сверни, шуринокъ,
Сверни, сверни животокъ!»

Курская губернія, Рыльскій и Дмитріевскій уѣзды. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, смѣсь, стр. 12.

201.

Не хотѣлося мнѣ, дѣвчоночкѣ, за разбойничка замужъ идти...
Какъ со вечера воръ-разбойникъ думу думаетъ одинъ;
Со полуночи воръ-разбойникъ собирался на разбой;
Ко бѣлой зарѣ-то воръ-разбойникъ, онъ двѣнадцать коней велъ;
На тринадцатой лошадкѣ самъ разбойникъ-воръ сидитъ.

Подъѣзжаетъ воръ-разбойникъ ко широкому двору;
Онъ слѣзаетъ, воръ - разбойникъ, беретъ вострое копье;
Онъ стучитъ-брячитъ, воръ-разбойникъ, во калитку-ворота:
«Отпирай, жена-ка, ты ворота, пущай молодца на дворъ!
Ты примай, жена, гостинецъ, не развертывай его!»
Не стерпѣла, поглядѣла и чуть вспомнила себя...
«Еще что ты, воръ, ты, воръ-разбойникъ, что ты сдѣлалъ надо мной,
Что ты сдѣлалъ, сбѣдокурилъ надъ моею головой!
Моего батюшку зарѣзалъ, родну матушку сгубилъ,
Моего брателку роднаго ты въ быстру рѣченьку бросалъ!»—
—«Ты, жена-ль моя да ты хозяйка, мила барыня моя!
Перва встрѣча—спуску нѣту своему родному хоть отцу!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 48 («проголосная»).

202.

Приневолили дѣвчонку
За разбойника замужъ.
У разбойника имѣнье—
Есть двѣнадцать лошадей;
На тринадцатой лошадкѣ
Самъ разбойникъ-воръ сидитъ.
Онъ со вечера, разбойникъ,
Отправлялся на разбой;
Со полуночи разбойникъ,
Онъ стучитъ подъ воротáмъ:
«Отворяй, жена, ворота,

Пусти молодца на дворъ!
Принимай, жена, добычу,
Ты неси да не гляди!»
Не стерпѣла, поглядѣла,
Заливалася слезамъ.
«Ужъ ты, мужъ ты мой разбойникъ,
Разбой-мальчикъ удалой,
Ты убилъ-сгубилъ головку
Брата роднаго моего!»—
—«Я при той пути-дорогѣ
Отцу родному не спущу,
Саблей голову снесу!»

Новгородская губернія, Крестецкій уѣздъ. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня, Спб. 1893, стр. 36.

203.

Захотѣлось красной дѣвкѣ за разбойничка замужъ...
Какъ со вечера разбойникъ, онъ сряжался подъ разбой;
На бѣлой зарѣ разбойникъ онъ двѣнадцать коней велъ;
На тринадцатомъ конечкѣ самъ разбойничекъ сидитъ.
Подъѣзжаетъ же разбойникъ ко широкому своему двору;
Онъ ударилъ же, разбойникъ, копьемъ новымъ ворота;
«Отворяй, жена, ворота, пущай молодца на дворъ;
Принимай, жена, рубашки, не развертывай, примай!»
Не стерпѣла, поглядѣла, чуть опомнилась млада...
«Ты, разбестія разбойникъ, погубитель, супостатъ!
Ты на что убилъ, зарѣзалъ брата роднаго моего?»—
—«Ты, жена ли моя молодая, жена барыня моя!
Я по первую навстрѣчу отцу родному не спущу,
По другую-то навстрѣчу долой голову снесу!»

Владимірская губернія, Ковровскій уѣздъ. Смирновъ, стр. 71.

204.

Разбесчастная дѣвчоночка
На свѣтѣ рождена...
Отдали дѣвчоночку замужъ
За вора за разбойничка...
Она плачетъ, голоситъ, убивается,
Горючей слезой заливается.
Со вечера воръ кудри чешетъ,
Со полуночи на разбой ѣдетъ,
Ко бѣлу свѣту домой пріѣзжаетъ.
Стучить-гремитъ у воротъ:
«Отворяй, жена, ворота,
Чтобъ ворота не скрипѣли,
Чтобъ собаки не гамѣли
И сусѣди не слыхали!
Держи, жена, подарокъ!
Ты брать-то бери,
Да не развертывай гляди!»
Не стерпѣла, развернула,
Развернула, посмотрѣла...
Охъ, воръ ты, разбойникъ, мужъ!
Ты снялъ голову
Брату родному моему!
—«Я ему кричалъ, бѣлой ручкою махалъ,
Соловьинымъ свистомъ свисталъ:
Братецъ родимый, скинься зайчикомъ!
Я на первой встрѣчѣ отцу-матери не сдамъ
На другой же встрѣчѣ—хочь чужой проѣзжаі!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 38.

205.

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-подъ чистаго осинничку,
Какъ бѣжитъ тутъ конь добра лошадь,
А за ней идетъ добрый молодецъ;
Идучи, самъ говоритъ ему:
Ты постой, постой, мой добрый конь!
Позабылъ я наказать тебѣ:
Ты не пей воды на Дунай-рѣкѣ!
На Дунаѣ дѣвка мылася,
И совсѣмъ нарядилася,
Нарядившись стала плакати,
А заплакавъ, сама молвила:
Или въ людяхъ людей не было?
Ужъ какъ отдалъ меня батюшка
Что за вора, за разбойника...
Какъ со вечера они совѣталися,
Со полуночи на разбой пошли,
Ко бѣлу свѣту пріѣхали.
«Ты встрѣчай, встрѣчай, молода жена,
Узнавай коня томленаго!»—
—Ахъ, томленый конь—конь батюшковъ,
Окровавленно платье—матушкино,
А золотъ вѣнокъ—милой сестры,
А золотъ перстень—мила брата!
Какъ убилъ онъ брата милаго,
Своего шурина любимаго....

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 154.—Весельчакъ на досугѣ, часть I, стр. 187.

206.

На Дунаѣ дѣвка мылася,
Красотѣ своей дивилася:
«Красота ли моя, красота,
Украшенье лицу бѣлому,
Жениховъ ли къ тебѣ не было!
Изъ поповъ были поповичи,
Изъ дьяконовъ-то дьяконовичи,
Изъ купцовъ было купечество...
Что не отдалъ сударь батюшка
Ни за князя, ни за барина,
Ни за купчика богатаго,
А отдалъ сударь батюшка
За плута, за разбойника,
За ночнаго подорожника....
Онъ со вечера коня кормилъ,
Со полуночи съ двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту домой пріѣзжалъ.
—«Отворяй, жена, воротички,
Выставляй-ка подвороточку,
Ты ступай-ка на Дунай-рѣку,
Полощи да не развертывай!»
Половину бѣлья вымыла,
А другую поразвернула—
Рубашечка братца милаго!

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 329.

207.

Государь ты, милый батюшка,
Государыня мила матушка,
Вы съумѣли меня воспоить, воскормить,

Не съумѣли замужъ выдати!
Отдали меня вы замужъ за вора,
За такого вора, за разбойничка...
Мужъ со вечера сталъ коня сѣдлать,
Ко полуночи—со двора съѣзжать,
Молодой женѣ сталъ наказывать:
«Ты не спи, жена, не гаси огня!
Какъ лучины нѣтъ, ты огарки жги,
Меня, молодца, со разбою жди!»
У шабренушковъ кочета поютъ,
У молодушковъ все мужья встаютъ,—
А моего мужа со разбою нѣтъ...
Подаетъ голосокъ чрезъ темной лѣсокъ:
«Молода жена, ты встрѣчай меня,
Принимай коня припоченаго,
Меня, молодца, притомленаго!
Узнавай-ка, жена, чей вороный конь,
Узнавай-ка, жена, чья лисья шуба!»—
—Развороный конь—моего батюшки,
А лисья шуба—моей матушки....
Я боюсь тебя, ты убьешь меня!....

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 227.

208.

Я по батюшкову дворику хожу,
Я по матушкиной горенкѣ,
Во правой рукѣ купечество (?),
Во лѣвой рукѣ шириночка,
Во карманѣ чисто зеркальце.
Изъ купечества умывалася,
Шириночкой утиралася,
Въ чисто зеркало глядѣлася,
Красотѣ своей дивилася.

Красота ль моя, кра̀сота,
Красота ль моя великая,
Кому, красота, доставалася?
Доставалася красоточка
Самому вору-разбойничку.
Со вечера воръ-разбойничекъ коня поилъ,
Со полуночи на разбой пошелъ,
На бѣлой зарѣ домой пришелъ.
«Отпирай, жена, воротички,
Пущай молодца разбойничка!»
Его жонка испужалася,
Рѣзвы ножки подкосилися,
Голова съ плечъ покатилася,
Очи ясны помутилися,
Бѣлы ручки опустилися...
«Я привезъ тебѣ подарочекъ
Отъ твоей родимой матушки—
Со правой руки колечушко,
Со правой руки золочено...»
—Мнѣ не нуженъ твой подарочекъ,
Мнѣ не нуженъ твой золоченый!

Казанская губернія. Русская Старина 1874 г., № 12 (послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ахъ, ивлю, ахъ, ивлю, да ивлю, влю).

209.

Не быть мнѣ, молоденькой, за княземъ, за бояриномъ,
Ни за княземъ, за бояриномъ, быть за плутомъ, за разбойникомъ...
Съ вечера разбойничекъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи разбойничекъ со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту разбойничекъ на дворъ пріѣзжалъ.
Выходила-то, встрѣчала молода его жена.

«Не меня ты встрѣчай, встрѣчай добраго коня!
Ты вывязывай изъ торокъ цвѣтно платьице,
Вывязывай цвѣтно платьице, не развертывай!»
Развернувши цвѣтно платьице, слезно сплакала:
«Ты убилъ моего брата, своего шурина!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 92.

210.

Собирался воръ Ванька разбойникъ,
Собирался на разбой.
Говорилъ воръ Ванька разбойникъ
Свои вѣрныя слова:
«Кто на встрѣчу ко мнѣ попадется,
Тому въ свѣтѣ не спущу!»
На ту пору, на тотъ часъ ѣхалъ
Съ Москвы парень молодой;
Онъ убилъ его, зарѣзалъ,
Срубилъ голову ему.
Пріѣзжаетъ Ваня ко двору,
Жена его ходитъ по двору...
«Отворяй, жена, ворота,
Встрѣчай молодца во дворъ!
Принимай, жена, гостинецъ,
Не развертывай его!»
Не стерпѣмши своего сердечка,
Посмотрѣла на гостинецъ я его...
«Ой ты, с....ъ сынъ, шельмецъ, разбойникъ!
Что ты сдѣлалъ надо мной?!
Ты убилъ, подлецъ, зарѣзалъ,
Убилъ брата моего!»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Прокунинъ, № 22. Каждый второй стихъ повторяется.

211.

Какъ носила меня моя матушка,
Она все стогнаючи;
Породила меня государыня,
Она умираючи...
Какъ съумѣлъ меня родименькій батюшка,
А онъ успоить-ускормить;
Не съумѣлъ меня родименькій батюшка,
А онъ замужъ выдати.
Какъ не отдалъ меня родименькій батюшка
За князя полковничка,
А отдалъ меня родименькій батюшка
За вора-разбойничка.
Какъ со вечера воръ-разбойничекъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
Со полуночи воръ-разбойничекъ,
А онъ сталъ съ двора съѣзжать.
Какъ узъѣхалъ воръ-разбойничекъ,
А онъ на высокій курганъ;
Какъ и свиснулъ воръ-разбойничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Солетайтеся, орлы сизокрылые,
Вы, братцы-товарищи!»...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. III, стр. 78.

212.

Полоса моя, полосонька,
Полоса моя не паханая,
Не пахана, не бороненая!

Заросла моя полосонька
Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
И горькимъ мелкимъ осинничкомъ....
Изъ того ль горька осинничка
Выбѣгала лошадь добрый конь;
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, торопится,
Самъ головушкой помахиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.

На Дунаѣ дѣвка мылася бѣло,
Она мылася, бѣлилася,
Она мылася, румянилася;
Нарумянившись, заплакала пошла.
Жалобу творитъ на батюшку,
На родиму свою матушку:
«Не за ровню замужъ отдали,
Не за ровню—за разбойника,
За разбойника-становщика.
Онъ со вечера добра коня поилъ,
Со полуночи въ разбой вступилъ.
Воротившись, зычнымъ голосомъ кричитъ:
Отворяй, жена, воротички,
Принимай братца родимаго,
Моего шурина любимаго!»

Сибирь. Гуляевъ, стр. 99.

213.

Подъ горою шла,
Грамотку нашла,
Распечатала,
Сама заплакала.
Мой-етъ милый другъ
Во постелюшкѣ!

Что постелюшка—
Мать сыра земля,
Что зголовьице—
Гробова доска...
Ты не хочешь ли
Чаю, кофію?
Я хочу, хочу
Холодной воды,
Холодной воды
Со Дунай-рѣки!
Мы пойдемъ, дружокъ,
Разметемъ лужокъ,
Разметемъ лужокъ
Зеленешенекъ,
Заведемъ кружокъ
Веселешенекъ!
Ты со скрипочкой,
А я со сплясочкой....

Куды сватали,
Туды не отдали...
Отдалъ батюшка
За разбойника,
За разбойничка,
Впуть-дорожничка...
Какъ со вечера
На разбой пошелъ;
Ко бѣлой зарѣ
Мужъ домой идетъ.
«Ты вставай, жена,
Воздувай огня,
Воздувай огня,
Принимай коня,
Коня ворона—
Отца роднаго,
Отца роднаго,

Брата-сокола,
Лисью шубушку—
Сестрицу голубушку!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, № 3 («обыденная»). Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: Ой ли, ой люли, съ повтореніемъ втораго стиха.

214.

Ой ты, нашъ батюшка тихій Донъ,
Ой, что же ты, тихій Донъ, мутнехонекъ течешь?
—Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьють,
Посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
Поверхъ меня, тиха Дона, три роты прошли:
Ай, первая рота шла, то донскіе казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то дѣвица съ молодцомъ...
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
«Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, красная моя!
Что выдамъ тебя, дѣвица, я за вѣрнаго слугу;
Слугѣ будешь ладушка, мнѣ—миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю стлать, со мной вмѣстѣ спать!»
Что взговоритъ дѣвица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому—миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постелю стлать, съ слугой вмѣстѣ спать!»
Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 145; — Весельчакъ на досугѣ 1797 года, часть I, стр. 178.

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 88 («казачья»).—Донская область. Савельевъ, стр. 145.

215.

Охъ, Донъ, ты, мой Донушка, тихенькій Донокъ!
Охъ, что же ты, Донушка, не веселъ стоишь?
—Охъ, какъ же мнѣ, Донушкѣ, да веселымъ быть?
Какъ по мнѣ, по Донушкѣ, да три партіи шло:
Какъ первая партія—донскіе казаки,
А другая партія—завдалые молодцы,
А третья-то партія—везутъ дѣвушку,
Везутъ, везутъ дѣвушку, везутъ, везутъ красную.
Плачетъ, плачетъ дѣвушка, что рѣка ліется;
Увыймаетъ дѣвушку большой-набольшій:
«Не плачь, не плачь, дѣвушка, не плачь, не плачь, красная!
Отдамъ тебя, дѣвушка, замужъ за слугу;
Слугѣ будешь ладушка, а мнѣ милый другъ;
По слугу постелю стлать, со мной будешь спать!»—
—«Не рѣчь, не рѣчь, молодецъ, да не рѣчь говоришь!
Кому буду ладушка, тому—милый другъ;
По кого постелю стлать, я съ тѣмъ буду спать!»

Курская губернія, Новооскольскій уѣздъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1884 года, № 2.

216.

На горѣ, горѣ, полугорѣ
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Какъ во той во корчмѣ
Да два молодца пьютъ,
Полякъ да казакъ.
Полякъ водку пьетъ,
Дукаты кладетъ;
Казакъ водку пьетъ,

Ничего не кладетъ,
Шинкарку манетъ:
«Да поѣдемъ, шинкарочка,
Къ намъ на тихій Донъ!
Какъ у насъ на Дону—
Не по вашему:
Не ткутъ, не прядутъ,
Хорошо ходютъ...»
Прельстилась шинкарочка
На казачьи слова,
И садилась шинкарочка
Коню за бедра.
Да повезъ онъ шинкарочку
Во темны лѣса;
Повѣсилъ шинкарочку
Онъ на сосенку;
Зажегъ казакъ сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Шинкарка кричитъ:
«Да донскіе казаки
Всѣ обманщики!»—
—«А вотъ тебѣ, шинкарочка,
Да нашъ тихій Донъ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 124.—Очень сходная пѣсня: Альбрехтъ, № 70.

217.

На горѣ, горѣ,
На всей красотѣ,
Стояла харчма,
Харчма польская,
Королевская.
Во этой харчевничкѣ

Три молодца пьютъ:
Русакъ, да полякъ,
Да съ Дону казакъ.
Русакъ вино пьетъ,
Денежки даетъ;
Полякъ вино пьетъ,
Червонцы даетъ;
Казакъ вино пьетъ,
Денегъ не даетъ,
Хаичку зоветъ:
«Поѣдемъ же, Хаичка,
Къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—
Не по здѣшнему:
Не ткутъ, не прядутъ,—
Хорошо ходютъ,
Пашеньку не пашутъ,—
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ...»
Согласна же Хаичка
На его слова.
Собирала же Хаичка
Худо и добро,
Худо и добро,
Злато-серебро.
Ѣхала Хаичка
Не дорогою,
Все темнымъ лѣсомъ.
Завезъ онъ Хаичку
Во сырой во боръ;
Привязалъ онъ Хаичку
Ко сухой соснѣ;
Зажегъ онъ сосенку
Съ низу до верху.
Сосенка горитъ,
Хаичка кричитъ:

«Ау, ау, ау!
Кто есть во бору?
Хаичка, горю!»—
—«Вотъ тебѣ, Хаичка,
Нашъ тихій Донъ!
Не тки, не пряди,—
Хорошо ходи,
Пашню не паши,—
Сосенку гложи!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, № 67 («обыденная»).

218.

На горѣ, горѣ было на крутой,
Стояла корчма весьма высока.
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ;
Шинкуетъ шинкарочка тремя пойлами,
Тремя пойлами, а все разными:
Пивомъ да виномъ да сладкимъ медомъ.
У этой шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалыихъ:
Тулякъ да полякъ, со Дону казакъ.
Тулякъ пиво пьетъ,—денежки даетъ;
Полякъ меды пьетъ,—червонцы кладетъ;
Казакъ водку пьетъ,—денегъ не даетъ,
Самое шинкарочку съ собою зоветъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—не по вашему:
Не ткутъ, не прядутъ,—во шелку ходятъ;
Не пашутъ, не сѣютъ,—бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, медъ-горѣлку пьютъ...»
Сдавалась шинкарочка на его слова,
На его слова, на ласковыя.

Повезъ онъ шинкарочку къ себѣ въ тихій Донъ,
Привезъ онъ шинкарочку къ себѣ въ тихій Донъ...
«Зачѣмъ ты, казаченька, обманулъ меня?
Сказалъ ты, казаченька: не ткутъ, не прядутъ,
Не ткутъ, не прядутъ,—во шелку ходятъ,
Не пашутъ, не сѣютъ,—бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,
Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ, медъ-горѣлку пьютъ!»
Осерчалъ казаченька на эти слова;
Посадилъ шинкарочку во колясочку,
Повезъ онъ шинкарочку во сыренькій боръ,
Привезъ онъ шинкарочку во сыренькій боръ,
Привязалъ шинкарочку къ толстой сосенкѣ,
Зажегъ же казаченька толсту сосенку,
Толсту сосенку съ корня до верху.
Сосенка горитъ, шинкарочка говоритъ:
«Зачѣмъ ты, казаченька, привязалъ меня?»—
—«Затѣмъ привязалъ тебя,—мудрена больно!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 49.

219.

На горѣ, горѣ
Стояла корчма.
Во этой корчмѣ
Красна дѣвица жила.
Торговала дѣвица
Пивомъ да виномъ,
Да сладкимъ медомъ.
Пріѣзжали къ дѣвицѣ
Три купца.
Первой-отъ купецъ—
Съ поля полевецъ;
А другой-етъ купецъ—
Изъ града гражданинъ;

Третій-етъ купецъ—
Со Дону казакъ.
Первый купецъ пилъ,
Денежки платилъ;
Другой купецъ пилъ,
Денегъ не платилъ;
А третій купецъ пилъ,
Да дѣвицу поилъ,
Дѣвицу поилъ,
Да съ собой ее манилъ:
«Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Къ намъ на Донъ!
У насъ на Дону—
Не по вашему:
Не ткутъ, не прядутъ,
Всѣ одѣты живутъ!.»
Красна дѣвица спилась,
На его слова сдалась...
Вывозили дѣвушку
Съ широка двора,
Съ широка двора
Во чистыя поля;
Изъ чистыхъ полей
Во темные лѣса.
Взяли привязали
Дѣвушку къ сосенкѣ;
Зажигали сосенку
Снизу до верху.
Сосенка горитъ,
Красна дѣвица дуритъ:
«Есть ли кто въ бору,
Отвяжи меня младу!»
Не было въ бору,
Кромѣ пастушка,
Да и тотъ помочь

Дѣвицѣ не хотѣлъ.
Сосенка сгорѣла,
Красна дѣвица истлѣла;
Дунулъ вѣтерокъ
И развѣялъ пепелокъ.

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 316.

220.

Говорятъ про Персію,
Что богатая;
Она не богатая,—
Распроклятая.
Черезъ эту Персію
Дорожка лежитъ;
При этой дороженькѣ
Корчажка стоитъ;
Во этой корчаженкѣ
Три молодца пьютъ:
Полякъ и пруссакъ,
Братцы, и гребенской казакъ.
Полякъ, братцы, водку пьетъ,
Монеты кладетъ;
Пруссакъ, братцы, водку пьетъ,
Червонцы кладетъ;
Гребенской казаченька,
Онъ пить-то не пьетъ,
На выдумку бьетъ,
Молодую шинкарочку
Съ собою зоветъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка,
Со мной на Кавказъ!
У насъ на Кавказѣ—
Не по вашему:

Не ткутъ, не прядутъ,—
Дѣвки хорошо ходятъ...»
Сдавалася шинкарочка
На его слова;
Садилася шинкарочка
Верхомъ на коня,
Верхомъ на коня,
Братцы, позади сѣдла.
Повезъ казакъ шинкарочку
Во темный лѣсокъ;
Привязалъ онъ шинкарочку
Ко сосниночкѣ;
Онъ зажегъ сосниночку
Съ низу до верху.
Соснинка, братцы, горитъ,
Шинкарка кричитъ...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 294.

221.

Во лѣсахъ-то, во лѣсахъ во дремучіихъ,
Во горахъ-то, во горахъ во пещорыихъ,
Стоитъ корчма польская, корчма королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка живетъ,
Шинкуетъ шинкарочка пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ, сладкіимъ медомъ.
У той шинкарочки три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ, три удалые:
Полякъ и солдатъ и донской казакъ.
Полякъ, солдатъ пьютъ,—монеты кладутъ;
Казаченька пьетъ, денегъ не даетъ,
Младую шинковочку онъ съ собой зоветъ:
«Пойдемъ-ка, шинковочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону—не по вашему:

Не ткутъ, не прядутъ,—все въ шелку ходятъ;
Пашеньку не пашутъ,--калачи ѣдятъ...»
Польстилась дѣвушка на его слова,
Пошла, пошла красная съ нимъ на тихій Донъ.
Завелъ казакъ дѣвушку во темный во лѣсъ,
Привязалъ красавицу ко сухой соснѣ.
«Вотъ тутъ у насъ, дѣвушка, славный тихій Донъ,
Вотъ тутъ не тки, не пряди,—во шелку ходи,
Пашеньку не паши,—да сосенку гложи!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 67.

222.

Ты, корчма, корчма,
Корчма польская,
Корчма польская,
Королевская,
Стоишь на горѣ,
На всей красотѣ....
Во той во корчмѣ
Шинкарка сидитъ,
Шинкарка сидитъ
Молоденькая
И хорошенькая;
Шинкуетъ шинкарочка
Пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ
И сладкимъ медомъ.
Во той во корчмѣ
Три молодца пьютъ,
Три молодца пьютъ,
Три удалые:
Волохъ да полякъ,
Да донской козакъ.

Волохъ вино пьетъ,—
Денежки даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—
Червонцы даетъ;
Казакъ вино пьетъ,—
Денегъ не даетъ,
Денегъ не даетъ,
Шинкарку манитъ:
«Шинкарка, шинкарка
Молоденькая,
Молоденькая
И хорошенькая!
Поѣдемъ, шинкарочка,
Къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону
Не ткутъ, не прядутъ,
Не ткутъ, не прядутъ,—
Все вино пьютъ...»

Молодчикъ съ молодкою 1790 года, стр. 80.

223.

На горѣ, горѣ, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на всей красотѣ,
Стояла корчма, корчма польская,
Корчма польская, королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка сидитъ,
Шинкарка сидитъ молоденькая,
Молоденькая, хорошенькая.
Во той во корчмѣ три молодца пьютъ:
Волохъ да полякъ, а третій казакъ.
Волохъ вино пьетъ,—червонцы даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—серебро сулитъ;
Казакъ вино пьетъ,—денегъ не даетъ,

Денегъ не даетъ, шинкарку манитъ:
«Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону не ткутъ, не прядутъ,
Не ткутъ, не прядутъ,—все горѣлку пьютъ...»

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 50.—Россійская Эрата 1792 года, часть III, № 25.—Пѣсенникъ 1819 года, часть II, стр. 31.

224.

На горѣ, горѣ стояла корчма,
Корчма польская, королевская.
Во той во корчмѣ шинкарка сидитъ;
Шинкуетъ она пивомъ и виномъ,
Пивомъ и виномъ и сладкимъ медкомъ.
Приходили къ ней три молодчика:
Первый молодецъ—россійскій купецъ;
Второй молодецъ—изъ Польши полякъ;
Третій молодецъ—съ Дону былъ казакъ.
Купецъ вино пьетъ,—золотомъ даетъ;
Полякъ вино пьетъ,—серебромъ даетъ;
Казакъ вино пьетъ,—денегъ не даетъ,
Денегъ не даетъ, дѣвицу зоветъ:
«Поѣдемъ со мной къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону весело живутъ:
Не ткутъ, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ...»

Кашинъ, вып. II, № 13 («полупротяжная»).

225.

Ой ты, корчма польская, королевская!
Ой, во той корчмѣ жидовка вдова,
А у той вдовы дочь Хайка была.
Пріѣзжаетъ къ Хайкѣ младъ донской казакъ:

«Ой, Хайка, Хайка, поѣдемъ съ нами,
Поѣдемъ съ нами, съ донскими казаками!»—
—«Ой ты, милый мой, не въ пору ѣдешь;
Пріѣзжай ты, милый, во суботній день:
Моя маменька до школы пойдетъ;
Пригоняй ты, милый, три подводушки!»
На первомъ возу перины лежатъ,
На другомъ возу злато-серебро,
А на третьемъ возу молодые сидятъ.
Пришла мать изъ школы...
«Ой, Хайка, Хайка, что ты сдѣлала!
Разорила въ конецъ мою ты корчму!
Ой, Хайка, Хайка, вернися!
Ой, Хайка, Хайка, простися!»

Донская область. Савельевъ, стр. 125.

226.

Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ мы, кукушка, во темны лѣса́,
Мы совьемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, соловьятушекъ!»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Какъ Казань-городъ на краси стоитъ,
Казанка-рѣчка медомъ протекла,
А малы ручьи зеленымъ виномъ;
По горамъ-горамъ высокімъ
Лежатъ каменья самоцвѣтные;
По лугамъ-лугамъ по зеленымъ
Растетъ трава шелковая...»—

—«Не обманывай, добрый молодецъ,
Я сама знаю, про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на крови стоитъ,
А Казанка-рѣчка кровью протекла,
Малые ручьи—горючими слезами;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Лежатъ головы молодецкія,
Молодецкія, все солдатскія;
По лугамъ-лугамъ по зеленыимъ
Лежатъ кудри молодецкія,
Молодецкія, все казацкія...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть II, стр. 150.—Пѣсенникъ 1788 г., часть II, стр. 174.—Кирѣевскій, вып. VI, стр. 16.—Очень сходная пѣсня: Отечественныя Записки 1840 г., часть VIII, смѣсь, стр. 28.

227.

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
Мы совьемъ съ тобою тепло гнѣздушко!»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Казань-городъ на красѣ стоитъ,
На красѣ стоитъ, на крутой горѣ;
Казаночка-рѣчка медова течетъ,
Мелки ключики—зелено вино,
По лугамъ-лугамъ трава шелкова,
По горамъ-горамъ цвѣты алые,
Цвѣты алые, все лазоревы!»
—«Не обманывай, добрый молодецъ!
Я сама давно про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на костяхъ стоитъ,
Казаночка-рѣка кровава течетъ,

Мелки ключики—горючи слезы,
По лугамъ-лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія, все стрѣлецкія!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 14.

228.

Соловей кукушку обманывалъ,
Онъ обманывалъ, подговаривалъ:
«Полетимъ, кукушка, во темны лѣса,
Во темны ль лѣса, во дремучіе,
Совьемъ, кукушка, съ тобой гнѣздышко,
Съ тобой гнѣздышко, съ тобой теплое,
Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушекъ!»
Молодецъ дѣвицу обманывалъ,
Онъ обманывалъ, уговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Что Казань-городъ во красѣ стоитъ,
А Казанка-рѣчка-то медомъ протекла,
По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
По горамъ-горамъ тамъ все камушки,
Да все камушки разноцвѣтные!»
—«Молодецъ, молодецъ, не обманывай,
Не обманывай, не подговаривай!
Я сама знаю, про все вѣдаю:
Что Казань-то городъ во крови стоитъ,
Что Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи—горючми слезьми,
По лугамъ-лугамъ да все волосы,
По горамъ-горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя!»

Кирѣевскій, вып. VI, стр. 15.

229.

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Полетимъ, кукушка, во сыры боры,
Мы совьемъ, кукушка, тепло гнѣздышко,
И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, куколятушекъ!»
Ой, у ключика у холоднаго
Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
«Мы, пойдемъ, дѣвица, во Казань-городъ!
Какъ Казань-городъ на красѣ стоитъ,
А Казанка-рѣчушка медкомъ бѣжитъ;
По горамъ-горамъ да все камушки,
Да все камушки, все горючіе;
По лугамъ-лугамъ да все травушки,
Да все травушки, все шелковыя!»
—«Не обманывай, добрый молодецъ!
Я сама знаю, про то вѣдаю,
Что Казань-городъ на крови стоитъ,
А Казанка-рѣчушка кровью бѣжитъ,
По горамъ-горамъ все головушки,
Все головушки да все буйныя,
По лугамъ-лугамъ все черны кудри,
Все черны кудри молодецкія!»

Московская губернія, Звенигородскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 13.

230.

У колодичка было у холоднаго,
У ключа было у студенаго,
Красна дѣвица воду черпала,

Добрый молодецъ коня поилъ,
Красну дѣвушку подговаривалъ:
«Ты пойди, дѣвица, за меня замужъ,
За меня замужъ, во Казань во городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
Казань-рѣчка тамъ медомъ течетъ,
И по полямъ-полямъ хлѣбородныимъ
Лежатъ камешки самоцвѣтные,
И по лугамъ нашимъ по зеленыимъ
Все трава растетъ да шелковая!»
—«Не обманывай-ка, не заманивай,
Добрый-ка молодецъ, не подговаривай!
И вотъ Казань-городъ не на горѣ стоитъ,
Вотъ Казань-городъ край рѣки лежитъ!
Ваша рѣченька не медомъ течетъ,
Ваша рѣчка не сахаръ влечетъ;
И на поляхъ вашихъ хлѣбородныихъ
То не камешки самоцвѣтные,
И на лугахъ вашихъ что зеленыихъ
Не трава растетъ ли шелковая,
Не цвѣты вѣдь растутъ что лазоревые;—
Ваша рѣченька изъ слезъ течетъ,
Ваша рѣченька печаль волокетъ;
На поляхъ-поляхъ хлѣбородныихъ
Лежатъ головы человѣчески;
На лугахъ-лугахъ на зеленыихъ
Все трава растетъ что болотная!
Я сама въ Казань-городѣ вѣдь повыросла,
Я съ Казань-рѣченьки сама воду пила...
Ужъ ты, добрый молодецъ, не обманывай,
Не обманывай меня, не подговаривай!
Ужъ нейду я, дѣвица, замужъ за тебя,
Во Казань во городъ за тебя ли, молодца!»

Славянская, часть III, стр. 171 («хороводная»).

231.

Красна дѣвушка воду черпала;
Добрый молодецъ, онъ коня поилъ,
Онъ коня поилъ, подговаривалъ:
«Ты пойдемъ, дѣвица, въ нашъ Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на красѣ стоитъ,
На красѣ стоитъ, на угожествѣ;
Казань-рѣченька медомъ протекла,
Мелки ручейки—зеленымъ виномъ;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Лежатъ камушки самоцвѣтные;
По лужкамъ-лужкамъ по зеленыимъ
Растетъ трава все шелковая;
На травѣ цвѣтутъ цвѣты лазоревы;
По лѣсамъ-лѣсамъ по дремучіимъ
Бѣжатъ куны заморскія...»—
—«Не обманывай, добрый молодецъ!
Я во Казань-городѣ была рожена,
Въ Казань-рѣченькѣ была купана...
Вашъ Казань-городъ на ножѣ стоитъ,
Казань-рѣченька кровью протекла,
Мелки ручейки—горючми слезьми;
По горамъ-горамъ по высокіимъ
Не каменья самоцвѣтные—
Лежатъ головы человѣчески;
По лужкамъ-лужкамъ по зеленыимъ
Не трава растетъ шелковая—
Лежатъ волоса человѣчески;
По лѣсамъ-лѣсамъ по дремучіимъ
Не куны бѣжатъ заморскія—
Бѣжатъ волки ѣдучіе.»

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 53 («продольная»). Каждый стихъ повторяется.

232.

У колодеца было да у студенаго,
У того ключа да подземельнаго,
Красна дѣвица да воду черпала,
Добрый молодецъ коня поилъ;
Онъ коня поилъ да коня добраго,
Онъ красну дѣвчину да обманывалъ,
Обманывалъ, подговаривалъ:
«Ты иди, дѣвица, за меня замужъ,
За меня замужъ во Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
Казань-рѣченька да медомъ течетъ,
Мелки ручейки да зеленымъ виномъ;
По горамъ да по высокіимъ
Лежатъ камешки да самоцвѣтные;
По лугамъ да по зеленыимъ
Трава растетъ да вѣдь шелковая;
На травѣ цвѣтутъ цвѣты лазуревы;
По лѣсамъ да лѣсамъ темнымъ
Дороги звѣри—куны заморскія;
Еще съ-по морю, морю синему,
Изъ-по синему морюшку турецкому...»
Тутъ онъ хвастаетъ своимъ житьемъ-бытьемъ:
«Ужъ у меня по морю-то ходитъ тридцать кораблей;
Какъ единъ-то корабль изукрашенъ былъ:
Еще корма да носъ излажены по турецкому,
Еще парусы на корабляхъ камчатые,
Снурочки на корабляхъ шелковые,
Мѣсто глазъ-то было еще вставлено
По дорогому по камню по яхонту,
Мѣсто бровь-то было да проведено
По дорогой куницѣ по заморской...»

—«Не подговаривай же, добрый молодецъ, не обманывай!
Я сама знаю, сама вѣдаю
Про славный вашъ про Казань-городъ!
Въ Казань-городѣ я родилася,
Въ Казань-рѣченькѣ я крестилася,
Въ мелкихъ ручейкахъ бѣло мылася...
Казань-рѣченька водой течетъ,
Мелки ручейки да горючми слезьми;
По горамъ вашимъ высокіимъ
Не камышки да самоцвѣтные,
Лежатъ головы да все буйныя;
На лугахъ трава не шелковая,
Растетъ травонька да все болотная;
По лѣсамъ да вашимъ темнымъ
Звѣри да все съѣдучіе,
Зміи да все клевучіе;
Изъ-по морюшку по турецкому
Ходятъ корабли все да шведскіе...
По пустымъ ты, добрый молодецъ, расхвастался,
Я замужъ пойти да тутъ не вздумала!»

Шейнъ (Чтенія), стр. 40.

233.

А въ теремѣ, а въ высокомъ
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
«Мы пойдемъ, дѣвица, а въ Казань-городъ!
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
На всей красотѣ;
По горамъ-горамъ а все каменныя,
Разноцвѣтныя;
Казанка-рѣка медомъ протекла;
Малые ручеечки—бѣлымъ сахаромъ;

По лугамъ-лугамъ а все травушка,
Все муравушка, все шелковая.»
—«Ахъ, бездушный ты, добрый молодецъ,
Халаушная твоя голова!
Я сама знаю, сама вѣдаю:
Нашъ Казань-городъ на горѣ стоитъ,
На всей пропасти;
Казанка-рѣка кровью протекла;
Малые ручеечки—кровь горючая;
По лугамъ, лугамъ не травушка,
Не шелковая... молодецкая!»

Якушкинъ, стр. 635.

234.

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
«Вы пойдемте-ка, дѣвушки, съ нами,
Съ нами, добрыми молодцами,
Не далече—до Казани!
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно;
У насъ денежекъ предовольно,
У насъ домики пребогаты—
Бѣлокаменныя стоятъ палаты;
Межъ домами-то текетъ рѣчка,
Течетъ рѣченька медовая,
По ней струечка золотая!»
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ;
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшка сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:

«Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
На солдатскія на обманки:
У солдатушекъ домы—горы,
Домы—горы каменисты;
Межъ домами-то текетъ рѣчка,
Текетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка слезяная!»

Кола, Архангельской губерніи. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 17.

235.

Шли матросы,
За матросами солдаты,
За солдатами обозы;
Они шли-прошли слободою;
Идетъ дѣвушка за водою;
Зовутъ дѣвушку за собою:
«Пойдемъ, дѣвушка, съ нами,
Съ нами до Казани:
Отъ Казани Питеръ не далече;
У насъ во Питерѣ жизнь—приволье,
У насъ горушки сахарныя,
У насъ ключики медовые!»
—«Солдатушки, вы не обманывайте!
Я сама, дѣвушка, про то знаю:
У васъ горушки головныя,
У васъ ключики кровавые,
У васъ бережки ледяные!»

Кирѣевскій, вып. VI, стр. 19 («тягольная»).

236.

По Питерской дорожкѣ ѣхали обозы,
За обозами шли матросы,
Матросики молодые,
Не женаты, холостые.
Въ эту пору вышла дѣвушка за водою,
За холодной ключевою.
Матросики дѣвушкѣ говорили:
«Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
Съ нами, молодцами!
У насъ жить-то, дѣвушка, привольно,
Питья-кушанья довольно,
У насъ горы не крутыя,
У насъ рѣченька Казанка,
По ней струйка золотая!»
Какъ одинъ-то матросъ дѣвушкѣ говорилъ:
«Не сдавайся-ка, дѣвушка, на басни,
На солдатскіе обманы!
У насъ жить-то неприводьно,
Питья-кушанья-то недовольно,
У насъ горы-то крутыя,
Въ горахъ камешки простые,
Прошла рѣчка слезяная,
По ней струйка кровяная!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 135 («семейная протяжная»);— Кирѣевскій, вып. VI, стр. 18.

237.

Шли-прошли обозы,
За обозами матросы;
Они шли-прошли слободою,
Звали Дунюшку съ собою:

«Пойдемъ, Дуняшка, пойдемъ съ нами!
У насъ, Дуняшка, жить привольно,
Работать у насъ охотно,
У насъ домы все каменные,
Текутъ рѣчки медовыя,
У насъ горы восковыя,
Въ горахъ камни дорогіе!»
—«Не обманывайте, солдаты!
Я сама про все про то знаю:
У васъ домики—палатки,
У васъ горы—земляныя,
Въ горахъ камни все простые,
Текутъ рѣченьки слезовыя!»

Тверская губернія. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 19

238.

Какъ по Московской было по дорожкѣ,
Шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
За солдатами шли матросы,
Матросы молодые;
Звали дѣвокъ за собой:
«Вы пойдемте, дѣвки, съ нами,
Съ нами, съ молодцами,
Со донскими казаками!
Какъ у насъ въ Москвѣ житье привольно,
Золотой казны довольно,
Тутъ текутъ рѣчки медовыя,
Круты горы золотыя,
Во горахъ камни золотые!»...
«Не склоняйтесь, дѣвки, на балы,
На солдатскіе на обманы!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VI, стр. 20.

239.

Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
Тутъ шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
Солдатушки молодые, новобранны;
Они шли-прошли слободою,
Звали дѣвушекъ съ собою:
«Вы пойдемте, дѣвки, съ нами,
Съ нами, добрыми молодцами,
Со уральскими козаками!
У насъ дѣвушкамъ жить привольно,
Горы, долы у насъ золотые,
Во горахъ камни дорогіе,
Бѣжитъ рѣчушка медовая,
По рѣчушкѣ растетъ калина
И сладка ягода малина.»

Симбирская губернія, Сенгилеевскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып VI, стр. 21.

240.

По дороженькѣ по Московской
Шли-прошли два извоза,
За извозами молоды ребята,
Разхорошіе, бѣлы, кудреваты,
Кудреваты, съ роду не женаты;
Они шли-прошли городамъ, селами;
Они звали дѣвушекъ со нами:
«Вы пойдемте, дѣвушки, со нами,
Что со нами, съ томскими купцами!»
Они шли-прошли со мать-Тюмени;

Во Тюменюшкѣ есть купцы богаты,
У этихъ же есть дѣвушки хороши....

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 90 («проголосная»).

241.

Ой, подъ сосною, подъ кудрявою,
Ой, подъ грушею кучерявою,
Соловей въ саду та высвистуваеть.
Парень дѣвушку та выкликуваеть:
«Ой, пойдемъ, дѣвка, у Смолинъ-городъ!
А Смолинъ-городъ на высу стоитъ,
На всей высости, на всей крѣпости;
Все по горахъ маки цвѣтуть,
Ой, цвѣтуть маки все червонные,
Ой, бѣжать рѣки все медовыя,
Ой, растуть травы все шелковыя.»—
—«Брешешь ты, Обазинъ сынъ!
А Смолинъ-городъ я давно знаю;
Я въ Смолинѣ-городѣ родилася.
А Смолинъ-городъ на низу стоитъ,
На всей низости, на всей крайности;
Все по горахъ не маки цвѣтуть,
А лежатъ тѣла все мертвовыя,
А бѣжатъ рѣчки все кровавыя,
Ой, растуть травы волосяныя...»

Харьковская губернія, Богодуховскій уѣздъ. Русская Старина 1879 года, № 10, стр. 351.

242.

Подъ горою вѣтеръ вѣетъ,
Дѣвчоночка ржицу сѣетъ,
Она сѣетъ, высѣваетъ,

Драгунъ дѣвку умоляетъ:
«Пойдемъ, дѣвка, пойдемъ съ нами,
Съ молодыми драгунами!
Будемъ жити-поживати,
Съ отцомъ-матерью шинковати!....
Твоя мати чаривница,
А сестрица разлучница:
Разлучила насъ съ милою,
Какъ рыбицу со водою,
Бѣлую щуку со окунцами,
Красную дѣвку съ молодцами»....

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 613.

243.

Бережкомъ идутъ казанцы,
Шли казанцы, астраханцы;
За собою ведутъ дѣвокъ.
Вы садитесь, дѣвки, въ сани,
Вы поѣдемъ, дѣвки, съ нами,
Съ нами, съ нами, съ молодцами,
Съ астраханскими купцами!
Какъ у насъ было въ Казани,
Много всякаго товару,
Конопляно,—не вервяно,
Посконное,—не ленное.

Чердынскій уѣздъ. Поповъ, стр. 101. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ай ли, ай ли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

244.

Передъ нашими воро̀ты,
Передъ нашими широки,
Передъ нашими широки

Разыгралися робята,
Все робята молодые,
Молодые, холостые;
Они шуточку сшутили:
Во новы сѣнички вскочили,
Во новы сѣни вскочили,
Новы сѣни подломили,
Новы сѣни подломили,
Красну дѣвку подманили,
Красну дѣвку подманили,
Въ новы сани посадили...
«Ты садися, дѣвка, въ сани,
Ты поѣдешь, дѣвка, съ нами,
Съ нами, съ нами, молодцами,
Съ понизовыми бурлаки!
У насъ жить будетъ добренько:
У насъ горы золотыя,
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе...»
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкіе пожитки.
А бурлацкіе пожитки
Что добры да не велики,
Что добры да не велики—
Одна лямка да котомка,
Одна лямка да котомка,
Еще третья-то оборка!

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 183.

245.

Во славномъ было городѣ Кронштатѣ,
Гостиный сынъ по улицѣ гуляетъ,
И онъ носитъ красно золото на цѣвкѣ,

Окатистый крупный жемчугъ на атласѣ...
Изъ высокаго изъ новаго терема
Увидѣла душа красная дѣвица:
«Ахъ ты, душечка удалый добрый молодецъ!
Ты продай, продай красно золото на цѣвкѣ,
А окатистый крупный жемчугъ на атласѣ!»
Да что взговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ахъ ты, душечка, душа красна дѣвица!
Красно золото на цѣвочкѣ нечисто,
А окатистый крупенъ жемчугъ не крупенъ...
Приходи, красна дѣвица, къ синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Какъ въ городѣ люди пріумолкнутъ,
А въ теремѣ свѣчки пріутухнутъ,
И батюшка съ матушкой спать лягутъ...»
Красна дѣвица по свѣтлицѣ ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна дѣвица къ синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю...
Гостиный сынъ по бережку гуляетъ;
Онъ душу красну дѣвицу дожидаетъ;
Принимаетъ красну дѣвицу подъ ручки,
Беретъ ее за золоты за перстни.
Повели красну дѣвицу во корабликъ,
Посадили красну дѣвицу на стуликъ,
Подносили красной дѣвицѣ сладкой водки;
Напоили красну дѣвицу допьяна.
Поизволила дѣвица почивати
У гостинаго у сына на кровати...
Гостиный сынъ по кораблику гуляетъ
Молодымъ матросамъ повелѣваетъ:
«Ахъ вы, свѣтъ мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте корабликъ, не стучите,
Душу красную дѣвицу не будите!»

Середи моря дѣвица пробудилась,
Пробудившися, дѣвица стала плакать:
«Ахти, я передъ Богомъ согрѣшила,
Отца и мать на вѣки прогнѣвила!»
Гостиный сынъ по кораблику гуляетъ,
Въ звончаты свои гуселички играетъ,
Онъ душу красну дѣвицу забавляетъ:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица!
Ужъ какъ Богъ насъ донесетъ съ тобой въ нашъ
городъ,
И я буду просить у батюшки благословенья
На тебѣ, на красной дѣвицѣ, жениться;
Какъ станемъ мы съ тобой жить во любови,
Отпущу тебя къ твоему батюшкѣ побывати,
На своей тебѣ сторонушкѣ погуляти...»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 64.

246.

Ко вечерняя заря, братцы, пріутухла,
Полунощная звѣзда, братцы, восходила....
Что во славномъ было городѣ Казани,
Что на крутенькомъ на красномъ бережочкѣ,
Что на желтомъ на сыпучемъ на песочкѣ,
Тутъ не черные вброны солетались,—
Собирались понизовые бурлаки;
Они думали крѣпкую думушку за-едино.
«Ахъ, состроимъ мы, робятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключинки кленовыя,
Изнавѣсимъ мы веселочки ветловыя,
Что мы грянемъ, робятушки, внизъ по Волгѣ,
Остановимся, робятушки, среди Волги,
Супротивъ того стольникова дому!»
Что у стольничья прикащика дочь хороша;

Что проснлася дочь у батюшки погуляти:
«Ай, пусти, пусти меня; батюшка, погуляти,
Понизовыхъ-то бурлаковъ поглядѣти!»
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну дѣвицу допьяна...
Ужъ какъ та ли красна дѣвица уснула,
У повольскаго атамана на колѣнахъ.
Да что взговоритъ повольскій атаманъ:
«Что мы грянемте, робятушки, внизъ по Волгѣ,
Чтобы не было отъ стольника погони!»
Ото сна ли красна дѣвица пробудилась,
И за-очи съ отцомъ, съ матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый!
Ты скажи отъ меня матушкѣ челобитье!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 153.—Весельчакъ на досугѣ 1797 года, часть I, стр. 186.

247.

Какъ подъ липой, подъ липой,
Подъ кудрявой зеленой,
Сидѣлъ молодецъ такой,
Держалъ гусли подъ полой.
Ахъ вы, гусли, мои гусли,
Вы, гуселечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужа дальня сторона,
Макарьевска ярмонка!
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Близь гостинаго двора,

У Софронова купца,
Солучилася бѣда,
И не малая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его—
Душа Катенька.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По Макарьевскимъ пескамъ;
И нашли эту пропажу
У Машкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ.
Ея буйная головушка—
Испроломанная,
Ея русая коса—
Вся растрепанная,
Цвѣтно платье—
Все изорванное,
Все изорванное,
Все издерганное.
Вотъ и самъ-отъ побѣдитель
Подъ окошечкомъ сидитъ;
Таки рѣчи говоритъ:
«Не ко мнѣ ли гости ѣдутъ,
Не меня ли хотятъ брать?»
Какъ по первой по порошѣ
Трои саночки катятъ,
И звенятъ, и гремятъ,
Лишь копыточки стучатъ.
Приворачивай, ребята,
Къ Акулинину двору!
Акулинушка бѣжитъ,
На ней платьице шумитъ...

Акулинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отворяй-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!
Ужъ какъ взяли молодца,
Подхватили удальца,
Посадили въ крѣпку горенку—
Въ каменный острогъ...

Костромская губорнія. Отечественныя Записки 1811 года, томъ XVIII, смѣсь, стр. 11.

248.

Подъ грушой
Да подъ яблоней
Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой,
Да подъ правой стороной.
Заиграйте вы, гусли,
Гусельки мои,
Да звончатыя!
Я вами пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужедальная сторона,
Чужедальная сторонка—
Макарьевская ярмонка!
Какъ у насъ было, ребята,
У Макарья да во ярмонкѣ,
У гостинаго двора,
У Софронова купца
Солучилася бѣда,

Да не маленькая;
Что не сто рублей пропало,
И не тысяча,—
Запропала, запропала,
Дочь любимая его.
Что искали ту пропажу,
По болотамъ, по кустамъ,
По зеленымъ лугамъ,
По Макарьевскимъ степямъ;
Вотъ нашли же ту пропажу
У сосѣда на дворѣ,
Въ новой банѣ на полкѣ.
У ней головушка проломана,
Руса косонька распущена,
Гребенушка изломана,
Платьице изорвано,
Рубашеночка изодрана...
Вотъ и самъ разбойничекъ
Да сидитъ подъ окошечкомъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ,
Не меня ли во бесѣду звать?»
Вотъ и взяли молодца,
Посадили молодца,
Да во новую клѣтушку
Да за рѣшетушку....

Пермская губернія. Шишонко, стр. 216. — Очень сходная пѣсня (Тверская губернія, Новоторжскій уѣздъ): Шейнъ, стр. 192 («плясовая»).

249.

Подъ яблонью зеленою,
Подъ кудрявой зеленой,
Сидѣлъ молодецъ такой,

Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой.
Разыграйтесь, гусли-мысли,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца
Чужа дальня сторона,
Чужа дальняя сторонка—
Макарьевска ярмонка!
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У Софонова купца,
Близь гостинаго двора,
Солучилася бѣда,
Что бѣда, бѣда, бѣда,
Что не маленькая,
Что не сто рублей пропало
И не тысяча рублевъ,—
Пропадала у него
Дочь любимая его,
Дочь любимая его—
Свѣтъ-Евгеньюшка душа.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракитовымъ кустамъ.
Отыскалась та пропажа
Во Кунавинѣ селѣ,
У Мошкова во дворѣ,
Въ новой банѣ на полѣ.
Ея буйная головушка—
Проломленая,
Черепахова гребеночка—
Расколотая,

Ея русая коса—
Порастрепаная;
На Евгеньюшкѣ цвѣтно платье—
Изорваное;
Коленкорова рубашечка
На гвоздикѣ виситъ;
Золота ея цѣпочка
На окошечкѣ лежитъ....
Погубитель-то ея
Самъ въ окошечко глядитъ,
Самъ въ окошечко глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не за мной ли пара ѣдетъ,
Не меня ли въ гости звать,
Не меня ли въ гости звать,
Въ кандалы меня ковать?
На то мальчикъ догадался,—
Нанялъ тройку лошадей,
Нанялъ тройку лошадей,
Себѣ вороныхъ коней;
Далъ я кучеру на водку:
Поѣзжай, кучеръ, скорѣй!
Кучеръ возжи разобралъ,
Самъ онъ пѣсенку запѣлъ...
Коренная—рысью, рысью,
Пристяжная возвилась...
Что за городъ, за столица
Распрекрасный Петербургъ!
Привези хоть тысячъ сорокъ,
Все въ недѣлю проживалъ,
Все въ недѣлю проживалъ,
Все объ Енѣ хлопоталъ...»

Московская губернія, Коломенскій уѣздъ. Балакиревъ, № 29 («уличная»).—Очень сходный отрывокъ пѣсни (первые 16 стиховъ): Будде, № 3 («плясовая»).

250.

Какъ подъ яблоней такой,
Подъ кудрявой, зеленой,
Сидитъ парень молодой,
Держитъ гусли подъ полой,
Разыграйте, гусли, мысли,
А я пѣсенку спою,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про мою,
Какъ женила молодца
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторонка,
Макарьевска ярмонка.
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
У Макарья въ ярмонкѣ,
Солучилася бѣда,
Да не маленькая;
Что не сто рублей украли
И не тысячу;
Пропадала у него
Дочь любимая его.
Какъ искали ту пропажу
По болотамъ, по лѣсамъ,
По ракитовымъ кустамъ;
Какъ нашли эту пропажу
У Мошкова на дворѣ,
Въ новой банѣ на софѣ.
Цвѣтно платьице на Енюшкѣ—
Изорваное,
Черепахова гребеночка—
Изломаная,
Ея буйная головка—
Вся расшибленая...

Самъ разбойничекъ сидитъ,
Да въ окошечко глядитъ,
Онъ въ окошко-то глядитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Не ко мнѣ ли въ гости ѣдутъ?
Не меня ли въ гости звать?»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 236.

251.

Подъ грушицей подъ такой,
Кудрявой золотой,
Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатый, холостой,
Не женатый, холостой,
Держалъ гусли подъ полой,
Подъ правою стороной.
Заиграйте, гусли, въ мысли,
Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою,
Какъ женила молодца,
Чужедальна сторона,
Чужедальная сторонка,
Макарьевска ярмонка.
Какъ у насъ было, ребята,
У Макарья въ ярмонкѣ,
У гостинаго двора,
У Софронова купца
Солучилася бѣда,
Да не маленькая,
Что не сто рублей пропало,
И не тысяча, —
Запропала, запропала
Дочь любимая его.

Что искали ту пропажу
По болотамъ, по лугамъ,
По Макарьевскимъ степямъ;
Что нашли эту пропажу
Въ гостинницѣ одной,
Въ диванной за столомъ.
Ужъ сидитъ наша Катюша—
Вся разбита голова,
Распропали волоса;
Ея бѣлое лицо—
Все изсушено,
Ея платьице цвѣтное
На стопочкѣ виситъ,
Черепахова гребеночка
На окошечкѣ лежитъ,
Вся изломанная.
Ужъ кто тебя, Катюша,
Ужъ кто тебя завелъ?
«Ужъ завелъ меня, Катюшу,
Воръ купеческій сынокъ,
Все Ванюшенька...»
Повели Катю домой,
Не дорогой—стороной,
Не дорогой—стороной,
Задней улицей домой...

Епифань, Тульской губерніи. Шейнъ, стр. 192 («плясовая»).

252.

У тятеньки, у маменьки
Одна дочи была, понѣжалася:
Безъ чаю не сяду,
Безъ калачика не ѣмъ,
Безъ милаго не усну.

Хоть и уснется,—
Во снѣ видится...
А сегодня мой милой
Изъ дорожки пришелъ,
Изъ дорожки, изъ пути,
Съ чужой дальней стороны,
Съ чужой дальней милъ сторонки—
Съ Макарьевской ярмонки.
У Макарья въ ярмонкѣ
Солучилася бѣда,
Не велика, не мала—
Потеря у сосѣда въ дому,
Въ новой горницѣ въ верху:
Потерялась его дочь
Въ глухую полночь.
Пошли эту потерю,
Пошли ее искать
По трактирамъ, кабакамъ,
По зеленыимъ лугамъ.
Нашли ту потерю
У купца въ дому—
Въ новой горницѣ въ верху.
У нея-то коса вся растрепанная,
Коса русая растрепанная,
Заплаканы глаза,
Затерты рукава,
Черепенная гребеночка
Растоптаная...

Вятская губернія. Календарь Вятской губерніи на 1894 годъ, стр. 334 («на дѣвичникѣ»). Послѣ каждой строки припѣвъ «ляли» и повтореніе.

253.

Во Симбирскомъ городкѣ солучилася бѣда,
Солучалася бѣда не малая, не больша,
Не сто рублей пропало и не тысяча,
А убили-погубили Алешеньку молодца,
Не за сто рублей Алешеньку, не за тысячу,—
Убили-погубили за одинъ сѣрый сертучекъ,
За сѣрый сертучекъ, за аленькій кушачекъ.
Никто-то объ Алешенькѣ не встрѣнется въ дому.
Встрѣнулся, домекнулся одинъ дядюшка родной.
Да нашли-то Алешеньку на первой на части,
На первой на части, у Дуняши во дому,
У Дуняши во дому, въ шитомъ браномъ пологу....

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 68.

254.

Отецъ на сына прогнѣвался,
Приказалъ сослать со очей долой,
Велѣлъ спознать чужую сторону,
Чужую сторону, незнакомую.
Большая сестра коня вывела,
Середняя сестра сѣдло вынесла,
Меньшая сестра плетку подала;
Какъ подавши плетку, заплакала,
Что заплакавши, слово молвила:
«Ахъ, братецъ, ты, братецъ родимый мой!
Когда же ты, братецъ, домой будешь?»—
—«Сестрица, сестрица родимая!
Какъ есть у батюшки зеленый садъ,
Въ зеленомъ саду—сухая яблонька;
Какъ расцвѣтетъ та сухая яблонька,

Попустить она цвѣты бѣлые;
Тогда я, сестрица, домой буду!
Что прогнѣвавши отца родимаго,
Одинъ-то я остался, добрый молодецъ...
Еще нѣту со мной товарища,
Еще нѣту со мной друга милаго,
Еще нѣту со мной слуги вѣрнаго;
Товарищъ мой, то вѣдь добрый конь,
А милый другъ, то мой крѣпкій лукъ,
Слуги вѣрные мои—калены стрѣлы;
Куда ихъ пошлю, туда самъ не йду...»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 181.

255.

Отпущало, отпущало сердце матушкино,
Отпущало, отпущало чаду милую свою,
Чаду милую свою на чужую сторону.
Какъ большая сестра коня съ стойла свела,
А середняя сестра коня осѣдлывала,
А меньшая сестра коня брату подала;
А жена-то горюша у воротичкахъ стоитъ,
У воротичкахъ стоитъ, сама плачетъ, говоритъ:
«Ужъ ты, миленькій, милой, ты когда будешь домой?»
—«Я тогда буду домой, когда выростетъ трава,
Когда выростетъ трава выше царскаго двора,
Узобьетъ, узовьетъ большой камушекъ со дна.»
—«Да неправду, мой миленькій, со мною говоришь!
Да не выростетъ трава выше царскаго двора,
Не взобьетъ Волга-рѣчка бѣла камушка со дна!»

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 559.

256.

Вы, морозы, морозы, вы, крещенскіе!
Заморозили, морозы, добра молодца,
Стоючи у стѣны бѣлой каменной.
Караульщички, братцы, они крѣпко спятъ;
Не спала, не дремала красная дѣвица,
Распрекрасная Елена, дочь королева.
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротицы,
Выпускала добраго молодца вонъ изъ города:
«Ты поди же, добрый молодецъ, потихонечку,
Чтобъ не вслышалъ, не увидѣлъ родной батюшка.»
Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
«Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,
Какова есть на свѣтѣ чужа сторона!»
Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плетку подала;
А большая сестра брата спрашивала:
«Ужъ когда же ты, нашъ братецъ, на оборотъ будешь?»
—«Ужъ тогда я къ вамъ на оборотъ буду:
Есть у батюшки, у матушки суха яблонька;
Ужъ когда эта яблонька расцвѣтать будетъ,
Ужъ тогда я къ вамъ, сестры, на оборотъ буду!»

Якушкинъ, стр. 561.—Кирѣевскій, вып. VII, стр. 43.

257.

Народился въ отца сынъ...
Какъ отецъ-то сына со двора согналъ:
«Ты ступай-ка, ты, сынъ, со двора долой,

Ты спознай-ка-сь, сынъ, чужу дальную сторону!»
Какъ и старшая сестра коня съ стойла свела,
А средняя сестра коня осѣдлывала,
А меньшая сестра коня брату подала,
Коня брату подала, да заплакала;
Во слезахъ-то сестра стала спрашивати:
«Ты, братецъ родной, ты когда будешь домой?»
—«Вы подите-ка, сестры, на сине море,
Вы возьмите-тка, сестры, да вы горсть песку,
Вы посѣйте тотъ песокъ въ зеленомъ саду:
Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,
Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду!»
Вотъ проходитъ тому ровно девять лѣтъ,
На десятый-то годъ сестры брата искать пошли,
Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середня сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.
Какъ и старшая сестра не видала брата,
А середняя сестра услыхала брата,
А меньшая сестра брата видѣла:
На дикой па степи на Саратовской
Что убитъ-то лежитъ добрый молодецъ.
Схоронили сестры брата, полетѣли домой.

Калужская губернія, Лихвинскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 560.

258.

«Родимый ты мой брателко,
Кто тебя вспоилъ, воскормилъ?»—
—«Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлелѣяла родная матушка;
Вспоя, вскормя, со двора согналъ...»
Большая сестра коня вывела,
Средняя сѣдло вынесла,

А малая плетку выдала;
Она, выдавши, стала спрашивать:
«Родимый ты нашъ брателко,
Когда ты къ намъ въ гости будешь?»—
—«Я тогда, когда рѣченьки разольются,
Круты бережки наполнятся...»
Онѣ годъ ждали и другой ждали;
На третій годъ искать пошли:
Большая сестра—звѣремъ въ лѣса,
Середняя—звѣздой въ небо,
А меньшая—щукой въ море.
Нашла сестра своего брата въ темномъ лѣсу:
Онъ убитъ лежитъ, зарѣзанный,
Его добрый конь въ головахъ стоитъ,
Булатный ножъ въ груди воткнутъ....

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 года, № 1, стр 61.

259.

У отца, у матери
Былъ одинъ сынокъ;
Собрали, срядили,
Въ школу отдали;
Обучимши школьному,
Въ войско собрали.
Большая сестрица
Сѣдлала коня,
Меньшая сестрица
Прощалась съ нимъ:
«Прощай, прощай, братецъ,
Прощай, мой родной!
Да что же твой, братецъ,
Не веселъ стоитъ конь?
Да знать тебѣ, братецъ,
Вѣкъ у насъ не быть!»—

—«Малая сестрица!
Ты манехонька,
Ты манехонька,
Да умнехонька....
Выходи, сестрица,
На Дунай-рѣку,
Съ ведромъ по воду;
Увидишь тамъ, сестрица,
Силу войскую,
Спроси тамъ, сестрица,
Про братца своего...»
Выходила дѣвица
На Дунай-рѣку,
На Дунай на рѣчку,
Съ ведромъ по воду;
Увидѣла дѣвица
Силу войскую,
Спросила сестрица
Про братца своего:
«Да гдѣ же мой братецъ,
Да гдѣ жъ мой родной?»—
—«Не твоего ли братца
Воронъ конь стоитъ?
Да и твой-то братецъ
Сильный воинъ былъ:
Три роты побилъ,
На четвертой ротѣ
Головку сложилъ...
А вонъ—твоего братца
Во гробѣ несутъ;
По правую сторонку
Соколикъ летитъ,
По лѣвую сторонку
Воронъ конь идетъ!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 81.

260.

Когда у насъ была русская воля,
А теперь стала неволенька.
Да было у братца три сестрицы,
Три сестрицы желанницы...
Первая идетъ—коня ведетъ,
Вторая идетъ—сѣдло несетъ,
Самая меньшая слезно плачетъ:
—«Ужъ ты, братъ, ты, мой братъ,
Ты, братъ мой родимый,
Ты когда пріѣдешь въ гости къ намъ?»—
—«Ты пойди, сестра, до Дунаю,
Набери, сестра, песку съ краю,
Ты посѣй, посѣй по камышку;
Ты вставай, вставай ранехонько,
Поливай песокъ частехонько.....»
Нѣтъ дождя, нѣтъ и всхода,
Да нѣтъ братца изъ похода;
Нѣтъ дождя, нѣтъ и града,
Да нѣтъ братца изъ отряда....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 295.

261.

Ай, собиралися матросушки на зеленый лугъ,
Они думали думу крѣпкую,
Они крѣпкую думу за единое:
«Запоемте, ребятушки, пѣсню новую,
Мы которую пѣли пѣсню на синемъ морѣ!»
Не бывалъ младъ полковничекъ на синемъ морѣ,

Не видалъ младъ полковничекъ страсти-ужасти,
Страсти-ужасти, великой Божьей милости.
Ахъ вы, глупые, неразумные добры молодцы!
Еще есть ли по сему свѣту такова ладья,
Что ходила бы по синю морю не шатаючись?
Поднималася да погодушка,
Бѣлы паруса повырвало,
Высокія мачты повыломало,
Всѣ шелковыя снасточки повырвало,
Младаго полковничка въ воду повыбросило.
Тутъ кидалися-бросалися добры молодцы,
Добры молодцы, младые матросушки,
Поймали млада полковничка за желты кудри,
Тащили-то на черленъ корабль.
Запѣлъ-то съ горя пѣсенку младъ полковничекъ:
Еще есть ли во чистомъ полѣ такова трава,
Чтобы безъ корешка травка выросла,
Безъ солнышка цвѣточки выцвѣли?
Еще есть ли на свѣтѣ отецъ-матушка,
Чтобы отдали сына во солдатушки, не заплакали?
Большая сестра братцу коня подвела,
Середняя сестра братцу коня сѣдлала,
Сама меньшая сестра на коня поводъ подала;
Въ воротахъ-то стоитъ горюшица молода жена,
На рукахъ держитъ младенчика тримѣсячнаго;
Она плачетъ и рыдаетъ горючми слезьми,
Во слезахъ-то словцо воспроговоритъ:
«А ты скоро ль, добрый молодецъ, поворотишься?»—
—«Ты гляди-ка, бѣдна горюшица, на сине море:
На синемъ морѣ, когда сходится погодушка,
Всколыбается сине морюшко,
Со синя-то моря выстанетъ бѣлый камешекъ,
На камешкѣ повыростетъ густой кустъ ракитовый,
Въ этомъ кустышкѣ соловеюшко совьетъ гнѣздышко,

Исповыведетъ соловьевыхъ малыхъ дѣтушекъ;—
Тогда къ тебѣ побываю, бѣдна молода жена!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, часть III, стр. 341.

262.

Князь Данило ходитъ,
По дороженькѣ онъ бродитъ,
На красныхъ поглядываетъ,
На нихъ онъ посматриваетъ,
Сладки рѣчи говоритъ,
Фаты шелковы сулитъ:
«Ой вы, красныя дѣвицы,
Ой вы, молодицы!
Спойте вы мнѣ пѣсенку
Про голову горемышненьку,
Про удалаго молодца
Про Илью Муромца,
Да про Егора царевича,
Молодца Молодцевича,
Какъ онъ съ туркомъ воевалъ,
Какъ султана въ полонъ взялъ,
Какъ его онъ засмолилъ,
Всю Турещину изрубилъ!»—
—«Нѣтъ, не станемъ мы пѣть пѣсенку
Про голову горемышненьку,
Про удалаго молодца
Про Илью Муромца,
Ни про Егора царевича,
Молодца Молодцевича!
А споемъ мы тебѣ пѣсенку
Про Данилу про каналью,
Про разбойника-бусурмана,
Про мерзавца-нехристіана!»

Тутъ Данило взбѣленился,
И велѣлъ онъ всѣхъ казнить,
Бѣлы головы рубить.
Тутъ народъ весь подымался
И стражей гонять пускался.
Разогнали всѣхъ стражей,
До Данилы добралися
И его колоть пустилися.

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 183. Записана П. М. Перовлѣсскимъ. Пѣсня сомнительной подлинности.

263.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на прогуляньице,
Оставилъ жену Марусеньку на гореваньице:
«Горюй, горюй, Марусенька, горюй-ка безъ меня!»
Самъ ѣхалъ королевичъ во чистое поле;
Пустилъ своего добра коня въ зеленые луга;
Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣленькій шатеръ;
Привязалъ своего добра коня ко бѣлому шатру,
И насыпалъ бѣлояровой пшеницы своему добру коню;
И самъ ложился спать, королевичъ, подъ бѣлымъ шатромъ.
Привидѣлся королевичу такой же дивный сонъ:
Изъ-подъ праваго изъ-подъ крылышка соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣваго, изъ-подъ бѣлаго—сѣрая утица.
Проснулся нашъ королевичъ отъ крѣпкаго отъ сна;
Сѣдлалъ своего добра коня въ черкасское сѣдло;
Самъ ѣхалъ, королевичъ, во прусскую землю.
На встрѣчу королевичу старушенька идетъ.
«Ты скажи, скажи, старушенька, старая бабушка,
Ты скажи, скажи, бабушка, старая матушка,
Про мой про дивный сонъ:

Изъ-подъ праваго изъ-подъ крылышка соколикъ
вылеталъ,
Изъ-подъ лѣваго, изъ-подъ бѣлаго—сѣрая утица.»—
—«Вернись, вернись, королевичъ, вернись ко дому
своему:
Твоя жена Марусенька сыночка родила,
На другой день бѣлой зари сама же померла!
Всѣ окошечки поразбитыя,
Всѣ воротички не позаперты;
Твой новорожденный сынъ давно въ землѣ лежитъ!»
Вернулся нашъ королевичъ скорешенько домой.

Новгородскій уѣздъ. Новгородскій Сборникъ, вып. III, стр. 1.

264.

Поѣхалъ нашъ королюшка на гуляньице,
Оставилъ онъ Марусеньку на гореваньице.
Пустилъ, пустилъ своего коня во зелены луга,
А самъ взошелъ, королюшка, на круту гору;
Раскинулъ же королюшка бѣлъ тонкой шатеръ;
Взошелъ нашъ королюшка во шатрикъ спать.
Привидѣлся королюшкѣ пречудный страшный сонъ:
Изъ-подъ правой рученьки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой рученьки—сѣра утушка.
Осѣдлалъ королюшка ворона коня,
Поѣхалъ королюшка къ своему дворцу.
На встрѣчу королюшкѣ стара баушка.
«Старушенька, баушка, отгадай мой сонъ!»—
—«Изволь, изволь, королюшка, изволь сказывать!»—
—«Взошелъ я, королюшка, на круту гору;
Раскинулъ я, королюшка, бѣлъ тонкой шатеръ,
А самъ я взошелъ, королюшка, въ шатрикъ спать;
Привидѣлся мнѣ, королюшкѣ, пречудный страшный
сонъ:

Изъ-подъ правой рученьки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой рученьки—сѣра утушка.»—
—«Вечоръ твоя Марусенька сына родила,
Сегодня же Марусенька сама померла!»
Упалъ, упалъ королюшка съ своего коня...
Осѣдлалъ королюшка коня ворона;
Поѣхалъ нашъ королюшка къ своему дворцу:
Тесовыя воротички растворены стоятъ...
Пустилъ, пустилъ своего коня на широкій дворъ,
А самъ взошелъ, королюшка, въ высокъ теремъ:
Всѣ мамушки, всѣ панюшки во траурахъ сидятъ.
Ударился королюшка въ дубовый гробъ:
«Зачѣмъ, зачѣмъ, Марусенька, вспокинула меня,
Вспокинула, оставила плакать-горевать?»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 81 («обыденная»).

265.

Какъ поѣхалъ королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою королевну на гореваньице.
Становился королевичъ при пути большой,
При пути большой становился, при крутой горѣ;
Пустилъ своего коня въ зелены луга.
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу чуденъ-явенъ сонъ:
Изъ-подъ правой его ручки соколикъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой—лебедь бѣлый.
«Поѣду я, королевичъ, къ старой бабѣ въ домъ!...
Скажи, скажи, Марусенька, всю правду мнѣ!
Вечоръ я спалъ въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ;
Привидѣлся мнѣ чуденъ-явенъ сонъ!»

—«Вечоръ твоя королева сына родила,
По утру ранехонько сама померла.»—
—«Ворочусь ли я, королевичъ, къ дому своему!»
Широкія воротички растворены стоятъ,
Всѣ красныя окошечки подъ бѣлымъ полотномъ,
Генералы-сенаторы всѣ въ троурѣ стоятъ....
«Одна моя королева въ червонныемъ лежитъ!»
Ударился королевичъ объ дубовый гробъ,
Заливался королевичъ горючми слезьми:
«А свѣтъ моя хорошая королева!
Если бъ зналъ, если бъ вѣдалъ, не ѣздилъ бы я!
Пущай моя королевна при мнѣ бъ родила,
Пущай моя хорошая при мнѣ бъ померла!
Подломились королевнѣ рѣзвы ноженьки ея,
Опустилися королевнѣ бѣлы рученьки ея,
Закрылися королевнѣ ясныя очи ея!»

Москва. Кирѣевскій, вып. V, стр. 80.

266.

Поѣхалъ королевичъ на воеваньице.
Не доѣхалъ королевичъ до воеваньица,
Становился королевичъ на гореваньицѣ,
Ложился королевичъ спать на гореваньицѣ
Во бѣломъ шатрѣ.
Привидѣлся королевичу единъ дивенъ сонъ:
«Изъ правой моей рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
«Изъ лѣвой моей рученьки—сѣрая утица.»
Поѣхалъ королевичъ къ старой бабѣ ворожить:
«Скажи, скажи, бабусенька, мнѣ правду-истину:
Вечоръ я, королевичъ, ложился спать
На крутой на горѣ, во бѣломъ шатрѣ;
Изъ правой моей ручки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣвой моей ручки—сѣрая утица.»—

—«Скажу тебѣ, королевичъ, правду-истину:
Вечоръ твоя Марусенька сына родила,
По утру ранешенько сама померла.
Косящеты окошечки всѣ въ траворѣ висятъ,
Генералы твои всѣ въ тровурѣ стоятъ.»—
Воротился королевичъ съ восваньица.

Орловская губернія и уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V, стр. 78.

267.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на разгуляньице,
Жену свою оставилъ на гореваньице.
Становился королевичъ при долинѣ при бугрѣ;
Раскинулъ нашъ королевичъ свой бѣлый шатеръ;
Ложился спать подъ бѣлымъ шатромъ;
Привидѣлся королевичу предивный сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой, изъ-подъ бѣлой—сѣра утица.
Пробуждался королевичъ отъ крѣпкаго сна.
«Поѣду я, королевичъ, ко старушенькѣ...
Скажи, скажи, старушенька, про мой дивный сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки вылеталъ соколъ,
Изъ-подъ лѣвой, изъ-подъ бѣлой—сѣра утица.»
—«Вернись, вернись, королевичъ, ко своему двору:
Жена твоя Марусенька сына родила,
На бѣленькой на зорюшкѣ сама померла.
Теперь твоя Марусенька во гробѣ лежитъ,
Дворовые ея слуги надъ гробомъ стоятъ,
Дитя ея малесенько въ люлечкѣ лежитъ.»
Подъѣзжаетъ королевичъ къ своему двору,
Закричалъ королевичъ громкимъ голосомъ:
«Свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
Бывало, ты, Марусенька, встрѣчаешь меня,
Теперь же ты, Марусенька, во гробѣ лежишь!»

Донская область. Савельевъ, стр. 146 («семейная»).

268.

Собирается королюшка на гуляньице,
Оставляетъ свою хозяюшку на гореваньице:
«Прости, моя хозяюшка, до свиданьица!..
Самъ я пошелъ, королюшка, во чисто поле гулять,
Пустилъ я, королюшка, своего добра коня въ зеле-
ные луга.»
А самъ пошелъ, королюшка, на круту гору,
На крутенькой на горочкѣ раскинулъ шатеръ,
Подъ шатрикомъ королюшка самъ легъ почивать;
Онъ спитъ—не спитъ, королюшка, больше такъ
лежитъ.
Привидѣлся королюшкѣ дивнешенекъ сонъ:
Со правой со рученьки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой—сѣрая утица.
«И туто-то я, королюшка, задумался;
Садился я, королюшка, на добра коня,
Поѣхалъ я, королюшка, во Питеръ-городокъ.»
Во Питерѣ во городѣ старушка живетъ...
«Старушенька, бабушенька, разгадай мой сонъ!»—
—«Ты еси, пруцкой король, разсказывай свой
сонъ!»—
—«Со правой со ручушки соколъ вылеталъ,
Со лѣвой со бѣлой—сѣра утица.»—
—«Въ твоемъ дому, королюшка, есть радость и
печаль:
Твоя жена королевна сына родила,
Во третій день королевна сама померла.»
Пѣхотны солдаты разставлены,
Генералы-полковнички у гроба стоятъ...
«Моя жена во гробѣ лежитъ,
Сыночекъ мой любезный на бѣлой груди!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. V стр. 83.

269.

Король молодой сбирался, королюшка во ину землю.
Покинулъ королюшекъ молодую жену,
Какъ горькую кукушечку въ темнымъ лѣсу,
Какъ горькую полынушку въ чистомъ полѣ.
Подъѣхалъ королюшка къ крутой горѣ;
Пристигла же здѣсь королюшку, здѣсь темная ночь;
Раскинулъ же королюшка бѣлъ тонкой шатеръ;
Ложился королюшка внизъ бѣлымъ лицемъ,
Привидѣлся королюшкѣ чуденъ страшенъ сонъ:
Изъ правой его рученьки ясенъ соколъ вылеталъ,
Изъ лѣваго изъ бѣлаго—сѣра утушка.
«Знать, моя хозяюшка сынка родила и сама померла!
Знать, мнѣ, королюшкѣ, воротиться назадъ!»
Подъѣхалъ королюшка къ широкому двору:
Широки воротички растворенныя,
Косящеты окошечки всѣ повскрытыя;
Коней шестерочка заложенная,
Всѣ кучера и форейторы преневеселые;
Сѣнны дѣвушки всѣ наряженыя—
Во черныхъ во платьицахъ, во печальныихъ...
«Знать, моя хозяюшка впереди лежитъ, подъ черной тафтой!»
Взошелъ королюшка въ нову горенку,
Восплакнулся королюшка горючими слезами.
А дѣвушки-служанушки разговариваютъ:
«Не плачь, не плачь, королюшка, не воротишь ее назадъ!»

Саратовская губернія. Терещенко, II, стр. 378; Кирѣевскій, вып. V, стр. 84. Сходныя полныя пѣсни, неизвѣстно гдѣ записанныя: 1) Якушкинъ, стр. 568, Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 21; 2) Кирѣевскій, вып. V, стр. 79; неполныя: 1) Якушкинъ, стр. 569, Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 22; 2) Кирѣевскій, вып. V, стр. 79; 3) Кирѣевскій, вып. V, стр. 82.

270.

Поѣхалъ нашъ королевичъ на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ королевичъ до воеваньица;
Становился королевичъ середи пути,
Середь пути-дороженьки, близь крутой горы;
Какъ самъ пошелъ, королевичъ, на круту гору,
Пустилъ своего добра коня въ зеленые луга;
Раскинулъ же королевичъ свой бѣлый шатеръ;
Ложился спать королевичъ подъ бѣлымъ шатромъ.
Увидѣлъ же королевичъ явный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка, онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
«Въ твоемъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»
Какъ тутъ же нашъ королевичъ призадумался.
«Пойду, пойду къ старушечкѣ, къ своей ворожеѣ!»
Пошелъ же нашъ королевичъ путемъ-дорогой,
На встрѣчу королевичу старушка идетъ.
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашивати:
«Старушенька, бабушенька, разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мнѣ!»
—«Королюшка, мой батюшка, какой же твой сонъ?»
—«Изъ-подъ правой полушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой полушки—сѣрая утица;
Вылетывалъ соколушка, онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
Въ твоемъ дому, королевичъ, несчастье случилось!»—
—«Королюшка, мой батюшка, не хорошъ твой сонъ:
Твоя жена Марьяшечка сына родила,
Ко бѣлой зарѣ ранехонько сама померла!»
Поѣхалъ же королевичъ къ дому своему:

Въ саду его всѣ пташечки, пріунывъ, сидятъ;
Слуги его вѣрные всѣ въ черномъ траурѣ;
Жена его Марьяшечка вся въ златѣ убрана,
Вся въ златѣ убрана и въ гробъ положена...
«Ахъ, свѣтъ моя Марьяшечка не встрѣтила меня,
За бѣлыя за рученьки не приняла меня,
За убраны за столики не посадила,
Сахарными конфетами не потчивала!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 48.— Кирѣевскій, вып. V, стр. 86.

271.

Отъѣзжаетъ королевичъ на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.
Пустилъ своего добра коня во зеленые луга,
Ложился спать въ бѣломъ шатрѣ,
Въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся королевичу явнешенекъ сонъ:
Изъ-подъ ручки изъ-подъ правой соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ ручки—сѣрая утица.
Сказали вѣсть королевичу—и радость, и печаль:
«Твоя жена Марусенька сына родила,
По утрицу ранешенько сама померла.»
Воротился королевичъ къ дому своему:
Широкія воротички растворены стоятъ,
Косячетыя окошечки повыставлены,
Генералы-полковнички въ черномъ убраны...
«Твоя жена Марусенька въ цвѣтномъ убрана...»
Ударился королевичъ объ дубовый столъ:
«Ахъ, свѣтъ моя Марусенька, опустѣлъ домокъ!
Очи ея прекрасныя не узрѣли меня,
Ножки ея рѣзвешеньки не встрѣтили меня,
Ручки ея бѣлешеньки не обняли меня,
Уста ея сахарныя не промолвили!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 82.

272.

Отъѣзжаетъ казаченька на разгуляньице,
Покидаетъ Марусеньку на гореваньице.
Пустилъ своего ворона коня въ зелены луга,
А самъ лежитъ въ бѣломъ шатрѣ, на крутой горѣ.
Привидѣлся казаченьку дивнешенекъ сонъ:
Будто на его праву руку соколъ прилетѣлъ,
Улетала съ-подъ лѣвой—сѣра утица.
На ту пору Марусенька сына родила,
На третій день Марусенька сама померла.
Подъѣжаетъ казаченька къ своему двору:
Широки его воротички раствореныя,
Хрустальныя стеколечки повыбитыя...
Всходитъ казаченька на высокъ теремъ:
Стоятъ попы и дьяконы, погребенье поютъ,
А дѣточки-малюточки какъ пчелки гудутъ...
А жену Марусеньку во гробѣ несутъ.
Ударится казаченька о дубовый гробъ:
«Ой, свѣтъ моя Марусенька, жена молода!
Бывало, твои рѣзвы ноги устрѣнутъ меня,
Бывало, твои бѣлы руки обнимутъ меня,
Уста твои сахарныя цѣлуютъ меня!»

Курская губернія. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 396.—Кирѣевскій, вып. VII, прибавленіе, стр. 21.

273.

Военный казаченька во службу пошелъ.
Сходилъ казаченька на широкій на дворъ,
Осѣдлывалъ-обратывалъ своего добраго коня;
Поѣхалъ же во чисто поле.
Пускалъ своего коня во зелены луга,
Самъ взошелъ на высокъ бугоръ,

Раскидывалъ-развертывалъ бѣлъ тонкой шатеръ;
Ложился спать во бѣломъ шатрѣ.
Дивнехонекъ ему сонъ привидѣлся:
Со праваго со плечика соколъ солеталъ,
А изъ лѣваго рукавчика—сѣра уточка.
Пошелъ путь-дорожкою;
На встрѣчу казаченькѣ старушка идетъ,
Онъ баетъ ее:
«Старушенька, стряпушенька, разсудливая,
Разсуди ты мой сонъ!»
—«Военный сынъ, казаченька, разскажи свой сонъ!»
—«Старушенька, стряпушенька, разскажу свой сонъ:
Со права со плечика соколъ солеталъ,
Со лѣваго рукавчика сѣра утушка».—
—«Военный казаченька, несчастье во домъ:
Въ третій день жена твоя сына родила,
Черезъ часъ сама померла!»
Пошелъ казаченька во домикъ назадъ.
Подходитъ къ своему широкому двору:
Широкія воротишки растворенныя стоятъ,
Окошечки повыставлены;
Всходитъ казаченька на высокъ крылецъ—
На встрѣчу ему жену-хозяюшку хоронить несутъ.
«Прости-прощай, жена моя Марусенька!»

Кирѣевскій, вып. V, стр. 88.

274.

У воротъ сосна раскачалася;
Бѣлая Дунюшка разыгралася,
Разыгралася, распотѣшилась....
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
На крыльцѣ стоитъ, Дунѣ рѣчь говоритъ:

«Поиграй, Дунюшка, поиграй, бѣлая!
Я тебя, Дунюшка, къ себѣ возьму!»
Бѣлая Дунюшка испугалася,
Испугалася, встрепенулася....
Какъ со вечера голова болитъ,
Ко полуночи она попа проситъ;
Какъ по утру-то въ большой колоколъ звонятъ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ...
Боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ:
«Прости, Дунюшка, прости, бѣлая!»

Вильбоа, № 61.—Римскій—Корсаковъ, часть I, № 21. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: ай люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

275.

У воротъ сосна раскачалася;
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говоритъ:
«Поиграй, Дунюшка, поиграй, бѣлая!
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму!»
Бѣлая Дунюшка испужалася...
Какъ со вечера голова болитъ,
Ко полуночи—она попа проситъ,
Ко бѣлу свѣту—нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонятъ ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ...

Якушкинъ, стр. 575. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: ай люли, люли, съ повтореніемъ послѣднихъ пяти слоговъ.

276.

Раскачалась въ бору грушица;
Разыгралася въ саду Устинька.
На крыльцѣ стоитъ генеральскій сынъ,
На крыльцѣ стоитъ, умывается,
Шелковымъ платкомъ утирается,
Душой Устинькой забавляется:
«Поиграй, Устинька, поиграй, душенька!
Я тебя люблю, за себя возьму!»
Душа Устинька испужалася,
Пришла домой, расхворалася....
Устина душа въ рай пошла....
Генеральская душа въ адъ пошла....

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 22 («обыденная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: ой люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

277.

У воротъ, у воротичекъ
Наша Дунюшка разыгралася,
Разыгралася, расплясалася.
Молодой сержантъ изъ окна глядитъ,
Изъ окна глядитъ, улыбается,
Улыбается, усмѣхается:
«Играй, Дунюшка, играй, любушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, башмачки куплю,
Башмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки,
И робронтъ куплю со юбочкой!»
Наша Дунюшка испужалася,

Скоры ноженьки подломилися,
Бѣлы рученьки опустилися,
Ясны очи помутилися...

Пѣсенникъ 1791 года, часть II, стр. 114. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: ахъ люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

278.

Генеральскій сынъ во саду гулялъ,
Не единъ гулялъ—съ красной дѣвицей.
«Красна дѣвица, я тебя люблю,
Я тебя люблю, за себя возьму!»
Красна дѣвица испугалася,
Прочь изъ садику убиралася;
Что домой пришла, расхворалася,
Родной маменькѣ жалобилася:
«Родна маменька, голова болитъ,
Въ лицѣ жаръ стоитъ...»
Со полночи причащалася;
Ко бѣлу свѣту жизнь кончалася;
Со полу-то дня хоронять несли.
Напередъ идутъ попъ и дьяконъ;
Середи несутъ красну дѣвицу;
Позади идетъ добрый молодецъ.
Добрый молодецъ запинается,
Горячими слезами уливается,
Шелковымъ платкомъ утирается,
Съ красной дѣвицей прощается....

Пермская губернія. Шишонко, стр. 111. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: ай люли, люли, съ повтореніемъ второй половины стиха.

279.

Созывалъ король во танокъ дѣвокъ...
А всѣ дѣвушки во танокъ сошлись,—
Одной дѣвушки, ея нѣтъ, какъ нѣтъ.
Какъ за ней король двухъ пословъ послалъ,—
Она тѣхъ пословъ не послушалась;
По ее король, ждамши, самъ пошелъ.
Говорила ей, дѣвкѣ, матушка:
«Ты не стой, дѣвка, передъ королемъ,
Не кажи, дѣвка, лицо бѣлое,
Не кажи, дѣвка, брови черныя,
Не кажи, дѣвка, щеки алыя,
Не кажи, дѣвка, очи ясныя!»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 26 («вешняя»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: ой диди ладушка, съ повтореніемъ второй половины стиха.

280.

А Богъ молодца-то не милуетъ
И государь его царь не жалуетъ,
И нѣтъ ни чести ему, похвальбы молодецкія,
Да друзья-братья-товарищи,
Тѣ на совѣтъ не съѣзжаются....
Да женилъ молодца родной батюшка
Да на чужой-то дальней сторонушкѣ,
Да бралъ-де онъ ему молоду жену,
Да бралъ за женой приданаго—
Три, три черненыихъ корабля:
Да первой-етъ груженъ черенъ корабль
Былъ златомъ и серебромъ,
А другой-етъ груженъ черенъ корабль
Все скатніимъ жемчугомъ,

А третій-етъ груженъ черенъ корабль
Все женинымъ приданымъ.
Тутъ молодцу-де жена не въ любовь пришла,
Не въ любовь-де пришла ему, не по разуму.
Бралъ молодецъ себѣ, онъ коня добраго,
Да бралъ себѣ онъ сѣделко черкальское,
Да бралъ себѣ уздицу точмяную,
Да бралъ себѣ въ руки плетку шелковую;
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
Лучше мнѣ сѣделко, уздица точмяная,
Лучше всего женина приданаго,
Да лучше мнѣ-ка плетка шелковая,
Да лучше-то мнѣ будетъ молодой жены!»
Шелъ да сковалъ себѣ два товарища, два надѣйные,
Два ножа онъ сковалъ, два булатніе.
Онъ садился вѣдь на добра коня,
Самъ поѣзжалъ на чужую на дальню на сторону.
Да-ли ѣхалъ онъ путемъ ли дорожкою...
Гдѣ-ка было на пути на дорогѣ широкіе,
Текла быстрая рѣчка Смородинка.
Было на этой рѣкѣ на Смородинкѣ
Три, три мосточка калиновы;
Да на первомъ-то рѣка беретъ на мостѣ—
Да сѣделко съ коня окованое;
Да на другомъ беретъ на мостѣ—
Добра коня наступчива,
А на третьемъ беретъ на мостѣ—
Самого добра молодца...
Онъ взмолился-де рѣчкѣ Смородинкѣ:
«Ай ты, матушка черная рѣчка Смородинка!
Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы-ты узкіе,
А перебродытты мелкіе?»
Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:
«Ай ты, удалый дородній добрый молодецъ!

Есть черезъ меня, рѣчку Смородинку,
Есть переходы-ты узкіе,
Да и перебродь есть мелкіе;
А есть три мосточка калиновы.
Я на первомъ беру на мостѣ—
Съ коня сѣделко кованое,
А на другомъ беру на мостѣ—
Добра коня наступчива,
Я на третьемъ беру на мостѣ—
Самого добра молодца!
А ты поѣзжай-ка, дороднiй добрый молодецъ,
Я тебя и такъ топерь пропущу!»
Какъ переѣхалъ молодецъ черезъ рѣчку Смородинку,
Да тѣ ли мосточки калиновы,
Да возговоритъ молодецъ неразумну рѣчь:
«Да мнѣ сказали, добру молодцу,
Что топерь на пути на дорогѣ широкіе
Да текетъ черная рѣчка грозна Смородинка...»
Да онъ сталъ надъ рѣкой надсмѣхатися,
Да онъ сталъ надъ рѣкой надрыгатися:
«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина—
Будто текетъ болотня вода-та со ржавчинкой!»
Да забылъ-то добрый молодецъ
За рѣкой за Смородинкой,
Онъ забылъ два товарища, два надѣйные,
Два ножичка забылъ, два булатніе,
За той рѣкой за Смородинкой.
Онъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смородинку
Да по тѣмъ по мосточкамъ калиновымъ.
Да на первомъ брала на мостѣ
Съ коня-де сѣделко кованое;
А на другомъ брала на мостѣ
Добра коня наступчива;
А на третьемъ брала на мостѣ
Самого добра молодца.

Возмолится удалый дороднiй добрый молодецъ
Онъ-де быстрои рѣчкѣ Смородинкѣ:
«Ай ты, матушка быстрая рѣчка Смородинка!
И не губи и не топи добра молодца!»
Говоритъ-де рѣка молодцу,
Говоритъ-де рѣка человѣческимъ голосомъ:
«Да не я тебя топлю-гублю,
А топитъ-губитъ похвальба молодца молодецкая...»
Только вѣдь молодецъ и живъ бывалъ,
Да тому хоробру такова слава;
И оставалася у его нелюба жена...

Олонецкая губернiя. Гильфердингъ, № 262. Очень сходная пѣсня Рыбниковъ, часть I, стр. 467.

281.

Что у насъ въ каменной Москвѣ прiуныли,
Во большой колоколъ звонили?
Породила царевича
Свѣтъ Петра Алексѣевича.
Нянюшки-мамушки
Всее ночь не спали,
Одѣяльце простегали,
На чистыемъ серебрѣ
На красныемъ золотѣ;
Плотнички-мастеры
Всее ночку простукали,
Колыбелку продѣлали.

Отломилася вѣточка
Отъ сахарнаго деревца;
Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго деревца;
Отъѣзжалъ добрый молодецъ
Отъ отца своего, матери;

Лишился же добрый молодецъ
Своей родной страны.
Пріѣхалъ же молодецъ
Къ быстрой рѣчкѣ Смородинкѣ;
Переѣхалъ же добрый молодецъ
Чрезъ быструю рѣчку Смородинку.
Переѣхавши, молодецъ
Сталъ похвалятися:
«Охъ ты гой еси, рѣченька,
Рѣка быстра Смородинка!
Ты въ славѣ была, рѣченька,
Рѣка была славная!»
И сталъ надъ ней смѣятися:
«Хуже озера стоячаго,
Поганой калужины!»
Позабылъ добрый молодецъ
На той странѣ два ножа,
Два ножа, два булатные;
Воротился же молодецъ
За ножами за булатными.
Онъ на перву ступень ступилъ,—
Потопилъ коня добраго;
На другую ступень ступилъ,—
Потонулъ добрый молодецъ.
Пріѣзжаетъ его матушка,
Говоритъ быстрой рѣченькѣ:
«Охъ ты гой еси, рѣченька,
Рѣка быстра Смородинка!
Потопила ты моего сына,
Сына любимаго,
Любимаго, единаго!»
Говоритъ-то ей рѣченька
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, баба старая,

Стара баба, матерая!
Не я его потопила,—
Потопила его похвала молодецкая!»

Симбирская губернія, Сызранскій уѣздъ. Кирѣевскій, выпускъ VIII, стр. 3.

282.

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь веселъ былъ,
Онъ и веселъ, и радошенъ:
Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки, и мамушки
Всеё ночку просидѣли,
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,
По чистому по золоту,
По мелкому серебру;
Тутъ-то плотнички-мастеры
Всеё ночку простукали,
Колыбелушку строили.

Отломилася вѣточка
Отъ садовой отъ яблоньки,
Откатилося яблочко ....
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну сторону,
За рѣку за Смородину.
Подъѣзжаетъ же молодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ;
Онъ воскликнетъ же, возгаркнетъ
Громкимъ голосомъ:

«Охъ ты, рѣчушка, рѣчушка,
Мать быстра рѣка Смородина!
Широкимъ ты не широкая,
Глубокимъ ты глубокая!
Есть на тебѣ на рѣчушкѣ,
Переходы-то частые,
Переброды-то мелкіе?»
Возговоритъ рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ
Добрыня Никитьевичъ!
Нѣтъ-то на мнѣ, на рѣчушкѣ,
Переходовъ-то частыихъ,
Перебродовъ-то мелкіихъ;
Только есть на мнѣ, на рѣчушкѣ,
Два мосточка калиновыхъ,
И то они во далечѣ
Во чистомъ полѣ.»
Возговоритъ молодецъ
Добрыня Никитьевичъ:
«Что же ты, рѣчушка
Съ перевозу съ насъ берешь?»
Возговоритъ рѣчушка,
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, молодецъ,
Ты, Добрыня Никитьевичъ!
Съ перевозу-то съ васъ беру
По добру коню наступчату,
По сѣделечку черкасскому,
По удалу добру молодцу;
А тебя я, добрый молодецъ,
Я тебя и такъ перепущу
За слова твои за ласковы,

За поклоны за низкіе.»
Переѣхалъ же молодецъ
Черезъ рѣку чрезъ Смородину
И сталъ похвалятися,
Надъ рѣкой посмѣхатися:
«Сказали про рѣчушку,
Сказали про быструю,
Что эта рѣчушка
Широкимъ широкая,
А глубокимъ глубокая;
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калужина!»
Какъ возговоритъ рѣчушка
Душой красной дѣвицей:
«Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
Ты, Добрыня Никитьевичъ!
Воротись ты за меня, за рѣчушку:
Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,
Два ножа, два булатныихъ....»
Воротился молодецъ
За рѣку за Смородину.
Онъ на перву ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделечко черкасско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ.

Сызрань. Кирѣевскій, выпускъ VIII, стр. 5.

283.

Когда было молодцу
Пора-время великое,
Честь-хвала молодецкая,
Господь Богъ миловалъ,
Государь-царь жаловалъ,
Отецъ-мать молодца
У себя во любви держатъ;
А и родъ-племя на молодца
Не могутъ насмотрѣтися;
Сусѣди ближніе
Почитаютъ и жалуютъ;
Друзья и товарищи
На совѣтъ съѣзжаются,
Совѣтъ совѣтовать,
Крѣпку думушку думати,
Они про службу царскую
И про службу воинскую.

Скатилась ягодка
Съ сахарнаго деревца;
Отломилась вѣточка
Отъ кудрявыя отъ яблони;
Отстаетъ добрый молодецъ
Отъ отца, сынъ отъ матери.
А нынѣ ужъ молодцу
Безвременье великое:
Господь Богъ прогнѣвался,
Государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отецъ и мать молодца
У себя не въ любви держатъ,
А и родъ-племя молодца

Не могутъ и видѣти,
Сусѣди ближніе
Не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья-товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать,
Крѣпку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А нынѣ ужъ молодцу
Кручина великая
И печаль не малая.
Съ кручины-де молодецъ,
Со печали великія,
Пошелъ добрый молодецъ,
Онъ на свой конюшенный дворъ;
Бралъ добрый молодецъ,
Онъ добра коня стоялаго;
Наложилъ добрый молодецъ,
Онъ уздицу тесмяную,
Сѣделечко черкесское;
Садился добрый молодецъ
На добра коня стоялаго;
Поѣхалъ добрый молодецъ
На чужу дальну сторону.
Какъ бы будетъ молодецъ
У рѣки у Смородины,
А и взмолится молодецъ:
«А и ты, мать быстра рѣка,
Ты, быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
Ты про броды конинные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!»
Провѣщится быстра рѣка

Человѣческимъ голосомъ,
Да и душой красной дѣвицей:
«Я скажу те, быстра рѣка,
Добрый молодецъ,
Я про броды конинные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые.
Со броду конинаго
Я беру по добру коню,
Съ перевозу частаго—
По сѣделечку черкесскому,
Со мосточку калинова—
По удалому молодцу;
А тебя, безвремяннаго молодца,
Я и такъ тебя пропущу!»
Переѣхалъ молодецъ
За рѣку Смородину,
Онъ отъѣхалъ, молодецъ,
Какъ-бы версту, другую,
Онъ своимъ глупымъ разумомъ,
Молодецъ похваляется:
«А сказали про быстру рѣку Смородину:
Не пройти, не проѣхати
Ни пѣшему, ни конному;
Она хуже, быстра рѣка,
Тое лужи дождевыя!»
Скричитъ за молодцемъ какъ въ сугонь
Быстра рѣка Смородина
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
«Безвремянный молодецъ,
Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные—
Два остра ножа булатные;
На чужой дальной сторонѣ—

Оборона великая.»
Воротился молодецъ
За рѣку за Смородину.
Нельзя что не ѣхати
За рѣку за Смородину...
Не узналъ добрый молодецъ
Того броду коннаго,
Не увидѣлъ добрый молодецъ
Перевозу частаго,
Не нашелъ добрый молодецъ,
Онъ мосточку калинова;
Поѣхалъ-де молодецъ,
Онъ глубокими омуты.
Онъ перву ступень ступилъ,—
По черевъ конь утонулъ;
Другу ступень ступилъ,—
По сѣделечко черкесское;
Третью ступень конь ступилъ,—
Уже гривы не видѣти!
А и взмолится молодецъ:
«А и ты, мать быстра рѣка,
Ты, быстра рѣка Смородина!
Къ чему ты меня топишь,
Безвремяннаго молодца?»
Провѣщится быстра рѣка
Человѣческимъ языкомъ,
Она душой красной дѣвицей:
«Безвремянный молодецъ!
Не я тебя топлю,
Безвремяннаго молодца;—
Топитъ тебя, молодецъ,
Похвальба твоя, пагуба!»
Утонулъ добрый молодецъ
Во Москвѣ-рѣкѣ Смородинѣ;
Выплывалъ его добрый конь

На крутые берега;
Прибѣгалъ его добрый конь
Къ отцу его и матери;
На лукѣ на сѣдельныя
Ярлычекъ написанный:
«Утонулъ добрый молодецъ
Во Москвѣ-рѣкѣ Смородинѣ.»

Кирша Даниловъ, № 31.—Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 8.

284.

Куда тошно мнѣ, куда грустно мнѣ,
  Что сегоднешній денекъ!
Вы сходите-ка, приведите-ка,
  Кого вѣрно я люблю,—
Черноброваго, черноглазаго
  Удалаго молодца.
Чернобровый-то, черноглазый-то
  Удалъ добрый молодецъ,
Онъ чесалъ свои кудри черныя
  Частымъ рыбьимъ гребешкомъ;
Разчесавши онъ кудри черныя,
  Черной лентой перевязалъ;
Перевязавши онъ черной лентою,
  Пухову шляпу надѣлъ;
Пухову шляпу принадвинувши,
  Ко сударушкѣ пошелъ.
Черезъ рѣченьку, черезъ быструю,
  Мостовиночка лежитъ;
Мостовиночка переломилася,—
  Мой другъ милый потонулъ...
И я выду ли, красна дѣвица,
  На Дунай-рѣку гулять;

И я стану ли, красна дѣвица,
Стану рѣчку проклинать:
«Ужъ какъ дай Боже, чтобъ Дунай-рѣчку
Всю песочкомъ занесло;
Чтобъ сердечнаго моего дружка
Къ бережочку принесло!»

Кашинъ, вып. II, стр. 139 («полупротяжная»).

285.

Чесалъ милый кудри,
Расчесалъ милъ русы,
Пухову шляпу надѣлъ.
Шляпочка пухова,
Сибирочка нова,
Панталоны триковы,
Рубашечка красна,
Манишечка бѣла....
Спорядился молодецъ,
Самъ ко любушкѣ пошелъ.
Ходилъ милъ по бережку,
Гулялъ по крутому,
Перевозу милъ искалъ;
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тоненьку,
Самъ по жердочкѣ пошелъ...
Жердочка сломилась,
Шляпочка свалилась
И любезный потонулъ.
Дѣвушки подружки,
Собирайтесь вы ко мнѣ
На горе великое!
Выбирайте, дѣвушки,
Выбирайте, красныя,

Шелковые новы невода!
Вынимайте, дѣвушки,
Вы бросайте, красныя,
Во Дунай быстру рѣку!

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 5 («наулична я»).

286.

Охъ, матушка, тошно мнѣ,
Сударыня, грустно мнѣ,
Умереть съ горя хочу!
Не люблю я, матушка,
Не люблю, сударыня,
Своего мужа дурака!
Полюблю я, матушка,
Полюблю, сударыня,
Съ тиха Дона казака!
Казачекъ молоденькій,
Казачекъ хорошенькій,
Удалъ добрый молодецъ,
Онъ ходитъ по бережку,
Онъ ходитъ по крутеньку,
По желтому по песку;
Онъ чешетъ кудерюшки,
Расчесываетъ русыя
Бѣлымъ рыбьимъ гребешкомъ;
Расчесамши русыя,
Казакъ шапочку надѣлъ;
Надѣмши онъ шапочку,
Надѣмши высоконьку,
Вдоль по улицѣ пошелъ;
Пройдемши онъ улицу,
Пройдемши широкую,
Ко сударушкѣ зашелъ.

Сударушка любушка,
Душа красна дѣвушка,
Ты неправдою живешь,
Неправдою, дѣвушка,
Неправдою, красная,
Ты обманываешь меня!
У твоихъ воротичекъ,
У твоихъ широкіихъ
Бѣлъ горючъ камень лежитъ;
Изъ-подъ того камышка
Изъ-подъ бѣлъ-горючаго
Быстра рѣчушка бѣжитъ;
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонка жердочка лежитъ;
По этой по жердочкѣ,
По этой по тоненькой
Мой миленькій переходилъ;
Переломилась жердочка,
Переломилась тонкая,—
Мой миленькій потонулъ!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцова, стр. 104.

287.

Чесалъ милый кудерьки,
Чесалъ милый русыя
Костяной гребеночкой;
Расчесавши кудерьки,
Ко сударушкѣ пошелъ.
И шелъ милый по бережку,
И шелъ по крутому;
Искалъ милый лодочки,
Искалъ милый легкаго челнока;

Не нашелъ мой милый
Ни лодочки, ни челна;
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тоненьку...
Жердочка сломилася,
Шляпушка у дружка свалилася,
Вдоль рѣки поплыла.
Завидѣла дѣвушка,
Завидѣла сударушка
Съ высокаго терема;
Брала дѣвушка ведра дубовыя,
Коромыселъ зеленый,
Пошла на рѣку за водой.
Приходила къ рѣчушкѣ,
Ко быстрой рѣкѣ,
Стала рѣчушкѣ пенять:
«Проклятая рѣчушка,
Проклятая быстрая,
Утопила дружка!
Какъ тебѣ, рѣчушкѣ,
Быстрой рѣкѣ,
Быть безъ крутыхъ береговъ,
Такъ мнѣ дѣвушкѣ быть
Безъ мила дружка!»

Торопецъ. Семевскій (Торопецъ), № 72.

288.

Любила я сотничка,
Любила полковничка,
Съ тихаго Дона, съ Дона казака.
Чесалъ казакъ кудерцы,
Чесалъ казакъ русыя
Частымъ рыбьимъ, рыбьимъ гребешкомъ.

Расчесавши кудерцы,
Расчесавши русыя,
Черную шапочку молодецъ надѣлъ.
Надѣвши онъ шапочку,
Надѣвши онъ черную,
Вдоль по улицѣ молодецъ пошелъ.
Черезъ эту улицу,
Да черезъ широкую
Быстрая рѣчушка, рѣчушка бѣжитъ.
Черезъ эту рѣчушку,
Черезъ эту быструю
Тонкая жердочка, жердочка лежитъ.
А по этой жердочкѣ,
А по этой тоненькой
Добрый молодецъ, молодецъ пошелъ.
Да тонкая жердочка,
Она обломилася,
Добрый молодецъ, молодецъ потонулъ.
Кидалася дѣвушка,
Бросалася красная
Быструю рѣчку, рѣчку выливать.
Не выливши рѣченьки,
Не выливши быстрой,
Стала рѣчку, рѣчку проклинать:
«Бодай тебя, рѣченька,
Бодай тебя, быстрая,
Желтымъ пескомъ, пескомъ занесло!».

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, вып. III, стр. 81.

289.

Чесалъ казакъ кудерьки, чесалъ казакъ русыя,
Ахъ, частымъ рыбьимъ гребешкомъ.
Расчесавши кудерьки, расчесавши русыя,

На быстру рѣчку пошелъ.
На этой на рѣченькѣ, на этой на быстренькой,
Тонка жердочка лежитъ.
Пошелъ онъ по жердочкѣ, пошелъ онъ по тоненькой,
Переломилась жердочка,
Переломилась жердочка, переломилась тоненькая, —
Переломилась тоненька.
Снесло съ него шляпушку, сорвало пуховую;
Вдоль по рѣченькѣ поплыла.
На этой на рѣченькѣ, на этой на быстренькой
Дѣвка мыла полотно.
Увидала шляпушку, увидала пуховую,
Стала шляпушку ловить;
Поймавши она шляпушку, поймавши пуховую,
Стала шляпу признавать,
Признавши она шляпушку, признавши пуховую,
Стала рѣчку проклинать:
«Чтобы эту рѣченьку, чтобы эту быструю,
Желтымъ пескомъ занесло!»

Вильбоа, № 50.

290.

Заболитъ головушка
Заноетъ сердечко у дружка,
Все по миленькой своей.
Гдѣ живешь ты, любушка,
Гдѣ живешь, сударушка моя?
—По ту сторону рѣки.
Чесалъ милый кудерьки,
Чесалъ милый русы волоса
Тонкимъ новымъ гребешкомъ;
Расчесавши кудерьки,
Расчесавши русы волоса,

Пухову шляпу одѣлъ;
Шляпонька пуховая,
Сибирочка новая у дружка,
Самолучшаго сукна;
Рубашечка красная,
Жилетка атласная со цвѣтамъ,
Шарфъ на шеюшкѣ съ кистямъ,
Штаники триковые,
Сапоги козловые у дружка;
Снарядился онъ, пошелъ.
Шелъ милой по бережку,
Шелъ милой по крутому кряжку,—
Перевозу искалъ; нѣтъ!
Нашелъ милой жердочку,
Нашелъ милой тонкую нову,
Перекинулъ онъ, пошелъ.
Жердочка сломилася,
Шляпонька свалилася у дружка,
Внизъ по рѣчкѣ поплыла.
Увидала дѣвушка,
Увидала красная душа;
Видитъ: шляпа на водѣ.
Шляпонька пуховая
Дѣвушкѣ знакомая была:
«Вѣрно моего дружка....
Вѣрно милой потонулъ...»
Схватила ведерышко,
Прибѣжала къ рѣченькѣ-рѣкѣ;
Видно: шляпа на водѣ...
Стала она, дѣвушка,
Стала она, красная,
Быстрой рѣченькѣ пенять:
«Каково ти, рѣченька,
Каково ти, рѣченька быстра,
Течь безъ крутыхъ бережковъ?

Таково й мнѣ, дѣвушкѣ,
Таково мнѣ, красноей,
Жить безъ милаго дружка!
Худо течь вѣдь рѣченькѣ,
Худо течь ей, быстроей,
Безъ крутыхъ бережковъ;—
Худо жить-быть дѣвушкамъ,
Худо жить-быть красныимъ,
Безъ миленькихъ дружковъ!»
Наживай же, дѣвушка,
Наживай же, красная,
Себѣ милаго дружка!
Худо жить-быть дѣвушкѣ
Безъ милаго дружка!

Олонецкая губернія. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1868 года, № 24.

291.

Середи-то поля чистаго,
Середи лугу зеленаго,
Тутъ стояла нова башенка,
Высокимъ-то высокошенька.
Что на этой было башенкѣ
Взнесена-то пушка мѣдная.
Что у этой было пушечки
Молодой былъ пушкатерщичекъ.
Заряжаетъ пушкарь пушечку,
Насыпаетъ черна пороху,
Чугунно ядро закатываетъ,
Самъ къ ядру-то приговариваетъ:
«Полети ты, мое ядрышко,
Высокимъ-то высокошенько,
Далекимъ-то далекошенько,
Выше лѣсу по поднебесью,

Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!»
Сейчасъ пушечка и грянула;
Посвистѣло туда ядрышко;
Что убило ядро школьничка—
Королевскаго полковничка.
Тутъ король стоитъ, задумался,
Королева дочь заплакала:
«Говорила я милу дружку,
Сердечному наговаривала:
Не ходи, милой, во слободы,
Ты во слободы нѣмецкія,
Во полки-то королевскіе!
Меня милый не послушался,
Нагонилъ тоску смертельную...
Я со той тоски во гробъ пойду
И въ знакъ вѣрности я съ нимъ умру.»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 314.

292.

Какъ на горкѣ, на горѣ,
На высокой, на крутой,
Стоялъ новый кабачекъ,
Сосновенькій чердачекъ.
Какъ во этомъ чердачкѣ
Пьетъ голенькій мужичекъ.
Богачи дивуются,
На что онъ пируется,
«Не дивуйтесь, богачи!
Шинкарочкѣ заплачу!
Размѣняю талера,—
Куплю пива и вина!
Шинкарка, шинкарочка,

Повѣрь мнѣ пивца, винца!»
—«Вѣрю, вѣрю, младый панъ,
На тебѣ синій кафтанъ,
За тебя дочку отдамъ!
Моя дочка Анночка—
Распрекрасна кралечка!»
Въ суботу помолвлена,
Въ воскресенье вѣнчана.
Поѣхали ко вѣнцу,
Не сказалися отцу;
Пріѣхали отъ вѣнца,
Спросили пивца, винца;
Стали пить-попивать,
Поименно называть:
«Скажи, скажи, младый панъ,
Какъ по имени зовутъ?»—
—«Изъ мѣщанъ я мѣщанинъ,
По прозванью Карповъ сынъ.
Скажи, скажи, млада панья,
Какъ по имени зовутъ?»—
—«Изъ мѣщанъ мѣщанка я,
По прозванью Карповна.»—
—«Поди, сестра, въ монастырь
Замаливать тяжкій грѣхъ,
А я пойду въ темный лѣсъ!»

Самара. Варенцовъ, стр. 71.

293.

На горѣ, горѣ
Стоялъ новый кабачекъ.
Какъ во этомъ кабачкѣ
Удалые вино пьютъ.
Богачи дивуются...

«Не дивуйтесь, богачи!
За все денежки отдамъ,
Изъ кармашка гроша два,
Цѣлковенькихъ полтора!»
—«Вѣрю, вѣрю тебѣ, панъ,
На тебѣ синій кафтанъ,
За тебя дочку отдамъ!
Моя дочка паночка—
Настоящая кралечка!»
Во суботу сватали,
Въ воскресенье вѣнчали.
Пріѣхали отъ вѣнца,
Давай пива и вина,
Стали бражку распивать,
Стали пана поздравлять:
«Здравствуй, здравствуй, панъ!
Откуда ты родиной?»—
—«Родиной изъ Кіева,
По прозванью Карповъ сынъ.
Здравствуй, здравствуй, паночка,
Настоящая кралечка!
Откуда ты родиной?»—
—«Родиной изъ Кіева,
По прозванью Карпова!»
—«Поди, сестра, въ монастырь,
А я пойду въ темный лѣсъ,
Гдѣ бы звѣрь-етъ меня съѣлъ!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 63 («обыденная»).

294.

Папенька съ маменькой споръ спорили,
Споръ спорили объ своей дочери:
Маменька хочетъ игуменьѣ отдать,

Папенька хочетъ за князя отдать.
Маменька пошла за сто двадцать верстъ,
Папенька пошелъ за сто семьдесятъ верстъ.
Немного погодя, и маменька идетъ,
Маменька идетъ и игуменью ведетъ;
Игуменья идетъ, востры ножницы несетъ.
«Садись-ка ты, дѣвица, мы станемъ постригать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, цвѣтное платье снять!»—
—«Снимешь ты, дѣвица, какъ черно надѣвать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, русу косу расплесть!»—
—«Расплетешь ты, дѣвица, какъ станемъ постригать!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, лицо бѣло измыть!»—
—«Смоешь ты, дѣвица, горючіимъ слезамъ!»—
—«Дайте мнѣ, дѣвицѣ, съ подружкамъ проститься!»—
—«Простишься, дѣвица, какъ въ келію пойдешь!»
Немного погодя, и папенька идетъ,
Папенька идетъ и князя ведетъ.
Князь молодой удивляется:
«Чья это шапочка на столикѣ лежитъ?
Чья это руса коса на гвоздикѣ виситъ?
Чья это монашина хорошая сидитъ?»
—«Князь молодой, ступай съ Богомъ домой!
Ужъ вѣрно мнѣ, дѣвицѣ, не быть за тобой!»

Тверская губернія. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня, Спб. 1893, стр. 17.

295.

Кудрявому деревцу Богъ листу не далъ,
А мнѣ, красной дѣвушкѣ, Богъ доли не далъ.
Хочетъ меня батюшка замужъ отдать;
Государыня матушка—въ чернички постричь.
Поѣхалъ мой батюшка за краснымъ поѣздомъ;

Государыня матушка—за игумномъ-попомъ.
Собирала дѣвушка подружекъ своихъ,
Посажала красная за дубовый столъ;
Сама сѣла, дѣвушка, подъ краснымъ окномъ.
Брякнуло колечушко серебряное,
Упало сердечушко свѣтъ-дѣвушкино;
Глянула въ окошечко косящатое...
Думала: мой батюшка съ краснымъ поѣздомъ,
Ажно это матушка со игумномъ-попомъ!
«Скидай, мое дитятко, цвѣтное платьицо,
Надѣвай, мое милое, черную рясочку!»—
—«Постой, моя матушка, бѣлилички смою;
Постой, государыня, румянечки сотру!»—
—«Смоешь, мое дитятко, горючими слезьми;
Сотрешь, мое милое, черною ряскою!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 105.

296.

Три годы дѣвушка строй строила,
Три годы красная Богу молилася:
За батюшковъ грѣхъ она умолила,
За матушкинъ грѣхъ не могла умолить.
Батюшка съ матушкой споривались;
Батюшка говоритъ: «я замужъ дочи отдамъ;»
Матушка говоритъ: «въ монастырь постригу.»
Батюшка говоритъ: «ужъ я ко князю пойду,
Ко князю пойду да я письмо принесу;»
Матушка говоритъ: «я къ игуменьѣ пойду,
Къ игуменьѣ пойду да я старицу приведу.»
Ко князю идти будетъ сорокъ верстъ,
Къ игуменьѣ идти—всѣ пятьдесятъ..
А дѣвица по горницѣ похаживаетъ,
Часто въ окошечко посматриваетъ.

Увидѣла дѣвица: вонъ матушка идетъ,
Матушка идетъ, съ собой старицу ведетъ,
На правой на рученькѣ мантію несетъ...
«Садись, мое дитятко, на ременчатый на стулъ!»—
—«Дай мнѣ, родима матушка, цвѣтное платье снять!»
—«Снимешь, мое дитятко, на стулѣ сидучи!
Садись, мое дитятко, на ременчатый на стулъ!»
—«Дай мнѣ, родима матушка, бѣлила-румяна съ лица смыть!»—
—«Смоешь, мое дитятко, на стулѣ сидучи!
Садись, мое дитятко, на ременчатый на стулъ!»
—«Дай мнѣ, родима матушка, русу косу расплести!»
«Расплетешь, мое дитятко, на стулѣ сидучи!
Садись, мое дитятко, на ременчатый на стулъ!»
—«Дай мнѣ, родима матушка, съ подружками проститься!»—
—«Простишься, мое дитятко, на стулѣ сидучи!»

Уралъ, Полевскій заводъ. Записки Уральскаго Общества любителей естествознанія, томъ I, вып. 2-й, 1874 г., стр. 128.

297.

Да три года дѣвушка церковь строила;
Четвертый годъ дѣвушка Богу молилась.
Какъ батюшкины грѣхи всѣ отмолила,
А матушкины грѣхи, ихъ не отмолила....
Поѣхалъ мой папенька за царскимъ сыномъ,
Сударыня матушка—за игумномъ-попомъ.
Хочетъ меня батенька замужъ отдати;
Сударыня матушка—въ черницы постричь.
Скрипнули воротички притворчатыя,
Щелкнуло колечушко серебряное,
Брехнула собачушка бѣл-пестренькая,
Тёкнуло сердечушко дѣвунюшкино;

Глянула въ окошечко хрустальненькое...
Я думала: мой батюшка со царскимъ сыномъ,—
Сударыня жъ матушка съ игумномъ-попомъ!
«Скидай, скидай ты, чадушко, цвѣтное платье,
Надѣвай ты, милая, черное платье,
Садись, садись ты, чадушко, въ золото стуло!»
—«Позволь ты мнѣ, матушка, на рѣчку сходить,
На рѣчку сходить, бѣлилица смыть,
Бѣлилица смыть, румянца стереть!»—
—«Смоешь, смоешь ты, чадушко, горючей слезой,
Сотрешь, моя милая, злосчастнымъ рукавомъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. VII, стр. 105 («великопостная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Рано, рано, рано мое, съ повтореніемъ второй половины стиха.

298.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что жъ ты, конопля, невесело стоишь?
—Ахъ, какъ мнѣ, коноплѣ, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, водой подмыло,
Поперекъ меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ.
Дѣвка, ты, дѣвушка, дѣвушка красная!
Что же ты, дѣвушка, невесело сидишь?
—Ахъ, какъ мнѣ, дѣвушкѣ, веселенькой быть?
Мой батюшка хочетъ замужъ меня отдать,
А мачеха хочетъ въ черницы постричь.
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А мачеха пошла за игуменьею.
Скрипнули ворота растворчатыя,
Брехнула собака борзая на цѣпи,—
Мнѣ чало, батюшка съ боярами,
Ажной моя мачеха съ игуменьею.

«Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу!»—
—«Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильца, румянца съ лица посмывать!»—
—«Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ!»

Украинскій Журналъ 1824 г., № 11.—Терещенко, часть VI, стр. 196

299.

Батюшка съ матушкой споръ сучинилъ:
Батюшкѣ надо за князя отдать,
Матушкѣ надо да въ старушки постричь.
«Садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стулъ,
Пострпгемъ тя, дитятко, старушкою!»—
—«Дай волю, матушка, въ баенку схожу!»—
—«Вытопишь ты, дитятко, старушкою...
Да садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стулъ,
Постригемъ тя, дитятко, старушкою!»—
—«Дай волю, матушка, божатушку дождусь!»—
—«Садись-ка ты, дитятко, да на золотой на стулъ,
Постригемъ тя, дитятко, старушкою!»
—«Дай волю, матушка, я косы заплету!»—
—«Остригемъ у дитятки ножницами...»
Мало по малу да стукъ во крыльцо,
Стукъ во крыльцо да еще брякъ во крыльцо:
Да батюшка идетъ да молода князя ведетъ;
Молодой князь идетъ да золоты вѣнцы несетъ.
Матушка на ей да ли распрогнѣвалася;
Хватила она дитятка за бѣлые волоса,
Ушибла она дитятка о сырую о землю.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 300.

300.

Чья это келейка новенькая?
Чья это монашенка молоденькая?..
«Позволь, позволь, маменька, подружку позвать,
Позволь, позволь, маменька, любезненькую!»—
—«Зови, зови, дитятко, котора мила,
Сади, сади, дитятко, возлѣ себя!
Цѣлуй, цѣлуй, дитятко, по три раза!»

Казань. Овсянниковъ, стр. 99 («вечериночная»).

301.

Чья это келейка новенькая?
Чья это монашенка молоденькая?....
«Прикажи, мамашенька, подружку позвать,
Прикажи, мамашенька, молоденькую!»—
—«Зови, зови, дитятко, котора мила!»—
—«Мнѣ мила-милешенька (имя),
Мнѣ мила-милешенька (отчество)!»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 120 («игровая»).

302.

Возлѣ рѣченьки я хожу, молода,
Меня водоньки потопить хотятъ...
А немилый мужъ все журитъ-бранитъ,
Все журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
«Постригися, моя жена немилая,
Постригися, моя жена постылая!
За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,

За посхименье дамъ тебѣ тысячу!
Я построю тебѣ нову келейку,
Обобью ее чернымъ бархатомъ,
Ты въ ней будешь жить да спасатися,
Что спасатися, Богу молитися!»
Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
«Ахъ, и что это, братцы, за келейка?
Хорошо келья построена,
И малехонька, и новехонька!
Ужъ и кто же въ ней спасается,
Или вдовушка, или дѣвушка?»
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошехонька, молодехонька;
Поклонилася имъ низехонько,
Поклонимшися, слово молвила:
«Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя:
Не въ любви жила, не въ согласіи!»
Какъ и взмолится тутъ немилый мужъ:
«Разстригися ты, жена моя милая!
За растриженье дамъ тебѣ тысячу,
За разсхименье—все имѣньице!
Я построю тебѣ новъ высокъ теремъ,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами,
Будешь жить въ немъ, прохлаждатися,
Во цвѣтно платье наряжатися!»
Какъ возговоритъ молода старочка:
«Что не надо мнѣ твоей тысячи,
Ни всего твоего имѣньица,
Мнѣ не надобенъ новъ высокъ теремъ!
Я останусь въ этой келейкѣ;

Ужъ я стану жить, спасатися,
За тебя Богу молится!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 65.—
Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 109.

303.

Я по бережку хожу, хожу,
Я на быструю гляжу, гляжу;
Меня рѣченька топить хочетъ...
Немилый мужъ журитъ-бранитъ,
Журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
«Постригись, моя немилая,
Ты посхимься, распостылая!
За постриженье дамъ сто рублей,
За посхимленье дамъ тысячу!
Я поставлю тебѣ келейку,
Что новехоньку, малехоньку,
Во оградушку окошками,
Во зеленый садъ краснымъ крылыцомъ,
И накрою чернымъ бархатомъ,
Разувѣшу цвѣтами алыми!»
Мимо келейки старцы ѣхали,
Старцы ѣхали перехожіе,
Перехожіе, переѣзжіе,
Моей келейкѣ дивовалися:
«Ужъ и что это за келейка,
Что во келейкѣ за старичка,
За молоденька монашенка,
Что во кельѣ за монашенка?
Молодехонька пострижена,
Что пострижена, посхимлена;
За какой грѣхъ Богу молится,
За великій, знать, спасается?»—

—«Ахъ вы, старцы перехожіе,
Перехожіе, переѣзжіе,
Неразумные, недогадливы!
Вы спросите, разузнайте-ка....
Да ужъ Богъ съ тобой, немилый мужъ!
На роду мнѣ такъ написано!...»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 103.—Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 108.

304.

Возлѣ рѣченьки хожу, млада,—
Меня рѣченька стопить хочетъ;
Возлѣ огнчика стою, млада,—
Меня огнчикъ спалить хочетъ;
Возлѣ милаго сижу, млада,—
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Онъ-то журитъ-бранитъ,
Въ монастырь идти велитъ:
«Постригись, моя немилая,
Посхимися, постылая!
На постриженье выдамъ сто рублей,
На посхименье тебѣ—тысячу!
Я поставлю нову келейку
Въ зеленомъ саду подъ яблоней;
Прорублю я три окошечка:
Первое—ко Божьей церкви,
Другое-то—во зеленый садъ,
Третье-то—во чисто поле.
Въ Божьей церкви—ты намолишься,
Въ зеленомъ саду—нагуляешься,
Во чисто поле—насмотришься!»
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ.
Они спрашиваютъ: «что за келейка,
Что за келейка, что за новенька?

Что въ ней за монашенка за молоденька?
Еще кѣмъ она пострижена?»
Отвѣчала имъ монахиня:
«Я пострижена самимъ царемъ,
Я посхимлена Петромъ Первымъ,
Черезъ его змѣю лютую!»

Русскій Архивъ 1863 г., № 2.—Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 106.

305.

Постригись, моя жена немилая,
Ты посхимься, моя жена постылая!
За постриженье дамъ тебѣ сто рублей,
За похимленье—всеё тысячу!
Я поставлю тебѣ нову келейку,
Я на Суздальской славной дороженькѣ,
Чтобы пѣшіе шли, конные ѣхали,
На твою келію дивовалися:
Что это въ полѣ за келейка?
Что это въ келейкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и посхимлена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезнаго,
Или отъ мужа отъ ревниваго?...

Арзамасъ. Записки Академіи Наукъ, томъ V, стр. 206.

306.

«Постригись, моя немилая,
Посхимися, моя постылая!
На постриженье дамъ сто рублевъ,
На посхименье дамъ тысячу!

Поставлю келейку во Суздалѣ, красномъ городѣ,
Тонешеньку, малешеньку!»....
Князья и бояре съѣзжалися
И той келейкѣ дивовалися:
«И что это за келейка,
И тонешенька, и малешенька?
И что это за старица,
Что пострижена молодешенька?»...

Изъ слѣдственнаго дѣла 1729 г. Заря 1870 г., № 9.—Записки Академіи Наукъ, томъ V, стр. 205.

307.

Возлѣ рѣченьки стою, млада,—
Меня рѣченька потопить хочетъ;
Возлѣ огонька хожу, млада,—
Меня огоньчикъ спалить хочетъ;
Возлѣ милаго сижу, млада,—
Меня милый журитъ-бранитъ,
Ужъ онъ журитъ-то, бранитъ,
Постричься велитъ:
«Постригись ты, моя немилая,
Посхимься, разпостылая!
На постриженье дамъ тебѣ сто рублей,
А на посхименье тысячу!
Я построю тебѣ нову келейку,
При пути при дороженькѣ,
Во зеленомъ саду подъ яблоней;
Прорублю три окошечка:
Первое окно—ко Божіей церкви,
А второе окно—во чисто поле,
А третіе окно—во зеленый садъ.
Въ Божьей церкви—помолишься,

Во зеленомъ саду—разгуляешься,
А въ чистомъ полѣ—со мной увидишься!»

Москва. Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 107.

308.

Передъ нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолочена мурава,
Ощипаны цвѣточки лазоревые.
Еще кто траву стопталъ, кто мураву столочилъ?
Сотоптала, столочила красна дѣвица душа,
Стоючи она съ надежею съ милымъ другомъ.
Онъ держалъ красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши за перстни злаченые,
Цѣловалъ, миловалъ, ко сердцу прижималъ,
Называлъ красну дѣвицу животомъ своимъ.
И проговоритъ дѣвица-душа красная:
«Ты, надежа мой, надежа сердечный другъ!
А не честь твоя, хвала молодецкая,
Безъ числа больно, надежа, упиваешься,
А и ты мной, красной дѣвицей, похваляешься;
А и ты будто надо мной все насмѣхаешься.»
Ему туто, молодцу, за бѣду стало;
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ея лицу.
Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое,
Проливалъ у дѣвицы кровь горячую,
Замаралъ на дѣвицѣ платье цвѣтное.
Расплачется дѣвица передъ молодцемъ:
«Когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла,
А и ты сдѣлай мнѣ, надежа, ветляненькій стружокъ,
А и ты сдѣлай мнѣ на немъ муравленый чердачокъ,
А и сдѣлай бесѣду дорогъ рыбій зубъ,
Исподерни ту бесѣду рытымъ бархатомъ,
А и дай мнѣ, надежа, пятьдесятъ гребцовъ,

А другое пятьдесятъ въ провожатые,
Отпусти меня, другъ-надежа, за сине море,
За сине море во почестный монастырь;
Постригусь я, молодешенька, посхимлюся!
На постриженье ты дай мнѣ пятьдесятъ рублевъ,
На посхименье дай мнѣ другое пятьдесятъ!»

Кирша Даниловъ, № 35.

309.

На синемъ было на морѣ,
На тихомъ было заводьѣ,
Потонулъ тутъ Василій князь,
Отъ злата вѣнца идучи.
Оставалась молода княжна:
«Ужъ вы, бояра, бояра!
Воротите вы комоня
На родимую сторону,
Ко родимому батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ!»
Они пріѣхали къ батюшкѣ.
Посмотрѣла въ окошечко
Молодая невѣстушка:
«Богоданная матушка!
Къ намъ не гостьюшка пріѣхала,
Къ намъ пріѣхала подворница,
Вѣковая постельница!»
—«Ой вы гой еси, бояра!
Воротите вы комоня
Ко святому монастырю,
Къ самобольшей игуменьѣ...
Ты, честная игуменья!
Постриги меня въ старицы,
Ты построй мнѣ-ка келейку,

Просѣки три окошечка:
Первое-то окошечко—
Ко святому Благовѣщенью,
А второе-то окошечко—
На родимую сторону,
А какъ треть-то окошечко—
На синее на море,
На тихое на заводье:
Потонулъ тутъ мой вѣнчанный мужъ,
Вѣнчанный мужъ Василій князь!...»

Архангельская губернія, Шенкурскъ. Русская Бесѣда 1856 года, № 1, стр. 57.

310.

А въ насъ во Николѣ во приходѣ
Собирались дѣвушки подъ разбои.
Онѣ русыя косы расплетали,
Молодецкія кудри завивали,
Черныя шляпы накладали;
Онѣ вороныхъ коней посѣдлали,
Ямскіе кафтаны надѣвали,
Вербажи-подпояски съ полосами,
Кумачные штаны съ напусками,
Бѣлые чулочки съ начесами,
Сафьяны-чеботочки съ подковками.
Онѣ ѣхали Юрья разбивати.
А Юрья онѣ дома не застали,
А застали онѣ Юрьеву дочку.
А Юрьева дочка догадалась;
Открыла окошко немножко,
Она дѣвушкамъ рѣчь говорила:
«Ой, какъ же вамъ, дѣвушки, не стыдно?!
Ой, какъ же вамъ, красныя, не соромъ?!
Что вы русыя косы расплетали,

Молодецкіе кудри завивали,
Черныя шляпы накладали?
Что вы вороныхъ коней посѣдлали,
Ямскіе кафтаны надѣвали,
Вербажи-подпояски съ полосами,
Кумачные штаны съ напусками,
Бѣлые чулочки съ начесами,
Сафьяны-чеботочки съ подковками?!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 61.

311.

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше краснаго окна,
Вотъ хрустальнаго стекла!
Мнѣ такъ тошно, мнѣ такъ грустно
Жить, дѣвушкѣ, сиротой,
При дорожкѣ при большой,
Безъ матушки безъ родной...
Звала, звала дѣвка парня
Во чисто поле гулять:
«Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ,
Во чисто поле съ тобой!
Бери, бери, мой голубчикъ,
Свой тонкой бѣлой шатеръ;
Раскинь, мой голубчикъ,
По чистомъ полю шатеръ;
Приляжь, приляжь, мой голубчикъ,—
Я въ головкѣ поищу,
Русы кудри расчешу!»
Стала кудерьки чесать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
«Засни, засни, мой голубчикъ,
У дѣвушки на рукѣ,

На кисейномъ рукавѣ,
Да на златомъ перстенѣ,
На персидскомъ на коврѣ!»
Какъ проснулся-пробудился,
Во русы кудри хватился—
Нѣтъ ни русыхъ ни кудрей,
Ни дѣвушки, ни шатра,
Ни кисейнаго рукава,
Ни золота перстеня,
Ни персидскаго ковра,
Нѣтъ ни ворона коня,
Ни черкасскаго сѣдла...

Якушкинъ, стр. 573.

312.

Вечоръ ко мнѣ, дѣвушкѣ,
Соловушка прилеталъ,
Соловушка прилеталъ—
Молодецъ въ гости пришелъ.
Звалъ онъ, манилъ дѣвушку,
Уговаривалъ съ собой:
«Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Во чисто поле гулять,
Во чисто поле гулять,
Во зеленые луга;
Заѣдемъ мы, дѣвушка,
На высокій на курганъ;
Еще возьмемъ, дѣвушка,
Полотнянъ бѣлый шатеръ;
Разставимъ же, дѣвушка,
Полотнянъ бѣлый шатеръ;
Во шатрѣ поставимъ
Мелкоточену кровать;

На кроватъ положимъ мы
Перинушку пухову,
Подушечки парчевы....»
—«Ложись, ложись, молодецъ
Дай въ головкѣ поискать;
Въ головушкѣ поищу,
Русы кудри расчешу!»
Стала дѣвушка искать,
Сталъ молодецъ засыпать.
Уснулъ, уснулъ молодецъ
У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ.
Всталъ-проснулся молодецъ:
Ни дѣвушки, ни коня,
Нѣтъ ни бѣлаго шатра!
Заставила дѣвушка
Въ полѣ пѣшему ходить,
Въ полѣ пѣшему ходить,
Поджавъ рученьки, бродить.
«Добро же те, дѣвушка,
Самъ насмѣшку отсмѣю,
Самъ насмѣшку отсмѣю—
Русу косу оторву!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 205 («бытовая»). Очень сходныя (безъ четырехъ послѣднихъ стиховъ) пѣсни изъ Уральской области: Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, Спб. 1888 г.;—Небольсинъ, Уральцы, Спб. 1855, стр. 123.

313.

Гуляй, гуляй, дѣвица, у батюшки да ты во саду,
Гуляй, гуляй, красная, у матушки да ты во зеленомъ!
Вечоръ къ тебѣ, дѣвица, соловушекъ прилетитъ,
Соловушекъ прилетитъ, молодецъ въ гости придетъ;

Станетъ тебя, дѣвицу, уговаривать, улещать;
Не сдавайся, дѣвица, на ласковы его слова....
Сдалась, сдалась дѣвица на веселый разговоръ:
«Бери, бери, дѣвица, свой тонкій бѣлый шатеръ!»
—«Я возьму, молодецъ, тесову нову кровать!»—
—«Пойдемъ мы, дѣвица, во чисто поле гулять;
Разобьемъ мы, красная, твой тонкій шатеръ;
Поставимъ, дѣвица, тесову нову кровать...»
—«Ложись, ложись, молодецъ, въ головушкѣ тебѣ поищу,
Въ головушкѣ поищу, черны кудри расчешу!»
Уснулъ, уснулъ молодецъ у дѣвушки на правой рукѣ;
Какъ проснулся молодецъ, — нѣтъ ни дѣвки, ни шатра,
Нѣтъ ни дѣвки, ни шатра, ни добра его коня!
Заставила дѣвушка меня въ полѣ пѣшаго ходить,
Заставила красная сѣдельце на рукахъ носить.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. VII, стр. 90.

314.

Не летай, не летай,
Мой сизенькій голубокъ,
Не воркуй, не воркуй
Жалобнешенько!
Мнѣ и такъ-то, красной дѣвицѣ,
Тошнешенько!
Неравно, красна дѣвица,
Соколъ прилетитъ;
По-за соколѣ, дѣвица,
Молодецъ прибѣжитъ!....
Я раскину бѣлъ шатеръ
Близь дорожки, близь пути,
Гдѣ бы милому пройти,

На конѣ проѣхати,
На конѣ проѣхати,
Во шатеръ заѣхати.
«Не угодно ли, молодчикъ,
Я въ головкѣ поищу?»
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
Какъ проснулся-пробудился,—
Анъ и нѣтъ никого:
Ни дѣвицы, ни коня,
Нѣту бѣлаго шатра,
Ни черкасскаго сѣдла!
«Мнѣ не жаль, не жаль коня,
Не жаль бѣлаго шатра!
Только стыдно и обидно,—
Дѣвка парня провела!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 330.

315.

Не летай-летай, голубчикъ,
Черезъ мой высокъ теремъ;
Не садися, голубокъ,
Надъ моимъ краснымъ окномъ;
Не воркуй-воркуй, голубчикъ,
Жалобнехонько при мнѣ!
Ой, и такъ мнѣ, красной дѣвкѣ,
Жить тошненько въ теремѣ...
Не пущаетъ меня мать
Во чисто поле гулять...
«Неравно ли, неравно ли
Соколъ ясный надлетитъ,
Разудалый надбѣжитъ,
Тебя, дѣвку, побѣдитъ...»
Пошла дѣвушка гулять,

А молодецъ настигать.
«Садись, садись, красна дѣвушка,
На черкесское сѣдло,
Сзади милаго твоего!»
А мы ѣхали вдвоемъ
Не дорогой, не путемъ;
Мы раскинули шатеръ
При дороженькѣ большой.
Онъ пустилъ своего коня
Подлѣ бѣлаго шатра;
Прислонилъ свое копье
До дубоваго столба.
—Ляжь-ка, ляжь-ка, добрый молодецъ!
Въ головушкѣ поищу,
Русы кудри расчешу,
На моихъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.»
Стала дѣвица искать,
А молодецъ засыпать,
Его дѣвка цѣловать.
А очнулся-пробудился
Удалъ добрый молодецъ:
Нѣтъ ни дѣвки, ни шатра
И ни ворона коня,
Ни черкесскаго сѣдла!
«Ай, заставила, каналья,
Молодца пѣшаго ходить,
У рукахъ копье носить!
Ой, не жаль мнѣ, молодцу,
Ни дѣвицы, ни шатра
И ни ворона коня;
Только жаль мнѣ, молодцу,
Своего глупаго ума:
Красна дѣвка провела!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 56.

316.

Просилася Лизонька
У маменьки погулять:
«Пусти, пусти меня, маменька
Въ зеленъ садъ погулять!»
Пущала ее маменька,
Приказывала:
«Неравно, мое дитятко,
Соколъ-птица налетитъ,
За соколомъ за птицею
Иванъ-сударь прилетитъ!
Ты не сумѣешь, не разумѣешь,
Какъ съ Егорычемъ говорить!»—
—Я сумѣю, я разумѣю,
Какъ съ Иваномъ говорить.
Я раскину бѣлъ шатеръ
При дорожкѣ при большой,
При рощицѣ зеленой,
При ракитовомъ кусту,
При ракитовомъ кусту,
При лазоревомъ цвѣту
Ложись, ложись, Иванъ-сударь,—
Я въ головкѣ поищу,
Ложись, ложись, Егоровичъ,—
Русы кудри расчешу!»
Стала кудрецы чесать,—
Егоровичъ засыпать;
Стала русыя чесать,—
Иванъ-сударь засыпать.
Уснулъ Иванъ-сударь
У Лизоньки на рукѣ,

У Лизоньки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ....

Воронежскій уѣздъ. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 161.

317.

Поѣхалъ добрый молодецъ
Во чисто поле гулять.
Первое полюшко проѣхалъ,
На второе пѣшкомъ шелъ;
На третьемъ чистомъ полюшкѣ
Началъ сонъ меня долить;
Начинаетъ сонъ долить,
Дрема съ ногъ стала валить.
Привяжу я добра конюшка
Ко сырому ко дубу,
Ко дѣвицы ко шатру,
Ко дѣвицы ко шатерышку,
На волковомъ поводу,
На шелковую траву,
На шелковую травоньку;
Самъ я лягу съ милой спать,
Спать подъ сосенку,
Подъ такую подъ сосенышку,
Подъ кудрявую зелену.
Что не во полѣ пыль пыляется,
Распыляй-пыляется;
Не душа ли добрый молодецъ
Пробужай-бужается.
Пробудившись, добрый молодецъ:
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣделышка,
Ни дѣвицы, ни шатра,

Ни дѣвицы, ни шатерышка
Нѣтъ ни милой у себя.

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 г., № 4. Каждый второй стихъ повторяется.

318.

Душечка молодчикъ,
Не суши, не круши
Красной дѣвицы души!
Такъ мое сердечушко
Изныло по тебѣ,
Мои ясныя очи
Помутилися со слезъ...
Я со той тоски-кручины
Въ чисто поле пойду.
Я раскину бѣлъ шатеръ
При дорогѣ при большой,
При долинѣ широкой.
Никто ко мнѣ въ шатеръ
Не заѣхалъ, не зашелъ;
Только заѣхалъ да зашелъ
Одинъ миленькій дружокъ;
Онъ на ворономъ конѣ,
На черкасскомъ на сѣдлѣ.
«Ужъ ты, миленькій дружокъ,
Привяжи коня къ шатру,
А самъ ко мнѣ у шатеръ!
Ужъ ты, миленькій дружокъ,
Дай у головкѣ поищу,
Русыя кудри расчешу!»
Я искать не наискала,
Русыя кудри поплутала,
Добраго молодца приспала

На своихъ бѣлыхъ рукахъ,
На кисейныхъ рукавахъ.
Я очнулся, я проснулся,—
Нѣтъ ни дѣвки, никого,
Нѣтъ ни ворона коня,
Ни черкасскаго сѣдла....

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 14.

319.

Первымъ полемъ мальчикъ шелъ,
Вторымъ полемъ коня велъ,
А третьимъ полемъ зеленъ дубъ стоитъ;
Въ зеленомъ дубу золотое кольцо.
Привяжу я коня къ золотому кольцу,
Прикажу своего коня я красной дѣвицѣ,
Красной дѣвушкѣ, душѣ Настенькѣ;
Я самъ разставлю, добрый молодецъ,
Полотнянъ бѣлый шатеръ,
Разстелю я въ шатерикѣ бѣлый войлочекъ,
Лягу, лягу, молодецъ, съ дѣвушкой я, высплюсь....
Всталъ, проснулся, молодецъ, на бѣлой зарѣ;
Нѣту, нѣту у молодца, ни коня и ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла, ни дѣвушки, ни шатра!
Пойду, взойду, молодецъ, на высокій на курганъ,
Посмотрю я, молодецъ, на всѣ четыре стороны.
Какъ въ правой сторонѣ не пыль-то пылитъ,
Въ зеленыхъ-то лугахъ турокъ плѣнъ дѣлитъ:
Впереди ведутъ коня-то воронаго,
На конѣ сидитъ красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, душа Настенька;
Досталась Настенька турку храброму....

Уральская область. Мякушинъ, стр. 203 («бытовая»).

320.

Ахъ ты, мать ли моя, мать,
Родимая моя мать,
Да какая въ тебѣ стать—
Посылаешь одну спать!
Я не лягу одна спать,
Пойду милаго искать.

Я вечоръ, молода,
Во бесѣдѣ сидѣла,
На милаго глядѣла,
Поразсорилася
И пораздорилася,
И позвала дружка
Негоднымъ въ глаза:
«Ты негодный, нехорошій,
Милый мой,
Я не имаю любови никакой!»
Тутъ одумалася,
Призадумалася,
Не знаю, какъ быть:
Помириться, али нѣтъ?
Знаю, знаю, разумѣю,
Помиритися умѣю.
Я учлива на словахъ,
Разговорка на рѣчахъ...

Поставь, миленькій, шатеръ
Край дороженьки моей,
Край широкой, почтовой;
Да привяжи, милой, коня
Ко точену ко столбу,
Къ золоченому кольцу;

Дай-ка, дай мнѣ, молодецъ,
Я въ головкѣ поищу,
Я въ головкѣ поищу,
Желты кудри расчешу!
Стала дѣвица искать,
Сталъ молодчикъ засыпать.
Проснулся, пробудился—
Вижу, нѣту никого:
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра!
Шельма дѣвка пріушла,
Не цѣлована ушла,
Не цѣлована,
Не милована!

На дѣвушкинъ слѣдокъ
Выпалъ бѣленькій снѣжокъ.
Я по слѣдикамъ пошелъ,
Свою любезную нашелъ.
Я не билъ и не бранилъ,
Во зеленый садъ манилъ.
Дѣвка во саду гуляла,
Со травы цвѣты рвала,
Вьюнокъ милому свила.
Вьюнокъ милому свивала,
На головку надѣвала,
Обнимала, цѣловала,
Меня дружкомъ называла:
«Милый, милый мой,
Разлюбезный, дорогой,
Жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Жаль разстаться, респростаться
Мнѣ навѣки отъ тебя!
Бѣгу въ темны я лѣса,
Бѣгу въ темны во дремучи,

Гдѣ мой миленькой гулялъ
И слѣдоченьки скрывалъ;
Онъ слѣдочики скрывалъ.»
—Мнѣ не жалко, молодцу,
Ни коня, ни сѣдла,
Ни дѣвицы, ни шатра;
Только жаль молодцу
Глупа разума-ума!

Олонецкая губернія. Славянская, часть 1, стр. 32 («хороводная»).

321.

Не летай-ка ты, да не летай-ка ты,
Разсизенькій ты мой голубокъ;
Не садись-ка ты, не садись-ка ты,
Да на мое-то раскрашенное окно!
На моемъ-то красномъ окошкѣ
Да неравенъ случай бываетъ:
Ясный соколъ въ гости прилетитъ...
По прилетичку—ясный соколъ,
А по пріѣзду—парень молодой!....
Ты пожалуй-ка, молодчикъ,
Головушку почешу!
Стала дѣвушка головушку чесати,
Сталъ молодчикъ крѣпко засыпати...
Чуть прочкнулся-пробудился
И въ окошечко поглядѣлъ,
Въ окошечко да скрозь стеколушко:
Ни дѣвушки, ни коня!

Пермская губернія. Шишонко, стр. 219. Еще одна пѣсня на ту же тему, совершенно искаженная: Будде, № 24 («круговая», Рязанская губернія).

322.

«Не летай же ты, соколъ,
Высоко и далеко,
Не размахивай, соколъ,
Правымъ крыломъ широко!
Не ходи, душа ты Марья,
Во зеленый садъ гулять:
Неравно, душа Ивановна,
Соколъ-птица налетитъ,
Какъ за соколомъ за птицей
Василь-сударь наѣдетъ!»—
—«Я умѣю, разумѣю
Съ нимъ и рѣчи говорить!
Я раскину бѣлъ шатеръ
При долинѣ при большой...
Лягь-ка, лягь-ка, Василь-сударь,
Я въ головкѣ поищу,
Русы кудри расчешу,
Добра коня привяжу.»
Какъ уснулъ-ли Василь-сударь
Какъ на ручкахъ, на рукахъ,
На широкихъ рукавахъ;
Какъ проснулся Василь-сударь:
Нѣтъ ни коня, ни шатра!
Заставила его Марья
Пѣшимъ по полю ходить...
Люди пашеньку пахать,
А мы ручками махать...

Тамбовская губернія, Моршанскъ. Прокунинъ, № 5 («свадебная»).

323.

На рѣчкѣ на лужечкѣ,
На прекрасномъ бережечкѣ,
Тамъ купались красны дѣвки,
Пониже молодицы.
Тутъ шелъ, прошелъ Макарша,
Унесъ наши рубашки,
Тонки лняны, бѣлы полотняны,
Со кисейнымъ рукавами,
Со персидскимъ кружевами.
Всѣ-то дѣвушки были стыдливы.
Акулина была нестыдлива:
Фартукъ бѣлый повязала,
За Макаршей побѣжала,
Громкимъ голосомъ кричала;
«Ужъ ты стой, постой, Макарша!
Ты унесъ наши рубашки,
Тонки льняны, полотняны,
Со кисейнымъ рукавами,
Со персидскимъ кружевами,
Со нѣмецкимъ воротами!»
Тутъ Макаршенька божился,
Съ Акулиной подружился...

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 106 («плясовая»). Каждый стихъ повторяется.

324.

Вдоль по травкѣ, вдоль по муравкѣ,
Вдоль по маленькой канавкѣ,
Тамъ купалися дѣвицы,
А пониже бабы-молодицы.
Туда шелъ, прошелъ Макарка,

Онъ укралъ наши рубашки
Тонки лянны, бѣлы полотняны,
Со манжетами, съ грибами,
Со кисейными рукавами,
Всѣ были дѣвицы тутъ стыдливы
Акулина была не стыдлива:
Фартукомъ груди подвязала,
Вслѣдъ Макарка побѣжала:
«Ты, Макаръ, Макаръ, Макарка,
Ты отдай наши рубашки,
Тонкія лянны, бѣлы полотняны,
Со манжетами, съ грибами,
Со кисейными рукавами!»

Олонецкая губернія, Петрозаводскъ. Олонецкія Губернскія Вѣдомости 1868 г., № 29.

325.

По крутому по красному по бережку,
По желтому сыпучему песочку,
Стояла избушка волжаночка;
Во той во избѣ холостьба сидитъ,
Холостьба, братцы, сидитъ, не женатые,
Не много не мало—тридцать девять человѣкъ.
Между ими сидитъ красна дѣвица;
Играетъ дѣвица съ добрымъ молодцемъ
Въ большую игру во тавлейную,
Во тѣ ли во тавлеи, во шахматы.
Игралъ молодецъ о трехъ корабляхъ,
А дѣвица играла о буйной головѣ.
Ужъ какъ дѣвица молодца обыграла;
Выиграла дѣвица три корабля:
Первый тотъ корабль—съ краснымъ золотомъ,
Другой тотъ корабль—съ чистымъ серебромъ,
А третій корабль—съ крупнымъ жемчугомъ.

Сѣлъ добрый молодецъ, задумался,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Потупилъ свои очи ясныя...
Что взговоритъ душа красна дѣвица:
«Не печалься, не кручинься, добрый молодецъ!
Авось твои три корабля возворотятся,
Какъ меня ли, красну дѣвку, за себя возьмешь:
Корабли твои за мной въ приданое...»
Ахъ, что взговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несмѣтная!
Не взять мнѣ души красной дѣвицы!
Загадаю дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ахъ, что у насъ, дѣвица, безъ огня горитъ,
Безъ огня у насъ горитъ и безъ крылъ летитъ,
Безъ крылъ у насъ летитъ и безъ ногъ бѣжитъ?»
Да что взговоритъ душа красна дѣвица:
«Ужъ какъ эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Безъ огня у насъ горитъ солнце красное,
А безъ крылъ у насъ летитъ туча грозная,
А безъ ногъ у насъ бѣжитъ мать быстра рѣка...»
Ахъ, что взговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Загадаю дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, не отгадчиву:
Ужъ какъ есть у меня парень поваренный,
Такъ развѣ вѣдь онъ тебя за себя возьметъ...»
Да что взговоритъ душа красна дѣвица:
«Ужъ эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива.
Ужъ есть у меня дѣвка гусятница,
Ужъ развѣ она за тебя пойдетъ...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть III, стр. 59.

326.

Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
На прибѣгищѣ на Лодейномъ,
Что на пристани корабельной,
Тутъ построена изба новая,
Изба новая караульная.
Что во той избѣ новой,
Восемьсотъ удалыхъ молодцовъ сидитъ;
Межъ йми-то красна дѣвица;
Она гораздна была играть въ шахматы;
Обыграла удалаго добра молодца...
Проигралъ-то добрый молодецъ три черныхъ корабля:
Первый—съ чистымъ серебромъ,
Второй—съ краснымъ золотомъ,
Третій—съ скатнымъ жемчугомъ.
Закручинился, запечалился добрый молодецъ,
Повѣсилъ буйну голову со могучихъ плечъ,
Потупилъ очи ясныя во матушку сыру землю,
Что прижалъ да руки бѣлыя къ ретивому сердцу...
Разговаривала красная дѣвица добра молодца:
«Не кручинься, не печалься, добрый молодецъ,
Ты не вѣсь своей головы со могучихъ плечъ,
Не тупи да очи ясныя во сыру землю.
Мы пойдемъ-ка во Божью церковь,
Наложимъ да вѣнцы золотые,
Примемъ да законъ Божій,
Ужъ и будемъ съ тобой по закону жить!»—
—«Отступаюсь я отъ черныхъ кораблей,
Я нейду съ тобой во Божью церковь,

Не примаю законъ Божій,
Не хочу съ тобой по закону жить!»...

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 63 («наулична»).

327.

Ходилъ - гулялъ добрый молодецъ, искалъ мѣсто доброе...
Не нашелъ-то добрый молодецъ мѣста добраго,
А нашелъ-то добрый молодецъ море синее...
О край моря, о край синяго камыши высокіе,
Камыши высокіе, лопухи широкіе.
Какъ во этихъ въ камышикахъ стояла избушечка,
Избушечка новенькая, сосновенькая;
Во той ли избушечкѣ была свѣтла горенка;
Въ этой во горенкѣ стоятъ столы новые,
Стоятъ столы новые, калиновые;
На этихъ на столикахъ разостланы скатертки,
Разостланы скатертки вороныя, шелковыя;
Возлѣ этихъ столиковъ стулья камышевые;
На стулахъ сидитъ добрый молодецъ съ душой красной дѣвицей,
Играютъ во игры серебряныя.
Проигралъ же добрый молодецъ три кораблика:
Первый корабликъ—со чистымъ золотомъ.
Другой корабликъ—со чистыимъ серебромъ,
Третій корабликъ—съ разными товарами.
Послѣ добрый молодецъ сидитъ, припечалился.
Припечалился добрый молодецъ, призадумался:
«Ужъ вы, свѣтъ мои кораблики, запропали,
И со златомъ и со серебромъ и съ разными товарами!»
Уговариваетъ добраго молодца красна дѣвица:

«Не плачь, не тужи, добрый молодецъ, объ своихъ корабликахъ,
Со золотомъ, со серебромъ, съ разными товарами!
Возьми меня, добрый молодецъ, за себя замужъ!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 72.

328.

Еще всѣ-то добрые люди пьютъ, гуляютъ;
Охъ, я одинъ-то, добрый молодецъ, охъ, не гуляю.
Охъ, я хожу-то, добрый молодецъ, охъ, по базару;
Охъ, за собой вожу добра коня, охъ, продаваю.
Ой, да никто моего добра коня, охъ, да не купитъ,
Ой, да никто моего воронаго, охъ, да не торгуетъ...
Сторговалъ моего добра коня, охъ, сынъ гостиный.
Запросилъ я за добра коня, охъ, ровно триста;
Онъ и подалъ за воронаго, охъ, полтораста;
Ой, а цѣною соходились, охъ, ровно два ста.
Сторговавши, добрый молодецъ, охъ, деньги платитъ.
Сталъ моего коня онъ, охъ, обротати;
Обротамши онъ воронаго коня, охъ, сталъ сѣдлати;
Осѣдлавши онъ добра коня, охъ, сталъ взнуздати;
А взнуздавши онъ воронаго, охъ, сталъ садиться,
Сталъ садиться добрый молодецъ, охъ, сталъ хвалиться:
«Вотъ теперь-то, добрый молодецъ, охъ, погуляю,
Охъ, какъ и та ли бѣла рыбица, охъ, по Дунаю!»
Похвалившись, добрый молодецъ, самъ поѣхалъ.
Оставался я, добрый молодецъ, охъ, со казною,
Ой, съ золотой казной остался, охъ, самъ заплакалъ...

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 66.
Послѣдніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

329.

На рождественской недѣлѣ
Красныя дѣвушки
Собиралися въ избушку,
Во избушку во пустую.
Изъ-подъ печки, изъ-подъ столбца
Вышла красная дѣвица
Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ,
Въ синемъ сарафанѣ,
Въ красненькихъ башмачкахъ.
У ней губы-то медвѣжьи,
Зубы-то желѣзны.
Всѣ дѣвушки испугались,
Изъ избушки побросались.
Одну дѣвушку схватила,
На колѣни посадила.
«Ты, красная дѣвушка,
Отвори окошко,
Кликни подружкамъ,
Назадъ бы воротились,
Меня бы не боялись:
Я такая же дѣвица!»

Ярославская губернія, Пошехонскій уѣздъ. Сухановъ, стр. 35. Послѣ каждаго стиха: ой матушка! Пѣсня сомнительной подлинности.

330.

Вы, солдатушки-уланы,
Гдѣ вы были, гдѣ бывали?
—Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Ко избушечкѣ мы подходили,

У избушечки мы постучали:
«Ты, вдовушка вдовая,
Ты, солдатка молодая,
Ты пусти насъ къ себѣ постоять!»
Намъ солдатка отвѣчаетъ:
—«У меня избушечка маленька,
Всего въ одну стѣну семь саженекъ!»
Старшинной солдатъ слово молвилъ:
«Насъ солдатушекъ всѣхъ немного:
Насъ на коняхъ-то полтораста,
Пѣшехотныхъ насъ полтретьяста!»
Все таки она насъ не пущаетъ,
Все избушечку не отпираетъ.
Старшинной солдатъ слово молвилъ:
«Вы, солдатушки, не робѣйте!»
Ворота у ней мы изломали,
На дворъ мы къ ней забралися,
Во избушечку мы къ ней вобралися.
Ужъ какъ сѣли мы по лавкамъ,
Ужъ какъ сѣли мы всѣ по порядкамъ.
Какъ и вдовушка стоитъ у печки,
Поджамши свои бѣлы ручки.
Старшинной солдатъ слово молвилъ:
Ты, вдовушка вдовая,
Ты, солдатка молодая,
Пойди ты къ намъ поближе,
Поклонись ты намъ пониже!»
Вынимаетъ солдатъ полотенце:
«Не твое ли, душа, рукодѣльце?
Ужъ не нашъ ли это перстенечекъ?
Не твой ли я, милая, дружечекъ?»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Прокунинъ, № 58.

331.

Уланы, вы гдѣ были-побывали?
—Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Мы Москвою проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
«Пусти, вдова, ночевати,
Молодая, постояти!»
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
«У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.»
Солдатушки не взирали.
Воротички отворяли;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость—въ переднее мѣсто.
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку.
Какъ возговоритъ большой гость:
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже!
Ты который годъ вдовѣешь,
Ты который сиротѣешь?»—
—«Я десятый годъ вдовѣю,
Ужъ я пятый сиротѣю.»—
—«Ужъ и много ль у тебя хлѣба?»—
—«У меня хлѣба осьмина.»—
—«Ужъ и много ль у тебя денегъ?»—
—«У меня денегъ полтина.»—
—«Ужъ и много ль у тебя дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтокъ четверо.»—

—«Подавай, вдова, черну шляпу;
Во шляпушкѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ золотъ перстень—
Ужъ не твой ли обручальный?»

Якушкинъ, стр. 554.

332.

Вы, солдатики-уланы,
У васъ лошади буланы!
Ужъ и гдѣ же вы, уланы,
Гдѣ вы были-побывали?
—Подъ Можайскимъ воевали,
Мы Москвою проѣзжали,
Калинъ-мостикъ переѣзжали,
Во слободку заѣзжали,
У вдовушки становились,
Просилися ночевати:
«Ты, вдова, вдова Аксинья!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти!
Насъ немножко, немаленько,—
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ.»
А вдовушка не пущала,
Воротички запирала,
Солдатушкамъ отвѣчала:
«У меня дворикъ маленекъ,
А горенка невеличка,
А дѣтушекъ четверичко!
И горенка не топлена,
И щи съ кашей не варены!»

А мы силой ворвалися,
Въ горенку вобралися,
Разсѣлися всѣ порядкомъ:
Пѣшеходы—всѣ по лавкамъ,
А конница—по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки
Ко ретивому сердечку.
Стоитъ она, слезно плачетъ;
А большой гость унимаетъ:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно ль, вдова, вдовѣешь,
Давно ль, горька, сиротѣешь?»
—«Я живучи въ горѣ забыла.»
—«Ужъ и много ль, вдова, дѣтокъ?»
—«У меня дѣтокъ четверичко:
Три сыночка, одна дочка.»—
—«Ужъ и много ль, вдова, хлѣба?»
—«У меня хлѣба осьмина.»—
—«Ужъ и много ль, вдова, денегъ?»
—«У меня денегъ полтина.»
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже,
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ:
Во киверѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ;
Ни твоего ли обрученья?»
Какъ вдовушка догадалась
И на шеюшку бросалась,
Горючми слезьми заливалась;
Во новы сѣни выходила,
Малыхъ дѣтушекъ будила:

«Вы вставайте, мои дѣтки,
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтелъ-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,—
Пришелъ батюшка родимый!»
А большой гость отвѣчаетъ:
«Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ на часочекъ;
Не годъ мнѣ тутъ годовати,—
Одну ночку простояти,
Съ бѣлой зарей выступати!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева. стр. 70.

333.

Черезъ рѣчку проходили,
Черезъ Зарену проѣзжали,
Ко вдовушкѣ заѣзжали,
Подъ окошкомъ постучали.
«Пусти насъ, вдова, ночевати,
Молодая, постояти!»
Тутъ вдовушка отвѣчала,
Ночевать насъ не пущала,
Воротички запирала.
Силой гости ворвалися,
Всѣ въ избушку вобралися.
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
По дубовыимъ скамейкамъ.
Молода вдова у печки,
Поджанувши бѣлыя ручки.
Еще старшій гость въ большомъ углу,
Въ большомъ углу, подъ окошкомъ,
Подъ окошкомъ, въ разговорѣ:
«Еще сколько, вдовушка, вдовѣешь,

Молодая, сиротѣешь?»—
—«Я пятнадцать лѣтъ вдовѣю,
Шестнадцатый сиротѣю.»—
—«Еще сколько у тя, вдовушка, денегъ?»—
—«У меня денегъ полтина,
Полтинушка безъ алтына.»—
—«Еще сколько, вдовушка, дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтокъ четверо.»—
—«Ты подвинься, вдовушка, поближе,
Поклонись гостямъ пониже!
Ты скинь-ка пуховую шляпу,
Возьми въ шляпѣ полотенце;
Не твое ли, вдова, рукодѣльце?»
Тутъ вдовушка испужалась,
Милыхъ дѣтушекъ будила:
«Вы вставаііте, милыя дѣти!
Родной вашъ батюшка пріѣхалъ!»
—«Я не вѣкъ къ вамъ вѣковати—
Одну ночку ночевати!»

Новгородская губернія. Студитскій, № 32 («бесѣдная»).

334.

Ужъ какъ шли, прошли солдаты,
Солдатики полковые;
Ко вдовушкѣ заѣзжали.
«Ты, вдовушка молодая!
Пусти, вдова, ночевати,
Насъ, молодцевъ, постояти!
Насъ, молодчиковъ, немножко:
Полтораста пѣшехода,
Полтретьяста все на коняхъ»...
Тутъ вдовушка говорила,
Молодая отвѣчала:

У меня дворикъ маленекъ,
А избушка невеличка.»
Они силой ворывалися,
Всѣ въ избушку вобралися,
Всѣ посѣли они по лавкамъ,
Что по лавкамъ, по порядкамъ;
Что большой гость подъ окошко,
Онъ въ переднiй уголочекъ;
А вдова стоитъ у печки,
Прижавши ручки къ сердечку.
«Ты много ли лѣтъ, вдовушка, вдовѣешь?
Ты давно ли сиротѣешь?»—
—«Восемь лѣтъ я на девятый»...
—«Ужъ какъ много ли, вдовушка, дѣтокъ?»—
—«У меня дѣтей четверо...»
—«Ужъ какъ много ли, вдовушка, хлѣба?»
—«У меня хлѣба осьмина.»
—«Ужъ какъ много ли, вдовушка, денегъ?»—
—«Денежекъ только одна полтина.»
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись мнѣ пониже,
Погляди на полотенце,
Посмотри на перстенечекъ;
Не твое ли обручанье?»
Тутъ вдовушка испугалась,
Молодая побѣжала;
Она будила молодыхъ дѣтокъ:
—Вы вставайте, малыя дѣти!
Восемь лѣтъ солнце не грѣло,
На девятый освѣтило...»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 178 («семейная протяжная»).

335.

Мимо Москвы проѣзжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постучаемъ:
«Ты, вдовушка-вдова,
Ты пусти-тка ночевать,
Ночевать да постоять!»
Еще вдова отвѣчаетъ:
«У меня домъ-отъ не стоялый,
Фатерушка не больша...»
Еще гости отвѣчали:
«Не больша да хороша!»
Гости съ силой ворвалися,
На фатерку забралися;
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше.
Еще стала вдова къ печкѣ,
Прижала руки къ сердечку.
А большой-отъ сталъ спрошать:
«Ты давно ль, вдова, вдовуешь,
Ты давно ли сиротуешь?»—
—«Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать..»—
—«Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ка ты пониже,
Сними съ меня пухову шляпу!
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ,
Обручальный нашъ съ тобой...»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 58 («научная»).

336.

Ужъ вы, молодцы уланы,
У васъ кони-то буланы!
Гдѣ вы жили-поживали?
—Подъ Можаемъ воевали,
Питеръ, Москву проѣзжали,
Ко вдовонькѣ заѣжали...
«Пусти вдова, ночевать,
Ночевать, постоять!»—
—«У меня дворъ не стоялый,
Моя горенка тѣсненька,
Васъ, солдатушекъ, маленько!»
—«Мечись, воры, чрезъ заборы!»
На дворъ воры ворвалися,
Во горенку забралися;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ.
Говорилъ ей самъ хозяинъ:
«Скажи, вдова молодая,
Скажи, много ль у те хлѣба?»—
—«У меня хлѣба осьмина,
Золотой казны полтина....»—
—«Скажи, вдова молодая,
Еще много ль у те дѣтокъ?»—
—«Два сыночка, третья дочка...»—
—«На рукѣ у те колечко...
Завяжи, вдова, колечко,
Завяжи ты во платочекъ,
У платочка узелочекъ....»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 206.

337.

Солдатушки-уланы,
У васъ лошади буланы!
Гдѣ жъ вы были-побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Воевали мы немножко,
Немножечко—трое сутокъ;
На четвертый на денечекъ
Стали тѣла разбирать,
Стали армію смекать,
Въ Москву-городъ выходить,
До деревни доходить.
Деревнюшка небольшая:
Одинъ дворикъ и тотъ вдовій.
«Пусти, вдова, ночевать,
Ночевать, постоять!»—
—«Вы, солдатушки-уланы!
У меня горенка маленька,
Новая тѣсненька!»—
—«Насъ, уланушковъ, немножко:
Пятьдесятъ одна повозка,
Полтораста насъ на коняхъ,
Девяносто пѣшеходовъ.»
Всѣ уланы убралися,
Всѣ по лавкамъ, по порядкамъ,
Офицеры—по стульямъ,
Генералы—по кресламъ,
Полковникъ—на диванѣ.
А вдова стоитъ у печки,
Она слезно плачетъ.
«О чемъ же, вдовушка, плачешь?»—
—«Какъ же мнѣ не плакать?

Я тридцать лѣтъ сиротою,
Пятнадцать лѣтъ вдовою;
У меня свой тоже супругъ
Отданъ во солдаты:
Нѣтъ ни слуху, нѣтъ ни духу,
Нѣту писемъ ни одного!»
А полковникъ говоритъ ей:
«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже,
Ты сними же съ меня киверъ:
Во киверѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстенечекъ;
Не твоего ли обрученья?
А на шеѣ образочекъ;
Не твоего ль благословенья?
Въ чемоданѣ есть рубашка;
Не твоего ли рукодѣлья?»

Воронежскій уѣздъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1850 г., № 49.

338.

Какъ во селѣ, селѣ Покровскомъ,
На проѣзжей большой улицѣ
Собиралися красны дѣвушки,
Всѣ играли хороводами.
Одна дѣвушка не въ кругу стоитъ,
Не въ кругу стоитъ, задумалась;
Очи ясныя заплаканы,
Не вплетаетъ въ косу русую,
Въ косу русую ленту алую,
А все прячетъ подъ косынкой бѣлою.
Къ ней подходитъ молодой солдатъ,

Молодой солдатъ израненный;
Сталъ онъ съ дѣвушкой разговаривать:
«Что ты, дѣвушка, не въ кругу стоишь,
Не въ кругу стоишь, не съ дѣвушкамъ?
Не вплетаешь въ косу русую,
Въ косу русую ленту алую,
А все прячешь подъ косынкой бѣлою?»
—«Ахъ, служивый, я не дѣвушка,
Не вдова я, не молодушка,
Сирота я вовсе круглая...
Вотъ три года тому минуло,
Какъ бурмистръ и міръ разсердились
На моего на друга милаго,
Жениха мнѣ обручальнаго.
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки;
Видно мой милой на войнѣ убитъ...»
—«Ты, душа ли красна дѣвица,
Вотъ возьми-ка полотенечко;
Не твое ли рукодѣльице?
Въ полотеночкѣ золотъ перстень;
Не съ твоей ли правой рученьки?»
Тутъ дѣвица взрадовалася,
Узнавала друга милаго,
Жениха ей обручальнаго.

Царевосанчурскъ. Абрамычевъ, № 10.

339.

Закатилось красно солнце
Да за темные лѣса;
Призамолкли вольны пташки,
Ихъ не слышно стало голоску;
Въ славномъ городѣ было Нетлѣнскомъ,
Въ славной хижинѣ было во своей,

Распечальная вдова сидѣла.
Вдова плачетъ, слезы проливаетъ
Все по миленькомъ по дружкѣ...
Что не пыль-то во полѣ пыляетъ,
Что не туча-то, громъ гремитъ,
То идутъ-то наши храбрые солдатушки.
Они идутъ, выступаютъ,
Про ученье говорятъ.
Что первой-етъ малый малолѣтокъ,
А второй-етъ милый мой.
Сѣдиною миленькій покрылся,
И медаль есть на груди...

Вологодская губернія, Грязовецкій уѣздъ. Вологодскій Сборникъ, томъ IV, стр. 97.

340.

Закаталось красно солнышко
За темные лѣса.
Въ лѣсу пташки пріумолкли,
Всѣ садились по мѣстамъ,
По такимъ же по мѣстечкамъ,—
По ракитовымъ кустамъ.
Какъ подъ елкой, подъ ветелкой
Стоитъ хижинка нова;
Въ этой хижинкѣ живетъ
Горькая вдова.
Туто шли, прошли три ероля,
Подходили они подъ окно.
«Ты, любезная наша хозяюшка,
Ты пусти насъ ночевать!»
—«Вы, любезные мои ероли,
Прошу милости въ хату взойтить!
Три дни, два дни хату не топила,

Ничего не варила!»
—«Любезная хозяюшка,
Намъ не нужно твоего ничего,
Намъ было желательно
Пріотдохнуть у тебя!»
—Когда вы желаете, прошу милости въ хату взой-
тить!»

Рязанская губернія Будде, № 54 («протяжная»).

341.

Заходился я, добрый молодецъ, загулялся;
Пришатился я, добрый молодецъ, къ Дону тихому,
Я выспрашивалъ на тихомъ Дону перевощиковъ:
Перевезите вы добра молодца на ту сторону!
Захотѣлось мнѣ, добру молодцу, въ свою сторону—
Съ отцомъ-матерью добру молодцу повидатися;
Малымъ дѣточкамъ сиротиночкамъ благословенье
дать;
Молодой-то женѣ голубушкѣ—свою волюшку:
Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи...
Заболѣлъ-то я, добрый молодецъ, прискудалося;
Что болитъ-то у добра молодца ретиво сердце;
Что приходитъ-то мнѣ, молодцу, скора смерточка....
Еще тутъ-то я, добрый молодецъ, сталъ наказывать:
Схороните вы меня, молодца, между трехъ дорогъ:
Петербурскою, Московскою, славной Кіевской;
Въ головахъ-то вы мнѣ поставьте золотъ чуденъ
крестъ,
А въ ногахъ-то вы поставьте зелену сосну....

Сибирь, Локтевскій заводъ. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II, стр. 172.

342.

Соловей мой, соловей,
Ты, раздольная моя пташка,
Ты куда, куда летишь,
Куда Богъ тебя несетъ?
Не на родную ли мою сторонушку?
Ты снеси поклонъ родному моему батюшкѣ,
Челобитьице родной моей матушкѣ,
А родной моей женѣ письмо вольное,
Письмо вольное на двѣ волюшки,
На всѣ четыре сторонушки:
Хочетъ она—замужъ иди,
Или хочетъ—во вдовахъ сиди,
Ужъ пои-корми своихъ дѣтушекъ,
Милыхъ горькихъ сиротинушекъ!

Владимирская губернія, Судогодскій уѣздъ. Владимирскія Губернскія Вѣдомости 1860 г., № 26.

343.

Ой, не бѣлая береза зашаталася,
Не шелковая ковылъ-травушка разстилалася;
Зашатался, замотался добрый молодецъ;
Припатнулся-примотнулся ко быстрой рѣкѣ;
Онъ воскрикнетъ-взгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, братцы друзья-товарищи, молодые перевощички!
Перевезите, братцы, на ту сторону!
За перевозъ, братцы, возьмите пятьдесятъ рублевъ,
Чего мало не достанетъ,—съ рукъ золотъ перстень!
Какъ пришелъ-то, братцы, мой послѣдній часъ....
Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:

Между Тульской, между Курской, между Шляховской;
Въ головахъ, братцы, поставьте вы поклонный крестъ;
Съ правой руки положьте калену стрѣлу;
А съ лѣвой руки положьте вы булатный мечъ;
У ногахъ, братцы, поставьте ворона коня,
И взнузданнаго, и осѣдланнаго;
Попросите въ моей матушки благословеньица;
А родной сестрѣ—челобитьице;
Молодой женѣ скажите, что женился я на иной женѣ,
Что я взялъ за себя поле чистое!
Родна матушка пріѣдетъ,—она помолится;
А родна сестра пріѣдетъ,—она наплачется;
Молода жена пріѣдетъ,—она напляшется;
А товарищи пріѣдутъ—нагуляются,
Нагуляются, настрѣляются...»

Курская губернія. Кохановская, стр. 111.

344.

Зашатался я, добрый молодецъ,
Да загулялся я,
Пришатнулся, разудаленькій,
Ко Невѣ, быстрой рѣкѣ....
Перевезите меня, добра молодца,
На ту сторону домой!
За перевозъ-отъ заплачу
Ровно сто рублей;
Если жъ мало, возьми двѣсти,
Я и тѣ отдамъ!
Дружекъ въ лодочку садился,
Да запечалился;
Буйна головушка

Разболѣлась....
Во постелюшку слегъ,
Сталъ наказывати,
«Причастите-ка меня, добра молодца,
И исповѣдайте;
Схороните меня, добра молодпа,
Среди Москвы,
Да бѣлокаменной!...»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 245.

345.

Ужъ ты, степь ли моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
Отъ Саратова ты, степь, до села Царицына,
До Царицына!
Пролегала по степи большая дороженька,
Дорожка широкая...
Проѣзжали по ней молоды извощички,
Молоденькіе;
Какъ лошадки у нихъ буланыя,
Все буланыя;
Хомуты-то у нихъ серебряны,
Серебряны;
Какъ узды-то на нихъ все наборныя,
Все наборныя;
Какъ телѣжки-то у нихъ все шиновныя,
Все шиновныя...
Солучилося у нихъ несчастьице,
Да не малое:
Захворалъ да занемогъ у нихъ добрый молодецъ,
Младъ извощичекъ...

Онъ просилъ-то, онъ просилъ своихъ товарищей,
Товарищей:
«Ахъ вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моихъ вороныхъ коней,
Вороныхъ коней!
А свезите вы, братцы, батюшкѣ низкій поклонъ,
Низкій поклонъ,
Родной матушкѣ челобитьице,
Да челобитьице,
Малымъ дѣтушкамъ мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моей женѣ полну волюшку.
Всю свободушку!»

Орловская губернія, Елецкій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 15.

346.

Ужъ ты, степь моя, степь, степь Моздоцкая!
Широко ль ты, далеко ты, степь, протянулася!
Протянулася ты, степь, вплоть ты до Царицына!
Ужъ и чѣмъ же ты, степь, степь, ты изукрашена?
Изукрашена ты, степь, лѣсами, болотами,
Да еще же ты, степь, большою дорогою...
Что никто-то по ней, никто не проѣзживалъ,
Только ѣхали тамъ молоды извощики, все коломенски...
Какъ случилося у нихъ въ извозѣ несчастьице:
Заболѣлъ-то, захворалъ молодой извощичекъ,
Заболѣла у него буйная головушка,
Отъ головушки у него ретиво сердце;
Заболѣвши-то онъ, сталъ онъ имъ наказывать:
«Ужъ вы, братцы ли мои, вы, братцы-товарищи,

Не попомните вы моей прежней грубости!
Отведите-ка вы моихъ вороныхъ коней моему батюшкѣ,
Золотую ли казну—моей родной матушкѣ,
Челобитьице—вы моей молодой женѣ,
Благословеньице вы моимъ малымъ дѣтушкамъ!»

Филипповъ, № 11. Очень сходныя пѣсни: Кашинъ, вып. I, № 4;—Лопатинъ и Прокунинъ, № 18 (Тульская губ., Богородицкій уѣздъ).

347.

Ужъ ты, степь ли ты моя, степь Моздокская,
Степь Моздокская!
Далеко ли, широко, степь, ты протянулася,
Протянулася,
Отъ Саратова до села Царицына,
До Царицына!
Какъ по той ли по степи лежала дороженька,
Путь широкая...
Какъ по той дороженькѣ ѣхали извощички,
Все коломенски...
Вотъ везли они, везли дорогой товаръ—
Парчу-бархаты;
Вотъ они еще везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу....
Вотъ случилося у нихъ въ обозѣ несчастьице,
Да не малое:
Занемогъ да захворалъ удалъ добрый молодецъ,
Все извощичекъ...
Вотъ сталъ-то онъ просить своихъ товарищей,
Онъ товарищей:
«Не попомните моей прежней грубости,
Прежней грубости!

*

Не покиньте вы, братцы, моихъ вороныхъ коней,
Вороныхъ коней!»

Тверская губернія, Зубцовскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 19.

348.

Ужъ ты, степь наша, степь Саратовска!
Далеко и широко ты, степь, протянулася!
Протянулась, наша степь, отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера, до села Царицына,
Отъ села Царицына до князя Голицына...
Что никто-то, никто по этой дорожкѣ не ѣзживалъ...
Тутъ и шли-прошли молоды извощички,
Млады извощички, все коломенски;
Они везли-то, везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицыну.
Солучилося у нихъ несчастьице:
Заболѣлъ да захворалъ младой извощичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлыя,
Подломились руки рѣзвыя...
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ...
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка,
Дарила красна дѣвица;
Подарила, приговаривала:
«Ты носи-тка платокъ да не хвастай мной!
Когда выносишь,—похвастайся!»

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 62 («улична»).

349.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ, да горъ высокихъ
Не красно солнце выкаталося,
Выкатался бѣлъ горючъ камень,
Выкатившись, самъ разсыпался,
По мелкому зерну, да по макову.
Во Изюмѣ, славномъ городѣ,
На степи на Саратовской,
Разнемогался тутъ добрый молодецъ;
Онъ проситъ своихъ товарищей:
«Ахъ вы, братцы мои, товарищи!
Не покиньте добра молодца при бѣдности,
Что при бѣдности и при хворости!
А хотя меня и покинете,
Какъ пріѣдете въ святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,—
Моему батюшкѣ—низкой поклонъ,
Родной матушкѣ—челобитьице,
Молодой женѣ—своя воля:
Хоть вдовой сиди, хоть замужъ поди:
Моимъ дѣтушкамъ благословеньице!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 173.

350.

Ахъ, палъ туманъ на сине море;
Вселилася кручина въ ретиво сердце...
Не схаживать туману со синя моря;
Злодѣйкѣ кручинѣ—съ ретива сердца...

Что далече, далече во чистомъ полѣ,
Стояла тутъ дубровушка зеленая;

Среди ея стоялъ золотой курганъ;
На курганѣ раскладенъ былъ огничекъ,
Возлѣ огничка постланъ войлочекъ,
На войлочкѣ лежитъ ли добрый молодецъ,
Припекаетъ свои ранушки боевыя,
Боевыя ранушки, кровавыя.
Что изъ далека, далека изъ чистаго поля
Приходятъ къ нему братцы-товарищи,
Зовутъ ли добраго молодца на святую Русь.
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
«Подите, братцы, на святую Русь!
Приходитъ мнѣ смертенька скорая...
Отцу-матери скажите челобитьице,
Роду-племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите свою волюшку,
На всѣ ли на четыре на сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньице...
Ахъ, не жаль-то мнѣ роду-племени,
Не жаль-то мнѣ молодой жены,—
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ:
Осталися дѣтушки малешеньки,
Малешеньки дѣтушки, глупешеньки,
Натерпятся холода и голода...»

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 153.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 178.

351.

Тамъ за рѣкою, рѣкою разгорается;
Да изъ-подъ камушка дымочекъ темнѣется;
Да на томъ на камушкѣ лежатъ три подушечки;
На подушечкахъ на пуховыхъ да солдатичекъ лежитъ;
Онъ разворачиваетъ свои полы, полы да камчатныя;

Онъ показываетъ свои раны, раны да кровяныя.—
«Идти къ матери-отцу,—то ли живы, то ли нѣтъ....
Къ молодой женѣ,—то ли знаетъ, то ли нѣтъ....
Къ малымъ дѣтушкамъ,—то ли смыслятъ, то ли нѣтъ....
Отвезите же меня, мои братцы, братцы родимые мои,
Да во чисто, чисто поле;
Вы оставьте меня, оставьте, братцы,
Промежъ трехъ дорогъ:
Между Кунгурской, Екатеринбургской, то ли на Тюменской;
Во лѣву руку положите да саблю вострую;
Во правую руку—винтовку-ружье,
Во ногахъ же вы, братцы, поставьте ворона коня,
А во главѣ—мой поклонный крестъ!
По той-то дорогѣ буде человѣкъ пройдетъ,
Онъ возьметъ ружье винтовку да настрѣляется,
Саблей вострой намахается,
А на ворономъ конѣ-онъ наѣздится....»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 264.—Очень сходная пѣсня, неполная (Орловская губ., Малоархангельскій уѣздъ): Якушкинъ, стр. 548.

352.

Вы, коши мои, кошочки, коши мои новые!
Да и всѣ-то мои кошочки поразорены стоятъ.
Охъ, какъ одинъ кошочекъ стоитъ не разореный;
Да и въ томъ-то кошочкѣ огонекъ малехонекъ,
А дымокъ тонехонекъ.
У этого огонька разостлана бурочка,
А на той-то бурочкѣ лежитъ добрый молодецъ;
Онъ не такъ лежитъ,—крѣпко раненный,
Перевязываетъ свои больныя ранушки.
«Ужъ вы, братцы мои, вы, друзья мои, товарищи!

Не покиньте, друзья, вы меня при горести,
При такой-то бѣдности, при горѣ-кручинушкѣ!
Охъ, да въ нѣкоторое времячко я вамъ пригожусь, друзья,
Замѣню ваши головушки грудью своей бѣлою,
Да еще-то, друзья-братцы, животомъ своимъ и сердцемъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.. Кавказа, вып. XV, стр. 198.

353.

Погуляй-ка, добрый молодецъ,
Покуль воля тебѣ есть!
—Ужъ я радъ бы погуляти,—
Товарища со мной нѣтъ!
Ужъ какъ есть одинъ товарищъ—
Вороненекъ добрый конь;
А второй-то мой товарищъ—
Зелененекъ тугой лукъ;
Какъ бы третій мой товарищъ—
Есть каленая стрѣла.
Каленую эту стрѣлочку,
Въ чисто поле отпущу.
Полстай-ка, моя стрѣлочка,
Въ чисто поле далеко,
Въ чисто поле, моя стрѣлочка,
Въ бѣлъ полотняный шатеръ.
Какъ въ этомъ-то во шатрочкѣ,
Сѣрый потничекъ лежитъ;
Что на томъ ли да на потничкѣ
Добрый молодецъ лежитъ;
Что за тѣмъ было за шатричкомъ
Казаковъ стоитъ толпа;

Что у тѣхъ ли у казаковъ
Горѣлъ ясный огонекъ,
Горѣлъ ясный огонекъ,
Наносилъ дымокъ.
Что подъ этимъ подъ дымочкомъ
Лежалъ добрый молодецъ.
Онъ убитъ-то, не убитъ,
Весь израненый лежитъ.
Прижигаетъ, припекаетъ
Свои раны кровавы.
Ужъ какъ первая-то рана
Во буйной его главѣ;
Что вторая его рана
Во ретивомъ его сердцѣ;
Ужъ какъ третья его рана
Что на правомъ на плечѣ.

Сибирь. Гуляевъ, стр. 109 («проголосная»).

354.

На зарѣ, на зорюшкѣ,
На прекрасной ямской площади
Собирался казацкій кругъ.
Во кругу стоитъ виноходный конь,
Осѣдланный и зануздынный;
На коню сидитъ офицерскій сынъ,
Офицерскій сынъ, капитанскій чинъ;
Онъ не такъ-то убитъ,—а больно раненъ,
Не такъ плачетъ—какъ рѣка льется;
Шелковымъ платкомъ утирается,
На все стороны поклоняется:
«Не съ одной ли сторонушки со мной?
Скажите поклонъ моему батюшкѣ,
Государынѣ моей матушкѣ:

Пропалъ-погибъ добрый молодецъ
На чужой дальней сторонушкѣ,—
Какъ погнали насъ въ землю шведскую,
Изъ шведской во турецкую...»

Тульская губернія, Чернскій уѣздъ. Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 228.

355.

На зарѣ-то было, на зорюшкѣ,
Во Москвѣ-то было во городѣ,
На Щепной-то было на площади,
Собирался въ кругъ казацкій полкъ.
Во кругу стоитъ виноходный конь,
Виноходный конь, подкованный,
Конь подкованный, осѣдланный.
На конѣ сидитъ добрый молодецъ.
Добрый молодецъ казакъ плакался;
Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Со полками устрѣвается:
«Да вы здравствуйте!
Не съ одной ли вы сторонушки?
Вы скажите-ка поклонъ батюшкѣ,
Челобитьице родной матушкѣ:
Что погибъ-пропалъ добрый молодецъ,
Что подъ силою подъ шведскою,
Что подъ арміею подъ турецкою!»

Симбирская губернія. Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 229.

356.

Ахъ вы, горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы, не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ василечковъ...
Ужъ вы только породили, круты горы,
Бѣлъ горючъ камень, великъ добре....
Что на камышкѣ растетъ ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кустичкомъ лежалъ убитъ добрыій молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя;
Изъ реберъ его проросла трава,
Ясны его очи пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касатотка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,—
Увивается его матушка родимая:
«Ахъ, какъ я тебѣ, сынъ, говорила:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что съ бурлаками, со ярыгами,
Не ходи, мой сынъ, на царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Потерять тебѣ, сынъ, буйну голову!»

Пѣсенникъ 1780 г., часть II, стр. 157.—Пѣсенникъ 1788 г., часть II, стр. 181.—Пѣсенникъ 1810 г., стр. 270.

357.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль моя молодецкая,
До чего тебѣ дошататися,
По всему ли свѣту бѣлому,
По всему ли царству московскому...

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
На Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за воротами,
У кружала да государева,
Какъ лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Онъ бѣлымъ лицомъ ко сырой землѣ,
Растрепавъ свои кудри черныя,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Протянувши ноги скорыя...
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивалася,
Увивалася его матушка родная,
Причитавши, сію рѣчь промолвила:
«Я давно, сынъ, тебѣ говорила:
Не ходить было по чужимъ дворамъ,
По чужимъ дворамъ, да къ чужимъ женамъ...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть I, стр. 178.—Пѣсенникъ 1791 г., часть II, стр. 27.—Пѣсенникъ 1819 г., часть II, стр. 91.

358.

Какъ доселѣва у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ
Не пропорхивалъ тутъ, братцы, младъ бѣлой кречетъ,
Не пролетывалъ, братцы, ни сизой орелъ;
А какъ нынѣча у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ
Пролегла-лежитъ широкая дороженька;
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Проѣзжалъ туто удалый добрый молодецъ...
На зарѣ то было, братцы, да на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
Какъ убитъ лежитъ удалый добрый молодецъ;

Что головушка у молодца испроломана,
Ретиво сердце у молодца испрострѣлено,
Что постелюшка подъ молодцемъ—камышъ-трава,
Изголовьице подъ добрымъ—частъ ракитовъ кустъ,
Одѣяличко на молодцѣ—темная ночь,
Что темная ночь холодная, осенняя.
Прилетали къ добру молодцу три ласточки;
Изъ нихъ первая садилась на буйной его головѣ,
А другая-то садилась на бѣлой его груди,
Ахъ, какъ третія садилась на скорыхъ его ногахъ.
Что какъ первая-то пташка—родная матушка,
А другая-то пташка—то мила сестра,
Ахъ, какъ третья-то пташка—молода жена.
Они взяли мертво тѣло за бѣлы руки,
Понесли они то тѣло во высокій теремъ...
Его матушка плачетъ— что рѣка льется,
А родная сестра плачетъ—какъ ручьи текутъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падетъ;
Когда солнышко взойдетъ,—росу высушитъ;
Какъ замужъ она пойдетъ, то забудетъ его...

Пѣсенникъ 1780 года, часть II, стр. 151.—Пѣсенникъ 1788 года, часть II, стр. 175.—Прачъ.—Кашинъ, вып. I, № 27 (безъ послѣднихъ пяти стиховъ).

359.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками-василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кусточкѣ на ракитовомъ,

Какъ сидитъ тутъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю;
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ и исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,—
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ,—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ,—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ,—что роса падетъ;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 160.—Пѣсенникъ 1821 года, часть II, стр. 191.—Очень сходная пѣсня: Пѣсенникъ 1819 года, часть II, стр. 25.

360.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
И ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками-василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кустикѣ на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
И онъ точитъ кровь на сыру землю;
Какъ подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,—

Три лебедушки сокрушаются.
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра,—какъ ручей течетъ,
Молода жена,—что роса падетъ;
Взойдетъ солнце, росу высушитъ.

Прачъ 1790 года, стр. 39 («протяжная»).—Очень сходная пѣсня: Кашинъ, вып. I, № 35.

361.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое!
Ничего, поле, не спородило,
Спородило поле частъ ракитовъ кустъ.
На кусту сидитъ младъ сизой орелъ;
Онъ держитъ въ когтяхъ черна ворона,
Онъ бьетъ его, не бьетъ, все выспрашиваетъ:
«Да и гдѣ жъ ты, воронъ, былъ, гдѣ полетывалъ?»—
—«Я былъ и леталъ на дикихъ степяхъ,
На дикихъ степяхъ, на Саратовскихъ.
Ужъ я видѣлъ тамъ диво дивное:
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое.
Какъ никто къ тѣлу не приступится;
Приступились къ тѣлу да три ласточки;
Какъ первая ласточка—родная матушка,
А вторая ласточка—молодая жена,
А третья ласточка—сестрица родимая.»

Воронежская губернія, Новохоперскій уѣздъ. Воронежская Бесѣда на 1861 годъ, стр. 158.

362.

Ахъ вы, горы, горы Воробьевскія!
Породили, горы, бѣлъ горючъ камень...
Изъ-подъ камня рѣчка текла быстрая;

Какъ на той на рѣчкѣ часть ракитовъ кусть;
На томъ на кусточкѣ сидитъ сизъ орелъ;
Во когтяхъ онъ держитъ черна ворона.
Не бьетъ онъ, не мучитъ, все выспрашивалъ:
«Ты скажи, скажи мнѣ, младъ черной воронъ!
Ужъ какъ гдѣ леталъ ты, гдѣ полетывалъ?»
—«Леталъ во степяхъ я во Саратовскихъ;
Видѣлъ во степяхъ я диво дивное:
Что лежитъ средь поля тѣло бѣлое,
Лежитъ, лежитъ тѣло молодецкое.
Прилетали къ тѣлу да три пташечки;
Какъ первая пташка—то родная мать;
А вторая пташка—сестра милая;
А третья пташка—молода жена.
Ужъ какъ мать то плачетъ,—что рѣка льется;
А сестра-то плачетъ,—что ручей бѣжитъ;
А жена то плачетъ,—что роса падетъ;
Взойдетъ красно солнце росу высушитъ.»

Кашинъ, вып. I, № 17. Каждое второе полустишіе повторяется по четыре раза. Очень сходныя пѣсни: Прокунинъ, № 64 (Тамбовская губ., Моршанскій уѣздъ);—Лопатинъ и Прокунинъ, № 1 (Рязанская губ., Касимовскій уѣздъ), №№ 2 и 3 (Тамбовская губ., Моршанскій уѣздъ), № 5 (Тульская губ., Богородицкій уѣздъ), № 6 (Орловская губ., Елецкій уѣздъ);—Халанскій, № 6 (Курская губ., Щигровскій уѣздъ);—Русская Старина 1873 г., № 11 (Казанская губ.);—Якушкинъ, стр. 573.—Неполная безъ конца, пѣсня: Сборникъ матеріаловъ для описанія .... Кавказа, вып. III, стр. 73 (Терская область).

363.

Ужъ вы, горы мои, горы, горы Валдайскія!
Ино что же вы, горы, горы, испородили?
Испородили, горы, частъ ракитовъ кустъ;
Что на этомъ на кусту сидѣлъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ-то онъ держалъ, держалъ чернаго ворона,
Чернаго ворона держалъ, своего братца роднаго.

Ужъ онъ бить его не бьетъ, все выспрашиваетъ:
Ино гдѣ жъ ты, воронъ, былъ, гдѣ, черный, погуливалъ?»—
—«Ужъ я былъ, я и гулялъ во дикiихъ во степяхъ!»
—«Ино что жъ ты, воронъ, видѣлъ, что, черный, посматривалъ?»
—«Ужъ я видѣлъ, повидалъ, видѣлъ диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное,
Ужъ я видѣлъ, повидалъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое.
Какъ никто ко тѣлу, къ тѣлу не припатнется.
Прiискались ко тѣлу, къ тѣлу три ласточки,
Три ласточки, три касатыя:
Перва ласточка—родна матушка,
Друга ласточка—сестра родная,
Третья ласточка—молода жена.
Мать-то плакала до гробовой доски,
А сестра-то плакала до замужьица,
А жена-то плакала какъ утрена роса;
Какъ роса сошла, жена и плясать пошла.»

Новгородская губернiя. Новгородскiй уѣздъ. Новгородскiй Сборникъ, вып. III, стр. 8.

364.

Ужъ вы, горы ли, горы, горы Закубанскiя!
Вы ничто-то ли, горы, горы, не породили;
Ой, да породили вы, горы, горы, да бѣлъ горючъ камень;
Ой, да изъ-подъ камешку-то бѣжитъ, бѣжитъ да Кубань-рѣченька;
Ой, да что на той-то на рѣкѣ сидитъ младъ сизой орелъ.
Ой, да гдѣ ты, орелъ, гдѣ полетывалъ?

Гдѣ, сизой, да гдѣ полетывалъ, гдѣ полетывалъ?
—Ужъ я былъ-то, леталъ, леталъ на большихъ степяхъ,
Да на Сарайтоскихъ;
Ой, да ужъ видѣлъ, я видѣлъ диво дивное:
Да тутъ лежитъ-то, лежитъ, лежитъ тѣло бѣлое,
Ой, да тѣло бѣлое лежитъ, лежитъ все истыкано.
Ой, да родная матушка ревитъ, ревитъ—какъ рѣка-то бѣжитъ;
Ой, да молода жена ревитъ, ревитъ до замужьица;
Малы дѣточки ревятъ,—какъ ручьи шумятъ.

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 г., № 4. Послѣдніе пять слоговъ каждаго стиха повторяются.

365.

Ужъ вы, горы, горы высокія, горы Воробьевскія,
Воробьевскія горы, подмосковскія!
Ничего-то вы, горы, горы, не спородили;
Спородили вы, да горы, сѣръ горючъ вы камешекъ.
Изъ-подъ камня бѣжитъ рѣчка быстрая;
Подлѣ рѣченьки стоитъ частъ ракитовъ единъ кустъ;
На кусточкѣ сидитъ, сидитъ младъ сизой орелъ;
Во когтяхъ-то онъ держитъ чернаго ворона;
Ужъ онъ бить-то его не бьетъ, только спрашиваетъ:
«Ужъ гдѣ ты, воронъ, ты леталъ, гдѣ, сизый, ты полетывалъ?»—
—«Я леталъ-то, леталъ по дикимъ по степямъ, степямъ по Саратовскимъ.»—
—«Ты кого-же, воронъ, видалъ?»—
—«Видѣлъ я чудо чудное—видѣлъ тѣло бѣлое;
Тѣло бѣлое лежитъ, лежитъ не устрѣлено...
Какъ никто-то по тѣлу, по тѣлу-то не схватится.
Какъ схватилися объ тѣлѣ, объ тѣлѣ да родители...

Прилетали къ тѣлу три ласточки.
Какъ первая ластка, ластка—родная матушка,
Какъ другая-то ластка, ластка—родная сестра,
Какъ третья-то ластка, ластка—молодая жена.
Родная-то матушка сидитъ, сидитъ у головушки,
Родная-то сестрица сидитъ, сидитъ на бѣлыхъ грудяхъ,
Молода жена сидитъ, сидитъ на рѣзвыхъ ногахъ.
Родная матушка плачетъ, плачетъ,—какъ рѣка течетъ;
Родна сестрица плачетъ,—какъ ручья весной бѣжатъ;
Молода жена плачетъ, плачетъ,—какъ рѣка падетъ.
Родная матушка плачетъ, плачетъ до гробовой доски;
Родна сестрица плачетъ, плачетъ до замужьица;
Молода жена плачетъ, плачетъ до мила дружка.»

Архангельская губернія, Онежскій уѣздъ. Ефименко, стр. 131 («вечериночная»). Каждое полустишіе повторяется; сверхъ того, повторяется послѣднее слово втораго полустишія.

366.

Ой вы, грязи мои, грязи черныя, разосеннія,
Ой вы, осеннія грязи, самыя послѣднія!
Ой вы, горы мои, горы крутыя, высокія!
Ничего-то вы, горы, не породили;
Нѣтъ ни травоньки въ горахъ, ни муравоньки,
Ни муравоньки, ни алыхъ цвѣточковъ лазоревыхъ;
Только видна изъ-подъ горъ степь Саратовска....
Подъ горами бѣжитъ быстра рѣчушка,
По прозваньицу Волга-матушка.
Широко-то Волга разливалася,
Въ круты бережки не вбиралася,
Затопила-то Волга берега высокіе;
Оставался одинъ частъ ракитовъ кустъ.

На кусту-то сидитъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ-то держитъ черна ворона;
Онъ бьетъ-то не бьетъ, все выспрашиваетъ:
«Ужъ гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ выгуливалъ?
Ужъ что, воронъ, видалъ, что выглядывалъ?»—
—«Я гулялъ-то, гулялъ по дикимъ степямъ:
На одной-то степи на Царицынской,
На другой-то степи на Камышинской,
А на третьей степи на Саратовской;
Я видалъ-то, видалъ диво дивное,
Диво дивное—тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое;
Не убито лежитъ, не зарѣзано,—
Вострымъ копьицомъ все исколото...
Никто-то къ тѣлу не подступится,
Не подступится, не подшатнется ..
Прилетали къ тѣлу три ластушки:
Перва ластушка—родной батюшка,
Друга ластушка—родная матушка,
Третья ластушка—молода жена.
Какъ отецъ плачетъ,—что рѣка льется,
Какъ мать-то плачетъ,—что волна бьется,
Молода жена плачетъ,—что роса падетъ,
Что роса падетъ, роса утрення;
Красно солнышко взошло,—роса высохла,
Молода жена забывать стала,
Забывать стала, за гульбой пошла.»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 78.

367.

Ужъ вы, горы мои, горы высокія!
Ничего вы, горы, не породили;
Породили только бѣлъ горючъ камень.

Изъ-подъ камушка бѣжитъ быстра рѣченька;
Какъ по рѣчкѣ плыла сѣра утица,
Плывши, она вдругъ воскрякнула:
—«Ужъ ты плавай, плавай, селезень, не заплавайся,
На меня, сѣру утицу, не заглядывайся!»
Какъ по правое крыло растетъ часть ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидитъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ-то онъ держалъ черна ворона;
Онъ щипать-то его не щипалъ, крѣпко спрашивалъ:
«Гдѣ ты, воронъ, былъ, отвѣчай-ка мнѣ!»—
—«Я леталъ, воронъ, по дикой степи,
По дикой-то степи по Бухарской,
И я видѣлъ тамъ чудо дивное:
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, все казацкое;
Никто къ тѣлу тому не подступится;
Прилетали только три ласточки,
Какъ три ласточки, три касаточки;
Какъ и первая ласточка—его родна матушка,
А вторая ласточка—родная его сестронька,
Какъ и третья-то ластонька—молода его жена.
Первая ластонька плачетъ,—какъ рѣка быстра течетъ,
Вторая ластонька плачетъ,—словно съ горъ ручьи текутъ,
Третья ластонька плачетъ,—словно утрення роса;
Какъ и солнышко взойдетъ—роса высохнетъ.»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 112 («военная»).

368.

Сидитъ воронъ, сидитъ черный,
Онъ въ когтяхъ-то держитъ ясна сокола;
Онъ бить-то его не бьетъ, назолу все даетъ,

Назолу все даетъ, все выспрашиваетъ:
«Ты скажи, соколъ, гдѣ леталъ, гдѣ полетывалъ?»—
—«Я леталъ по чисту полю широкому!»—
—«Ты чего тамъ, соколъ, видѣлъ?»—
—«Я видѣлъ: лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое солдатское.
Какъ къ тому тѣлу бѣлому
Прилетали три ворона, братья родные,
Три ласточки, три касаточки:
Перва ласточка—родна матушка,
Друга ласточка—сестра родная,
Третья ласточка—молодая жена.
Мать-то плачетъ,—какъ рѣка льется,
А сестра-то плачетъ,—съ горъ ключи бѣгутъ,
А жена-то плачетъ,—роса утрення;
Красно солнышко взойдетъ,—роса на землю падетъ...»

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 59. («обыденная»).

369.

Не туманъ-то съ моря подымается,
Не бѣлы-то снѣга въ полѣ забѣлѣлися,—
Подымалися утки сѣрыя,
Забѣлѣлися гуси-лебеди.
Отчего-то они подымалися?
Знать, сизаго орла полохалися....
Тамъ летитъ-то, летитъ младъ сизой орелъ,
А за нимъ-то гонитъ младъ ясенъ соколъ,
Онъ кричитъ-то, кричитъ молодому орлу:
«Ты постой, подожди, младъ сизой орелъ!
Я не бить-то лечу, успросить хочу.
Ты идѣ, орелъ, былъ-пробывалъ?»—

—«Я былъ-пробывалъ въ иной землѣ — во Туре-
чинѣ;
Я видалъ тамъ диковинку не малую, не великую:
Въ чистомъ полѣ да подъ кустикомъ,
Тамъ лежитъ-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ, весь изрубленный.
Какъ никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не привернется.
Привернулися къ нему три ластушки,
Три ластушки, три касатушки:
Какъ первая ластушка—родная матушка,
А другая ластушка—сестра родная,
Какъ и третья ластушка—молодая жена.
Идѣ мать плачетъ, тамъ рѣка бѣжитъ,
Идѣ сестра плачетъ, тамъ колодязи,
А идѣ жена плачетъ, тамъ роса стоитъ.
Вотъ какъ мать плачетъ во вѣкъ до вѣку,
А сестра плачетъ отъ годъ до году,
А жена плачетъ день до вечера.»

Донская область. Савельевъ, стр. 143.

370.

А что то у полѣ да здучитъ-грючитъ?
Да здучитъ-грючитъ—три сестры у полѣ.
Да чего жъ онѣ да здучатъ-грючатъ?
Да здучатъ-грючатъ—онѣ брата ищатъ.
Первая пошла—звѣздою въ небу,
А другая пошла—вихрами въ поле,
А третья пошла—щукою въ море.
Звѣздою пришла—не нашла брата,
Щукою пришла—не нашла брата,
Вихрами пришла да й нашла брата, брата роднаго.
Да лежитъ братецъ у чистомъ полѣ,

У чистомъ полѣ, подъ игрушею подъ кудрявою,
Его ножечки возлѣ дорожечки,
Его ручечки возлѣ кучечки,
А головка его въ ракитомъ кустѣ...
Прилетѣло къ нему да три ласточки,
Три ласточки, три касатыя;
Первая сѣла на буйной головѣ,
А другая сѣла на рѣзвыхъ ногахъ,
А третія сѣла на ретивыхъ рукахъ.
На буйной головѣ—да то мать его,
На рѣзвыхъ ногахъ—то жена его,
На ретивыхъ рукахъ—то сестра его.
Ой, мать плачетъ, ой, вѣкъ до вѣку,
Сестра плачетъ, ой, годъ до году,
Жена плачетъ, ой, день до вечера.
Гдѣ мать плачетъ, тамъ рѣка льется,
Гдѣ сестра плачетъ, тамъ колодязи,
Гдѣ жена плачетъ—тамъ росы нѣту...

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1886 г., № 4.

371.

Выйду, выйду я на круту гору,
Стану, гляну я на синю хмару...
Высокъ соколъ, сизокрылъ орелъ;
Онъ летитъ, летитъ, разспросить хотитъ
Не про стараго, не про малаго,—
Про казаченьку разудалаго.
Вотъ казаченька не убитъ лежитъ, не зарѣзанный,—
Вострой шашечкой пересѣченный:
Ручки-ноженьки—въ край дороженьки;
Черна шапочка—въ сторонѣ лежитъ;
Русы кудорьки призавянули...
Никто къ кудорькамъ не приступится...

Приступалися да три ласточки,
Три ласточки, да все касаточки:
Перва ласточка—родной батюшка;
Друга ласточка—родна матушка;
Третья ласточка—молода жена.
Молода жена взяла кудорьки,
Понесла кудри во зеленый садъ,
Положила ихъ все подъ вишеньку,
Подъ вишеньку, подъ черешеньку.

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, вып. XVI, стр. 344.

372.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ крутыхъ высокихъ,
Не красно солнышко восходило,
Не свѣтелъ мѣсяцъ выкатается,—
Вылетаетъ тутъ младъ сизой орелъ,
Младъ сизой орелъ, птица камская.
На когтяхъ несетъ бѣлу рученьку,
Бѣлу рученьку молодецкую,
Молодецкую, солдатскую.
На бѣлой-то рукѣ золотъ перстень,
На печаткѣ было написано,
Написано, напечатано:
«Моему батюшкѣ—челобитьице;
Родной матушкѣ—низкой поклонъ,
Низкой поклонъ до сырой земли;
Малымъ дѣтушкамъ—благословеньице;
Молодой женѣ—на двѣ волюшки:
Хоть замужъ поди, хоть вдовой сиди;
А мнѣ, молодцу, такъ Господь велѣлъ

Положитъ буйну головушку
На чужой дальней сторонушкѣ.»

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 г., № 1.

373.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, высокихъ горъ,
Вылетала тутъ птица камская,
Птица камская, младъ сизой орелъ.
Во когтяхъ несетъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое—
Праву рученьку съ могучимъ плечомъ.
Какъ на рученькѣ-то золотъ перстень,
Что золотъ перстень во пятьсотъ рублей,
Одна вставочка есть во тысячу;
А на вставочкѣ-то написано:
«Отцу-матери—челобитьице;
Братьямъ, сестрицамъ—по поклону всѣмъ;
Молодой женѣ—своя волюшка:
Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи!...»

Сибирь. Гуляевъ, стр. 101 («проголосная»).

374.

Былъ я подъ Дарьей-рѣкой;
Надъ Дарьей-рѣкой, въ крутыхъ бережкахъ,
Тамъ лежитъ бѣлъ горючъ камень;
Изъ-подъ камышка растетъ часть ракитовъ кустъ;
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ;
Держитъ соколъ въ когтяхъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ.
Полетѣлъ соколъ чрезъ Дарью-рѣку,

Уронилъ соколъ руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Садился соколъ на крутой бережокъ,
Закричалъ соколъ, выговаривалъ:
«Подуй, подуй, погодушка, со восточныхъ горъ,
Выкачай ты волной руку бѣлую,
Руку бѣлую съ золотымъ кольцомъ;
Ты прибей ее къ круту бережку,
Къ круту бережку, ко желту песку!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 89 («казацкая»).

375.

Да не стукъ-то стучитъ, да не громъ гремитъ,
Да стучитъ-то, гремитъ—старъ сизой орелъ летитъ;
А за нимъ-то гонитъ младъ ясменъ соколъ:
«Да ты стой, подожди, старъ сизой орелъ!
Я не бить тебя лечу, я спросить хочу.
Ты и гдѣ, орелъ, былъ, гдѣ погуливалъ?»
—«Да я былъ-то, гулялъ на дикой степи,
Да я взялъ-то, поднялъ руку бѣлую,
Руку бѣлую молодецкую,
Да со перстнями съ позлачеными,
Со каменьями драгоцѣнными.»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 106.

376.

Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ,—
Летитъ-то, летитъ младъ ясенъ соколъ;
Во когтяхъ несетъ руку бѣлую молодецкую,
Со перстнями несетъ съ позолоченными,

Съ камушками да все драгоцѣнными.
Спрашивалъ его, ясна сокола, добрый молодецъ:
—«Гдѣ ты, орле, былъ, гдѣ тебя Богъ носилъ?»
—«Я былъ-то, былъ, добрый молодецъ, на чужой землѣ
И большую я диковинку тамъ провѣдывалъ:
Какъ убитъ, убитъ на чужой сторонѣ,
Убитъ добрый молодецъ тамъ лежитъ;
Онъ не такъ убитъ, добрый молодецъ,
Да онъ лежитъ, лежитъ весь израненный.
Не простой тамъ казачокъ убитъ,
А лежитъ убитъ Меженецкій князь.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 276.

377.

Какъ по Питерской по широкой по дорожкѣ,
Тутъ ѣхали все купцы, бояре,
Московскіе трое сенаторы,
Сенаторушки, большое начальство.
Подъ начальствомъ-то кони вороные,
А извощички у нихъ—парни молодые,
На коняхъ-то узды золотыя,
Повода-то у нихъ шелковые...
Ѣхали они въ гору, торопились,
Вороные ихъ кони притомились,
Во сыромъ бору кони становились,
Во сыромъ бору по правую сторону.
Тутъ стояло несчастное древо,
Тонкое, высокое, по прозваньицу матушка елина;
Со корешку древо не нарядно,
Со середы древо свилевато,
Со вершинушки древо кудревато.

На этомъ на древѣ сидѣла вольна пташка,
По прозваньицу горькая кукушка;
Кукушечка громко вскуковала,
Подъ елинушку она заглядала.
Какъ и вдругъ кони, вся тройка метнулась:
Назадѣ-то стоитъ матушка елина,
Подъ елинушкой лежитъ тѣло бѣлое,
Строевымъ ружьемъ прострѣленное,
Во крови-то оно лежитъ во кумачной,
Въ одной тоненькой льняной рубашкѣ.
Какъ тѣло-то рѣчь возговорило:
«Ужъ ты, матушка моя елинка!
Будь ты мнѣ, елинушка, мать родная!
Отпусти-ка ты сверху свои вѣтки,
Пріодѣнь ты, прикрой мое тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, безодежное,
Чтобы тѣло мое не горѣло,
Ужъ чтобъ еще больше оно не горѣло...
Когда Богъ меня подыметъ,
Государь царь меня отыщетъ,
Ужъ я самъ-то тебя не забуду,
Ужъ я всѣмъ-то тебя изукрашу!»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 80.

378.

Край дорожки, край широкія было Московской,
Тутъ стояла зеленая роща;
Что во этой-то было во рощѣ,
Тутъ стояла зелена елинка,
Распрекрасная въ саду деревинка;
Что на этой было на елинкѣ,
Да на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла птичка, пташка вольная,

Горе-горькая сидитъ кокушка.
Не кокуетъ, а все она горюетъ,
Жалобнешенько пташка причитаетъ,
Подъ елинушку сама взираетъ.
Подъ елинушкой лежитъ дѣтинушка,
Не убитъ онъ лежитъ, не застрѣленъ,
Вострымъ копьицомъ, душа, исколотъ;
Буйная головушка вся испроломана.
Его ноженьки—вдоль дороженьки,
Буйная головушка—въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ возговорилъ душа дѣтинка:
—«Ахъ ты, матушка моя елинка!
Опусти-ка ты свое прутье-вѣтье,
Ты прикрой-ка мое тѣло бѣло,
Чтобы птицы мое тѣло не клевали,
Люты звѣри мое тѣло не терзали,
Чтобы дождичкомъ тѣла не мочило,
Да и солнышкомъ тѣла не сушило!»
Туто дѣвица къ тѣлу приходила,
Со слезами съ тѣломъ говорила:
«Не ходи-ка ты, милой, ко чужой женѣ:
Потребитъ тебя злой сердитый мужъ!»

Вологодскій уѣздъ. Иваницкій, стр. 315.

379.

Край дорожки, край широкія было Московской,
Тутъ стояла зеленая роща;
Что во этой было во рощѣ,
Выростала зелена елинка,
Не толстая, собою ровная;
Что на этой было на елинкѣ,
Что на самой было на вершинкѣ,
Тутъ сидѣла птичка, пташка вольна,

Горе-горькая сѣра кокушка;
Не кокуетъ, все сама горюетъ,
Подъ елинушку сама взираетъ.
Подъ елинушкой лежитъ молодчикъ,
Не убитый лежитъ, не застрѣленъ,
Вострымъ копьикомъ, душа, исколотъ;
На молодчикѣ, на немъ рубашка,
Тонка бѣлая на немъ бумажна;
Она вся въ крови на немъ кумачна.
«Ужъ ты, матушка моя елинка,
Отпущай-ка шелковое прутье,
Ты прикрой-ка тѣло мое бѣло,
Чтобъ отъ солнца тѣло не горѣло,
Отъ дождя бы тѣло не бусѣло....»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 113 («семейная протяжная»)
Послѣдніе три или четыре слога каждаго стиха повторяются.

380.

Сяду я, младешенька, подъ окошечко,
Погляжу въ окно я, въ окошечко:
Во полѣ туманъ растуманился...
Любезна-ка что запечалилась....
Пишетъ миленькій ко мнѣ вѣсточку,
Ко мнѣ вѣсточку, вѣсть не радошну!...
Не перомъ писалъ, не чернилами,
Онъ писалъ-то мнѣ горючми слезьми,
Вѣсть не радошну—распечальную:
Добрый молодецъ, я побитъ лежу,
Не убитый я, не подстрѣленный,
Не подстрѣленный, а зараненный;
Бѣла грудь моя испоколота,
Ража кровь да испропущена....
Во грязи лежу, какъ китайчатый,

Во крови лежу, какъ кумачный,
Подъ родимоей ли подъ матушкой,
Подъ зеленою ль подъ елиночкой!
Испроговоритъ тогда добрый молодецъ:
«Ужъ ты, матушка зелена елиночка!
Распусти свои прутья ветлые
Отъ вершиночки до сама корня,
А вокругъ корня до сыра камня,
Призакрой-ка мое тѣло дѣтское,
Тѣло дѣтское, молодецкое,
Чтобы вѣтромъ, буйнымъ вѣтрышкомъ
Тѣло мое, тѣло не сушило,
Чтобы солнцемъ, краснымъ солнышкомъ
Тѣло мое, тѣло не пригрѣло,
Чтобы дождемъ, мелкимъ дождичкомъ
Тѣло мое, тѣло не мочило....»

Славянская, ч. III, стр. 147 («бесѣдная»).

381.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, на сине море,
А злодѣйка кручина въ ретиво сердце;
Какъ не схаживать туману со синя моря,
А злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца!

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
Разгорался огонечекъ малешенекъ;
Возлѣ огничка постланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Во правой рукѣ держитъ тугій лукъ,
Во лѣвой рукѣ—калену стрѣлу;
Во скорыхъ ногахъ стоитъ добрый конь.
Онъ и бьетъ копытомъ объ сыру землю,
И онъ знать даетъ добру молодцу:

«Ты вставай, вставай, добрый молодецъ!
Ты садись на меня, на добра коня,
Я свезу тебя къ отцу, къ матери,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Ты, мой добрый конь, слуга вѣрный мой,
Поѣзжай одинъ на святую Русь,
Поклонись отъ меня отцу, матери,
Челобитье моей молодой женѣ,
Благословенье скажи малымъ дѣтушкамъ,
Ты скажи, объяви молодой женѣ,
Что женился я на иной женѣ,
И я взялъ за себя поле чистое,
А въ приданы взялъ зелены луга;
У насъ добрый сватъ былъ булатный мечъ,
А сосватала калена стрѣла,
На постель клала свинцова пуля....»

Ты дубрава, дубрава зеленая,
Ты долина, долина широкая!
Ужъ какъ всѣмъ ты, долина, изукрашена,
А однимъ ты, долина, обезчещена:
Посреди тебя зеленой курганъ,
На курганѣ разостланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ молодецъ,
Онъ избитъ, изстрѣленъ, израненъ весь.

Пѣсенникъ 1810 г., стр. 169.—Пѣсенникъ 1817 г., часть I, стр. 207.—Очень сходная пѣсня: Пѣсенникъ 1796 г., стр. 211. Передѣлка: Кашинъ, вып. I, № 1.

382.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огничка шелъ дымочекъ тонешенекъ,

Подлѣ огничка разостланъ шелковый коверъ,
На ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Припекаетъ свои раны кровавыя.
Въ головахъ его стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку—его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ уже кончается,
При смерти добрый молодецъ сокрушается,
И самъ добру коню наказываетъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюся
И съ тобой однимъ прощаюся.
Какъ умру я, мой добрый конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольица, среди широкаго;
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенье отвези малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Во приданое взялъ я поле чистое,
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашовыя,
Тяжчае мнѣ раны свинцовыя...
Всѣ друзья-братья меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались;
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти;
И ты видишь, мой добрый конь,
Что удалый добрый молодецъ кончается...»

Пѣсенникъ 1780 г., часть I, стр. 140.—Передѣлка: Кашинъ, вып. I, № 3.

383.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огонечка шелъ дымочекъ тонешенекъ,
Подлѣ огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврочкѣ лежитъ добрый молодецъ,
Припекаетъ свои раны кровавыя;
Въ головахъ его лежитъ стрѣлъ колчанъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкій лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ уже кончается
И самъ добру коню наказываетъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, добра лошадь!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюсь
И съ тобой однимъ прощаюсь...
Какъ умру я, мой добрый конь,
Ты зарой копытомъ мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольица, среди широкаго;
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенье отнеси малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Во приданое взялъ поле чистое,
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная.
Тяжки мнѣ раны палашевыя...
Всѣ друзья меня и братья оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались;
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,

Послужилъ мнѣ до смерти моей;
И ты видишь, мой добрый конь,
Что удалый добрый молодецъ кончается...»

Пѣсенникъ 1791 г., часть II, стр. 23.—Пѣсенникъ 1819 г., часть II, стр. 86.

384.

Запоемте-ка, ребятушки, да мы пѣсню новую,
Мы не сами про себя—про донскаго козака!
Какъ донской казаченька, онъ убитъ лежитъ,
Онъ убитъ лежитъ, казаченька, онъ застрѣленный.
Его буйная головушка да съ плечъ срублена,
Могучія его плеченьки насквозь прострѣлены,
Въ ретивомъ его сердечушкѣ свинцовая пуля.
Во рѣзвыхъ его ноженькахъ стоитъ чубарый конь,
Онъ бьетъ-то, пробиваетъ, конь, копыточкомъ,
Онъ бьетъ, пробиваетъ до сырой земли,
Онъ будитъ, побуживаетъ своего хозяинушку:
«Ужъ и встань-ка, проснись, мой хозяинушка,
Мой хозяинушка, младъ донской казакъ!
Поѣзжай-ка домой къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ!»
Какъ возговоритъ тутъ младъ донской казакъ:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь добрая!
Ты ступай одинъ въ нашу сторону!
Скажи-ка ты моему батюшкѣ низкой поклонъ,
Сударынѣ моей матушкѣ—челобитьице,
Малымъ моимъ дѣтушкамъ—благословеньице,
Молодой моей хозяюшкѣ—на двѣ волюшки:
Хочетъ—замужъ идетъ, хочетъ—во вдовахъ сидитъ;
А мнѣ-то, доброму молодцу, знать, такъ Богъ велѣлъ,
Знать, такъ Богъ велѣлъ,—быть прострѣлену...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 87.

385.

Ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, ты, широкое!
Ничего ты, поле, не породило...
Породило, поле, кустъ ракитовый.
Какъ подъ тѣмъ кустомъ подъ ракитовымъ,
Тамъ лежитъ-то убитъ добрый молодецъ,
Младъ донской казакъ малолѣточекъ.
Онъ не въ смерть-то убитъ, больно раненый,
Во широкую грудь сквозь прострѣленный.
Передъ нимъ-то стоитъ его вѣрный конь;
Онъ бьетъ копытомъ во сыру землю,
Онъ будитъ своего хозяина:
«Ты встань-пробудись, добрый молодецъ,
Ты, хозяинъ мой, младъ донской казакъ!
Ты садись на меня, слугу вѣрнаго;
Понесу я тебя да на тихій Донъ.»
Какъ коню-то молодецъ рѣчь возговорилъ:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, товарищъ вѣрный мой!
Не поднять ужъ тебѣ добра молодца!
Ты отбей, оторви шелковой чумбуръ
И бѣжи ты, мой конь, да на тихій Донъ,
На зеленый долъ, на широкій дворъ,
Ко отцу-матери, роду-племени!
Ты письмо отдай;
Молодой женѣ ты рѣчью скажи,
Что женился я на другой женѣ—гробовой доскѣ,
Засватала меня сабля вострая турецкая,
Обвѣнчала меня пуля свинцовая,
Положило спать ядро чугунное.»

Донская область. Савельевъ, стр. 123.

386.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, степь широкая!
Ничего ты, поле, не породило!
Породило поле кустъ ракитовый...
Подъ кустомъ лежитъ молодой казакъ;
Онъ не такъ-то лежитъ—крѣпко раненый;
Въ головахъ у него бѣлъ горючъ камень,
Во груди у него—свинцова пуля,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во ногахъ у него—его добрый конь.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, конь, товарищъ мой!
Ты бѣги, мой конь, въ землю русскую,
Не давайся, мой конь, врагу прусскому,
А ты дайся, мой конь, моему батюшкѣ
И родименькой моей матушкѣ;
Молодой женѣ на словахъ разскажи,
Что женила меня свинцова пуля,
Обручила меня сабля острая,
Перевѣнчала меня гробова доска»...

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, вып. XV, стр. 199.—Очень сходная пѣсня: Терскій Сборникъ, вып. I, № 66.

387.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ничего ты, поле, не породило!
Породило, поле, кустъ ракитовый...
Подъ кустомъ-то лежитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой казакъ;
Молодой казакъ не убитъ лежитъ,
Не убитъ лежитъ, шибко раненый;

Въ головахъ у него—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А въ ногахъ у него стоитъ добрый конь...
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, ты, товарищъ мoiй!
Побѣгай-ка ты, конь, во Россiюшку,
Не давайся ты, конь, непрiятелю,
Только дайся ты, конь, брату родному;
Да скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой же женѣ—челобитьице
И скажи-ка ей, что усваталъ я
Все невѣстушку—свинцову пулю,
Обвѣнчала меня сабля вострая!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 111 («военная»).

388.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздолье мое, ты, широкое!
Ничего ты, поле, не спородило!
Спородило, поле, частъ ракитовъ кустъ....
Какъ во этомъ кусту тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое;
Во главахъ у него—сабля вострая,
Въ ретивомъ у него—пуля быстрая,
Во ногахъ у него конь вороный его.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищъ мoiй,
Ты бѣги, бѣги по дорожкѣ вдоль.
По дорожкѣ вдоль, къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ!
Ты женѣ скажи, что женился я,

Что женила меня пуля быстрая,
Обвѣнчала меня сабля вострая...»

Тамбовская губернія, Моршанскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 9 (каждый стихъ повторяется).—Сходныя пѣсни: Руcскій Филологическій Вѣстникъ 1887 г., № 4 (Вологодская губернія); —Балакиревъ, № 27.

389.

Наши-то поля всѣ украшенныя,
Поля кусточиками, поля листочиками...
Середи-то ли поля стоялъ ракитовъ кустъ;
На кустѣ-то сидѣлъ соловей-пташка,
Подъ кусточикомъ лежитъ да молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержакъ;
Не убитъ онъ лежитъ,—шибко раненый,
Шибко раненый, весь испроколотый;
Въ зголовахъ-то у него сабля вострая,
Сабля вострая да пуля быстрая;
Подъ правой-то ли рукой—ружье военное;
Въ ногахъ-то у него стоялъ добрый конь.
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, конь, товарищъ мой!
Ты поди-ка, ты, конь, по деревнѣ вдоль,
Въ самый крайный домъ, къ батюшкѣ на дворъ;
Унеси-ка ты, конь, батюшку поклонъ,
Родной матушкѣ—челобитьице,
Молодой-то женѣ—письмо-грамотку,
Письмо-грамотку, вѣсть не радошну:
Молодая-то жена вѣкъ вдовой слыла,
Вѣкъ вдовой слыла, либо замужъ шла;
Пожонила же меня сабля вострая,
Пуля быстрая, ружье военное.»

Вологодская губернія. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1887 года, № 4.

390.

Въ чистомъ полѣ, во полѣ широкомъ,
Чистомъ и раздольномъ,
Тамъ раздолье мое,
Тамъ широкое мое!
Да ничего поле да не породило,
Породило лишь поле да ракитовъ кустъ....
Какъ подъ тѣмъ да ракитовымъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое да молодецкое;
Тамъ лежитъ молодой солдатъ, полковой сержантъ;
Онъ убитъ не убитъ, лежитъ раненый;
Во главахъ у него—знамя царское развернутое;
На грудяхъ у него—руки бѣлыя;
На рукахъ у него—кольца ясныя,
Кольца ясныя, да серебряныя;
Въ бѣлыхъ рукахъ—сабелька вострая;
Во ногахъ у него—да добрый конь его.
«Ужъ ты, конь мой, конь, конь, товарищъ мой,
Конь ретивый мой!
Ты бѣги же, конь, на мою сторонку,
На мою сторонку, къ отцу да ко матери,
Ко роду да ко племени, къ женѣ молодой!
Скажи да разскажи, конь вороной мой:
Погубила меня сабля вострая!»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 257.

391.

Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Ничего жъ ты, поле, не спородило!
Спородило поле частъ ракитовъ кустъ.
На кусту сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое, все израненное.
Въ головахъ у него сабля вострая,
Во грудяхъ у него пуля быстрая,
Во ногахъ у него его добрый конь...
«Ужъ ты, конь мой, конь, товарищъ мой!
Ты поди-ка, мой конь, въ землю русскую,
Ты снеси поклонъ родной матушкѣ,
Молодой моей сестрѣ до сырой земли,
Молодой моей женѣ на три думушки:
Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
Еще третья-то: хоть меня помяни!»

Новгородская губернія. Студитскій, № 1 («бесѣдная»).

392.

Ужъ вы, горы ли, горушки высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили!
Спородили вы только, горушки,
Одинъ бѣлъ горючъ камень.
Изъ-подъ камешка бѣжитъ быстра рѣченька,
Быстра рѣченька, Эмба-матушка;
Какъ по бережку растетъ частъ ракитовъ кустъ,
На кустѣ сидитъ пестрая кукушечка,
Подъ кустомъ лежитъ добрый молодецъ.
Въ головахъ-то у него лежитъ шашка острая,
А въ ногахъ-то стоитъ его рѣзвый конь....
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, конь вороненькій!
Ты бѣги-ка, конь, къ моей молодой женѣ,
Ты скажи-ка ей, что женился я въ иной странѣ,
Во иной странѣ, въ басурманской....»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 112 («военная»).

393.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ-гулялъ молодой казакъ,
Молодой казакъ съ Дону тихаго.
Онъ ходилъ, онъ гулялъ, тамъ коня попасалъ,
Онъ коня попасалъ, суху травушку ирвалъ,
Суху травушку ирвалъ, свои раны прикладалъ.
«Охъ вы, раны мои, вы, горячія мои,
Вы, горячія мои, вы и кровью изошли!»
Передъ смертью казакъ сталъ приказывати,
Вороному коню сталъ наказывати:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, лошадь вѣрная моя!
Обломи, обломи ты дубовый сукъ,
Оборви, оборви ты шелковъ поводокъ,
Ты бѣги, ты бѣги на ту сторону домой,
Снеси батюшкѣ поклонъ до земли,
Снеси матушкѣ поклонъ до низу,
Да скажи ты женѣ, мой воронепькій конь:
А женился я на другой женѣ,
Что сосватала сабля вострая,
Положила спать калена стрѣла!»

Кубанская область. Поповъ, Боевыя пѣсни русскаго солдата, Спб. 1893, № 116.—Очень сходная пѣсня—въ томъ же сборникѣ, № 117 (Донская область).

394.

Какъ за рѣчушкою за Кубанушкою,
Тамъ ходилъ, тамъ гулялъ казакъ молодой,
Шелку травушку рвалъ, на огоничекъ бросалъ,
На огоничекъ бросалъ, свои раны засыпалъ.
«Ужъ вы, раны мои, вы, тяжелыя,
Вы до сердца дошли, ужъ вы кровью сошли!»

Помиралъ казакъ, сталъ приказывати:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищъ дорогой!
Ты бѣги, не скачи, по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль, ты на тихій Донъ,
Ты на тихій Донъ, къ отцу, къ матери родной!
Ты ударь копытомъ объ новыя ворота...»
Совстрѣчала коня молодая жена:
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, гдѣ товарищъ твой?»
—«А товарищъ мой—за Кубанью за рѣкой,
За Кубанью за рѣкой, самъ женился на другой.
Оженила его чужа дальня сторона,
Благословила его мать сырая земля,
Обвѣнчала его пуля быстрая...»

Донская область. Лопатинъ и Прокунинъ, № 12.—Сходная пѣсня: Пальчиковъ, № 46 (Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ).

395.

За Кубанью за рѣкою,
Тамъ казаченька гулялъ,
Ковыль-травушку ирвалъ,
Увъ огонюшекъ металъ,
Свои раны перевивалъ.
Коника отправлялъ:
«Конь, ты, мой конь, конь вороненькій,
Ты бѣжи же, конь, по дорожкѣ удоль;
Свези же, конь, отцу-матери письмо,
Молодой женѣ ты скажи, конь, словесно,
Что женила молодца чужа дальня сторона,
Что невѣста его—сабля вострая!»

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 37.

396.

За Ураломъ за рѣкой, да тамъ уланичекъ гулялъ,
И онъ гулялъ-то, гулялъ, и своего коника спасалъ.
Своей сабелькою да огоничекъ вырубалъ,
Онъ полынь-травушку рвалъ и да въ огоничекъ клалъ,
Онъ въ огоничекъ клалъ да на назолецъ пережигалъ,
Да на назолецъ пережигалъ да свои раны пересыпалъ.
«Ты бѣги-ка-ся, конь, и по дорожкѣ вдоль,
По дорожкѣ вдоль и къ моему батюшкѣ на дворъ!»
Его батюшка старой и онъ стоялъ у воротъ;
Его маменька стара да растворяла ворота;
Молода жена да коня встрѣтила.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, и гдѣ хозяинъ твой?»
—«Эхъ, хозяинъ мой—да за Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой, да самъ женился на другой...
Какъ женила его да пуля быстрая,
Обручила его да сабля вострая,
Похоронила его да мать сырая земля,
Помянула его гробовая доска.»

Рязанская губернія, Пронскій уѣздъ. Лопатинъ и Прокунинъ, № 13. Каждый стихъ повторяется.

397.

За Дунаемъ за рѣкой, тамъ казакъ-отъ гулялъ.
Не одинъ онъ гулялъ—со товарищами:
Съ милой Сашенькой да съ острой сабелькою.
Изъ острой-то сабли огонекъ вылеталъ;
Казакъ травоньку рвалъ, на огонь ее клалъ.
На огонь онъ кладетъ да прираскладываетъ;
Казакъ раны свои перевязываетъ.
«Ужъ вы, раны ли мои, разжеланныя мои,

Ко сердцу, раны, пришли....»
Передъ смертью казакъ коню наказываетъ:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь, развороненькій мой!
Ты бѣжи-ка, мой конь, по дороженькѣ вдоль,
Къ отцу, къ матери на дворъ!»
Его маменька встрѣчаетъ и молода его жена.
Молода его жена за шелковъ поводъ брала,
Саша выспрашивала:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, гдѣ хозяинъ - отъ твой?»—
—«Хозяинъ-отъ мой въ сырой землѣ лежитъ,
Гробовой доской закрытъ.»

Пермская губернія, Чердынскій уѣздъ. Поповъ, стр. 245.

398.

За Дунаемъ за рѣкой тамъ казакъ-отъ гулялъ,
Да размолоденькій.
Не одинъ казакъ гулялъ—да со товарищами;
Что товарищи его—востра шашечка.
Изъ вострой-то шашки огонекъ казакъ вскрывалъ;
Ковыль-травоньку рвалъ, да на огонь ее клалъ;
Да на огонь травку клалъ, огонь раскладывалъ;
Свои раночки казакъ да приразвязывалъ,
Самъ со ранами, казакъ, да разговаривалъ:
«Да ужъ вы, раны мои, раны, да претяжелыя раны,
Претяжелыя мои!
Всѣ вы, мои раны, кровію изошли,
Кровію изошли и ко сердцу, раны, пришли!...»
Передъ смертію казакъ коню наказывалъ:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, развороненькій!
Порви-ка, мой конь, табуръ шелковенькій,
Изломай-ка, мой конь, пригонъ дубовенькій,
Да бѣги-ка, мой конь, да по дороженькѣ вдоль,

По дороженькѣ вдоль, да по широкой столбовой,
По широкой столбовой на мой тихій-етъ домъ!
Прибѣжи ты, мой конь, ко воротичкамъ,
Привяжись ты, мой конь, ко столбу дубовому,
Ко столбу-то, столбу, да ко колечушку,
Ко колечушку да ко серебряному!
Выйдетъ же, встрѣтитъ же тебя родна мамонька
моя;
Разсѣдлаетъ же тебя да родной тятенька мой;
Станетъ спрашивать тебя молода жена моя:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, да развороненькій мой,
Развороненькій мой, да гдѣ-то хозяинъ твой?»—
—«Тамъ хозяинъ-отъ мой—за Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой, онъ женился на другой!
Взялъ невѣстушку себѣ тихоскромную;
Въ чистомъ полѣ, подъ кустомъ, востра шашечка
Была свахой его, угощала важно насъ;
Пуля быстра окручала, скоро къ смерти привела!
Что невѣстушка моя—гробова нова доска!..»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 234.

399.

Какъ во полѣ могилушка стоитъ,
На могилушкѣ тѣло бѣлое лежитъ,
Тѣло бѣлое солдатское;
Тамъ лежитъ же, тамъ убитый лежитъ,
Онъ убитый, весь израненный,
Изрубленный, испострѣленный:
Ноги-руки—на четыре штуки;
Во головушкѣ стоитъ крестъ златой,
Во рукахъ онъ держитъ книжечку,
Во ногахъ стоитъ убитаго конь.
Конь копытами землю бьетъ,

Охъ, да и бьетъ же, добивается,
Своего пана добужается:
«Охъ, ты встань-ка, ты встань, мой господинъ!
Хотя ты встать не встанешь, такъ голову подними,
Своему коню дорожку укажи!»
Господинъ не всталъ да дорожку показалъ:
«Ты бѣги, конь, все дорогою широкою,
Прибѣги, конь, ко новымъ воротамъ,
А ты бей копытами воротушки!
Туда выдетъ къ тебѣ моя матушка,
Она поймаетъ тебя за шелковъ поводъ,
Поведетъ она тебя во конюшеньку,
Дастъ тебѣ она и сѣна и овса;
Потомъ станетъ тебя спрашивати:
Гдѣ ты былъ-побывалъ, куда пана подѣвалъ?
Ты скажи тутъ ей, скажи,
Что панъ во полѣ лежитъ, велитъ кланяться,
Велитъ кланяться, да не плакаться...»

Олонецкій уѣздъ. Олонецкія Губернскія Вѣдомости
1868 года, № 25.—Сходная пѣсня: Якушкинъ, стр. 615.

400.

Во полѣ, полѣ чистомъ могилушка стоитъ,
А въ могилушкѣ бѣло тѣло лежитъ,
Да солдатское.
Тамъ лежитъ убитый, убитый да израненный,
Изрубленный да истерзанный:
Ноги, руки—да на четыре штуки;
Во головушкѣ—крестъ златой,
Крестъ златой да чеканный,
Чеканный, дорогой;
Въ рукахъ—держитъ грамотку,
Грамотку расписную;

Онъ читаетъ ее да прочитываетъ;
Во ногахъ его стоитъ добрый конь;
Онъ стоитъ да копытами бьетъ о сырую землю;
Онъ бьетъ да землю выгребаетъ,
Землю выгребаетъ да до добра молодца да добивается:
«Ты устань, добрый молодецъ, казакъ разудалый,
Ты устань, проснись!
Укажи-ка ты мнѣ путь-дороженьку
Да на мою-то да на сторонушку!»
Дорогой молодецъ встать не всталъ,
А головушку приподнялъ
И своему коню онъ дорожку казалъ,
Казалъ да приговаривалъ:
«Ты бѣги-ка, конь, дорогая лошадь,
Все дорогою да широкою!
Ты прибѣги, конь, да ко новымъ, да ко новымъ воротамъ!
Ты копытами бей во тѣ ворота,
Покуль выдетъ къ тебѣ мать родная моя;
Она возьметъ тебя да за шелковую узду,
Да поведетъ во столичко, дастъ овса, сѣна;
А потомъ, добрый конь, станетъ у тебя да воспрашивати,
Воспрашивати, припадаючи,
Да горючими слезьми омываючи:
«Гдѣ ты былъ-спобывалъ?
Отчего жъ, вороной, одинъ ты прибѣгъ?
Гдѣ хозяинъ твой, молодецъ удалой?»—
—Онъ убитъ не убитъ, онъ лежитъ при поляночкѣ,
При поляночкѣ да въ земляночкѣ!...»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 221.

401.

Какъ за рѣченькой за Кубанушкой,
Тутъ ходилъ-гулялъ молодой казакъ,
Молодой казакъ съ Дону тихаго.
Онъ ходилъ-гулялъ, тамъ коня спасалъ;
Острой шашечкой огня вырубалъ,
Суху травоньку рвалъ, на огонь ее клалъ,
Пораскладывалъ,
Свои ранушки тяжелыя перевязывалъ.
«Ужъ вы, раны, мои раны, вы, тяжелыя,
Тяжелымъ-то тяжелы, кровью изошли!»
Передъ смертью казакъ сталъ приказывать,
Вороному коню онъ наказывать:
«Ужъ ты, конь ли мой, конь, ты, вороный конь,
Обломи-ка, обломи ты дубовый сукъ,
Оборви-ка, оборви ты шелковъ поводъ,
Ты поди-ка, мой конь, ты поди домой,
Скажи батюшкѣ низкой поклонъ,
Скажи матушкѣ—вплоть до-земи,
Малымъ дѣтушкамъ—благословеньице,
Молодой женѣ—челобитьице,
Челобитьице, приказаньице:
Хошь замужъ идетъ, хошь вдовой сидитъ!
Да скажи ты ей, мой вороный конь,
Что женился я на другой женѣ,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 185.

402.

За Кубанью за рѣкой,
Да тамъ казакъ-то гулялъ.
Не одинъ онъ гулялъ —
Да со товарищами:
Да съ милой Сашенькой,
Да съ острой сабелькой.
Изъ острой сабли
Да огонекъ высѣкалъ,
А кобыль-травоньку рвалъ
И на огонь ее клалъ.
А со раночками казакъ
Разговаривалъ:
«Ужъ вы, раны мои,
Претяжелыя мои!»
Передъ смертью казакъ
Коню наказывалъ:
«Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Развороный добрый конь!
Ты бѣги-ка, мой конь,
Да по дороженькѣ вдоль,
Къ отцу, къ матери!
Тамъ и встрѣтитъ тебя
Родимая матушка
И отворитъ ворота
Родимый батюшка,
Разсѣдлаетъ тебя
Родимый братецъ,
Напоитъ, накормитъ
Родная сестрица,
Еще спроситъ у тебя
Да молодая жена:
«Ужъ ты конь ли, мой конь,

Да гдѣ хозяинъ-то твой?»
—«А хозяинъ-то мой—
Да за Кубанью за рѣкой,
Онъ женился на другой!
Еще сваха-то была—
Каленая стрѣла,
А невѣста-то его—
Свинцовая пуля.»

Пермская губернія. Шишонко, стр. 330.

403.

Печаль-тоска въ ретивомъ сердцѣ,
Въ ретивомъ сердцѣ,
На синемъ морѣ, въ корабличкѣ—
Не огонь горитъ, не звѣзда блеститъ...
Возлѣ рѣченьку, возлѣ быструю
Разостланъ коверъ, коверъ бархатный;
Что на томъ коврѣ, на томъ бархатномъ,
Туто спитъ-лежитъ добрый молодецъ;
Не убитъ лежитъ, весь израненъ онъ.
Во рукахъ у него да ружье вострое;
На груди у него да знамя царское;
Во ногахъ у него да пуля быстрая;
Въ головахъ у него конь вороненькій.
Онъ копытомъ бьетъ землю турецкую.
«Если можешь стать, добрый молодецъ,—
Осѣдлай меня!
Я свезу тебя въ землю русскую,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ,
Къ молодой женѣ да къ малымъ дѣтушкамъ,
Къ малымъ дѣтушкамъ, да ко сироточкамъ!»

Бѣлозерскъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879 г., № 3.

404.

Нѣту, нѣту у молодца,
Нѣту ни товарища;
Товарищъ у молодца—
Его добрый конь,
Слуга его вѣрный—
Крѣпкій тугой лукъ,
Посланникъ у молодца—
Калена стрѣла;
Куда стрѣлочку ни пошлетъ,
И самъ за ней идетъ.
Послалъ ее добрый молодецъ
Во чисто поле.
Во чистомъ во полюшкѣ
Огонекъ горитъ,
Огонекъ, братцы, горитъ
Малъ-малехонекъ;
А у этого огня
Лежитъ добрый молодецъ;
Не убитый лежитъ онъ,
Крѣпко раненный;
Въ головахъ у молодца
Стоитъ чуденъ крестъ,
Во рукахъ у молодца—
Шашка острая,
А въ ногахъ у молодца—
Его добрый конь,
Конь копытомъ землю бьетъ,
Хозяина пробуждаетъ:
«Встань-ка, встань, хозяинъ мой,
Хозяинъ родной!

Ты садись-ка на меня, поѣдемъ домой,
Поѣдемъ домой, къ женѣ молодой!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 113 „военная»

405.

Охъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты, раздольице мое широкое!
Ничего ты, поле, не породило!
Породило, поле, частъ ракитовъ кустъ....
На кусту-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона,
Черна ворона, брата роднаго:
Онъ и бьетъ не бьетъ, только спрашиваетъ,
Изъ ума его вывѣдываетъ:
«Скажи, гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ погуливалъ?»—
—«Я леталъ-то, леталъ во дикую степь,
Я видалъ-то видалъ чудо чудное,
Чудо чудное, диво дивное:
На степи лежитъ тѣло молодецкое:
Постель у него—мать сыра земля:
Изголовьице—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля вострая,
На груди у него—шашка быстрая,
Во ногахъ у него стоитъ добрый конь.
Добрый молодецъ коню рѣчь возговорилъ:
«Ты ступай, мой конь, въ нашу сторону,
Въ нашу сторону, къ отцу, къ матери,
Скажи, батюшкѣ моему низкой поклонъ,
Родной матушкѣ—до сырой земли,
Молодой женѣ—на двѣ волюшки:
Хочетъ—во вдовахъ сидитъ, хочетъ—замужъ идетъ!
А я, добрый молодецъ, заручёнъ лежу:
Обручилъ-то меня батюшка бѣлый царь.

Благословила меня мать сыра земля,
Повѣнчала меня шашка быстрая,
Обрученная жена—гробова доска...»

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 79.

406.

Какъ не въ полѣ-то было, было на широкой долинушкѣ,
На зеленой шелковой травушкѣ,
Тамъ лежалъ молодой казакъ,
Весь израненный да порубанный,
Порубанный да прострѣленный;
Около казаченька щипалъ травушку
Его добрый слуга, конь вороненькій.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь, слуга вѣрный мой!
Ты служилъ мнѣ долго времячко.
Сослужи же ты, конекъ, послѣднюю мнѣ службицу!
Бѣги ты, мой конекъ, въ родную сторонушку,
Къ моей родной, милой матушкѣ,
Передай мой послѣдній привѣтъ,
Да скажи ей, чтобъ не плакала, не тужила обо мнѣ.
Что я палъ въ бою на широкой долинушкѣ
За честь и славу родины, за православную Русь...»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, вып. XV, стр 200.

407.

Тамъ далече въ чистомъ полѣ
Убитой казакъ лежитъ.
Тамъ росла густая трава.



Густая травка съ муравою.
Онъ убитый, принакрытый,
Съ плечъ свалилась голова;
Его руки, его очи
Принакрытыя лежатъ.
Ты лети, лети, голубчикъ конь,
Къ моей миленькой домой!
Разскажи ты ей, голубчикъ,
Что случилось надо мной:
Дослужилъ твой сыночекъ
Царю вѣрную службу,
Пріискалъ себѣ мѣстечко
Въ чистомъ полѣ, на пескѣ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 78.

408.

Во чистомъ полѣ....
Ужъ ты, поле мое,
Поле чистое,
Ты, раздолье мое,
Ты, широкое!
Ничего, поле, не породило!
Породило, поле,
Частъ ракитовъ кустъ....
Какъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежитъ солдатъ,
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежитъ,
Весь израненный;

Въ головахъ у него—
Знамя царское,
На грудяхъ у него—
Руки бѣлыя,
На рукахъ у него—
Кольца ясныя,
Во бѣлыхъ рукахъ—
Сабля острая,
Во ногахъ у него—
Добрый конь его.
«Ужъ ты, конь, ты, мой конь,
Конь, товарищъ мой!
Ты поди жъ, ты, мой конь,
На мою сторону,
Къ отцу, къ матери,
Къ роду-племени,
Къ молодой женѣ,
Къ царю бѣлому
Петру первому!
Ты скажи мнѣ, конь...

. . . .

. . . .

Погубила меня
Сабля острая.»

. . . .

«Ужъ ты, конь, ты, мой конь!
Ты скажи жъ, ты мнѣ, конь,
Гдѣ ты былъ-побывалъ
На своей сторонѣ?»
—«Въ царя бѣлаго
Петра перваго»...—
—«Ужъ ты, конь, мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ, пилъ?»—
—«Ужъ я ѣлъ по лугамъ
Шелковую траву,

Ужъ я пилъ-попивалъ
Сладку водочку»....
. . . .

Якушкинъ, стр. 552.

409.

Подъ окошечкомъ сироточка сидитъ,
Супротивъ ясна окошечка глядитъ.
Въ чистомъ полѣ долина широка,
Во долинушкѣ береза высока;
Подъ березой той могила глубока;
На могилушкѣ гробница дубова;
Во гробницѣ офицерскій сынъ лежитъ,
Офицерскій-генеральскій чинъ на немъ.
«Убилъ меня чеченецъ молодой,
Въ мои груди двѣ пули онъ пустилъ,
По бокамъ прикладомъ приложилъ.
Въ головахъ моихъ дубовый крестъ стоитъ,
Во ногахъ у меня—коникъ вороной.»
—«Ты, хозяинъ, ты, хозяинъ дорогой,
Надоѣло мнѣ стоять передъ тобой,
Надокучило желты песочки глодать!
Отпусти меня на зеленые луга,
Накорми меня шелковою травой,
Напои меня студеною водой!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ... Кавказа, вып. XV, стр. 79.

410.

Во горахъ было, во горахъ, во горахъ высокихъ,
Во ущельяхъ, во ущельяхъ было глубокихъ,—
Лежитъ молодецъ, молодецъ убитый,

Молодецъ, молодой урядничекъ.
Какъ съ родной его сторонушки пташки прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
«Востань, востань, добрый молодецъ!
Какъ зима проходитъ, весна наступаетъ,
Твоя молодая жена по саду гуляетъ,
По саду гуляетъ, мужа выбираетъ...»
Лежитъ молодецъ, не даетъ отвѣту...
Какъ съ родной его сторонушки пташки прилетали,
Жалобнехонько ему пѣсенки воспѣвали:
«Востань, востань, добрый молодецъ!
Какъ прошло лѣто, осень наступила,
Твоя молодая жена весной по саду гуляла,
По саду гуляла, мужа выбирала,
А теперь глазами разводитъ, замужъ выходитъ;
Родимая твоя матушка слезно плачетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія ... Кавказа, вып. VII, стр. 99.

411.

Во горахъ-то было, горахъ,
Во горахъ, братцы, во высокихъ,
Тамъ убитъ добрый молодецъ,
Крѣпко раненый, землею приваленный,
Травушкой присыпанный.
Какъ на этой травушкѣ цвѣты расцвѣтали;
Какъ во этихъ во цвѣтахъ пташки распѣвали,
Жалобнехонько онѣ пѣсню напѣвали:
«Встань, проснись, добрый молодецъ!
Зимушка проходитъ, весна наступаетъ,
Жена твоя молодая по саду гуляетъ,

Цвѣты сорывает, пѣсни распѣвает,
Жениха себѣ выбираетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 81.—Сходная пѣсня: Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 147.

412.

Вы, туманы мои, туманушки, разосенніе вы туманы мои!
Ты, печаль ли моя, кручинушка, зла мучительна тоска!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой;
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь...
Мнѣ ночесь-то, ночесь, добру молодцу, малымъ мало спалось,
Мнѣ малымъ мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухарской сторонѣ,
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи;
Мнѣ постелюшка, доброму молодцу, ковылъ-травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому,—бѣлъ горючъ камень лежитъ,
Одѣяльце мнѣ, добру молодцу,—темна ночка надо мной;
Мои рѣзвы ноженьки лежатъ вдоль дороженьки;
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены;
Кудри мои русыя—буйнымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны;
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ;
Сквозь моихъ частыхъ реберъ—трава-мурава ростетъ;
Ретивое мое сердечушко—змѣя лютая сосетъ!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 77.

413.

Ой да вы, туманы, вы, мои туманушки, туманы мои большіе!
Охъ, да не подняться вамъ, вы, мои туманушки, да прочь отъ синяго моря долой!
Охъ, не отстать-то тоскѣ-кручинушкѣ отъ сердечушка моего!
Какъ сегодняшнюю темную ноченьку мнѣ мало спалось,
Мнѣ мало спалось, на бѣлой зарѣ много во снѣ видѣлось...
Во снѣ видѣлось: охъ, будто-бъ я, удалъ добрый молодецъ,
Убитой на дикой степи лежу,
Ретивое мое сердечушко прострѣленное,
А буйная головушка прочь отрублена;
Сквозь косточекъ, мелкихъ ребрушекъ—трава-мурава, она поросла;
Сквозь ретивого сердечушка—цвѣтъ лазоревый расцвѣлъ;
Ой, да надъ буйной моей головушкой—кустикъ ракитовый выросталъ,
На кустикѣ на ракитовомъ соловей гнѣздо свилъ...

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 138.

414.

Туманы вы мои, туманушки, туманы вы мои разосенніе!
Не подняться ли вамъ, туманушкамъ, со синя моря долой,

А намъ, разудалымъ казаченькамъ, со чиста поля домой...
Ты, печаль ли моя, кручинушка, зла мучительна тоска,
Не отстать ли тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь...
Какъ вечоръ ночесь мнѣ, добру молодцу, ночка темна не спалась;
Какъ вечоръ ночесь мнѣ, добру молодцу, много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухарской на сторонушкѣ,
Близь Индерскихъ горъ, у Яикушки;
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи,
А постелюшка мнѣ, добру молодцу,—ковыль-травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому,—бѣлъ горючъ камень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу,—темна ночка надо мной;
Мои рѣзвы ноженьки—вдоль дороженьки лежатъ,
Мои бѣлы рученьки—врозь разложены,
Кудри мои русыя—буйнымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны;
Тѣло мое бѣлое—черны вороны клюютъ;
Сквозь костей-то моихъ, ребрышковъ, трава-мурава растетъ;
Ретиво мое сердечушко—змѣя лютая сосетъ.

Уральская область. Мякушинъ, стр. 114 («военная»).

415.

Туманы, вы, туманички,
Синеморскіе туманы!
Не подняться вамъ, туманички,

Прочь отъ синяго отъ моря;
Не отстать тоскѣ-кручинушкѣ
Отъ ретиваго отъ сердца...
Мнѣ ночесь-то, молодешенькой,
Какъ малымъ мало спалось,
Мнѣ спалось мало, младешенькой,
Много видѣлось во снѣ.
Что предвидѣлся мнѣ, дѣвушкѣ,
Ужъ какъ страшный, чудный сонъ:
Какъ въ далекомъ чистомъ полѣ,
На Саратовской степи,
Что подъ кустичкомъ ракитовымъ
Душа милый другъ лежитъ;
Онъ убитъ, мой душа милый другъ
Весь израненный лежитъ;
Что буйна его головушка
Ко восточной сторонѣ;
А рѣзвы ноги у молодца
Что ко быстрой ко рѣкѣ;
А его-то тѣло бѣлое
Испротыкано копьемъ;
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава;
Сквозь его сердце ретивое
Змѣя люта проползла;
Изъ его-то изъ ясныхъ очей
Ключи быстры протекли;
Изъ его буйной головушки
Частъ ракитовъ кустъ проросъ;
Что на томъ-то бы на кустичкѣ
Соловейко гнѣздо свилъ.

Ты не пой, не пой, соловушко,
Утромъ рано на зарѣ!
Не давай тоску-назолушку

Сердечушку моему!
Безъ того мое ретивое
Ужъ изныло все во мнѣ!

Сибирь. Гуляевъ, стр. 104 («проголосная»).

416.

Подымалися туманишки да во глухую полночь...
Мнѣ ночешная темна ноченька малешенько спалось,
Мало спалось, да во снѣхъ видѣлось.
Привидѣлся сонъ страшонъ, нехорошъ:
Будто я, добрый молодецъ, убитымъ въ степи лежу,
Да во той-то степи да Саратовской;
Мои рѣзвы ноженьки да лежатъ край дороженьки;
А бѣлы рученьки—у сердечушка;
А буйна головушка—подъ ракитовымъ кустомъ;
На русыхъ моихъ кудряхъ—ремезъ гнѣздышко свивалъ;
Скрозь головушку—свинцовая пуля прошла;
Скрозь ретивое—люта змія проползла...
Ремезей мой, ремезеюшка, мала пташка соловей!
Ты слетай-ка, мой ремезеюшка, на родимую на сторонушку!
Скажи ты, мой ремезеюшка, родителямъ поклонъ,
Что я женился на другой:
Споженила молодца чужа дальна сторона,
Саратовская степь!..

Пермская губернія. Шишонко, стр. 227 («проголосная»).

417.

Что не бѣлая зорюшка,
Заря занялася;
Молодая дворяночка

Дворянина будила:
«Уставай, дворянинушка,
Уставай, парень молодой!
Всѣ братцы-товарищи
Зашли за тобой!»
—«Братцы мои, товарищи,
Вы не киньте меня,
Не киньте, не бросьте
На чужой дальней сторонѣ!
На чужой дальней сторонушкѣ
Меня сонъ соклонилъ,
Скрозь мою головушку
Руда протекла,
Скрозь мою сердечушку
Трава проросла...»
Травушка-муравушка,
Зеленый лужокъ,
Крутой бережокъ,
Зеленый лопушокъ!

Курская губернія, Щигровскій уѣздъ. Халанскій, № 26 («тягольная»).

418.

Какъ и нынче доброму молодцу малымъ-то мало спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто конь мой вороной разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался подъ удалымъ молодцомъ;
Совалилась кунья шапочка съ моей буйной головы;
Оторвался лукъ съ колчаномъ съ моей правой стороны;
Всѣ мелкія стрѣлочки посыпалися,
Въ сыру онѣ землю повтыкалися.

Ахъ вы, братцы мои, братцы, атаманы молодцы!
Не покиньте добраго молодца вы при бѣдности такой!
Какъ во всякое времячко пригожусь я, братцы, вамъ,
Замѣню я вашу смерть грудью бѣлою моей...
Разскажите вы мнѣ, братцы: что мой сонъ значитъ?»
Услыхала родна матушка изъ высока терема:
«Охъ ты, чадо мое, чадо, чадо милое мое!
Вотъ я тебѣ, чадо, этотъ сонъ разскажу:
Какъ тебѣ-то, мое чадо, да на службицу идтить,
Да на службицѣ, чадо, тебѣ убитому быть,
Вороному твоему коню быть подстрѣлену,
Молодой твоей женѣ быть удовушкою,
Малымъ дѣтушкамъ твоимъ—сиротинушками!»

Донская область. Савельевъ, стр. 144.—Сходныя пѣсни (Терская область): Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. VI, стр. 34; вып. III, стр. 75.

419.

Мнѣ малешенько, младу, спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто мой вороной коникъ,
Подо мною да онъ взыгралъ;
Взыгравши мой вороной коникъ,
Высоко меня взносилъ;
Свалилася черная шапочка
Со буйной моей головы;
Оторвался мой золотой колчанъ,
Ой, со лѣваго моего плеча;
Разсыпалися мелкія стрѣлочки,
Ой, по чисту полю врозь,
По чисту полю они врозь...
Да и кто бы этотъ дивный сонъ,

Да и кто бы его разсудилъ?
Разсуждала этотъ дивный сонъ
Мать, родимая матушка его.
«Взыгрался твой вороной коникъ—
Во походъ тебѣ скоро идти;
Свалилася черная шапочка,—
Ой, убиту тебѣ, чадо, быть,
Убитому тебѣ, чадо, быть;
Оторвался твой золотой колчанъ—
Милой женѣ твоей завдовѣть;
Разсыпались мелкія стрѣлочки,—
Ой, твоимъ дѣткамъ сиротами быть!»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 139. Каждый второй стихъ повторяется.—Сходныя пѣсни: Сборникъ матеріаловъ для описанія.... Кавказа, вып. XV, стр. 193 (Терская область);—Якушкинъ, стр. 633.

420.

Стоитъ кустъ березы;
Подъ этой березой
Гусарикъ убитый.
Его личико разбито,
Китайкой накрыто.
Приходила къ нему панна,
Панна молодая,
Китаечку открывала,
Въ личко признавала.
«Вотъ онъ, вотъ онъ, мой гусарикъ,
Гусаръ чернобровый!
Не твои ли сѣры кони
Во полѣ кочуютъ,
Дороженьку чуютъ?..»
Какъ на этой на дорожкѣ
Стоитъ кустъ зеленый;

Только вѣтерокъ подуетъ,
Зеленъ кустикъ клонитъ.
Кустикъ клонитъ, гусаръ стонетъ;
Панна молодая
Слезы ронитъ, руки ломитъ,
Къ землѣ припадаетъ...
Какъ за рѣчкой, за рѣкой
Ванька сѣно коситъ;
Дуня воду носитъ,
Сама Бога проситъ:
«Ой, создай-ка мнѣ ты, Боже,
Да сильнаго дождя,
Чтобы травку примочило,
Косу притупило,
Чтобы Ванька, соколъ мой,
Уходилъ скорѣй домой!»

Астраханская губернія. Астраханскій Справочный Листокъ 1876 г., № 11. Каждый второй стихъ повторяется.

421.

Что во полѣ было, полѣ,
Тутъ стояло древо,
Древо тонкая береза,
Тонка бѣла высока,
Тонка, бѣла, высока,
Листомъ широка.
Что подъ этой подъ березой
Гусарикъ убитый.
Онъ убитъ не убитъ—
Тафтою покрытый.
Тутъ дѣвица красавица
Тафту открывала;
Она тафту открывала,

Въ лицо признавала.
«Встань, гусарикъ, встань, прочкнись,
Отъ сна пробудися!
Не твои ли, сударь, кони
Во лузяхъ гуляютъ?»
Кони чуютъ предъ собой
Дальную дорожку....
Что за Волгой за рѣкой
Москаль сѣно коситъ.
Москаль бросилъ свою косу
Середи прокосу.
Тутъ дѣвица красавица
Водицу носила;
Она водицу носила,
Дождичка просила:
«Дай мнѣ, Боже, частый дождь,
Дождичка частого,
Чтобы травушку смочило,
Косу притупило,
Молодаго москаля
Съ покосу сгонило...»

Вологодская губернія. Вологодскій Сборникъ, вып. IV, стр. 94.

422.

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ;
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкой.
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цѣловала.
«Ты возстань, возстань, любезный, возстань, черно-
бровый!
Ваши кони вороные во полѣ танцуютъ...»
Я лиха не хочу—во полѣ ночую...
Мой миленькій на Руси сущу правду скажетъ....

За рѣченькой, за рѣкой гусарь сѣно коситъ;
На другой-то сторонѣ панья воду носитъ,
Воду носитъ, дождя проситъ:
«Подай, Боже, дождь,
Ты подай, Боже, дождя, подай поскорѣе,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля сгонило!»
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка?
Три дня печи не топила,—на печи-то жаръ, жаръ!
Молодаго гусаря, очень его жаль, жаль.

Архангельская губернія. Якушкинъ, стр. 549.

423.

Какъ на горѣ жито
Копытами убито...
Подъ бѣлою березою
Казачекъ убитый.
Приходитъ дѣвчина
Съ черными бровями;
Она по немъ жалковала,
Головушку вязала.
Приходитъ другая,
Совсѣмъ не такая;
Приподняла китаечку
Да й поцѣловала.
«Другъ ты мой миленькій,
Казачекъ бравенькій!
Ходитъ твой конь воронснькій
Въ лугу въ зелененькомъ.»—
—«Пущай онъ тамъ ходитъ,
Пущай и ночуетъ;

Къ распрекрасной Марусенькѣ
Дорожку онъ чуетъ.»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 172.

424.

Стлала, стлала дѣвчоночка
Постелюшку мягку;
Клала, клала красавица
Зголовье высоко;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковника въ гости;
Не могла его дождаться,
Ложилася спати.
По утру рано вставала,
Вѣсти услыхала;
Она вѣсти услыхала:
Полковничекъ умеръ...
Померъ, померъ полковничекъ
Лютой скорой смертью.
Оставалась полковница,
Вдова молодая,
Оставались малы дѣти,
Горькія сиротки,
Оставался вороный конь
Со парадной збруей.
Откажу я царску збрую,
Коня—атаману,
Откажу я свою дочку,
Дочку—генералу.
Молодые мушкетеры
Могилушку роютъ,
Роютъ, роютъ могилушку,

Елинушку тешутъ,
Молодому полковничку
Домовину строютъ.
Тѣло несутъ, коня ведутъ,
Конь головку клонитъ;
Клонитъ, клонитъ головушку
На мать сыру землю,
На мать сыру землю,
На шелкову травку.
Мимо моего окошка
Дорожка лежала;
Какъ по этой по дорожкѣ
Пронесли милаго!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 87.

425.

Стлала, стлала дѣвчоночка мягкую постелю;
Клала, клала красавица высоко зголовье;
Ждала, ждала дѣвчоночка полковничка въ гости...
Прошелъ, прошелъ полковничекъ мимо ея дома...
Да по утру-то раненько вѣстку получила,
Таку вѣстку не веселу: полковничекъ померъ.
Померъ, померъ полковничекъ своей скорой смертью.
Положили полковничка въ золоту гробницу,
Покрывали полковничка золотой парчею..
Оставлялъ же полковничекъ жену молодую;
Оставался конь вороный со всей ратной збруей.
Мимо Катина окошка пролегла дорожка.
Понесли же полковничка мимо ея дому.
Тѣло несуть, коня ведутъ, конь головку клонитъ;
Какъ у кралички дѣвчонки сердечушко ноетъ.

Оно ноетъ, завываетъ по утру раненько,
Что по утричку раненько, вечеромъ поздненько.

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 67 («проголосная»). Каждый стихъ повторяется.—Сходная неполная пѣсня: Лаговскій, № 45 («посидѣлочная»).

426.

Стлала, стлала дѣвчоночка
Мягкую постелю;
Клала, клала дѣвчоночка
Высоко зголовье;
Ждала, ждала дѣвчоночка
Полковничка въ гости...
Пала, пала ко мнѣ вѣстка
По утру раненько:
Померъ, померъ нашъ полковникъ
Своей скорой смертью.
Остается полковница
Вдовой молодою;
Остаются малы дѣти—
Горькія сироты...
Первой роты мушкатеры
Могилушку роютъ,
Землю роютъ, въ трубы трубятъ,
Вѣчный домъ готовятъ.
Молодая полковница
Стоитъ, слезно плачетъ.
Во слезахъ-то полковница
Рѣчи говорила:
«Чтобы эту дороженьку
Пылью заносило,
Чтобы эта могилушка
Травой заростала,

Что травою-муравою,
Алыми цвѣтами!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 199.—Сходная неполная пѣсня: Шейнъ, стр. 227 («хороводная разводная»).

427.

Ждала, ждала красавица
Полковника въ гости...
Прошелъ, прошелъ полковничекъ
Мимо высокаго терема,
Не взглянулъ душа молодчикъ
На мое окошко...
Зазнобилъ мое сердечко
Ровно на три года.
Сказали-то мнѣ, младенькѣ:,
Полковничекъ померъ.
Померъ, померъ полковничекъ
Скорой смертью.
Отпишу я збрую царю,
Коня—къ атаману...
Пролегала путь-дорожка
Мимо моего окошка...
Идутъ, ѣдутъ, коня ведутъ,
Полковничка везутъ;
Молодая полковница
Стоитъ, слезы ронитъ:
«Кабы этая дорожка
Пылью запыляла,
Кабы этая могила
Травкой заростала,
Что на этой бы на травкѣ
Цвѣты разцвѣтали!»
Ужъ я первый цвѣтикъ рвала,—

Полковничка ждала;
Ужъ я другой цвѣтикъ рвала,—
Полковничка дожидала...

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 35 («продольная»).

428.

Улица широка на низъ подалась.
Купеческа дочка гулять собралась
Во чистое поле,
Въ широко раздолье.
Во чистымъ полѣ,
Въ широкомъ раздольѣ
Казаченьки ходятъ,
Царско знамя носятъ,
Несчастьице чуютъ,
Чуютъ и вѣщуютъ,
Несчастье минуютъ...
Померъ нашъ полковникъ,
Назаръ полюбовникъ...
Сдѣлаемъ Назару
Золоту гробницу,
Темную темницу;
Положимъ Назара
Въ золотую гробницу;
Покроемъ Назара
Тонкою новиной,
Бѣлой кисеею;
Понесемъ Назара
На крутую гору
Мимо его дому...

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 59 («обыденная»).

429.

Шли казаченьки походомъ
Да оглянулися назадъ:
«Остаются наши домы,
Молодыя жены.
Остается конь вороной
Со хорошей збруей,
Со тесменною уздой,
Со тесменною уздою,
Со кистью золотой...»
Вздумалъ, вздумалъ казаченекъ
Съ горя померети...
Померъ, умеръ казаченекъ
Въ среду по утру,
Въ самую обѣдню...
Мы полковничка достанемъ,
Хоронить его мы станемъ,
Выкопаемъ могилу,
Выкопаемъ глубоку,
Сдѣлаемъ ему гробницу,
Сдѣлаемъ ему златую!
На той на могилѣ
Выростало деревце береза;
Что на этой на березѣ
Сидѣла кукушка.
Не кукушечка кукуетъ,—
То мать казака горюетъ!..

Пермская губернія. Шишонко, стр. 225 («солдатская»).

430.

Что пошли наши казаки
Изъ горъ во туманѣ;
Они шли путей-дорожкой,
Назадъ оглянулись;
Что назадъ-отъ оглянулись,
Тяжелехонько вздохнули,
Три слова сказали:
«Остаются наши домы,
Молодыя жены;
Остаются наши дѣтки,
Дѣтки-малолѣтки;
Остается конь вороной
Со паратной збруей,
Со паратной збруей,
Со тесменною уздою,
Съ кистью золотою...
Померъ, померъ нашъ полковникъ
Своей скорой смертью,
Въ середу по утру,
Среди горы Урала,
При травкѣ-муравкѣ,
Что при травкѣ, при муравкѣ,
При алыхъ цвѣточкахъ,
Что при аленькомъ цвѣточкѣ,
При желтомъ песочкѣ...
Ужъ мы выроемъ могилу
Ему землянную;
Ужъ мы сдѣлаемъ ему
Гробницу золотую...
Мы полковничка достанемъ,
Хоронить мы его станемъ...
Какъ на этой на могилѣ

Выростало древо;
Это древо не простое—
Березонька бѣла;
Какъ на этой на березѣ
Кукушка кукуетъ;
Не кукушечка кукуетъ,—
Его мать горюетъ:
«Ужъ ты, сынъ, ты, мой сыночекъ,
Ясный соколочекъ!
Ты примолви, сынъ, словечко,
Взвесели сердечко;
Ты примолви, сынъ, другое,
Къ сердцу ретивое!»—
—«Радъ бы, мамонька, примолвилъ,—
Уста крѣпко сжаты,
Что уста сжаты,
Крѣпко рученьки прижаты!...»

Пермская губернія. Шяшонко, стр. 189.

431.

Ужъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ,
Во единый кругъ на зеленый лугъ,
Мы подумаемъ-ка, ребята, думу крѣпкую,
Запоемте-ка, ребята, пѣсню новую,
Котору мы пѣли на синемъ морѣ.
Мы не пѣсенку, братцы, пѣли,—горе мыкали...
Что бывалъ-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ;
Что видалъ ли нашъ полковничекъ страсти-ужасти...
Разыгралася погодушка на синемъ морѣ;
Расходилося сине море изъ краю въ край, изъ конца въ конецъ;
Что ударила морска волна въ черенъ корабль.
Тутъ испугался нашъ полковничекъ, осполошился,

Подломились ножки рѣзвыя, опустились руки бѣлыя,
Покатилась буйна голова съ могучихъ плечъ;
Что упалъ-то нашъ полковничекъ на черенъ корабль.
Тутъ металися матросики да въ легки шлюпочки,
Что вывозили-то полковничка на круту гору,
Хоронили-то полковничка на красну гору.

Архангельская губернія, Мезенскій уѣздъ. Ефименко, стр. 57 («на-уличная»).

432.

При край было синяго моря,
При усть было тихаго Дунаю,
Тутъ распахана была пашня
Не плугами и не сохами,—
Добрыихъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонована была пашня
Еще тѣми же мурзавецкими копьями;
Поливана была пашня
Тою ли христіянской кровью...

Сызрань. Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 127. Эта пѣсня издана какъ часть пѣсни о Б. П. Шереметевѣ.

433.

Какъ за рѣченькою было за быстрою за Утвою,
За славными было за Утвинскими за горами,
Распахана была тамъ пашенька яровая.
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою;
Распахана была пашня булатными копіями;
Взборонена она была коневьими копытами.
Не рожью была, братцы, засѣяна, не пшеницею,—

Засѣяна была, братцы, казачьими головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ, самъ уѣхалъ;
Засѣявши ее, онъ, добрый молодецъ, самъ слезно
заплакалъ:
«Ты расти, моя пашенька, зеленѣйся!
На поливочку, моя пашенька, не надѣйся!»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, 1888 г., стр. 66.—Очень сходная пѣсня: Морской Сборникъ 1859 года, № 9, стр. 25 (здѣсь нѣтъ 3-го отъ конца стиха, а 4-й отъ конца оканчивается: самъ повѣдалъ).

434.

Какъ за славною за рѣчкой за Утвою,
За Утвинскими то было за горами,
Да распахана тамъ пашня яровая.
Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
А распахана та пашня яровая
Мурзъ киргизскихъ да хивинскихъ копіями;
Взборонована та пашня яровая
Лишь копытами киргизскихъ дикихъ коней;
И засѣяна та пашня яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ головами.
Добрый молодецъ засѣялъ, самъ уѣхалъ...
«Ты расти, молъ, моя пашня, зеленѣйся,
На поливочку ужъ ты, молъ, не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ что съ неба дождикъ,
Иль источитъ горьки слезы мать родная!»

Уральская область. Отечественныя Записки 1848 года, № 8.

435.

Какъ за рѣчкою то было за Утвою,
За Утвинскими то было за горами,
Распахана была одна пашенька,

Пашня была яровая.
Не плугомъ была пашня пахана,
Не плугомъ да и не сохою;
Распахана была эта пашенька
Казачьими копіями;
Не ржою была пашня засѣяна,
Не ржой она, не пшеницей;
Засѣяна была эта пашенька
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенька
Коневьими копытами.
Засѣялъ-то эту легку пашеньку
Одинъ младъ полковничекъ.
Засѣявши эту свою пашеньку,
Самъ онъ слезно тутъ заплакалъ:
«Расти, расти, моя легка пашенька,
Расти въ полѣ, зеленѣйся!
На поливочку, моя легка пашенька,
На поливу не надѣйся!
Что польетъ тебя, мою пашеньку,
Съ небесъ частымъ дождичкомъ!»

Уральская область. Мякушинъ, стр. 59.

436.

Ой, промежду Куры-Малку пораспаханное,
Да это чисто поле,
Ой, пораспаханное оно не плугами, не сохами,—
Ой, конскими копытами;
Охъ, какъ засѣяно да это чисто поле
Не всхожими сѣменами,
Охъ, какъ засѣяно да это чисто поле—
Казачьими головами;

Ой, заволоченное да это чисто поле,
Оно не кустами,
Ой, заволоченное да это чисто поле—
Конскими хвостами...
Охъ, да никто-то, никто, охъ, къ тому чисту полю,
Никто не привернетъ.
Охъ, приворачивалъ, ой, къ тому чисту полю,
Да онъ, князь Дмитріевъ.....

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 149.

437.

Не чернымъ-то черно поле зачернѣлося;
Какъ успахано поле, оно не плугами,
Не плугами поле, оно не сохами,
А успахано поле конскими копытами;
А усѣяно поле казацкими головами....

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія .... Кавказа, вып. III, стр. 70.

438.

Жилъ-былъ у батюшки, у матушки единый сынъ.
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.
Отдаваетъ ему отецъ-матушка
На ножки сапожки турецъ-сафьянъ,
И пошили ему шубоньку дорогую,
И дали шапоньку ему черныхъ соболей,
И даваютъ ему денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною.
Говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:

«Чадо наше милое,
Чаделко наше любимое!
И будешь ты на чужой на дальней на сторонушкѣ,
И прошла-пролегла дорожка
Мимо тотъ царевъ кабакъ:
И не ходи-тка ты на царевъ кабакъ,
Не пей чарочки зелена вина!
Какъ выпьешь ты чарочку зелена вина,
Возьмутъ твою шапоньку черныхъ соболей,
И возьмутъ твою шубоньку дорогую,
И возьмутъ сапожки турецъ-сафьянъ;
И бросятъ тебѣ лапотки липовые,
Подержаны, поношены да брошены;
И бросятъ тебѣ рогоженку липовую,
Подержану, поношену да брошену;
И возьмутъ денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною...»
Еще говорятъ ему, наказываютъ:
«Будешь ты какъ хмѣльная головушка,
И будешь на почестномъ на большомъ пиру,—
Не садись во мѣсто во большее:
Буде стоишь мѣста большаго,
Такъ посадятъ тебя во мѣсто во большее;
А буде не стоишь мѣста большаго,
Такъ осмѣютъ люди добрые
И удалые дородни добры молодцы...»
Еще говорятъ ему, наказываютъ
Таковыя словеса разумныя:
«Не водись со женщиной кабацкою...»

И пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Путемъ широкою дорогою.
Прошла-пролегла дорога мимо царевъ кабакъ
И мимо кружало государево.
Выходила женщина кабацкая;

Личушко у ней—быдто бѣлый снѣгъ,
Глазушки—быдто ясна сокола,
Бровушки—быдто черна соболя.
Говоритъ ему словеса приличныя:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Зайди, зайди на царевъ кабакъ,
Выпей винца не со множечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко,
Развесели свою младую головушку,
Ходючись, бродючись по той чужой по дальней сто-
ронушкѣ!»
Не послушалъ наказа отца-матери...
И взяла она подъ рученьку подъ правую,
И ведетъ она на царевъ кабакъ,
И говоритъ словеса приличныя:
«Какъ будешь ухмѣльная головушка,
Такъ провожу я тебя до своего до подворьица
И до своего до помѣстьица;
И тутъ я съ тобой спать лягу.»
И приходилъ онъ на царевъ кабакъ;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонушки.
Всѣ глядятъ удалы дородни добры молодцы;
Единъ удалый дородній добрый молодецъ
Выходитъ за столика дубоваго,
И наливалъ чару зелена вина
И подносилъ упаву добру молодцу:
«Выпей, выпей винца не со множечко,
Облей-обкати свое ретивое сердечушко
И развесели свою младую головушку!»
Онъ взялъ чарочку зелена вина
И повыглядѣлъ-высмотрѣлъ чарочку:
Во той во чарочкѣ отъ края ключемъ кипитъ,
А посереди чарочки дымъ столбомъ стоитъ,

А въ рукахъ тая чарочка какъ огонь горитъ.
И выпилъ чарочку зелена вина;
И тутъ добрый молодецъ и спать залегъ.
Сняли его шубоньку дорогую,
Взяли шапоньку черныхъ соболей,
Сняли сапожки турецъ-сафьянъ
И взяли денегъ пятьдесятъ рублей со полтиною;
И бросили лапотки ему липовые,
Подержаны, поношены да брошены;
И бросили ему рогоженку липову,
Подержану, поношену да брошену.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается и пробуждается...
Легъ молодецъ—какъ маковъ цвѣтъ,
А сталъ молодецъ—какъ мать родила...
И сѣлъ на брусову бѣлу лавочку;
Закручинился молодецъ, запечалился:
«Не послушался я наказа отца-матери!»

Повыскочитъ горюшко изъ запечья,
Стало горюшко по кабаку поскакивати;
Поскакиваетъ да поплясываетъ,
Поплясываетъ да выговариваетъ:
«Ай же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!
Не кручинься-ка ты, не печалуйся,
Учись горемычнаго припѣвочка:
Въ горѣ жить—некручинну быть!
Умѣй меня, горюшко, кормить-поить,
Кормить-поить, хорошо водить,
Учить горемычнаго припѣвочка!»

Всѣ пошли добры молодцы на почестенъ пиръ,
И взяли, взяли въ руки по калачику;
А ему было идти не во чемъ,
А взять калачика не во что.

Проговоритъ горюшко сѣрое:
«Надѣвай ты тулупецъ рогозинный,
Опоясывай по подольчику опоясочкой,
Обувай лапотки липовы
И учись ходить за бл......й!»
Надѣвалъ онъ тулупецъ рогозинный,
Опоясывалъ по подольчику опоясочкой,
И лапотки обуваетъ липовы;
И пошелъ ни почестенъ пиръ.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре сторонушки.
И всѣ глядятъ многи добрые людюшки:
По кресту дородній добрый молодецъ—
Ученаго онъ отца-матери,
И по поклончикамъ дородній добрый молодецъ—
Разумнаго роду-племени;
Посадить его въ мѣсто во меньшее,—
Такъ быть ему кусочекъ поданный,
А пить чарочка ожуреная;
А посадить его во мѣсто во большее,—
Такъ осмѣются многи добры людюшки.
Посадили его осередь стола.
И ѣлъ молодецъ досыта,
И пилъ молодецъ до люби;
И тутъ молодецъ и спать залегъ за золотъ столъ.
И спитъ молодецъ, просыпается,
Просыпается, пробуждается;
Проговорятъ многи добрые людюшки:
«Ай же ты, упавъ дородній добрый молодецъ!
Поди, задайся ко купцу ко богатому на двѣнадцатъ лѣтъ:
Наживешь ты денегъ пятьдесятъ рублей,
Наживешь ты шубоньку дорогую,
Наживешь сапожки турецъ-сафьянъ

И шапоньку черныхъ соболей!»
И пошелъ дородній добрый молодецъ,
Задался ко купцу ко богатому па двѣнадцать лѣтъ.
И день по день, и недѣля по недѣлѣ, и годъ по годъ,
Бывъ какъ трава растетъ:
Прошло времячка двѣнадцать лѣтъ.
И нажилъ онъ себѣ денегъ шестьдесять рублей со полтиною,
И нажилъ шубоньку дорогую,
И нажилъ сапожки турецъ-сафьянъ
И шапоньку черныхъ соболей.
Скажутъ ему добрые людюшки:
«Ай же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!
Не ходи на почестный пиръ,
А поженись-ка ты, удаленькій добрый молодецъ,
Возьми ты душку-душку дѣвушку.»
Проговоритъ горюшко сѣрое:
«Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не женись, не бери душки-душки дѣвушки!
Поди ты на царевъ кабакъ,
И пей вина кабацкаго,
И закусывай медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими!»
И шелъ упавъ на царевъ кабакъ,
И пилъ винца кабацкаго,
И закусывалъ медами стоялыми,
Стоялыми медами, сладкими.
И пропивалъ денегъ шестьдесять рублей со полтиною,
Пропивалъ шубоньку дорогую,
И сапожки турецъ-сафьянъ,
И шапоньку черныхъ соболей.
Пошелъ дороднiй добрый молодецъ
Ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ.
И приходитъ ко черной рѣкѣ ко Смородинѣ;

Закричалъ добрый молодецъ громкимъ голосомъ:
«Перевощички вы, перевощички!
Перевезите меня на тую на сторону!»
Всѣ проговорятъ перевощички:
«Есть ли у тебя дать перевознаго?»—
—«Перевознаго дать нечего.»—
—«А безъ перевознаго мы не перевеземъ!»
И сѣлъ онъ на камешекъ,
Закручинился, запечалился,
Пораздумался и порасплакался,
Повѣсилъ буйную голову,
Утупилъ ясныя очи во сыру землю.
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ
Посягнуться на свои руки бѣлыя
Во тую черну рѣку Смородину.
А проговорятъ перевощички:
«Перевеземъ мы на тую на сторону
Удалаго дородня добра молодца!»
Перевезли его какъ на тую на сторону,
Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса подъ самую подъ облаку.
Онъ летитъ яснымъ соколомъ,
А горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ,
И кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!
Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю;
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
Горюшко вслѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, упавъ дороднiй добрый молодецъ!

Хочешь ускочить, да не ускочить:
Не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
Хочетъ, хочетъ добрыіі молодецъ
Завернуться на боярскій дворъ,
Задаться къ боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговоритъ горюшко сѣрое:
«Аіі же ты, упавъ дородній добрыіі молодецъ!
Не слушай ты чужихъ умовъ-разумовъ,
Не ходи ты на боярскій дворъ,
Не корми чужаго отца-матери!»
Велитъ горюшко идти во честные во монастыри,
Велитъ горюшко постричься и посхимится.
И шелъ добрыіі молодецъ во честные во монастыри,
Постригся добрый молодецъ и посхимился.
И прошло тому времячка ровно три года,
И тутъ ему, добру молодцу, и смерть пришла.

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, т. I, стр. 479.

439.

У батюшки, у матушки жилъ молодецъ,
Одинакіі сынъ во дрокушкѣ;
Ѣлъ сладко, и носилъ красно, работалъ легко.
Захотѣлося дородню добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку
Людей посмотрѣть и себя показать.
Унимали молодца отецъ-матушка;
Онъ отца-матушки не слушаетъ.
Сряжается во путь во дороженьку:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:

Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболеіі заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковыіі;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, носа—яицо кати,
Подъ пяту, подъ пяту—воробей лети;
Денежекъ-то взялъ онъ пятьдесятъ рублеіі,
Пятьдесятъ рублеіі онъ взялъ да со полтиною.

Онъ пошелъ на чужу дальню на сторонушку.
Приходилъ-то онъ ко городу ко чужему:
Городъ чужъ, люди незнаемы,
Не знаетъ онъ, куда бы пріютится.
Подошелъ-то ко царевому ко кабаку;
Прикручинившись, стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царева изъ кабака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручиненъ, добрыіі молодецъ?
Али городъ тебѣ чужъ, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютитися?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Испей-ка чарочку зелена вина,—
Тутъ-то, молодецъ, пораскуражишься,
Со мною ли, молодецъ, позабавишься!»
Онъ послушалъ этой бабищи курвяжищи;

Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодецъ еще третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ, онъ на царевъ кабакъ.
Подошли тутъ къ нему голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену;
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.

Пробудился онъ ото сна молодецкаго,
Пораскинулъ свои очи ясныя:
Съ него снята одежица драгоцѣнная,
Надѣта одежица липова,
Поношена да тая брошена.
Сидитъ тутъ молодецъ, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясны втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодецъ!

Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
Испивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
И со мною, молодецъ, позабавишься!»
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила она другую,
Подносила она третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басонщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
Живетъ онъ поры-времячка день за день,
День за день живетъ да годъ за годъ.
Прожилъ онъ поры-времени три года,
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку красныимъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше головы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, носа—яицо кати,
Подъ пяту, подъ пяту—воробей лети.
Пошелъ молодецъ по городу похаживать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать.

Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
Прикручинившись стоитъ онъ, припечалившись,
Преклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царереваго изъ кабака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Станомъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—будто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова.
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
Али городъ тебѣ чужъ, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютитися?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Испей-ка чарочку зелена вина!
Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
Со мною ли, молодецъ, позабавишься!»
Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодецъ еще третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ, онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;

Обули лапотики липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену,
На головушку одѣли колпачокъ липовый;
Поношеный тотъ, брошеный.
Сидитъ тутъ молодецъ, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку направую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дородній добрый молодецъ!
Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
Испивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодецъ, раскуражишься
И со мною, молодецъ, позабавишься!»
Подносила къ нему чару зелена вина,
Подносила ему другую,
Подносила она третьюю;
Тутъ молодецъ пораскуражился.
Онъ пошелъ по городу похаживать,
Сталъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И загулялъ онъ ко хозяину къ басоньщику,
Онъ задался во работушки въ басонскія.
Живетъ онъ поры-времячки день за день,
День за день живетъ да годъ за годъ.
Прожилъ онъ поры-времени три года,
Денежекъ онъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною;
Одежицу себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную:
Шубоньку сшилъ онъ себѣ куньюю,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,

По рукавчикамъ и околъ ворота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше гловы:
Спереду-то не видать лица румянаго
И сзаду не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачокъ онъ опоясалъ семишелковый;
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянные:
Вокругъ носика-то, носа—яицо кати,
Подъ пяту, подъ пяту—воробей лети.

Пошелъ молодецъ по городу похаживать,
Онъ пошелъ по чужему погуливать.
Гулялъ день съ утра до вечера,
И не знаетъ онъ, куда пріютитися.
Подошелъ-то ко цареву ко кабаку.
Прикручинившись, стоитъ онъ, припечалившись,
Приклонилъ буйну головушку къ сырой землѣ,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Изъ того царенаго изъ кабака
Выходила бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная,
Craномъ ровна и лицомъ бѣла;
У ней кровь въ лицѣ—быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы—цвѣту макова.
Она стало вокругъ молодца похаживать:
«Ты чего стоишь кручиненъ, добрый молодецъ?
Али городъ тебѣ чужъ, люди незнаемы,
Не знаешь ты, куда пріютитися?
Поди-ка ты со мною на царевъ кабакъ,
Испей-ка чарочку зелена вина!
Тутъ ты, молодецъ, пораскуражишься,
Со мною ли, молодецъ, позабавишься!»

Онъ послушался этой бабищи курвяжищи,
Заходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Выпивалъ онъ еще другую,
Выпивалъ молодецъ еще третьюю.
Тутъ молодецъ пораскуражился,
И денежекъ онъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтинкою.
Обвалился молодецъ, онъ на царевъ кабакъ.
Подошли къ нему тутъ голюшки кабацкіе,
Отпоясали кушачокъ семишелковый,
Сняли съ него шубоньку-то куньюю,
Съ него шапочку-то сняли соболиную,
Сапоженьки разули сафьянные,
Перчаточки сняли съ чистымъ серебромъ;
Обули лапотики липовы,
Поношены тые, брошены;
Рогожку одѣли липову,
Поношену тую, брошену;
На головушку одѣли колпачокъ липовый,
Поношеный тотъ, брошеный.
Сидитъ тутъ молодецъ, закручинился,
Закручинился сидитъ, самъ запечалился,
Приклонилъ буйну головушку на правую сторонушку,
Очи ясныя втопилъ онъ во кирпиченъ мостъ.
Подходила къ нему бабища курвяжища,
Турыжная бабища, ярыжная;
Она стала вокругъ молодца похаживать:
«Не кручинься-тка, дороднiй добрый молодецъ!
Встань-ка ты скорешенько на рѣзвы ноги,
Испивай-ка чару зелена вина!
Тогда ты, молодецъ, раскуражишься,
И со мною, молодецъ, позабавишься!»
Подносила къ нему чару зелена вина,

Подносила ему другую,
Подносила она третьюю;
Тутъ молодецъ пораскуражился.
Встаетъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Палъ молодецъ о кирпиченъ мостъ,
Обвернулся молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ онъ по раздольицу чисту полю.
А горюшко за нимъ вслѣдъ собакою.
Палъ онъ о матушку сыру землю,
Обвернулся молодецъ яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ по подоболочью.
А горюшко за нимъ вслѣдъ черным ъ вороном ъ.
Тутъ молодецъ, онъ преставился;
Свезли-то на могилу на родительску,
Положили во матушку сыру землю.
Горюшко сидитъ, само заплакало:
«Ты хорошъ-то былъ, дороднiй добрый молодецъ!
А я еще пойду на чужую сторонушку,
Найду-то я много лучше тебя!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, т. I, стр. 471.—Очень сходная пѣсня: Гильфердингъ, № 90.

440.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ разумныя
Зародилося чадушко безумное,
Безумное чадо, неразумное.
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тка, чадо, на царевъ кабакъ,
И не пей-ка-сь, чадо, да зелена вина,
И не имѣй суюзъ съ голями кабацкими,
И не знайся ты, чадо, со жонками со бл . . . . ми,
И что ли съ тѣми со дѣвками со к . . . . ми!»

И не послушалъ тутъ чадо родной матушки.
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити-кушати зелена вина,
И сталъ знатися чадо съ голями кабацкима,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со бл . . . . ми,
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со к . . . . ми.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да горе привязалося.
Какъ молодецъ со горюшка да въ казаки пошелъ,—
Еще горе вслѣдъ да топоры несетъ,
Топоры несетъ, само приговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ кь тебѣ я, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да во солдатушки,—
А еще горе вслѣдъ да оружье несетъ,
Ай оружье несетъ, само выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»—
И молодецъ со горюшка да во быстру рѣку,—
Ай горе вслѣдъ да невода несетъ,
И невода несетъ да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да на сине море,—
Еще горе вслѣдъ да гоголемъ пловетъ,
И гоголемъ пловетъ да выговариваетъ:
«И ты постой-ка-сь, не ушелъ, да добрый молодецъ!
И не на часъ я къ тебѣ, горе, привязалося!»
И молодецъ со горюшка да во сине море,—
Ай тутъ-то горе сѣло вѣдь на бѣлую грудь,
И стало горюшко да слезно плакати:
«И тебѣ спасибо, добрый молодецъ,
И какъ умѣлъ на семъ свѣтѣ горя помыкати!»
Ай тутъ на вѣкъ горе разставалося
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 177.

441.

Отъ чего ты, горе, зародилося?
Зародилося горе отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки горе пообулося,
Въ рогозиночки горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычинкой подпоясалось.
Приставало горе къ добру молодцу.
Видитъ молодецъ: отъ горя дѣться некуды;
Молодецъ вѣдь отъ горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ, все шелковыя:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ горя дѣться некуды;
Молодецъ вѣдь отъ горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ, все шелковые:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ горя дѣться некуды;
Молодецъ вѣдь отъ горя во огневушку,—
Во огневушку да во постелюшку.
А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, во ногахъ сидитъ:
«Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ горя дѣться некуды;
Молодецъ вѣдь отъ горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.

А за нимъ горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ со лопаткою,
Со лопаткой да со телѣжкою:
«Ужъ ты стоii, не ушелъ, добрый молодецъ!»
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.

Тому хоробру и славу поютъ.

Олонецкая губернiя. Рыбниковъ, томъ I, стр. 470.

442.

Въ воскресеньице матушка замужъ отдала,
Къ понедѣльничку горе привязалося...

Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватися?
Я пойду съ горя во темны лѣса,—
Горе вслѣдъ бѣжитъ, само говоритъ:
«Я лѣса срублю, тебя доступлю!»—
Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватися?
Я пойду съ горя во чисты поля,—
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я поля прижну, тебя доступлю!»—
Ужъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда, бѣдной, съ горя подѣватися?
Я поiду съ горя въ зелены луга,—
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я луга скошу, тебя доступлю!»—
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михаiловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватися?
Я пойду отъ горя во высокъ теремъ,—

Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я теремъ зажгу, тебя доступлю!»—
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватися?
Я пойду съ горя во круты горы,—
Горе вслѣдъ идетъ, само говоритъ:
«Я червомъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю!»
Ахъ ты, матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ горя подѣватися?
Я пойду съ горя во сыру землю,—
Горе вслѣдъ идетъ
Со тупицами, вострыми заступами.
Устоялося, разсмѣялося:
«Ужъ ты, дочь моя родная!
Ты умѣла горюшко повыгоревать!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, томъ I, стр. 469.

443.

Ой ты, горе мое, горе, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю какъ быть,
Не достала, какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя въ чисто поле;
Оглянусь я назадъ, горе за мной идетъ,
За мной идетъ, вослѣдъ грозитъ:
«Ужъ я выжну, пожну все чисто поле,
А найду я, сыщу тебя, горькую!»
Ой ты, горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталося?

На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя,—горе за мной идетъ,
За мной идетъ, вослѣдъ грозитъ:
«Порублю я, посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!»
Ой ты, горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужъ и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Какъ мнѣ горе избыть!
Ужъ я отъ горя—въ гробовой доскѣ;
Оглянусь я назадъ, горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой...

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 90.

444.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать?
Пойду отъ горя въ темный лѣсъ,—
За мной горе съ топоромъ бѣжитъ:
«Срублю, срублю сыры дубы,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»
Бѣгу отъ горя въ чисто поле,—
За мной горе съ косой бѣжитъ:
«Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»
Куда жъ мнѣ отъ горя бѣжать?
Я отъ горя брошусь въ сине море,—
За мной горе бѣлой рыбицей:
«Выпью, выпью сине море,
Сыщу-найду красну дѣвицу!»

Я отъ горя замужъ уйду,—
За мной горе въ приданое;
Я отъ горя въ постелюшку слегла,—
У меня горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ горя въ сыру землю пошла,—
За мной горе съ лопатой идетъ;
Стоитъ горе, выхваляется:
«Вогнало, вогнало я дѣвицу въ сыру землю!»

Рязанская губернія, Данковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 322 («голосовая или протяжная»).

445.

Охъ, дѣвка, ты, дѣвка красная!
Куда отъ горя ты ни бѣгала,
Нигдѣ отъ горя не убѣгала!
Я отъ горя во чисто поле,—
А за мной горе бѣжитъ зайкою;
Я отъ горя во темны лѣса,—
А за мной горе съ топоромъ бѣжитъ;
Я отъ горя замужъ пойду,—
А за мной горе малыми дѣтками;
Я отъ горя во сыру землю,—
А за мной горе со лопатою...

Курская губернія. Кохановская, стр. 73.

446.

А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдитися,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни!
Не бывать плѣшатому кудрявому,

Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера!
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, уже пиво тащитъ!
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ...

Кирша Даниловъ, № 52.

447.

Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле,
И тутъ горе—сизымъ голубемъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во темны лѣса,—
И тутъ горе—соловьемъ летитъ!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя на сине море,—
И тутъ горе—сѣрой утицей!
Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!

Я отъ горя во сыру землю,—
Вотъ тутъ горе миновалося!

Саратовская губернія. Костомаровъ и Мордовцева, стр. 91.

448.

Зоренька ясная привечерняя,
Ой, некому, зоренька, поиграть по тебѣ,
Некому, зоренька, поиграть по тебѣ!
Ой, у меня мать, у меня мать не родимая,
У меня мать, у меня мать не родимая.
Ой, поздно кладетъ, поздно кладетъ, рано взбуживаетъ,
Поздно кладетъ, поздно кладетъ, рано взбуживаетъ.
«Ой, встань, дитятко, встань, милое, неряженое,
Встань, дитятко, встань, милое, неряженое!»
Ой, я съ горя, я съ горя во чистое поле,
Я съ горя, я съ горя во чистое поле;—
Ой, горе за мной, горе за мной воронымъ конемъ,
Горе за мной, горе за мной воронымъ конемъ.
Ой, я съ горя, я съ горя во темные лѣса,
Я съ горя, я съ горя во темные лѣса;—
Ой, горе за мной, горе за мной яснымъ соколомъ.
Я съ горя, я съ горя во сине море;—
Ой, горе за мной, горе за мной бѣлой рыбицей...
Во бору, во бору пастушки бренчатъ,
Ой, во полѣ, во полѣ все телѣги гремятъ.

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 117.

449.

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...

Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодецъ, молодецъ, душа, мое сердце,
Холостъ, не женатый, бѣлый кудреватый!
Сошей мнѣ башмачки изъ бѣлой бумажки!»—
—«Дѣвица, дѣвица, душа ль, мое сердце!
Напряди мнѣ вервей изъ дождевой капли,
Чтобы вервь не рвалась, башмакъ не поролся...»

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
—Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодецъ, молодецъ, душа ль моя, сердце,
Холостъ, не женатый, бѣлый кудреватый!
Сошей мнѣ шлафоръ изъ макова цвѣту!»—
—«Дѣвица, дѣвица, душа ль моя, сердце!
Напряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу,
Чтобы шелкъ не рвался, шлафоръ не поролся...»

Кровать моя, кроваточка, кровать тесовая,
Срублена кроваточка изъ безчестна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
Дѣвица съ молодцомъ въ компаніи сидѣла,
Красна съ удалымъ да рѣчь говорила:
«Молодецъ, молодецъ, душа ль моя, сердце,
Холостъ, не женатый, бѣлый кудреватый!
Слей мнѣ перстень изъ солнечной лучи,
Вставь мнѣ вставочку подъ восточну звѣзду!»—
—«Дѣвица, дѣвица, душа ль мое сердце!
Напой добра коня середь синя моря;
Коня не утопишь, сама не утонешь...»

Рукописный сборникъ XVIII вѣка (Публичная Библіотека, О. XIV, 11), № 132.

450.

Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая,
Срублена кроватушка изъ безсчастна древа,
Поставлена тесовая на разлучномъ мѣстѣ...
Гдѣ дѣвица съ молодцомъ въ компаньѣ сидѣла,
Красная съ дороднымъ рѣчь говорила:
«Молодецъ, мое сердце, хорошій, пригожій,
Хорошій, пригожій и бѣлъ-кудреватый,
Ты, бѣлъ-кудреватый, холость, не женатый!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Сшей мнѣ шлафоръ изъ макова цвѣта!»—
—«Дѣвица, дѣвица, напряди мнѣ шелку,
Напряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу,
Чтобъ шелкъ не рвался, шлафоръ не поролся!» —
—«Сшей мнѣ башмачки изъ желта песочку!»—
—«Дѣвица, дѣвица, насучи мнѣ вервей,
Насучи мнѣ вервей изъ дождевыхъ капель,
Чтобъ верва не рвалась, башмакъ не поролся!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть III, стр. 132.—Россійская Эрата 1792 года, часть III, № 107.—Пѣсенникъ 1815 года, часть III, стр. 270.

451.

Какъ на рѣчкѣ, рѣчкѣ лежала дощечка,
Дощечка дубова, дѣвка черноброва.
Дѣвка платье мыла, громко колотила,
Громко колотила, сухо выжимала,
Сухо выжимала, по бережку стлала,
По бережку стлала, мила дружка ждала.
Какъ мой милый ѣдетъ на ворономъ конѣ,

На ворономъ конѣ, въ нѣмецкоіі одежѣ.
Не доѣхадши встаетъ, самъ Богъ-помочь подаетъ:
«Богъ-помочь, дѣвица, на бѣломъ платьѣ!
Дѣвушка спѣсива, не скажешь: спасибо!»—
—«Удалой молодчикъ, загану загадку:
Сшей ты мнѣ башмачки изъ желта песочка!»—
—«Красная дѣвица, напряди мнѣ дратвы,
Напряди мнѣ дратвы изъ дождевой капли!»
—«Удалой молодчикъ, сшей ты мнѣ платье,
Сшей ты мнѣ платье изъ макова листу,
Простpoчи мнѣ строчку, не прорвя листочка!»—
—«Красная дѣвица, напряди мнѣ шелку,
Напряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу!»—
—«Удалой молодчикъ, купи мнѣ платочекъ,
Купи мнѣ платочекъ—аленькій цвѣточекъ!»—
—«Красная дѣвица, сшей ты мнѣ жилетку,
Сшей ты мнѣ жилетку изъ буйнаго вѣтру!»—
—«Удалой молодчикъ, слей мнѣ перстенечекъ,
Слей мнѣ перстенечекъ изъ солнечья лучья,
Вставь ты, милъ, глазочекъ—восточную звѣзду!
Гдѣ буду ходити, тамъ буду сіяти.»—
—«Красная дѣвица, напой моего коня—
Напой моего коня середь синя моря,
Середь синя моря, на камешкѣ стоя,
Чтобы конь напился, коверъ не мочился!»—
—Удалой молодчикъ, сострой ты мнѣ келью
Къ Петрову говѣнью, и то изъ леденьевъ!»—
—«Красная дѣвица, припаси леденья, сострою и келью!»

Ярославская губернія, Ростовскій уѣздъ. Живая Старина 1892 года, вып. III («проводочная»).

452.

Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
Туго выжимала,
Друга поджидала.
Ѣхалъ тутъ молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Въ господскомъ приборѣ.
Сказалъ: «бѣленька дѣвица,
Бѣла, круглолица!
Дѣвица спѣсива
Не скажи спасибо...
Дѣвица, дѣвица,
Бѣла, круглолица,
Напой ты мнѣ коня
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя,
Чтобы конь напился,
Коверъ не смочился!»—
—«Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Смости мнѣ кроватку
Середь синя моря,
На камушкѣ стоя!»—
—«Дѣвица, дѣвица,
Сошей мнѣ рубашку
Изъ алого цвѣту,
Котораго нѣту!»—
—«Молодчикъ, молодчикъ,
Молоденькій, молодой,
Сошей мнѣ башмачки

Изъ бѣлаго снѣгу,
Котораго нѣту!»

Самарская губернія. Варенцовъ, стр. 41. Припѣвъ: Изъ подъ ели донъ-донъ-донъ, съ повтореніемъ послѣдняго стиха —Сходная пѣсня изъ Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда: Шейнъ, стр. 232 («плясовая»).

453.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
На-сухо крутила,
На березѣ клала.
Тамъ и шелъ дѣтина:
«Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти,
Звонко колотити,
На-сухо крутити,
На березу класти!»
Дѣвушка спѣсивая
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала...
«Душечка дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,
Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши!»—
—«Душечка молодчикъ,
Выстрой теремочекъ
Безо мху, безъ лѣсу,
Безо бѣлаго тесу!»—
—«Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещеньѣ,
А лѣтомъ объ Взнесеньѣ!»—

—«Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку!»—
—«Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы!»—
—«Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенечекъ
Со краснаго солнца!
Гдѣ бъ я ни ходила,
Все бы я свѣтила!»

Псковскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 231 («плясовая»).

454.

Посажу я калинушку на крутъ бережочекъ....
Ты стой, расти, калинушка, расти, не шатайся!
Живи, моя сударушка, живи, не печалься!
Пріидетъ тоска-кручинушка, пойди, разгуляйся,
Еще пойди, разгуляйся, съ милымъ повидайся!
Почто рѣчка мутно бѣжитъ, иль погоду чуетъ?
Почто дѣвица плачетъ, иль маменька била?
Меня маменька не била,—сами слезы льются,
Еще сами слезы льются, никакъ не уймутся.
Отъ моего ль отъ милаго долго вѣстей нѣту;
Прислалъ милый поклонъ вѣрный, коня воронаго...

«Ты, дѣвица красавица, душа моя, сердце!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Ты напой моего коня среди синя моря,
Среди синяго моря, на камушкѣ стоя;
Загадаю я другую,—отгадай любую:
Чтобъ коникъ мой напился, чепракъ не мочился!»
—«Ты, молодецъ, молодецъ, душа моя, сердце!

Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Сострой, милый, мнѣ хоромы бѣлы-снѣговые,
Еще бѣлы-снѣговые, тонки, высокіе,
Чтобъ зимою были теплы, а лѣтомъ прохладны;
Загадаю я другую,—отгадай любую:
Сшей ты, милый, черевички, съ кленоваго листу,
А дратву-то сдѣлай, милый, съ дождевой капли,
Чтобъ дратва не рвалася, башмакъ не поролся!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, вып. VII, стр. 93.

455.

Лелимъ мой, лелимъ!
А летѣла утена
Черезъ лѣсъ, черезъ поле.
Лелимъ мой, лелимъ!
Завидѣла да утенушка
Три шатра у полѣ.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ первомъ шатерку,
Тамъ сидѣла Матренушка;
Она золотомъ шила,
А серебромъ она квѣтила.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ другомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Людмилушка;
Она холсточки катала,
Рубашечки вышивала.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ третьемъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Надеждушка,
Да ничго не вмѣла.
Лелимъ мой, лелимъ!

Тольки она вмѣла
Мытьса да бѣлиться,
Съ молодцомъ браниться.
Лелимъ мой, лелимъ!
«А молодецъ, молодецъ!
А сшей менѣ шубу
Съ маковаго листу!»—
—«А дѣвушка, ты, дѣвушка!
Напряди мнѣ дратвы
Изъ дождевой капли!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 227 (поется великимъ постомъ).

456.

Лелимъ мой, лелимъ!
А летѣла утена
Черезъ лѣсъ, черезъ поле.
Лелимъ мой, лелимъ!
Завидѣла да утенушка
Три шатра у полѣ.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ первомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Матренушка;
Она золотомъ шила,
А серебромъ она квѣтила.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ другомъ шатерцу,
Тамъ сидѣла Людмилушка!
Она холсточки катала,
Рубашечки вышивала.
Лелимъ мой, лелимъ!
А въ третьемъ шатерцу
Тамъ сидѣла Надеждушка,

Да ничого не вмѣла.
Лелимъ мой, лелимъ!
Только она вмѣла
Мытьси да бѣлиться,
Съ молодцомъ браниться.
Лелимъ мой, лелимъ!
«А молодецъ Васильюшка!
А сшей менѣ шубу
А съ чернаго бобра!»—
—«А дѣвушка Надеждушка!
Напряди ниточекъ
Съ аллянаго перья!»

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 227 (поется великимъ постомъ).

457.

Какъ на морѣ, морѣ,
На синемъ на морѣ,
Какъ на морѣ-Океанѣ
И на островѣ Буянѣ—
Это было въ старину—
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила;
Эхо въ морѣ раздавалось,
На островѣ отзывалось,
Далеко было слышно.
Туго выжимала,
Друга поджидала;
То повернется туда,
То оглянется сюда,
На всѣ стороны глядитъ.
Гдѣ взялся молодецъ
На ворономъ конѣ;

Онъ къ красоткѣ подъѣзжаетъ,
Черну шляпу ей скидаетъ,
  Бьетъ красавицѣ челомъ.
Дѣвица спѣсива
Не скажетъ спасибо;
Глазки въ землю потупляетъ,
На щекахъ огонь пылаетъ,
  Всякій знаетъ отчего.
«Богъ на помощь съ силой
Красавицѣ милой!
Такъ бы платье перемылось,
Какъ-бы вовсе не носилось,
  Будто новое было!»
—«Сшей ты мнѣ платьице
Изъ розова листа,
Чтобъ листочекъ не измялся,
Никогда не разорвался,
  Цвѣлъ на мнѣ, какъ на кустѣ!»
—«Сшей ты мнѣ рубашку
Изъ булатной стали;
Сталь была бы какъ холстина,
Чтобы пуля не пробила,
  Чтобъ я могъ ее носить!»—
—«Сшей ты мнѣ башмачки
Изъ желтаго песка,
Чтобъ песочекъ не терялся,
Башмачекъ не расшивался
  И не теръ бы бѣлыхъ ногъ!»—
—«Напой ты мнѣ коня
Среди синя моря,
Чтобъ воронъ конь напился,
Бранъ коверъ не намочился,
  Было бъ сухо все, какъ есть!»
—«Выстрой мнѣ домочекъ
Изъ макова зерна,

Двери, окна и полати,
Гдѣ бъ могли мы сладко спати
   На перинахъ пуховыхъ!»—
—«У меня палаты
Золотомъ убраты;
Въ нихъ, душа, мы проживемъ,
Милыхъ дѣтокъ наживемъ!
   Нѣтъ на свѣтѣ лучшаго!»

Воронежская губернія. Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1853 г., № 30. Каждый пятый стихъ повторяется.

458.

На моречкѣ, морѣ, на морѣ-Океанѣ,
На морѣ-Океанѣ, островѣ Буянѣ,
      Тутъ и была старина.
Дѣвка платье мыла, громко колотила;
На моречкѣ отдается, на островѣ отзыватся,
      Слышно было далеко.
Сухо выжимала, дружка поджидала:
То оглянется сюда, то оглянется туда,
      Во всѣ стороны глядитъ.
Неоткуль взялся молодчикъ на ворономъ конѣ;
Онъ къ дѣвушкѣ подъѣзжаетъ, черну шляпу скидаваетъ,
      Бьетъ красоточкѣ челомъ.
«Богъ помочь те, сила, красоточка мила,
Чтобъ бѣлѣе платье мыла, никогда бы не посила,
      Все бы новое было!»
Это не годится, дѣвушкѣ гордиться.
Глазки въ землю опущаетъ, въ щекахъ румянъ играетъ,
      Всякій знаетъ, для чего.

«Дѣвушка спѣсива, не скажу спасибо,
Гляди прямо на меня, я давно люблю тебя,
Ты послушай, что скажу!
Напой моего коня среди синя моря,
Чтобы воронъ конь напился, бранъ коверъ не замочился,
Все такой какъ былъ онъ есть!»
—«Сшей, мой милый, башмачки изъ желта песочка,
Чтобъ песинка не терялась, никогда не разсыпалась,
Не терло бы рѣзвыхъ ногъ!»
—«Напряди-ка, мила, дратовъ изъ дождевыхъ капель,
Чтобы дратвы не дралися, башмачки бы не поролись,
Могъ бы я ими сшить!»
—«Сшей-ка, милый, платье изъ лазореваго цвѣту,
Чтобы цвѣтикъ не помялся, никогда не разсыпался,
Цвѣлъ на мнѣ какъ на кустѣ!»
—«Сшей-ка, мила, рубашку изъ нѣмецкой стали,
Чтобы сталь была холстинка, ея пуля не прошибла,
Могъ бы ее носить!
Сдѣлай, мила, мечъ булатный изъ морскою пѣны,
Чтобы мечъ этотъ легокъ былъ, нѣмецку сталь рубилъ,
Могъ бы я имъ владѣть!»

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 89 («проголосная»).

459.

«Те Богъ на помочь, красна дѣвица,
Воду черпать!
Загануть ли те, красна дѣвица,
Семь загадокъ?»—
— «Загани-ка, сынъ боярскій,
Хоша восемь!»—

—«Таки что, красна дѣвица,
Краше свѣту?»—
—«Краше свѣту—красно солнце,
Красное солнце!»—
—«Таки что, красна дѣвица,
Чаще лѣсу?»—
—«Чаще лѣсу—часты звѣзды,
Частыя звѣзды!»—
—«Таки что, красна дѣвица,
По-подъ лѣсу?»—
—«По-подъ лѣсу—пала роса,
Пала роса!»
—«Таки что, красна дѣвица,
Да безъ крылья?»—
—«Что безъ крылья—бѣлы снѣги,
Бѣлы снѣги!»
—«Таки что красна дѣвица,
Безъ умолку?»
—«Безъ умолку течетъ рѣчка,
Течетъ рѣчка!»
—«Таки что, красна дѣвица,
Безъ отвѣту?»—
—«Безъ отвѣту—скотъ рогатый,
Скотъ рогатый!»—
—«Таки что, красна дѣвица,
Да безъ горя?»—
—«Что безъ горя—горючъ камень,
Горючъ камень!»

Вологодская губернія. Студитскій, стр. 5 («загадочная»). Каждый стихъ повторяется. — Отечественныя Записки 1841 г., томъ XVI, библіографія.

460.

Какъ купеческа дѣвушка платье мыла,
А дворянскій сынъ колотилъ...
«Загануть ли те, дѣвушка, семь загадокъ?»—
—«Загани-тка те, сударь, хоть десятокъ!»
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, выше лѣсу?»—
—«Выше лѣсу свѣтитъ мѣсяцъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, чаще лѣсу?»—
—«Чаще лѣсу часты звѣзды!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, водлѣ лѣсу?»—
—«Водлѣ лѣсу пала роса!»
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, краше свѣту?»—
—«Краше свѣту—красно солнце!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица безкрылечно?»—
—«Безкрылечны—бѣлы снѣги!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, безъ коренья?»—
—«Безъ коренья—горючъ камень!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, не ударишь?»—
—«Не ударишь—буйны вѣтра!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица безъ жалѣнья?»—
—«Безъ жалѣнья—мужъ жену бьетъ!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, беззапряжно?»—
—«Беззапряжна—быстра рѣчка!»—
—«Ужъ какъ что это, дѣвица, безсловесно?»—
—«Безсловесна—добра лошадь!»

Ярославская губернія, Ростовскій уѣздъ. Живая Старина 1892 г., вып. III, стр. 153 («проводочная»). Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой ли, ой ли, ой лошеньки, съ повтореніемъ трехъ или четырехъ послѣднихъ слоговъ стиха.

461.

По улицѣ по широкой
Идетъ дѣвка семилѣтка;
За ней бѣжитъ сынъ боярскій.
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загадаю семь загадокъ;
Изволь, дѣвка отгадати:
А что горитъ безъ пожару?
А что свѣтитъ во всю землю?
А что бѣжитъ безъ уходу?
А что цвѣтетъ безъ опаду?
А что растетъ безъ коренья?
А что плачетъ безъ рыданья?
А что вьется выше дубу?»—
—«Охъ ты, глупый сынъ боярскій!
Солнце горитъ безъ пожару;
Мѣсяцъ свѣтитъ во всю землю;
Вода бѣжитъ безъ уходу;
Укропъ цвѣтетъ безъ опаду;
Камень растетъ безъ коренья;
Лошадь плачетъ безъ рыданья;
А хмѣль вьется выше дубу!»

Курская губернія. Кохановская, стр. 71. Первая половина каждаго стиха повторяется трижды.

462.

По улицѣ по широкой,
По муравѣ по зеленой,
Тутъ шла дѣвка семилѣтка;
За дѣвкою сынъ купецкій...
«Постой, дѣвка семилѣтка!

Загадаю три загадки,
Чтобы ты, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Да что растетъ безъ коренья?
Да что цвѣтетъ да безъ цвѣта?
Да что шумитъ да безъ вѣтра?»—
А я, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Растетъ камень безъ коренья,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту,
Шумитъ вода безъ буйнаго вѣтру!

Самарская губернія (переселенцы изъ Воронежской губерніи). Варенцовъ, стр. 39.—Сходная пѣсня, изъ Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда: Шейнъ, стр. 233 («плясовая»).

463.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ?»—
—«Отгадаю, сынъ купеческій, хоть десятокъ!»
Ужъ и что это, дѣвица, краше лѣта?
Ужъ и что это, дѣвица, выше лѣса?
Ужъ и что это, дѣвица, чаще рощи?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ коренья?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ умолку?
Ужъ и что это, дѣвица, безъ отвѣту?»—
—«Краше лѣта, сынъ купеческій, красно солнце;
Выше лѣса, сынъ купеческій, свѣтелъ мѣсяцъ;
Чаще рощи, сынъ купеческій, часты звѣзды;
Безъ коренья, сынъ купеческій, крупенъ жемчугъ;
Безъ умолку, сынъ купеческій, течетъ рѣчка;
Безъ отвѣту, сынъ купеческій, судьба Божья!»—
—«Отгадала ты, дѣвица, отгадала!
Ужь и быть за мною, быть моею женою!

Московскій уѣздъ. Шейнъ, стр. 233 («плясовая»).

464.

Какъ по лугу, по лужочку,
По крутому бережочку
Бѣжитъ дѣвка семилѣтка;
За ней парень бѣлъ кудрявъ...
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загану тебѣ загадку:
А что растетъ безъ коренья?
А что цвѣтетъ безъ цвѣту?
А что шумитъ безъ вѣтру?»
—«Растетъ камень безъ коренья,
Цвѣтетъ сосна безъ цвѣту,
Шумитъ вода безъ вѣтру!»
Ой, Танюшка, Татьянушка,
Таня по торгу сходила,
Чеботы себѣ купила....
Ой, Танюшка, Татьянушка
Чеботы себѣ купила,
Два съ полтиной заплатила...
Ой, Танюшка, Татьянушка
Яровинушку полола,
Черный куколь выбирала....
Ой, Танюшка, Татьянушка
На чужу межу бросала,
Желтымъ пескомъ засыпала....
Ой, Танюшка, Татьянушка
Желтымъ пескомъ засыпала,
Чеботами прибивала....
Ой, Танюшка, Татьянушка!

Казанская губернія, Чебоксарскій уѣздъ. Магницкій, стр. 47 («обыденная»).—Очень сходная пѣсня, изъ Симбирской губерніи: Балакиревъ, стр. 64.

465.

Какъ во теремѣ дѣвица дары шила;
Тутъ и шелъ-прошелъ сынъ дворянскій,
Онъ и шедши остановился,
Остановился, поклонился:
«Еще Богъ помощь, дѣвица, дары шити!
Не загадать ли тебѣ, дѣвица, шесть загадокъ?»—
—«Загадай ты, сынъ дворянскій, хоть десятокъ!»—
—«А что у насъ, дѣвица, краше свѣта?»—
—«Краше свѣта—красное солнце.»—
—«А что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?»—
—«Выше лѣсу—свѣтелъ мѣсяцъ.»—
—«А что у насъ, дѣвица, чаще рощи?»—
—«Чаще рощи—часты звѣзды.»—
—«А что у насъ безъ отвѣту?»—
—«Безъ отвѣту—горючь камень.»—
—«А что у насъ безъ умолку?»—
—«Безъ умолку текутъ рѣки.»—
—«А что у насъ, дѣвица, безызвѣстно?»—
—«Безызвѣстна—воля Божья.»—
—«Благодарю тебя, дѣвица, на отгадкахъ
На мудреныхъ!
А и быть, дѣвица, за мною,
Да и жить со мною!»

Рукописный сборникъ 1795 года. Матеріалы для исторіи и статистики Симбирской губерніи, вып. IV, Симбирскъ, 1867, стр. 72 («свадебная»).

466.

Вы, луга мои, вы, зеленые!
Дѣвка съ поля шла, красна съ чистаго.
Какъ за ней бѣжитъ конь добра лошадь;

На конѣ сидитъ добрый молодецъ.
«Ты постой, дѣвка, постой, красная!
Загадаю какъ я три загадочки.
Отгадай, дѣвка, отгадай, красна!
А и что, дѣвка, безъ корня растетъ?
А и что, дѣвка, безъ вѣтра шумитъ?
А и что, дѣвка, зимой зелено?»
—«Отгадаю я, добрый молодецъ!
Безъ корня растетъ бѣлъ горючъ камень;
Безъ вѣтра шумитъ быстра рѣчушка;
Зимой зелено—да то ель-сосна.»

У воротъ сосна расшаталася;
Ужь и дочь къ отцу собиралася,
Тремя мылами умывалася:
А и первое мыло—то съ бѣлилами,
А другое мыло—то съ румянами,
А и третье мыло—то съ сурмилами.
Я бѣлилами набѣлилась,
А румянами нарумянилась,
А сурмилами брови чернила.

Калужская губернія, Мещовскій уѣздъ. Калужскія Губернскія Вѣдомости 1860 года, № 28. Поется при прощаніи съ масляницей. Вторая половина каждаго стиха повторяется.

467.

Какъ у моего милаго
Четыре примѣты:
Что первая-то примѣта—
Его лице бѣло;
Что втора его примѣта—
Волосы кудрями;
Что третья-то примѣта—
Шубочка съ морхами;

Что четвертая примѣта—
Шапка съ козыречкомъ...

«Загануть ли те, любезна,
Шесть загадокъ?
Еще что же, дѣвица,
Выше лѣсу?
Еще что же, дѣвица,
Краше свѣту?
Еще что же, дѣвица,
Безъ коренья?
Еще что же, дѣвица,
Безъ замочку?
Еще что же, дѣвица,
Безъ цвѣточку?
Еще что-же, дѣвица,
Безъ любови?»—
—«Не прогнѣвайся, любезный,
Все я отгадаю!
Выше лѣсу, любезный,
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Краше свѣту, любезный,
Красно солнце;
Безъ коренья, любезный,
Сѣрый камень!
Безъ замочку, любезный,
Быстра рѣчка;
Безъ цвѣточку, любезный,
Полынь-травка;
Безъ любови, любезный,—
Мы съ тобою!»—

Научить ли тя, любезна,
Какъ ко мнѣ ходити?
Не дорогою ходи,

Ходи переулкомъ;
Не ступенями ступай,
Соколомъ летай;
Не воротами во дворъ,
Ходи подворотней;
Не языкомъ говори,
Соловьемъ свищи!

Архангельская губернія, Пинежскій уѣздъ. Ефименко, стр. 101 («вечериночная»). Каждый стихъ повторяется.

468.

Что-то свѣтитъ во всю ночку?
Мѣсяцъ свѣтитъ во всю ночку.
Что-то грѣетъ всю Егропу?
Солнце грѣетъ всю Егропу.
Что-то растетъ безъ коренья?
Камень растетъ безъ коренья.
Что-то бѣжитъ и безъ ножекъ?
Рѣчка бѣжитъ и безъ ножекъ.

Устюгъ. Москвитянинъ 1842 года, часть VI, стр. 312.

469.

По тому-то было морю, морю синему,
Тамъ плыли, восплывали пятьсотъ кораблей.
А одно-то изъ нихъ суденышко напередъ бѣжитъ.
Хорошо-то это суденышко изукрашено:
У ней носъ со кормой по звѣриному.
На этомъ на суденышкѣ стояла палатушка;
Во этой-то палатушкѣ сидѣлъ турецкій паша.
Передъ нимъ-то стоитъ младъ донской казакъ невольничекъ;
Стоитъ-то онъ, молодецъ, какъ свѣча горитъ;

Онъ рѣчи-то говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
«Какъ ты, славный турецкій паша, отпусти меня на волюшку!»
Отвѣчаетъ ему турецкій паша:
«Загадаю я тебѣ, донской казакъ, три загадочки;
Отгадаешь ты мнѣ три загадочки,
Тогда-то я отпущу тебя на тихій Донъ:
Чего у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзво бѣжитъ?
Чего у насъ на свѣтѣ безъ крылъ скоро летитъ?
Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горитъ?»
Отвѣчаетъ ему донской казакъ:
«Безъ ногъ у насъ бѣжитъ твое судно легкое,
А безъ крылъ-то летитъ буйный вѣтеръ,
Безъ огня-то печетъ на свѣтѣ красное солнышко.»

Донская область. Савельевъ, стр. 127.—Кирѣевскій, вып. VIII, стр. 85.

470.

Ой, и дочь къ отцу собиралася,
Тремя мылами умывалася;
Одно мылечко—то турецкое,
Друго мылечко—то литовское,
Третье мылечко—то московское.
Отъ турецкаго—брови черныя,
Отъ литовскаго—лице бѣлое,
Отъ московскаго—щеки алыя...
«Государь ты мой, родный батюшка!
Я скажу тебѣ про диковинку, диво дивное,
На святой Руси небывалое:
У насъ по морю пожары горятъ;
По чисту полю корабли плывутъ;
По желтымъ пескамъ звѣзды катятся;
По поднебесью щука плаваетъ.»—

—«Охъ, и дочь моя, дочь хорошая, ты, пригожая!
Какъ и я скажу про диковинку, диво дивное,
На святой Руси небывалое:
У насъ по морю ковыла растетъ;
Тамъ косцы ходятъ, ковылу косятъ;
По темномъ лѣсу рыба плаваетъ;
За сыру землю солнце скрылося:
Во желты пески мѣсяцъ спрятался;
По поднебесью тамъ медвѣдь ходитъ,
Рыбу щуку ловитъ....»

Курская губернія. Кохановская, стр. 44.

471.

Вы не горкайте, два сизыхъ голуба,
Не разгоркайте моего батюшки!
А мой батюшка въ теремѣ крѣпко спитъ,
Въ теремѣ подъ окномъ, накрывши полотномъ.
Я его будила—не добудилася,
Я его кликала—не докликалася...
А встань, мой батюшка,
Устань мой родненькій!
Я диво видѣла, диво великое:
Какъ по всѣмъ полямъ все огни горятъ,
По темномъ лѣсу караси плывутъ,
По чистомъ полю корабли плывутъ....
. . . .

Курская губернія, Путивльскій уѣздъ. Русскій Филологическій Вѣстникъ 1886 г., № 4, стр. 225 («масляничная»).

472.

Черезъ рѣченьку жердинушка лежала.
Черезъ быструю тонка, гибка лежала;
Какъ никто по той жердинкѣ не перейдетъ.
А одна красна дѣвица переходитъ,
За собой она дѣвицъ переводитъ.
Ахъ, какъ что въ торгу сдешевѣло?
Сдешевѣли во торгу холостые,
Холостые, холостые, не женаты:
По семи холостыхъ на полденьги,
Къ нимъ осьмой холостой наддачей,
Девятый холостой наряжатый
И десятый холостой провожатый.

Черезъ рѣченьку жердинушка лежала,
Черезъ быструю тонка, гибка лежала;
Какъ никто по той жердинкѣ не перейдетъ.
А одна красна дѣвица переходитъ,
За собой она дѣвицъ переводитъ.
Ахъ, какъ что въ торгу сдорожало?
Сдорожали во торгу красны дѣвицы,
А за ними молодыя молодицы:
Еще по сту рублей молодица,
А по тысячѣ рублей красна дѣвица.

Пѣсенникъ 1791 г., часть III, стр. 16. Послѣдніе три-четыре слога каждаго стиха повторяются трижды.

473.

Черезъ рѣченьку жестяночка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала;
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не проложитъ.

Случилося мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздешевѣло?
Вздешевѣлися въ торгу стары старушки:
По семи старухъ на полушку,
А осьмая-то старуха на придачу,
А девятая старуха въ кашевары.

Черезъ рѣченьку жестяночка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала;
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣдка не проложитъ.
Случилося мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздорожало?
Вздорожали въ торгу красныя дѣвицы:
Что одна красна дѣвица рублей во сто,
Ея русая коса въ полтораста,
А дѣвичья красота въ полтретьяста,
А самой красной дѣвицѣ цѣны нѣту.

Томская губернія. Отечественныя Записки 1839 г., томъ III, смѣсь, стр. 62 («круговая»).

474.

Черезъ рѣченьку жердочка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала.
Что никто по той жердкѣ не пройдетъ,
Что никто слѣда не проложитъ.
Случилося мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ, не женатымъ.
Они спрашивали говорили:

Еще что у насъ въ торгу вздешевѣло?
Вздешевѣли въ торгу старыя старухи:
По семи старухъ на полушку,
А осьмая-то старуха въ кашевары,
А девятая старуха на придачу.

Черезъ рѣченьку жердочка лежала,
Черезъ быструю сырая лежала.
Что никто по той жердкѣ не пройдетъ.
Что никто слѣда по ней не проложитъ.
Случилося мимо ѣхати торговымъ,
Молодымъ купцамъ не женатымъ.
Они спрашивали, говорили:
Еще что у насъ въ торгу вздорожало?
Вздорожали въ торгу красны дѣвицы:
Что одна красна дѣвица рублей во сто,
Ея русая коса въ полтораста,
А дѣвичья красота въ полтретьяста,
А самой красной дѣвицѣ цѣны нѣтъ.

Архангельская губернія, Шенкурскъ. Труды Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, книга 1-я. стр. 87.

475.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжинку!
Тамъ что въ торгу дешевое?
Тамъ дешевы молодежи:
По семи молодцевъ на полушку,
А восьмой молодецъ на придачу.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжинку.

Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги старыя бабы:
По семи рублей старая баба.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжинку.
Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги млады бабы:
Какъ по сту рублей млада баба.

Какъ-бы я былъ голубчикъ,
А жена-то моя—голубица,
Полетѣли бы мы во торжинку.
Тамъ что въ торгу дорогое?
Тамъ дороги красныя дѣвки:
Какъ по тысячѣ рублей красная дѣвка.

Переборъ, переборъ молодежи:
Какъ гнилая солома въ ометѣ.
Переборъ, переборъ старымъ бабамъ:
Какъ старый грибъ на болотѣ.
Переборъ, переборъ младымъ бабамъ:
Какъ тонкое полотно на стлищѣ.
Переборъ, переборъ краснымъ дѣвкамъ:
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ—
Красная дѣвушка въ хороводѣ!

Воронежская губернія. Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1851 года, № 18.

476.

Съ-подъ ели рѣка прошла,
Сыромъ боромъ быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Казань и подъ Вострахань,

Подъ Сибирь изъ-подъ Вологды...
Сдешевали красны дѣвушки:
Двѣ даютъ на денежку,
Четыре на копѣечку,
Пятую придачею,
Девяту наддачею.
Съ-подъ ели рѣка прошла,
Сыромъ боромъ быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Казань и подъ Вострахань,
Подъ Сибирь изъ-подъ Вологды...
Вздорожали добры молодцы:
Одинъ молодецъ во сто рублей,
Другому молодцу цѣны нѣтъ...

Олонецкая губернія. Студитскій, стр. 79 («круговая»).

477.

Тай-тай-аіой, ладо!
Я основушку сную,
Переметы кладу....
У насъ въ торгу кличъ кликали:
Что дорого, что дешево?
У насъ дорогимъ дороги—красны дѣвушки;
Дешевымъ дешевы—добры молодцы.
Одна дѣвушка во сто рублей,
А друга дѣвушка въ тысячу,
А третьей дѣвушкѣ цѣны-то нѣтъ;
А по семи молодцовъ на овсяный блинъ;
А восьмой-то молодецъ на придачу пошелъ;
А девятый молодецъ въ кашевары пошелъ;
А десятый молодецъ на придачу пошелъ.
Ди-ладо!

Симбирская губернія, Ардатовскій уѣздъ. Симбирскій Сборникъ, томъ II, 1870 г., отдѣлъ этнографическій, стр. 33 (хороводная, поется при встрѣчѣ весны).

478.

Я вечоръ лишь, млада, во торгу ли я была,
Во торгу ли я была, вечоръ слышала.
У насъ въ городѣ дѣвки дороги;
У насъ дешевы добры молодцы:
По семи лишь молодцовъ на овсяный блинъ;
Какъ восьмой-то молодецъ на придачу идетъ;
А девятый молодецъ и туды и сюды;
А десятый молодецъ, онъ и щи и кашу варилъ,
Онъ и щи и кашу варилъ, приговаривалъ:
«Какъ гнилая-то солома скоро женится,
Беретъ за себя красну дѣвицу,
Онъ и умницу, и разумницу...»

Пензенская губернія, Краснослободскій уѣздъ. Пензенскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., № 43. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: Ой, тай, ой, ладу мою.

479.

Горка ты, горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая!
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баютъ:
Ребятъ продаваютъ.
Купцы закупаютъ—
Девять на денежку,
Десятаго на придачу.

Горка, ты горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая!
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баютъ:
Дѣвокъ продаваютъ.
Купцы закупаютъ:
Дѣвка—по сту рублей,
Коса—по тысячѣ,
Косники—смѣты нѣту.
На ребятъ смерти нѣту,
На бабъ погибели,
Чтобъ онѣ погинули.
Мужья останутся—
Они намъ достанутся.

Орловская губернія, Малоархангельскій уѣздъ. Якушкинъ, стр. 626.

480.

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя моря подымалися,—
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со куницею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ устиманъ-звѣрь.
На немъ шерсточка, на устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на устиманѣ все булатныя,
Какъ на кажинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь спины у него, устина, золото блюдо.
Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается,—
Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются.

Подбѣгали звѣри дивные къ Яику къ рѣкѣ.
Воскричалъ, взгаркнулъ тутъ устиманъ-звѣрь
Своимъ вельми громкимъ голосомъ.
Всѣ сыры дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Яикушка возмутилася.
Устоялъ только одинъ сыръ матерый дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орелъ,
Не сизой орелъ,—удалый добрый молодецъ.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ;
Попадалъ же онъ устину-звѣрю въ ретиво сердце.
И падалъ тутъ устиманъ-звѣрь на мать на сыру зем-
лю.
Застонала мать сыра земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго, самого устимана.

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, т. I, 1888 г. стр. 149. — Мякушинъ, стр. 9. — Тихонравовъ и Вс. Миллеръ, Русскія былины старой и новой записи, М. 1894, стр. 278.

481.

Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося,
Не галичья стая въ перелетъ летитъ,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжитъ,—
Напередъ бѣжитъ собака лютый индрикъ-звѣрь.
У индричка копыточки булатныя,
Шерсточка на индричкѣ бумажная;
Напередъ его щетинушки запрокинулись;
На спиночкѣ два блюдечка серебряны;
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченькѣ къ быстру Днѣпру.
Засвисталъ-то онъ, загаркалъ по звѣриному,

Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

Уральская область. Желѣзновъ, томъ III, 1888 года, стр. 3.— Мякушинъ, стр. 13.

482.

Изъ далеча, далеча изъ чиста поля
Не пыль то, братцы, во полѣ бѣлѣется,—
Бѣжитъ то, выбѣгаетъ стадо лютое;
Напередъ его бѣжитъ лютый скимонъ-звѣрь.
На скимонѣ шерсточка буланая,
Не буланая его шерсточка,—булатная,
На каждой шерстинкѣ по жемчужинкѣ;
Напередъ его шерсточка спрокинулась.
Выбѣгаетъ воръ-собака на Днѣпру-рѣку,
Становится воръ-собака на крутой берегъ,
Забродилъ ли воръ-собака по колѣнъ въ воду,
Становился воръ-собака на задни лапы,
Закричалъ ли воръ-собака по звѣриному,
Засвисталъ ли воръ-собака по соловьиному,
Зашипѣлъ ли воръ-собака по змѣиному...
Отъ крику быстра рѣченька всколыхалася,
Со желтыми со песками помѣшалася,
Со крутыми бережками помѣшалася.

Томская губернія. Этнографическій Сборникъ, вып. VI, стр. 96.—Тихонравовъ и Вс. Миллеръ, стр. 279.

483.

Какъ изъ далеча, далеча изъ чиста поля,
Изъ того было раздольица широкаго,
Что не грозная бы туча накаталася,

Что не буйные бы вѣтры подымалися,—
Напередъ-то выбѣгаетъ лютой скименъ-звѣрь.
Какъ на скименѣ-то шерсточка булатная;
Напередъ-то его шерсточка спрокинулась.
Добѣгаетъ воръ-собака до быстрой рѣки;
Становился воръ-собака на задни лапы;
Закричалъ онъ, воръ-собака, по звѣриному;
Засвисталъ онъ, воръ-собака, по соловьему;
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по змѣиному.
Отъ его было отъ крику отъ звѣринаго,
Что быстрая рѣка-мать взволновалася;
Отъ его было отъ свисту отъ соловьяго,
Что темны лѣса къ сырой землѣ клонилися;
Отъ его было шипѣнья отъ змѣинаго,
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула...

Сибирь, Локтевскій заводъ. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II.

484.

Мы вечоръ, братцы, были пьяны,
А на утро нечѣмъ похмѣлиться.
Да мы скинемся, братцы, по денежкѣ,
Мы по денежкѣ да по серебряной;
Да мы купимъ, братцы, зеленаго вина,
Зеленаго вина да полтора-то ведра;
Да мы выйдемъ за градъ, прогуляемся,
Да за ту же стѣну бѣлокаменную;
Мы взойдемъ же, братцы, на крутую гору,
Да сядемъ, братцы, за единый кругъ,
Да мы сядемъ, братцы, похмѣлимся,
Да мы выпьемъ, братцы, по чарочкѣ,
Да по чарочкѣ зеленаго вина!..
Да вы, слуги мои, слуги вѣрные!

Вы подайте мнѣ золотую трубу,
Золотую трубоньку подзорную.
Мы посмотримъ-ка, братцы, во далечу,
Мы во далечу да во чистое поле.
Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ,
Тамъ не пыль-кура да споднималася,
Споднимавши кура съ земли до неба;
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура,
Два гнѣдыхъ тура золоторогіе,
Золоторогіе да одношерстные.
Да бѣжали туры во синее море,
Да спускались туры въ море по брюхо,
Забивали туры морду по уши,
Доставали туры ключевой воды;
А напившись, туры въ море поплыли.
Переплывши туры Окіанъ-море,
Переплывали туры на Буянъ-островъ.
Тамъ встрѣчала ихъ родная матушка,
Молода турица златорогая,
Златорогая да одношерстная:
«Да вы, дѣти мои, дѣти умныя!
Да гдѣ же вы были, гдѣ гуливали?»
—«Да мы были, матушка, во Шахарѣ,
Мы гуляли, родная, во Яхерѣ,
Мы русскую землю сквозь прошли,
Царя бѣлаго да въ глаза видѣли;
Да мы видѣли ее, диковину,
Мы да русскую дѣвку чернявушку;
Да читала дѣвка книгу евангельскую,
Да не сколько читала—вдвое плакала.»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 103.

485.

Какъ леталъ-то, леталъ сизой орелъ по крутымъ горамъ.
Леталъ орелъ, самъ состарился:
Пробивала у него сѣдинушка между сизыхъ крылъ,
Побѣлѣла его головушка ровно бѣлый снѣгъ.
Залеталъ-то, залеталъ младъ сизой орелъ
Не въ свою землю, во тою-то землюшку во французскую,
Въ той-то было во компаньицѣ во богатырской.
Что это за диво, за диковинка?
Не пыль-то со курою подымалася, не сине море всколыхалося,—
Тамъ бѣжитъ-то, выбѣгаетъ индрикъ-звѣрь.
На индричку на шерсточкѣ сиво-желѣзный цвѣтъ;
На индричку сѣдельце все черкесское,
На сѣделечкѣ стременочки позлащеныя;
На индричку копыта все булатныя.

Притупѣли у орла когти острые,
Ощипались у него крылья быстрыя.
Налетали на орла черны вороны,
Да терзали они его, сиза орла.
«Эхъ, не прежняя-то моя полеточка орлиная,
Да не прежняя моя ухваточка соколиная!
Разбилъ бы я черныхъ вороновъ всѣхъ по перышку,
Да разнесъ бы ихъ по дубровушкѣ!»

Донская область. Савельевъ, стр. 114.

486.

На батюшкѣ было на Океянъ-морѣ,
На его было на крутыхъ бережкахъ,
На желтыхъ его пескахъ сыпучихъ,
На сыпучихъ пескахъ, мелкихъ, разсыпчатыхъ,
Выростало тутъ кипарисъ-древо.
Со комеля деревцо свилевато,
Ко середочкѣ деревцо сучковато,
Ко вершиночкѣ деревцо кудревато,
На самой вершиночкѣ были развилочки;
На развилочкѣ сидѣлъ младъ сизой орелъ;
Онъ сидѣлъ, орелъ, ровно три года.
Прилетала къ орлу орлинушка;
Они начали совыкатися;
По совыканьицу стали вить тепло гнѣздо:
На завивъ кладутъ бѣло серебро,
Середочку выкладываютъ краснымъ золотомъ,
Краюшки вынизываютъ мелкимъ жемчугомъ,
Въ уголушки втирали дороги самоцвѣтные камни.
Выводилъ орелъ своихъ дѣтушекъ,
Сизыхъ, младыхъ орлятушекъ.
Какъ добрый молодецъ сталъ на возрастѣ,
Его дѣтушки стали быть на возлетѣ...
Вдругъ несчастьице на Океянъ-морѣ случалося:
Подымалася полуденная погодушка,
Со всего свѣта сильна полоса;
Всколыхала она Океянъ-море
Съ краю во край и съ конца въ конецъ,
Подрывала кипарисово кореньице,
Потопляла орлино тепло гнѣздушко,
Во гнѣздушкѣ малыхъ его дѣтушекъ.
Тутъ воскликнулъ, восплакнулъ младъ сизой орелъ:
«На что мнѣ, орлу, орлинушку?

На что было мнѣ, орлу, тепло гнѣздушко?
На что были мнѣ, орлу, малы дѣтушки?»
Возвивался орелъ высокохонько,
Опущался орелъ низехонько,
Ушибался орелъ о бѣлъ горючъ камень...

Симбирская губернія. Русская Бесѣда 1856 года, № 1.

487.

Какъ во полѣ загоралась бѣлая ковыла,
Загоралась бѣлая ковылушка отъ камушка.
Какъ на этомъ камушкѣ въ ту пору
Сидѣлъ-сидючи младъ ясменъ соколъ;
Какъ сидѣлъ онъ-то, ясменъ соколъ,
Сидючи крѣпко призадумался.
Какъ на ту пору-времени ясменъ-соколику,
Ему только крѣпко придремнулося.
Какъ поджогъ-то онъ, ясменъ соколикъ,
Подпалилъ онъ свои сизы крылушки,
Свои сизы крылушки да ясменъ соколикъ,
Да рябыя свои перья-перушки.
Охъ, да какъ же пошелъ-то онъ, побрелъ да ясменъ соколикъ,
Пѣшій побрелъ онъ вдоль только по дороженькѣ;
Какъ идетъ-то, бредетъ онъ, ясменъ соколикъ,
А на встрѣчу ему да черные воронья.
Какъ и каркали они, черные воронья, смѣялися,
Смѣялися, потѣшалися надъ ясменъ-соколикомъ,
Называли-то они его, ясменъ-соколика,
Называли только его каргой загуменною.
«Охъ, да не тебѣ-то ли было, ясменъ-соколику,
Пѣшимъ ходить вдоль по дороженькѣ;
А тебѣ-то ли было, ясменъ-соколику,

Летать-гулять въ полѣ по-наднебесью!»
Охъ, да какъ восплакался-то тутъ да ясменъ соколикъ,
Да онъ только передъ Господомъ Богомъ:
«Охъ, Ты создай, пошли, Боже, да сильнаго дождика!
Охъ, да отросли бы у меня, у ясменъ-соколика,
Да сизыя мои только крылушки,
Охъ, да сизыя мои только крылушки,
Да рябыя мои только перья-перушки!
Охъ, да отсмѣялъ бы я тогда, ясменъ-соколъ,
Эту насмѣшечку этимъ чернымъ вороньямъ!»

Терская область. Сборникъ матеріаловъ для описанія... Кавказа, вып. XV, стр. 86.

488.

Охъ, да отчего-то ли эта бѣлая ковыль-травка,
Она разгоралася?
Ой, загоралася эта бѣлая ковыль-травка,
Она отъ бѣлаго камушка.
Ой, да какъ сидѣлъ на камушкѣ, сидѣлъ младъ ясменъ соколъ,
Сидѣлъ, крѣпко призадумался.
Ой, да какъ на ту пору ясному соколику
Чуточекъ вздремнулося.
Ой, да онъ поджогъ да онъ подпалилъ, да ясный соколикъ,
Да сизыя свои крылышки.
Ой, да онъ пошелъ-то, онъ побрелъ, да ясный соколикъ,
Пошелъ пѣшій по дорожкѣ.
Охъ, да какъ на встрѣчу-то ему, ясному соколику,
Да черные вороны.

Охъ, да они каркали ему, смѣялися:
«Охъ, да не тебѣ-то ли было, ясному соколику,
Ходить пѣшу по дорожкѣ!»
Охъ, да какъ расплакался да ясный соколикъ,
Да онъ передъ Господомъ:
«Охъ, да ты создай, да ты, Боже, на яснаго сокола
Да сильнаго дождичку!
Охъ, да отрастуть-то у меня, у яснаго сокола,
Да сизыя крылышки!
Охъ, да тогда-то ли я вамъ дамъ, да черные вороны,
Отсмѣю эту насмѣшечку!»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 105.

489.

Загоралась въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралась до бѣлаго каменя.
На камнѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалилъ онъ свои крылушки,
Обжегъ свои скорыя ножушки.
Прилетали къ соколу стадо вороновъ,
Садились вороны вокругъ него,
Въ глаза ясну соколу насмѣхалися,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ворона подгуменная!»
Тутъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги скорыя;
Я взовьюся, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опущуся въ ваше стадо быстрѣй стрѣлы,
Перебью васъ, черныхъ вороновъ, до единаго...»

Пріуралье. Извѣстія Академіи Наукъ, томъ II («хороводная»).

490.

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка—
Отъ великаго оружія солдатскаго,
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралася до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалилъ онъ свои быстрыя крылушки,
Обжегъ онъ свои скорыя ноженьки.
Прилетали къ соколу стадо вороновъ;
Что садились черны вороны вокругъ его
И въ глаза ли ясному соколу насмѣхалися,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ты, ворона подгуменная!»
Ахъ, что взговоритъ въ кручинѣ младъ ясенъ соколъ:
«Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
Я взовьюсь, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
Перебью я черныхъ вороновъ до единаго!»
Ахъ, когда былъ Краснощековъ во неволюшкѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы гой еси, друзья-братья-товарищи!
Не покиньте добраго молодца при бѣдности!
Ужъ какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

Пѣсенникъ 1780 года, часть I, стр. 147.—Кирѣевскій, вып. IX, стр. 177.

491.

Ты, дубровушка, ты, зеленая,
Еще чѣмъ ты, дуброва, изукрашена,
Али кустичкомъ, али прутичкомъ?
Посередь дубровы есть поляночка,
На полянѣ стоитъ сыръ высокій дубъ,
На дубу-то сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подъ дубомъ-то стоитъ конь добра лошадь.
Они споръ держатъ съ яснымъ соколомъ,
Не о ста рубляхъ, не о тысячѣ,—
О своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Еще кто поспѣетъ на сине море.
Да коню-то бѣжать по сырой землѣ,
Соколу-то летѣть по поднебесью.
Еще конь-етъ бѣжитъ—вся земля дрожитъ,
А соколъ летитъ—колоколъ звенитъ...
Увился-то соколъ, онъ за птицею;
Прилетѣлъ соколъ, коню въ ноги палъ:
«Ты прости-ка меня, конь добра лошадь!»
—«Я тогда-то прощу, когда кровь пущу,
Когда кровь пущу во сыру землю,
Сизы перушки по синю морю!..»

Уфимская губернія, Мензелинскій уѣздъ. Пальчиковъ, № 69 («проголосная»). Каждый стихъ повторяется.

492.

Какъ изъ далеча, изъ-подъ далеча во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ да росъ сыръ матерый дубъ.
У сыра дуба кореньица булатныя,
А коринушка у сыра дуба жемчужная,

Сучки-вѣточки на сыромъ дубу хрустальныя,
А листоченьки на сыромъ дубу бумажные.
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице коневіе,
А во стойлицѣ—сивый рѣзвый конь;
На вершинушкѣ у сыра дуба сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Какъ ясенъ соколъ надъ добрымъ конемъ насмѣхаться сталъ:
«Ужъ ты, кляча, кляча, сивый рѣзвый конь!
На тебѣ же, кляча, шерсть оленія,
А черное мясо твое вороніе!»
За досадушку то добру коню показалося,
И ясенъ соколъ съ добрымъ конемъ позаспорили.
Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
Они спорили объ своихъ буйныхъ головушкахъ.
Соколу летѣть доставалося чрезъ сине море,
А коню бѣжать доставалося вокругъ синя моря.
Конь бѣжитъ, бѣжитъ—вся земля дрожитъ,
А соколъ летитъ—какъ колоколъ звенитъ.
Прибѣгаетъ конь до мѣстеченька до урочнаго,
До того мѣста—до колодезя до глубокаго.
Какъ прибѣгъ къ себѣ сивый рѣзвый конь, самъ во стойло сталъ.
Ужъ онъ часъ стоялъ, и другой стоялъ,—нѣту сокола,
А на третьемъ онъ на часикѣ появляться сталъ.
Прилетѣлъ соколъ ко добру коню, пропустивши срокъ,
Ужъ онъ палъ коню въ рѣзвы ноженьки за просроченье.
Тутъ ясенъ соколъ доброму коню виноваться сталъ:
«Ты прости меня, сивый рѣзвый конь, виноватаго!
Я летѣлъ, соколъ, чрезъ сине море шибче вихоря,
И увидѣлъ я на синемъ морѣ стаю лебедей;
Выбралъ я себѣ что ни лучшую лебедушку;

Лебединаго ея мяса я понакушался
И за этимъ-то я, ясенъ соколъ, позамедлился.»

Уральская область. Желѣзновъ, Очерки быта уральскихъ казаковъ, томъ III, 1888 года, стр. 123.

493.

Не во дали было, во чистомъ полѣ,
Не при широкомъ было, при ровномъ курганѣ,
Тамъ стоялъ-то, выросталъ дубъ.
Корешечки у дуба—крѣпкіе булатные;
Шкурочка у дуба—желтая лимонная;
Вѣточки у дуба—чистыя хрустальныя;
Листочки у дуба—бѣлые бумажные;
Вершинка у дуба—она позлаченая.
На томъ-то на дубу—она соколиная;
Подъ тѣмъ-то подъ дубомъ—стойло коня добраго.
Конь съ соколомъ крѣпко позаспорили,
Не объ сто рублей, не объ тысячѣ,
Позаспорили они объ своей головушкѣ.
Какъ вѣдь конь-то побѣжалъ—ровно громъ загремѣлъ.
Онъ быстры-то рѣчки перепрыгивалъ,
Крутыя горы между ногъ пускалъ,
Темные лѣса не прихватывалъ.
Вотъ добѣгиваетъ конь до мѣстной рощи;
Ужъ часъ-то стоялъ и другой стоялъ,
На третьемъ часу сталъ потравити...
Соколъ прилетѣлъ—ровно колоколъ прозвенѣлъ.
Ужъ падастъ коню въ рѣзвы ноги:
«Ты прости-ка, душа добрый конь,
Ужъ ты будь-ка мой набольшій братъ!
Я летѣлъ-то, соколъ, по водамъ, по морямъ,
Заглядѣлся я тамъ на сѣрыхъ уточекъ,

А на больше того на бѣлыхъ лебедушекъ:
Ужъ я такъ-то, соколъ, крѣпко позамѣшкался.»

Терская область. Терскій Сборникъ, вып. I, стр. 104.

494.

Сколько я, добрый молодецъ, пѣшъ не хаживалъ
И на добромъ моемъ конѣ ни ѣзживалъ,
Но диковинки такой, какъ разъ видѣлъ я, не видывалъ.
Наѣхалъ я на диковинку—на сыръ крѣпкій дубъ;
Какъ во этого сыра дуба кореньица все булатныя,
На сыру дубу шкорочка желѣзная,
Цвѣточки во сыра дуба все хрустальные,
А на вѣточкахъ листушки коровайнаго золота,
Цвѣтъ и желуди на сыромъ дубу, они все алмазные.
На сыру дубу свито гнѣздышко соколиное,
А подъ нимъ-то стойлице кониное.
Какъ не душечка душа добрый конь,
Съ яснымъ соколомъ онъ заспаривалъ
Не о сто рублевъ, не объ тысячу,
А заспорили они о свои буйныя головушки:
Кто скорѣй будетъ у мѣстечка у урочнаго,
У того ли было колодезя у студенаго;
Какъ коню бѣжать по сырой землѣ,
Ясну соколику летѣть по наднебесью.
Прибѣгаетъ душа добрый конь прежде сокола;
Онъ травы хватилъ да воды испилъ и у стоіла сталъ.
Прилетаетъ ясенъ соколъ опосля коня,
Падаетъ онъ коню во рѣзвы ноги:
«Ты прости, уважь, душа добрый конь, моей глупости:
Соколиныя мои крылушки залетныя,
Глазушки у меня, сокола, завидущіе:

Налетѣлъ я на стадо лебединое
И убилъ во той стадушкѣ бѣла лебедя,
Да за тѣмъ за сѣмъ я, соколикъ, призамѣшкался;
Будь же мнѣ, душа добрый конь, мнѣ набольшій
братъ!»

Донская область. Донскія Областныя Вѣдомости 1875 года, № 92.

495.

Ой ты, поле мое, раздольице,
Раздольице, степь широкая!
Ничевохонько ты, мое полюшко,
Ничто себѣ не породило....
Породило мое полюшко
Одинъ себѣ сыръ зеленый дубъ;
У сыра-то дуба корешики,
Коренья были все свинцовые,
Шкурочка-то на сыромъ дубу,
Была она все парчевая,
Сердечушко-то было у сыра дуба,
Все было-то оно булатное,
Ну и вѣточки на сыромъ дубу,
Они были все хрустальныя,
Листочки были на сыромъ дубу,
Они были все бумажные,
Китушки были на сыромъ дубу,
Они были все жемчужныя,
Вершиночка на сыромъ дубу
Была—будто жаръ горитъ.
На вершиночкѣ свито гнѣздышко,
Гнѣздо было соколиное;
Подъ сыромъ-то дубомъ,
Тамъ стойлице было лошадиное.

Во гнѣздушкѣ въ ясненькомъ
Сидѣлъ младъ ясменъ соколъ;
Во стойлицѣ вотъ у дубочка
Стоялъ душа добрый конь.

. . . .
. . . .

Донская область. Донская Газета 1876 г., № 46.

496.

Протекало теплое море,
Слеталися птицы стадами,
Садилися птицы рядами;
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу синицу:
«Гой еси, малая птица,
Малая птица синица!
Скажи намъ всю истинную правду,
Скажи ты намъ про вѣсти морскія:
Кто у васъ на морѣ большіе?
Кто у васъ на морѣ меньшіе?»
Провѣщаетъ малая птица,
Малая птица синица:
—«Глупыя вы, русскія пташки!
Всѣ птички на морѣ большія,
Всѣ птички на морѣ меньшія.
Орелъ на морѣ—воевода,
Перепелъ на морѣ—подьячій,
Пѣтухъ на морѣ—цѣловальникъ,
Журавль на морѣ—водоливецъ:
То-то долгія ноги,
То-то французское платье,
По овсяному зернышку ступаетъ;
Чижъ на морѣ—живописецъ,

Клестъ на морѣ—портной мастеръ,
Сова у насъ на морѣ—графиня:
То-то высокія брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки,
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ;
Гуси на морѣ—бояре,
Утята на морѣ—дворяне,
Чирята на морѣ—крестьяне,
Воробьи на морѣ—холопья:
Вездѣ воробейко срываетъ,
Битъ воробейко не бываетъ;
Лебеди на морѣ—князи,
Лебедушки на морѣ—княгини;
Желна у насъ на морѣ—трубачей,
Воронъ на морѣ—игуменъ,
Живетъ онъ всегда позадь гуменъ;
Грачики на морѣ—старцы,
Галочки—старочки-чернички,
Ласточки—молодички,
Касаточки—красныя дѣвчички;
Красная рожа—ворона,
Зимою ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрѣхамъ;
Рыболовъ на морѣ—харчевникъ;
Дятелъ на морѣ—плотникъ:
Всякое дерево онъ долбитъ,
Хощетъ намъ храмъ сорудити;
Соколъ у насъ на морѣ—наѣздникъ:
На всякую птицу налетаетъ,
Грудью ее побиваетъ;
Куликъ на морѣ—разсыльщикъ,
Кокушка—та вздорная кликушка,

Блинница на морѣ—цапля,
Чечетъ—гость торговый,
Сорока-то у насъ—щеголиха:
Безъ калача не садится,
Безъ милаго спать не ложится,
Безъ сладкаго меду не вставала,
Пѣшая къ обѣднѣ не ходитъ,
Все бы ей въ богатыхъ колымагахъ,
Все бы она во коляскѣ,
Все бы ей кони вороные,
Все бы ей кареты золотыя,
Все бы ей робята молодые,
Все бы молодые, холостые;
Бѣдная малая птичка,
Малая птичка—синичка:
Сѣна косить не умѣетъ,
Стадо ей водить не по силѣ;
Гладомъ я, птичка, помираю.»

Пѣсенникъ 1780 г., часть I, стр. 194.—Пѣсенникъ 1791 г., часть II, стр. 21.

497.

Ай, отчего-те зима да зачалася
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
Ай богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица пѣвица;
Садилась въ зелену садочку,
А на тое на дерево калино,
А и начала пѣти-жупѣти,

Всякими она-те ясаками.
Ай услыхали русскія птицы,
Сбиралися стады они стадами,
Прилетали къ зелену садочку,
Ай садились птицы рядами,
Въ одну сторону да головами;
А начали пѣти-жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай, малая птица пѣвица!
Скажи Божью правду, не утайся:
Кто у васъ за моремъ большіе,
Кто за Дунаецкимъ меньшіе?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
«Глупыя вы русскія птицы!
А зачѣмъ же сюда да прилетали,
Зачѣмъ про сине море спрошали?
Всѣ у насъ за моремъ большіе,
Всѣ за Дунаецкимъ меньшіе.
Ай крестьяна у насъ по деревнямъ,
А десятски у насъ по селеньямъ,
Ай старосты у насъ по волостямъ,
Попы, дьяки у насъ по погостамъ,
Старцы-игумны въ монастыряхъ,
Подьячіе люди по присутствамъ,
А гости торговы по посадамъ;
Воеводы живутъ у насъ по мызамъ,
Солдаты идутъ по походамъ,
Цари да царствуютъ по царствамъ;
А всѣ-ль-то у насъ они по службамъ,
Всѣ-ль-то у насъ и по работамъ.
А еще бы за Дунаецкіимъ моремъ
Бѣлый-етъ колпикъ былъ царикъ,
Бѣлая колпица—царица;
А гуси-ты на морѣ бояра,
Лебеди—боярецкія жены,

Соловей при нихъ веселыи:
Во всякія игры играетъ,
Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаетъ;
Воробьи—боярски холопы:
Колье-жердье да работали,
Крестьянски конопля разбивали,
Оттого сыты пребывали;
А голубчикъ-отъ на морѣ—попикъ,
Голубушка-та была попадьюшка,
Ай косачки—дьячки церковны,
Тетерки-ты—дьяческія женки,
Куликъ—пономарь церковный;
А травникъ-отъ былъ протаможникъ,
А терпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ,
А канюкъ-отъ былъ цѣловальникъ,
Рябчикъ-отъ на морѣ—стряпчій,
А ластушки—красны дѣвицы,
Утки да были молодицы,
Селезень—гость торговый:
Ай по синему морю вѣдь онъ плаваетъ,
Всякими товарами торгуетъ;
Чайки-ты были водоплавки,
Гагары-ты были рыболовки:
А съ озера въ озеро ныряли,
Всяку они рыбу добывали;
На горѣ ихъ рыба не бывала,
А въ торгу ихъ рыбы не видали,
Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали;
А журавль-етъ былъ перевощикъ:
По синему морю вѣдь онъ бродитъ,
Русскія птицы перевозитъ,
Цвѣтнаго платія не мочитъ;
Галицы были черницы,
Черные вранъ—да игуменъ,
А ястребъ былъ и атаманомъ,

А филинъ-отъ—тать да разбойникъ,
Соколъ-отъ скорыи посланникъ,
Орелъ-отъ на морѣ налетникъ:
Единожды въ годъ прилетаетъ,
А велику себѣ дань собираетъ—
По три головы да по четыре,
Иногда по цѣлому десятку;
А мошникъ-отъ на морѣ—крестьянинъ,
Копцала—крестьянская женка,
А синька—б.... полежлива:
Часто лежитъ она, хвораетъ,
Долго она не пропадаетъ,
Работы работать она не можетъ,
Казака нанять она не смыслитъ;
Дроздъ-отъ у ней казаченко,
День-то онъ, ночи работаетъ,
Гроша отъ найму да не видаетъ;
Кокуша—побѣдна горюша:
Много она яицъ выкладаетъ,
А счету во яицахъ не знаетъ,
Дѣтей выводити не умѣетъ;
Куропать—бобыль безпомѣстный:
Штаники онъ носитъ съ напусками,
Изъ куста въ кустъ перебродитъ,
Помѣстья себѣ да не имѣетъ;
Дятелъ-отъ на морѣ—плотникъ,
Желна-та—церковный строитель:
По темному лѣсу летаетъ,
Всяко она дерево пытаетъ,
Церквы-соборы работаетъ;
Сорока—кабацкая женка:
Черные чоботы держала,
Съ ножки на ножку скакала,
На груди подолы подымала,
Молодыхъ ребятъ приманяла;

Безъ калача да ѣсть не сядетъ,
Безъ молодца да спать не ляжетъ;
Пѣшъ же она, к...., не ходитъ,
Все-ль-то ѣдетъ на подводахъ,
А пара у ней коней вороныихъ,
Извощички—ребята молодые;
Ворона-та на морѣ—бабка:
Когти толстые, грязные,
Порядню-ту водитъ худую;
Пѣтухи—казаки донскіе:
То-то молодцы да удалые,
По многу женъ они содержатъ,
По три жены да по четыре,
Иной и до цѣлаго десятка,
А всѣхъ нарядити онъ умѣетъ,
Всѣма разрядити разумѣетъ;
Не такъ какъ на Руси у мужа
Одна его бажоная женушка,—
И той нарядить онъ не умѣетъ,
На работу разрядить не разумѣетъ;
А курица—послѣдняя птица:
Кто ни ею да поимаетъ,
Всякой въ дырѣ да ковыряетъ,
Все изъ яица бѣдну пытаетъ,
Любимымъ зятевьямъ и припасаетъ.
Левъ-тотъ на морѣ мясникъ былъ,
Медвѣдь-етъ былъ кожедерникъ:
Много онъ кожъ придираетъ,
Сапоговъ на ногахъ не видаетъ.
Волкъ-тотъ на морѣ овчинникъ:
Много онъ овчинъ придираетъ,
Ай шубы онъ на плечахъ не видаетъ,
Велику себѣ стужу принимаетъ.
Олень-етъ—скорыи посланникъ,
Зайко-то на морѣ—калачникъ,

А ножки тоненьки, бѣленьки,
Калачики пекетъ онъ и маконьки;
А лисица—молода молодица:
Дологъ хвостъ—и не наступитъ,
Сдѣлаетъ вину—она не скажетъ;
А собака-та—зла лиха свекрова:
День она, ночи варайдаетъ,
Дѣла никакого не скажетъ.
Ай кошки эти были вдовицы,
То-то сироты да бобылицы:
Днемъ кошки лежатъ по печкамъ,
Ночью пойдутъ по добычкамъ,
А криночки-горшочки открываютъ,
Безъ ложки сметанку снимаютъ;
За то же ихъ бьютъ и безпощадно.»

А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,
Всѣмъ удалымъ былъ и розъѣздъ:
Краснымъ дѣвицамъ по теремамъ,
Ай молодымъ молодцамъ былъ по лавкамъ,
А молодыимъ молодкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ и по полатямъ,
Старымъ старушкамъ по печкамъ.
То-то старуха на печкѣ,
То-то старухѣ надо ѣства—
Кринка овсянаго тѣста;
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала ...тпру!

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 62.—Сходная пѣсня (не полная): Рыбниковъ, часть I, стр. 485.

498.

И отчего, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего, братцы, становилась весна красна?

Весна красна становилась отъ зимы холодной.
Отчего, братцы, становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего, братцы, становилась осень богата?
Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.
Покладутъ крестьяне стоги,
Имъ жить хорошо—и весело, и прохладно.
Да цари живутъ по царствамъ,
Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
И мелкіе судьи живутъ по уѣздамъ,
А попы, дьяки живутъ по погостамъ,
А сироты, мелкіе люди, живутъ они по подворьямъ.
А про то бы, братцы, было вѣсто:
Старой бабѣ на печи было мѣсто,
И лежала она бы, не бурчала бы,
Была бы подъ носомъ кринка съ тѣстомъ....
Стары старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки лежатъ по прилавкамъ,
Молоды молодицы съ мужевьями по чуланамъ спятъ,
Красны дѣвицы по ошесткамъ спятъ,
Малые ребята спятъ—по зенькамъ спятъ.

Тутъ изъ далеча, изъ далеча,
Изъ синяго Дунайскаго моря,
И налетала малая птичка-пташка,
Спрашиваетъ и русскихъ птицъ:
«Ай же вы, русскія птицы!
Каково вамъ жить-то на Руси?»
Отвѣчали русскія птицы:
«Ай же ты, мала птица-пташка!
Хорошо намъ жить на Руси.
Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
Да всѣ птицы у насъ при работѣ,
И всѣ птицы у насъ при караулѣ.»
И налетали птицы воробьи,

Садились они по коламъ,
Садились они по изгородамъ,
Садились они по малыимъ ракитовымъ кусточкамъ,
Да садились они вдоль зеленой дубравы;
А живутъ они въ домахъ по рагузу.
Губалъ-птица на морѣ—плотникъ;
Ястребъ на морѣ—стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по куренку,
Со вдовы, съ сироты беретъ по двѣ и по три,—
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра,
Канюкъ на морѣ—хлопотникъ,
Гусь на морѣ—морской ходатель,
Чайки на морѣ—онѣ погощанки,
Синица была на морѣ—пѣвица,
И то она была не пѣвица
То она была пономарица;
И чирка на морѣ, она была рыболовка,
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ,
И только съ рыбой въ ярмонку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ;
Сойка на морѣ, она была верещага,
Утка на морѣ—она сѣроплавка,
Селезень-то на морѣ—удалый добрый молодецъ,
Ластушки на морѣ были касатыя—красны дѣвушки,
Соловей на морѣ—птица,
Хорошо поетъ, любо и слушать;
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехонько онъ щекотаетъ;
Вытлюкъ на морѣ—травникъ, самъ ябедникъ;
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то былъ тонконосый;
Косачъ на морѣ—казакъ донской,
И тетерка на морѣ—молодая женка,

Галки на морѣ, они погощаны,
Гагара, изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха;
Воронъ былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ строитель,
И былъ строитель—то онъ былъ не строитель,
Былъ онъ монастырскій разоритель;
Журавль на морѣ—пономарь монастырскій:
Въ большой колоколъ ударитъ,
Къ обѣднѣ идти заставитъ;
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь—кожемяка:
Много кожъ онъ сымаетъ,
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волкъ-отъ—овчинникъ:
Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ—молода молодица:
Много винъ сдѣлаетъ—про себя вины не скажетъ,
Дологъ хвостъ,—на свой не ступитъ.
Заяцъ на морѣ—сошки не дѣлаетъ, рѣпки не пашетъ,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,
Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ...
Охъ, тошнехонько, охъ, тяжеленько!...
Кошки на морѣ—вдовицы,
И то—бобыли-сироты:
День она по печамъ, день она по ошесткамъ,
И ночь-то придетъ, пойдетъ по молочнымъ кринкамъ.
Да сорока на морѣ—кабацкая женка:

Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ—побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поимаетъ,
Всякій перстомъ въ дырѣ покопаетъ,
Оттуль яицо добываетъ;
И зятю теща яйцо добываетъ,
Отъ того теща и честь залучаетъ.
На морѣ воронща—бабка пупорѣзна:
Головище у ней толстое,
Платьицо у ней грязное.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не вѣдали;
Что знали, то и сказали.

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 130.— Сходныя пѣсни: Рыбниковъ, томъ II, стр. 310;—Гильфердингъ, № 137.

499.

Отчего это, братцы, зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ трескучихъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны красной становилось лѣто тепло,
Послѣ лѣта теплаго приходила осень богатая.
Мужики-крестьяна стоги поклали;
Жить имъ весело и прокладно.
Цари живутъ по царствамъ,
Бояра живутъ по помѣстьямъ,
Господа живутъ по мызамъ,
Гости торгуютъ по посадамъ,

Подьячьи сидятъ по приказамъ,
Воеводы по уѣздамъ,
Бобылишка по подворьямъ,
Старые старики по скамейкамъ,
Молоды молодицы по кроватямъ,
Красныя дѣвицы по теремамъ,
По ясному соколу въ беремяхъ
И подъ теплымъ одѣяломъ по другому.
Впредь сего временамъ
Говорили своимъ дѣтямъ,
Говорили-поучали,
Чтобы міру было вѣсто,
Что старой старухѣ на печи мѣсто,
Кринка подъ носомъ съ тѣстомъ,
Ѣла бы она, не ворчала...

Изъ-за тихаго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица синица,
Надъ русскими птицами царица;
Садилась на деревцо калину,
Она начала пѣть-жупѣти,
Тонко воспѣвати,
И говорила русскіимъ птицамъ:
«Ай же вы, русскія птицы!
Тамъ же вы не бывали,
Нужды-горя не видали,
Живете здѣсь по домамъ, по рагузамъ...
Какъ у насъ на славной тихой заводи
Даромъ птички хлѣба не тратятъ:
Всѣ птички по службамъ,
Всякъ человѣкъ по работамъ.
Куньки-гагары—вѣковѣчные рыболовы:
Изъ озера въ озеро летаютъ,
Побѣднымъ своимъ голосомъ рыдаютъ,

Много рыбы они добываютъ,
На тую рыбу вѣкъ призору не бываетъ.
Пѣтухи—молодцы удалые:
По многу женъ имѣютъ,
По двѣ, и по три, и по цѣлому десятку.
У крестьянина на Руси одна женка бажона,
И той нарядить не можетъ.
Цапля ты, цапля, худой человѣкъ, необычайный,
Журавъ черкацкій, самъ петербургскій!
Въ большой колоколъ ударитъ,
Обѣдать-ужинать проситъ;
Ходитъ по мосту, а мосту мостить не умѣетъ:
Ножки тоненьки, чулочки узеньки
И платьица коротеньки.
Соколъ-птица—надлетникъ:
Часто въ деревню прилетаетъ,
Годовую десятину обираетъ,
Сиротъ, вдовицъ обижаетъ,
И въ томъ эта птица неразсудна.
Попугай—птица на морѣ вѣща;
Куропать на морѣ—безкромѣшна:
Изъ куста въ кустъ перебродитъ,
Подворья себѣ не имѣетъ;
Чайцы на морѣ—попадейки,
Гуси на морѣ—бояра,
Лебеди на морѣ—дворяна,
Олень на морѣ—посланникъ,
Медвѣдь на морѣ—кожемяка:
Много кожъ снимаетъ,
Сапоговъ никогда не бываетъ;
Сѣрый волкъ—овчинникъ:
Много овчинъ снимаетъ,
Полушубка на себѣ не бываетъ...»

Олонецкая губернія, Петрозаводскій уѣздъ. Рыбниковъ, часть III. стр. 328. Очень сходныя пѣсни: Рыбниковъ, часть III, стр. 335, 338.

500.

Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась?
Становилася зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становилась весна красна,
Отъ весны становилось лѣто тепло,
А отъ лѣта становилась богатая осень.
Изъ-за синяго Дунайскаго моря
Налетѣла малая птица пѣвица.
Садилася птица пѣвица
Во зеленый да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому шатрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садилися птички рядомъ,
И въ одну сторону да головами,
И начали птицу пытати:
«Ай же ты, малая птица пѣвица!
И кто у насъ за моремъ большій,
Кто за Дунайскіемъ меньшій?»
—«На морѣ колпикъ-отъ—царикъ,
Бѣлая колпица—царица;
На морѣ гуси—бояра,
А лебедушки были княгини;
На морѣ рябчикъ—стряпчій;
На морѣ журавъ—перевощикъ:
Ножки бѣленьки, тоненьки,
Штаники синеньки, узеньки,
По морю ходитъ и бродитъ,
Штаничковъ не смочитъ,
Кажную птицу перевозитъ,
Тѣмъ свою голову кормитъ;
На морѣ дятелъ-отъ—плотникъ:
Кажное дерево пытаетъ,

Съ того ради сытъ пребываетъ;
А ластушки были дѣвицы,
Утушки—молодицы,
Чаюшки—водоплавны,
Гагары были рыболовки:
Много-то рыбы наловили,
Рыба на горѣ не бывала,
Крестьяне рыбы не ѣдали;
Все она крестьянъ разоряетъ,
Съ того ради сыта пребываетъ.
А синочка, она—худая,
Часто, милая, она хвораетъ,
Долго она не умираетъ,
Работы работать не умѣетъ,
Казаковъ нанимать не смыслитъ.
А ворона—богатая птица:
Въ лѣтнюю пору по суслонамъ,
А въ зимную пору по ометамъ,
Все она крестьянъ разоряетъ,
Съ того ради сыта пребываетъ.
А воробьи были царскіе холопы:
Колье-жердье подбираютъ
И загороды подпираютъ,
Все они крестьянъ разоряютъ,
Съ того ради сыты пребываютъ;
А голубь-етъ на морѣ—попикъ,
А голубушки—попадьюшки;
А сорока—кабацкая женка:
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Черные чоботы топтаетъ,
Высоко чоботы топтаетъ,
Удалыхъ молодцевъ прельщаетъ.
Пѣтушки—казачки были донскіе:
Имѣютъ по хозяйкѣ и по двѣ,
По цѣлому да по десятку,

И не такъ какъ на Руси крестьянинъ:
Одну-то онъ женку имѣетъ,
А той нарядить не умѣетъ,
А бить-то ей, бѣдный, не смѣетъ.
Курица—побѣдная птица:
По улицѣ ходитъ и бродитъ,
Кто вѣдь ей изымаетъ,
Всякъ яйца у ей пытаетъ...»

Олонецкая губернія. Гильфердингъ, № 280.—Сходная пѣсня: Гильфердингъ, № 261.

501.

Какъ во городѣ было во Казани,
Середи было торгу на базарѣ,
Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Ужъ какъ нѣтъ меня, хмѣлюшки, лучше.
Хмѣлевой моей головки—веселѣе!
Еще царь-государь меня знаетъ,
Князья и бояре почитаютъ,
Священники-попы благословляютъ;
Еще свадьбы безъ хмѣля не играютъ,
И крестины безъ хмѣля не бываютъ;
Еще гдѣ подерутся, побранятся,
Еще тутъ безъ хмѣля не мирятся.
Одинъ лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Онъ частешенько въ зеленый садъ гуляетъ,
Онъ глубокія борозды копаетъ,
Глубоко меня, хмѣлину, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычиночки втыкаетъ.
Застилаетъ мои глазоньки соломкой.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:

По тычинкамъ вверхъ подымался,
Я отростилъ свои ярыя шишки...
Но все лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Почастешеньку въ зеленый садъ гуляетъ;
Онъ и сталъ меня, хмѣлюшку, снимати,
И со малыми ребятами щипати,
Въ кулье, въ рогожи зашивати,
По торгамъ, по домамъ развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицемъ во котликахъ топити.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
Я изъ котлика вонъ подымался,
Не въ одномъ мужикѣ разыгрался,
Я бросалъ ихъ о тынъ головами,
А во скотскій пометъ бородами.»

Пѣсенникъ 1791 г., часть I, стр. 124.

502.

Не хмѣлюшка по полю гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Что и нѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
Что и нѣтъ, хмѣля, меня веселѣе...
Что безъ хмѣлюшки свадьбушку не играютъ,
Что журятся и бранятся все во хмѣлю,
И дерутся и мирятся все въ хмѣлю.
Только есть на меня мутенъ садовникъ:
Онъ широкія борозды копаетъ,
Далеко ль меня, хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычинушку вбиваетъ.
Да какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По тычинушкѣ вверхъ увивался,
Раскидалъ свои яровы шишки.

Красны дѣвушки хмѣлюшку щипали,
Во рогожные кули зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базаръ меня, хмѣля, вывозили.
Что богаты ль мужики покупали,
И во суслицѣ хмѣлюшку топили,
По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, разгулялся,
По уторамъ я, хмѣль, расходился.
Отсмѣю жъ я садовнику насмѣшку:
Я и сдѣлаю его сатаною,
Я ударю его въ тынъ головою,
Я и въ самую-то грязь бородою.»

Якушкинъ, стр. 601.

503.

Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Самъ себя хмѣль выхваляетъ:
«Нѣту меня, хмѣлюшка, лучше!
Нѣту меня, хмѣля, веселѣе!
Меня государь, хмѣля, знаетъ;
Князья и бояра почитаютъ,
Монахи, патріархи бласловляютъ;
Безъ хмѣлюшка свадебъ не играютъ;
А гдѣ бьются, гдѣ дерутся, всѣ во хмѣлѣ;
Безъ хмѣля не мирятся,—нимъ помирятся.
Только лихъ на меня мужикъ садовникъ:
Онъ почасту въ зеленый садъ гуляетъ,
И глубокія борозды копаетъ,
А навозомъ и соломой застилаетъ.
Тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По тычиночкѣ въ верхъ подавался,

Надъ богатымъ мужикомъ же насмѣялся:
Какъ ударилъ его въ тынъ головою,
Еще въ грязь широкой бородою!»

Олонецкая губернія. Рыбниковъ, ч. I, стр. 187.

СОКРАЩЕНІЯ

въ названіяхъ источниковъ.

Абрамычевъ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Записалъ съ народнаго напѣва и переложилъ на одинъ голосъ *И. Абрамычевъ*. Спб. 1879.

Альбрехтъ=Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матросскихъ пѣсенъ. Слова собралъ Н. Х. Вессель. Съ голоса на ноты положилъ *Е. К. Альбрехтъ*. Второе изданіе. Спб. 1886.

Балакиревъ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, составленный *М. Балакиревымъ*. Спб. 1891.

Будде=Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. *Е. Будде*. Варшава, 1892.

Варенцовъ=Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, составленный *В. Варенцовымъ*. Спб. 1862.

Весельчакъ на досугѣ=Весельчакъ на досугѣ, или собраніе новѣйшихъ пѣсенъ. Собралъ колл. р. *Ив. Ф. Л.* Двѣ части. М. 1797—1798.

Вильбоа=100 русскихъ пѣсенъ, записанныхъ съ народнаго напѣва и аранжированныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано *К. Вильбоа*. М. 1894.

Галлеръ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ С.-Петербургской губерніи. Составилъ *К. П. Галлеръ*. Спб. 1889.

Гильфердингъ=Онежскія былины, записанныя *Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Спб. 1873.

Гуляевъ=Этнографическіе очерки южной Сибири. *Степана Гуляева* (Библіотека для чтенія 1848 года, №№ 7 и 8, томъ XC).

Ефименко=Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные *П. С. Ефименкомъ* (Труды Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и географіи при Московскомъ университетѣ, книга V, выпускъ 2-ой, 1878 года).

Иваницкій=Повѣствовательныя пѣсни, собранныя въ Вологодскомъ уѣздѣ *Николаемъ Иваницкимъ* (Статистическій сборникъ, издаваемый Вологодскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, томъ III).

Кашинъ=Русскія народныя пѣсни, собранныя и изданныя для пѣнія и фортепіано *Дан. Кашинымъ*. Двѣ книги. М. 1833—1834.

Кирѣевскій=Пѣсни собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*. Девять выпусковъ. М. 1860—1874.

Костомаровъ и Мордовцева=Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи *А. Н. Мордовцевой* и *Н. И. Костомаровымъ* (Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемыя Н. Тихонравовымъ. Томъ IV, 1862 года).

Кохановская=«Нѣсколько русскихъ пѣсенъ» и «Остатки боярскихъ пѣсенъ», *Кохановской* (Русская Бесѣда 1860 года).

Лаговскій=Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерній, собранныя и положенныя на ноты *Ф. Лаговскимъ*. Выпускъ I. Череповецъ, 1877.

Лопатинъ и Прокунинъ=Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. *Н. М. Лопатина* и *В. П. Прокунина*. Въ двухъ частяхъ. М. 1889.

Магницкій=Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи. *В. Магнитскаго*. Казань, 1877.

Мельгуновъ=Русскія народныя пѣсни, непосредственно съ голосовъ народа записанныя и съ объясненіями изданныя *Ю. Н. Мельгуновымъ*. Выпускъ I. М. 1879. Выпускъ II. Спб. 1885.

Молодчикъ съ молодкою=Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками, поющими новыя пѣсни. Спб. 1790.

Мякушинъ=Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ. Собралъ и издалъ *Н. Г. Мякушинъ*. Спб. 1890.

Овчинниковъ=Русскія народныя пѣсни, записанныя въ г. Казани. Этнографическіе матеріалы, собранные *А. В. Овсянниковымъ*. Казань, 1886.

Пальчиковъ=Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, *Н. Пальчиковымъ*. Спб. 1888.

Поповъ=Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, *Василіемъ Поповымъ*. М. 1880.

Прачъ=Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку *Иваномъ Прачемъ*. Спб. 1790.

Прокунинъ=65 русскихъ народныхъ пѣсенъ для одного голоса съ фп., *П. Прокунина*. М. 1881.

Пѣсенникъ 1780 года=Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ. Шесть частей. М. 1780—1781.

Пѣсенникъ 1788 года=Собраніе разныхъ пѣсенъ. Четыре части. М. 1783—1788.

Пѣсенникъ 1791 года=Новый россійскій пѣсенникъ. Три части. Спб. 1791.

Пѣсенникъ 1796 года=Карманный пѣсенникъ. Три части. М. 1796.

Пѣсенникъ 1803 года=Собраніе отборныхъ старыхъ и новыхъ россійскихъ пѣсенъ. Спб. 1803.

Пѣсенникъ 1810 года=Новѣйшій и полный россійскій общенародный пѣсенникъ. М. 1810.

Пѣсенникъ 1811 года=Карманный пѣсенникъ для милыхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ. М. 1811.

Пѣсенникъ 1812 года=Новѣйшій россійскій пѣсенникъ. Спб. 1812.

Пѣсенникъ 1815 года=Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ. Спб. 1815.

Пѣсенникъ 1817 года=Новѣйшій россійскій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1817.

Пѣсенникъ 1819 года=Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ. Четыре части. Спб. 1819.

Пѣсенникъ 1821 года=Новѣйшій туалетный пѣсенникъ для милыхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ. Три части. Орелъ, 1821.

Пѣсенникъ 1827 года=Новѣйшій избранный пѣсенникъ. Двѣ части. М. 1827.

Пѣсенникъ 1829 года=Новѣйшее собраніе отборнѣйшихъ пѣсенъ и романсовъ. М. 1829.

Римскій-Корсаковъ=Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, составленный *П. А. Римскимъ-Корсаковымъ*. Двѣ части. Спб. 1877.

Россійская Эрата=Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ. Собралъ и сочинилъ *Михайла Поповъ*. Три части Спб. 1792.

Рыбниковъ=Пѣсни собранныя *П. Н. Рыбниковымъ*. Четыре части. М. 1861—Спб. 1867.

Савельевъ=Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Составилъ *А. Савельевъ*. Спб. 1866.

Семевскій (Торопецъ)=Торопецъ. 1016—1863 г. *М. И. Семевскаго* (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1864 года, книга 2-я).

Славянская=Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями. *О. Х. Агреневой-Славянской*. Три части. М. 1887, Тверь 1887, 1889.

Смирновъ=Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы *Александромъ Смирновымъ*. М. 1847.

Студитскій=Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній, собранныя *Ѳ. Студитскимъ*. Спб. 1841.—Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губерніи *Ф. Студитскимъ*. Спб. 1874.

Сухановъ=Древнія русскія стихотворенія, служащія въ дополненіе къ Киршѣ Данилову. Собранныя *М. Сухановымъ*. Спб. 1840.

Терещенко=Бытъ русскаго народа. Въ VII частяхъ. Спб. 1847—1848.

Филипповъ=40 народныхъ пѣсенъ, собранныхъ *Т. И. Филипповымъ* и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. М. 1882.

Халанскій=Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, *М. Халанскимъ* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1879—1883 годовъ).

Шейнъ=Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ*. Часть первая. М. 1870.

Шейнъ (Чтенія)=Русскія народныя пѣсни, собранныя *П. В. Шейномъ* (Чтенія въ московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1877 года, книга 3-я).

Шишонко=Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губерніи. Собралъ *В. Шишонко*. Пермь, 1882.

Якушкинъ=Сочиненія *П. И. Якушкина*. Спб. 1884.

Алфавитный списокъ пѣсенъ.

*

Указатель пѣсенныхъ сюжетовъ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Указатель собственныхъ именъ въ текстѣ пѣсенъ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Словарь мѣстныхъ словъ.

Цифры означаютъ №№ пѣсенъ.

Алляной 456—льняной.

Байна, баенка—баня.
Бажоный 497, 499—милый.
Баской—красивый.
Басонская работа 439—по изготовленію басона, тесьмы.
Басонщикъ 439—работающій басонъ.
Безвремянный 283—насчастный.
Безкромѣшный 499—не имѣющій угла.
Безкрылечный 460—безкрылый.
Бережистая рѣка 106—съ высокими берегами.
(въ) **беремяхъ** 499—въ охапкѣ, въ объятіяхъ.
Бесѣда 308—скамейка.
Божатушка 299—крестная мать.
Буевка 82—кладбище.
Бусѣть 379—темнѣть, чернѣть.
Бѣдность 418, 490—несчастье.
Бѣлотравчатая рубашка 65—съ бѣлымъ узоромъ.

Варайдать 497—тявкать.
Велеи 3—тавлеи, шашки.
Верва, вервь, вервица 449, 450, 453—сапожная дратва.
Вервяный 243—пеньковый, веревочный.
Верещага 498—болтунъ, трещотка.
Веселый 497—скоморохъ.
Ветловой 246—сдѣланный изъ ветлы.
Ветляный стружокъ 308—сдѣланый изъ дерева ветлы.
Взъѣсться 75—разсердиться.
Виноходый, виноходный конь 26, 354, 355—иноходецъ.
Водоливецъ 496—старшій надъ бурлаками въ баркѣ.
Возбоченый конь 98—много битый по бокамъ.
Волжанка избушка 325—изъ дерева таволги.
Врѣзвить 183—ввернуть, вбросить.
Встрѣнуться 117—спохватиться.
Въ-очью 12—открыто, въ глаза.
Вытлюкъ 498—птица въ родѣ кулика.
Выходъ 71, 78—подвалъ.
Вьюнчикъ 1—мальчикъ.
Вьюнышъ 3—мальчикъ.
Вѣщевать 428—предчувствовать.

Голевая парча 88—чистаго золота.
Гора 500—суша.
Горкать 471—ворковать.
Грибы у рубашки 324—кружева.
Грядка, грядочка 1, 2, 3, 90, 96—шестъ приклѣпленный къ стѣнамъ избы для вѣшанья платья и т. п.
Грядочка 29—перекладина.

Долить 317—одолѣвать.
Дородній молодецъ—видный, красивый.

Паступчивый конь—280, наступчатый 282—съ твердой поступью.
Повина 428—грубый холстъ.
Подья 182—мѣсто въ лѣсу съ огонькомъ для ночевки.

Оборка 244—веревка у лаптей.
Обротать 328—надѣть недоуздокъ.
Огнева 441—горячка.
Одинакій 185—одинокій, единственный.
Ожуреная чара 438—поданная съ оскорбленіемъ.
Окручать 398—обвѣнчать.
Осполошиться 432—испугаться.
Охвочъ 1—охочъ.
Охичать 498—прибирать, очищать.
Очестливый 25—вѣжливый.
Ошестокъ 498—шестокъ.

Пашица, пашница 180, 185, 188—бѣдняга.
Пельчатый рукавъ 298—съ запонкою, съ пуговицею.
Переводъ 30—перекладина.
Переметъ 477—петля.
Переное крыльцо 5—съ балясами.
Перепасться 61, 183—испугаться.
Пещорый лѣсъ 221—съ пещерами.
Питная ендова 160—для питья.
Побѣдный голосъ 498—печальный; — ая птица 498, 500—несчастная.
Побѣдушка 103—бѣда.
Погладиться 3—понѣжиться.
Погощанинъ, погощанка 498—живущій на погостѣ, принадлежащій къ церковному причту.
Подоболочье 439—подъ облаками.
Подорожничекъ 138—стаканъ для дороги.
Покляпый 172—крючковатый, пригнутый къ низу.
Полиститься 3—поласкаться.
Полохаться 369—пугаться.
Полтретьяста 330, 332, 334, 474—двѣсти пятьдесятъ.
Поразбракаться 5—разболтаться.
Поршень 498—кожаный лапоть.
По порядкамъ 330, 331, 334, 336—рядамъ.
Порядня 497—хозяйство.
Порядовый сосѣдъ 186—почтенный.
Потерять—погубить.
Потравить 493—ѣсть.
Потребить 179, 180, 185, 378—убить.
Почестный пиръ 438—почетный.
Прибѣгище 326—пристань.
Пригонъ 398—загонъ для скота.
Призагнуться 121—успокоиться, затихнуть.
Приличное слово 438—вѣжливое.
Прискудаться 341—захворать.
Прочкнуться 321—очнуться, проснуться.
Протаможникъ 497—таможенный чиновникъ.
Пукля соломенная 173—букля, завитокъ.
Пяла 76—пяльцы.

Ражая кровь 380—свѣжая.
Разсычать 140—подслащать.
Рель, рели, рельи—висѣлица.
Ремезъ, ремезей 416—птица въ родѣ синицы.
Рогозина 441—рогожа.
Рогозинный тулупъ 438—изъ рогожи.
Розстань 1—распутье.
Руда 29, 41, 417—кровь.

Свилеватое дерево 377—съ перевитыми слоями.
Се 64—вотъ.
Сжахнуться 35—испугаться.
Смеретка 7—смерть.
Становщикъ 212—разбойникъ.
Старочка 302—старица, монахиня.
Столочить 308—вытоптать.
Стопочка 251—деревянный гвоздь въ стѣнѣ.
Стрѣлица 176—стрѣлка, стрѣла.
Стрѣнуться 116—спохватиться.
Суслонъ 500—сложенные снопы.
Суюзъ 440—дружба.

Табуръ 398—узелъ, петля.
Тавлеи 325—шашки.
Танокъ 279—танецъ.
Терять 89—губить.
Торжинка 475—базаръ, рынокъ.
Точмяный 280—тесьмяный, изъ тесьмы.

Травникъ 197. 498—птица въ родѣ кулика.
Трубачеи 196—трубачъ.
Тупица 142—топоръ особаго рода.
Турыжная баба 139—распутная.

Увыймать 215—унимать.
Угожество 231—красота.
Узголовье 164—возголовье, изголовье.
Упавъ молодецъ 438—красавецъ.
Урочное мѣсто 492. 494—условленное.
Устрѣнуть 272—встрѣтить.
Уторъ 502—нарѣзка въ деревянной посудѣ для вставки дна.

Хвасты 10—вздоръ, ложь.
Хмара 371—туча.
Холостой потребъ 126—пустой.

Цѣвка 245—катушка, на которую наматывается что нибудь.

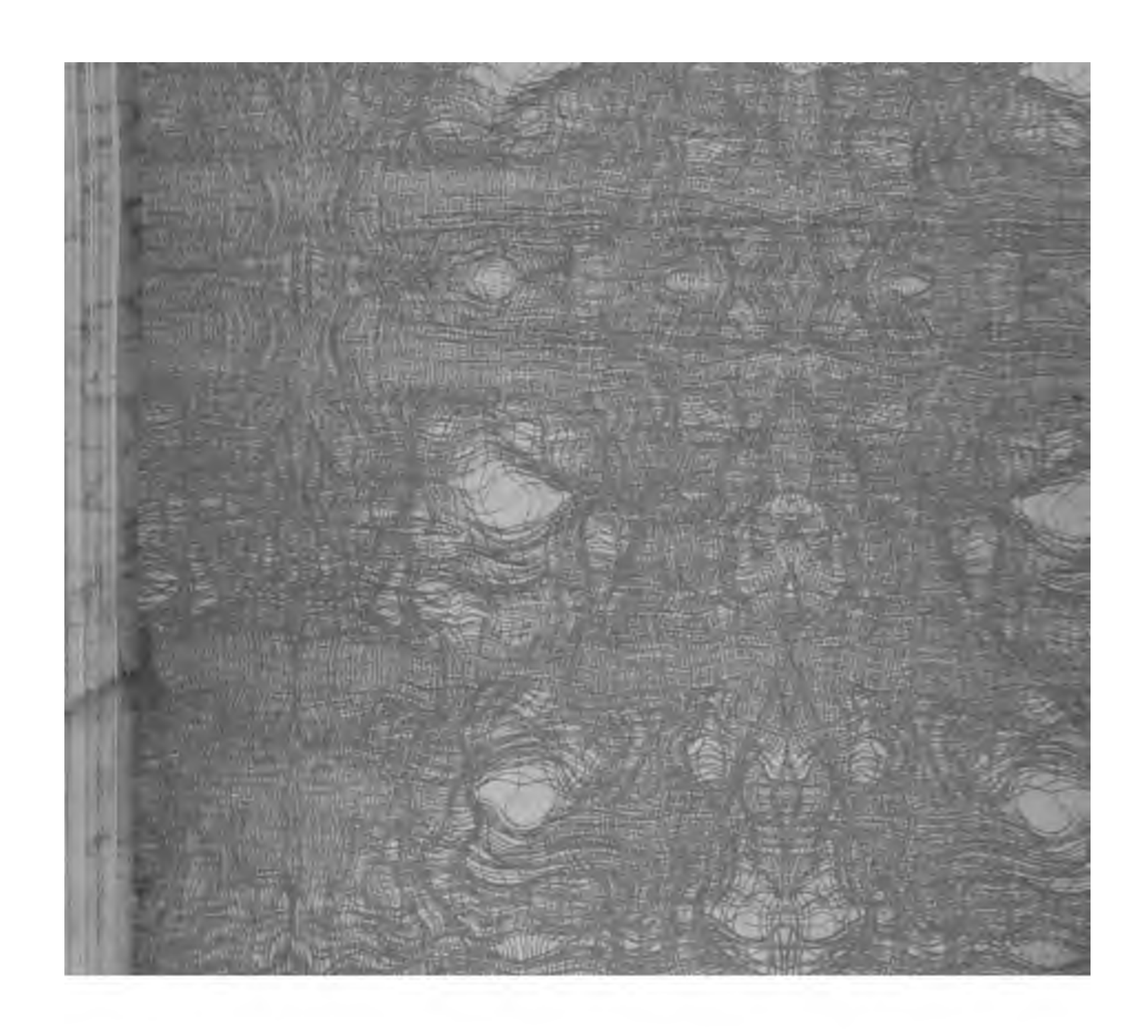
Мнѣ чало 298—мнѣ чаялось, думалось.
Часовать 124—умирать, быть при смерти.
Чердакъ 308—каюта на суднѣ.
Чумбуръ 385—поводъ.

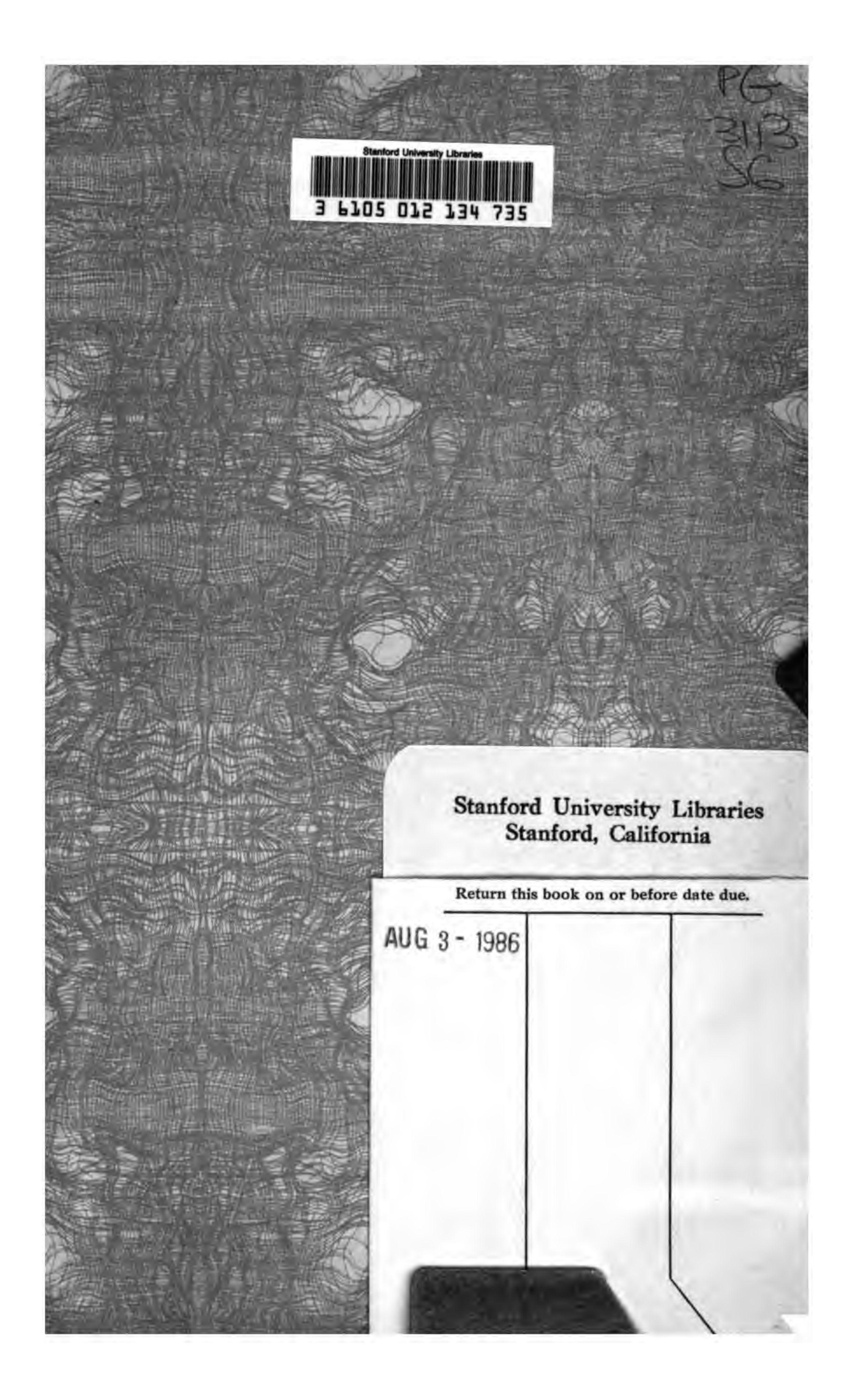
Шаберъ 98—сосѣдъ.
Шипдвная телѣжка 345—съ шипами на колесахъ.

Щекотать 498—пѣть.

Ягодица 439—щека:
Яровина 164—яровой хлѣбъ.
Яровое вино 88—изъ яроваго хлѣба.
Ярыга 356—бродяга, мошенникъ.
Ярыжная баба 438—безпутная.
Ясакъ 497—условный крикъ.
Ясменъ соколъ—ясный.

416:72




Stanford University Libraries
3 6105 012 134 735
PG
3113
S6
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
AUG 3 - 1986

